

84 (5203)

№ 40

ДЖАМБУЛ

Учил меня Ленин бороться и жить, —
Я буду, как Ленин, народу служить,
Как Сталин, — и песни и жизнь свою,
Народ мой великий, тебе отдаю.

Джамбул

Ж А М Б Ы Л
Ж А Б А Е В

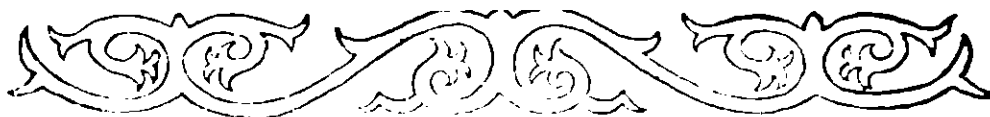
ШЫҒАРМАЛАРЫНЫҢ
ЖЫЙНАҒЫ

Қазақтың Біріккен Мемлекет Баспасы
Алматы — 1946

К

Б
А-40

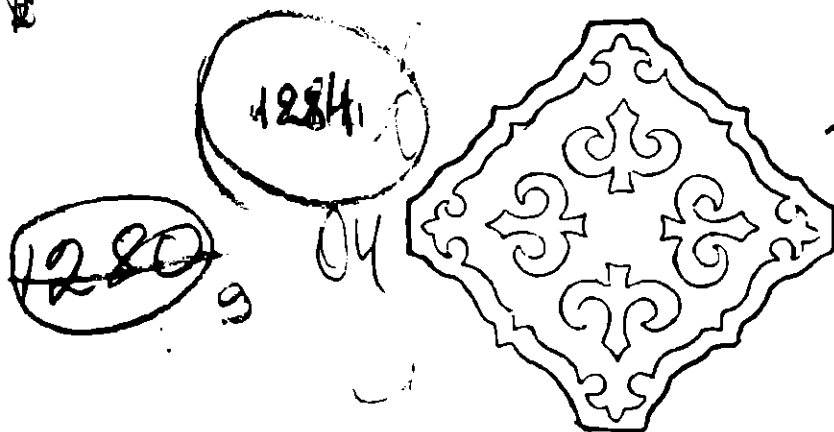

ЖЗ

Д Ж А М Б У Л Д Ж А Б А Е В

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

2184 экз 1951

5

Казахское Объединенное Государственное Издательство
Алма Ата—1946

Редакционная коллегия:

*П. Кузнецов, Г. Мусрепов,
Г. Орманов, М. И. Ритман-
Фетисов (редактор),
А. Тажибаев.*

Дмитрий Иванович
(1810-1880)
Спортивный клуб М. 1900

ДЖАМБУЛ В ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В дореволюционном Казахстане судьба акына-свободолюбца Джамбула Джабаева с роковой неизбежностью складывалась трагически. Страстный поборник попираемой правды, мужественный обличитель угнетателей казахского народа, Джамбул испытал горькую чашу поэта, смело вступившего в неравное единоборство с ненавистным социальным строем. Бесконечные скитания по степи, лишения и гонения, ограничение общения с массами только личными устными выступлениями, изоляция от мира всечеловеческой культуры, — такими чертами отмечена жизнь Джамбула на протяжении более семидесяти лет.

Но незаурядное поэтическое дарование акына развивалось на почве многовекового опыта народного творчества. Только поэтому он мог полстолетия не выпускать домбры из рук и успешно импровизировать произведения, в которых гневные обличения баев, волостных управителей, продажных биев, корыстолюбивых мулл, царских приспешников воссоединялись с оптимистическими мотивами батырской доблести, вольнолюбия, вдохновенной мечты о Жиделе Байсын, сказочной стране всеобщего счастья. Только поэтому у него очень рано, еще в 60 — 70-е годы прошлого столетия, выработался язык, понятный для неграмотных тружеников кочевых аулов.

Джамбул, каким предстал он в советские годы, остался

бы во многом удивительной загадкой, феноменальным явлением литературной современности, если бы не удалось по восстановленным и записанным дореволюционным произведениям представить его предшествующий творческий путь. Так же, как нельзя строить историю советской литературы и рассматривать творчество плеяды современных мастеров социалистического реализма без обстоятельного изучения их связей с замечательными традициями русского классического искусства XIX века, невозможно и ошибочно видеть Джамбула-поэта лишь после его ярких выступлений в республиканской и центральной печати в 1936 году. В личности, в судьбе ровесника столетия с неповторимым своеобразием представлен процесс, обычно наполняющий содержанием жизнь и деятельность людей двух поколений.

Первое оригинальное произведение Джамбула — песня «Жалоба» приблизительно датируется 1862 годом. Она родилась под воздействием юношеского стихийного протеста против невежественного мусульманского начетчика, муллы, наивно полагавшего, что вся премудрость мира заключена в малопонятных поучениях корана и что премудрость эта не поддается усвоению без побоев, без принуждения к бессмысленной зубрежке схоластических текстов на чуждом арабском языке. Стихийное начало «Жалобы» не остается неизменным и постепенно, по мере расширения социального опыта, накопления нерадостных впечатлений от народного бытия и обогащения поэтического мастерства, все более и более перерастает в осознанное критическое отношение к основам окружающей жизни. Уже в 1881 году в знаменитом айтысе, поэтическом состязании, с видным акыном Кулмамбетом Джамбул решительно восстает против дурного обычая, predetermined условиями феодально-родовых отношений, — славить вершителей судеб того или иного рода и утверждает демократическую позицию защиты народных интересов:

Ва! Прислушайся, Кулмамбет.
В баях твоих смысла нет,
Даром ты тратишь столько слов
На дураков и на ослов.
Дрязги, сплетни и клевета, —

Вот чем ваша знать замята.
Тель на народ баи иладут,
Будешь и ты в этой тени.
Баям вовек не буду сродни.

2. Сродни Джамбул оказывается народу. С ним он вместе страдал и шел по степным кочевьям, от него чутким сердцем улавливал затаенные мысли и чувства, о нем неизменно пел в правдивых, как слово народной мудрости, устных импровизациях. И пел так, что в простых поэтических строчках слышатся знакомые нам ноты демократической поэзии некрасовской школы:

Славен не золотом мой Кастек:
Слава его — живой человек,
Слава его — батыры-друзья,
Мощные, как весенний поток.
Спрячешь ли мощь такую в мешок?
Не загрести лопатами ее,
Не обрести и захватом ее.*

3. Через двадцать лет после этого айтыса, увенчавшего Джамбула высоким народным призванием и любовью, он мог с неоспоримым правом подвести известные итоги сорокалетней деятельности. Возникло одно из лучших стихотворений казахского поэта «Завещание» (1901 г.), которое невольно, пусть и в очень отдаленном плане, ассоциируется не только с подобными произведениями классика казахской литературы Абая Кунанбаева, но и с развитым в русской литературе стремлением поэтов к обобщенному выражению своего эстетического и общественного кредо. Джамбул определяет в «Завещании» гуманистический идеал жизни и творчества, идеал беззаветного служения народу, воплощает мораль бескорыстного подвига во имя светлого будущего, т. е. в конечном счете то, что всегда составляло живую душу многовекового народного творчества и что предопределило через два десятилетия прекрасное начало творческого возрождения поэта уже как певца советской эпохи. Цитируемые ниже строки «Завещания» можно было бы поставить эпиграфом к собранию сочинений Джамбула:

*) Айтыс Джамбула с Кулмамбетом. Перевод М. Тарловского.

Чистым сердцем, приятель, дыши!
В добром деле ты счастье найдешь, —
Славных подвигов не совершив,
Что из жизни с собой унесешь?
Все сокровища мира собрав,
Не найдешь ты в богатстве добра.
Светлой памятью вечной, святой,
Будет жить и снять над тобой
Лишь добро, что ты миру несешь!*

Талант Джамбула складывался и развивался в пределах устно-поэтического народного творчества. Отсюда происходят те качества и особенности его художественно-словесного искусства, которые в основных чертах остались неизменными и в советский период: умение выбрать животрепещущие темы, образно воплотить их, четкость, простота и выразительность формы, использование привычных для национальной среды понятий, сравнений, почерпнутых из мира повседневных социальных представлений, афористичность языка.

Этим, однако, не ограничивается характер отношений Джамбула с народным творчеством. В противном случае он не выделялся бы среди многих других акынов своего времени. Джамбул новаторски прививал принципы критического реализма в казахской народной поэзии. Он своевременно сердцем поэта понял, что в обстановке ломки патриархальных устоев, усиленного классового расслоения в казахских аулах и мучительного рождения новых отношений в степи нельзя петь по-старому. И не только понял, но и не менее своевременно нашел язык импровизаций, зазвучавший в униссон со временем. Поэтому ему удалось занять авангардное положение по отношению к своему поработанному народу и сыграть прогрессивную роль певца, умевшего правильно оценивать настоящее и интуитивно предчувствовать ближайшее будущее. Недаром же акын-мулла Джалаир Досмагамбет при встрече с Джамбулом на айтысе в 1902 году попрекал его тем, что он в казахской степи подобен беспокойному предвестнику бури.

*) Джамбул. Завещание. Перевод П. Кузнецова.

Все это коренным образом отличало Джамбула даже от таких талантливых акынов, как Шортамбай, оформивший в казахской литературе течение под названием «Зарзаман» (эпоха скорби)*. Шортамбай также видел тяжкие бедствия и страдания казахов, печалился о них, но не мог, как Джамбул, подняться до правильного самоопределения своей роли по отношению к неприемлемой и критикуемой действительности. Джамбул не искал спасения в возврате к прошлым временам, идеализированным многими акынами, но, даже не имея ясного представления о законах исторического развития, неизменно верил, что могучая сила народа в конце концов найдет свободный и нормальный путь для своего проявления. Здесь и надо искать предпосылки того, что семидесятилетний старец одним из первых в Казахстане приветствовал победу и установление советской власти. ✓

Поразительное мастерство, с каким Джамбул создавал песни и толгау о новой советской действительности, также уходит своими истоками в предреволюционные десятилетия его кипучей творческой жизни поэта-демократа. В айтысах определилось и закалилось умение не только бичевать все ненавистное и мерзкое, что олицетворяли в себе ожиревшие баи, но и вдохновенно вырисовывать светлые образы благородных батыров. Испытанные приемы прославления героев народа, противопоставлявшихся в айтысах баям, конечно, изменились, обновились при обращении к новому материалу советской эпохи, поскольку герои нашего времени несомненно превосходили своим величием и Суранши, и Саурыка, — всех, кому посвящалось вдохновение акына в прошлом. Но без накопленного полувекового опыта не могло быть той силы и красоты слова, которая обращает на себя внимание и изумляет при чтении джамбуловских произведений советского периода.

Манера эпического повествования, искусство социального портрета, мягкая лиричность, остроумные эпиграммы, хлесткая сатира, колкий юмор, отчужденное отношение к формалистическим изощрениям и метафорическому украшатель-

* Антология казахской литературы. «Песни степей». Гослитиздат. М., 1940, стр. 266 — 269.

ству текста, искренность тона в любой импровизации, быстрый, как эхо, отклик на все явления и события жизни, прозрачность образной характеристики, — все, чем очаровывают творения акына-импровизатора, пришло не сразу. В упорном труде, в длительном практическом обучении созревало высокое мастерство Джамбула. На порог советской эпохи он вступил не жалким скитальцем, жаждущим отдыха и опеки, а зрелым мастером, готовым, как и миллионы советских труженников, весь приобретенный нелегким путем опыт отдать строительству нового мира и честно послужить дарованием певца освобожденному народу.

К моменту социалистической революции почти три четверти века непосильным грузом легли на плечи народного акына. Пленником в тюрьме народов, какой была Россия под властью самодержавной монархии, чувствовал себя не один казахский певец. Приглушенно звучал его голос. Связанные крылья поэтического вдохновения не позволяли взлететь в поднебесье, скрытое беспросветным туманом. В «Гимне Октябрю» повествуется о преждевременном творческом угасании измученного, но не побежденного батыра казахского искусства слова:

Помню я горькие дни в пустырях...
Не было теплой зари Октября...
Ханы разбили домбру на куски,
Высохла пещия, как русло реки,
Я, как цветок без дождя, без воды,
Рос на распутии последней орды.
Я, как олень, потерявший следы,
Выхода сердцем искал из бед.*

Но Джамбул обладал неиссякаемым даром поэзии, ждавшим только благотворных солнечных лучей, чтобы расцвести ярким песенным цветением.

2

Есть поэты, способные, как устанавливал В. Г. Белинский, за всю жизнь создать лишь одно произведение и за-

*) Джабул. Сб. «Суранши-батыр». Казахское из-во худож. литер., Алма-Ата, 1940, стр. 110.

тем сникнуть от тяжести «совершенного подвига». И существуют поэты, у которых «дар поэзии есть нечто положительное, нечто составляющее нераздельную часть их бытия».* Джамбул и явился поэтом последнего типа. Смысл жизни заключался для него в поэзии, а смысл поэзии — в живом содержании народной жизни.

В результате возрождения родного народа в советскую эпоху поэт обрел вторую юность, необыкновенный по размаху творческий подъем. «Вокруг меня, — говорил Джамбул, — закипела жизнь, о которой я пел в лучших песнях, как о сне золотом. Жизнь начинается для меня снова. Я совершенно переродился и начал петь, как двадцатилетний юноша».**

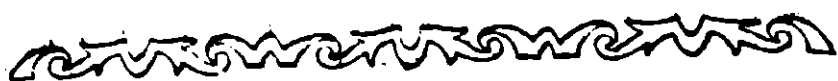
В исторические дни, когда в обстановке триумфального шествия советской власти от города Ленина до восточных границ закладывались основы многонациональной советской литературы, были вырваны из забвения и вековые источники народного творчества. Лишенные в прошлом заботы, создатели фольклора получили не только общественное признание, но и далеко идущее по своим последствиям творческое равноправие. Тогда же В. И. Ленин сказал: «Это — доподлинное народное творчество, такое нужное и важное для изучения народной психологии в наши дни»***

База для развития литературы несомненно расширилась: традиции классического искусства сочетались с героическим опытом борьбы и труда народа, достижения письменной художественной культуры с устно-поэтическим мастерством. Таким образом, были заложены основы для наступавшего расцвета социалистической культуры. Наконец, крылья вдохновения Джамбула, как и многих, подобных ему певцов, освободились от пут. Джамбул, поющий уже в первые годы советской власти песни о величии революции, — выразительный символ нового качества народности советской литературы. И картина духовной жизни советского народа в

*) В. Г. Беллинский. О русской повести и повестях Гоголя. Изд. т-ва М. О. Вольф, стр. 147.

**) Джамбул. Мое счастье. Газ. «Казахстанская правда» от 20 мая 1938 г.

***) В. Бонч-Бруевич. Ленин о поэзии. Цитир. по хрестоматии проф. Н. П. Андреева «Русский фольклор». Учпедгиз. М. — Л., 1938, стр. 22.

первые годы революционной эпохи осталась бы неполной, если бы к гремевшим тогда голосам Маяковского, Демьяна Бедного, Лебедева-Кумача, Асеева, Багрицкого и других поэтов законно не присоединить взволнованных голосов народных певцов типа Джамбула.

С ростом нашей литературы, обусловленным общим развитием страны, неизменно расширились все более благоприятные условия для народного творчества. Особенно значительные изменения в историко-литературном процессе произошли в тридцатые годы, которые отразились на общем резком повышении роли Джамбула в истории советской литературы.

В программном докладе на I съезде советских писателей (1934 г.) М. Горький истолковал и развил одно из основных положений литературной политики партии Ленина — Сталина, утвержденное еще в 1925 году в решении ЦК РКП (б) «О политике партии в области художественной литературы». М. Горький говорил: «...Я считаю необходимым указать, что советская литература не является только литературой русского языка, это — всесоюзная литература. Так как литературы братских нам республик, отличаясь от нас только языком, живут и работают при свете и под благотворным влиянием той же идеи, объединяющей весь раздробленный капитализмом мир трудящихся, — ясно, что мы не имеем права игнорировать литературное творчество национальностей только потому, что нас больше. Если у нас в прошлом — гигант Пушкин, отсюда еще не значат, что армяне, грузины, татары, украинцы и прочие племена не способны дать величайших мастеров литературы, музыки, живописи и зодчества».*

Изумительным подтверждением горьковской мысли о том, что процесс возрождения народов нашей страны «выявляет скрытые в 170-миллионной массе способности и таланты», явилось выступление на всесоюзной трибуне съезда писателей дагестанского ашуга Сулеймана Стальского. С этого момента, собственно, и открывается для подобных ему на-

* М. Горький. Сб. О литературе. Гослитиздат, М., 1935, стр. 385.

родных талантов путь к всесоюзному признанию. М. Горький прозорливо предвидел этот закономерный процесс и, непосредственно обращаясь в заключительной речи на съезде к представителям национальностей Кавказа и Средней Азии, требовал: «На меня, и — я знаю ^{то} не только на меня, произвел потрясающее впечатление ашуг Сулейман Стальский. Я видел, как этот старец, безграмотный, но мудрый, сидя в президиуме, шептал; создавая свои стихи, затем он, Гомер XX века, изумительно прочел их. Берегите людей, способных создавать такие жемчужины поэзии, какие создает Сулейман. Повторяю: начало искусства слова — в фольклоре. Собирайте ваш фольклор, учитесь на нем, обрабатывайте его»*.

Выступление М. Горького, авторитетного главы и учителя советской литературы, явилось не только выражением его личного постоянного внимания к развитию культуры братских народов, но и своевременным обобщением явлений действительности. Так, в Казахстане практическое осуществление постановления ЦК ВКП (б) от 23 апреля 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций» положило конец беспринципной групповщине, отрыву профессиональных писателей от народной жизни и неизмеримо расширило базу массового литературного движения. Большая работа на основе этого постановления завершилась в мае 1934 года Республиканским слетом мастеров народного творчества и затем проведением первого съезда писателей и народных акынов Казахстана. На съезде в члены литературной организации были приняты Джамбул. Кенен Азербает и другие мастера устных импровизаций.

В январе 1936 года обнародованы замечания товарищей Сталина, Кирова и Жданова на конспекты учебников по истории СССР и новой истории. В замечаниях подвергается критике конспект одной из групп, которая «составила конспект русской истории, а не истории СССР, т. е. истории Руси, но без истории народов, которые вошли в состав СССР»**

* М. Горький. Сб. О литературе. Гослитиздат, М., 1935, стр. 400 — 401.

** Газ. «Правда» от 27 января 1936 года.

Руководящие указания товарища Сталина предопределили пути, характер и формы массового литературного движения. В нем, этом движении, благотворно сказалось развитие советского демократизма, обеспечившего необычайно высокую политическую активность народа в годы обсуждения и принятия Сталинской Конституции. Показательно, что именно в этот исторический момент творчество Джамбула приобрело особенную продуктивность.

Предвоенное пятилетие ознаменовалось в литературной жизни страны тем, что скрытые или фальсифицированные раньше буржуазными националистами жемчужины поэтического искусства стали всенародным достоянием и обогатили арсенал социалистической культуры. Чествование памяти Пушкина, Шевченко, Руставели, Ахундова, Низами, Навои, Хетагурова, Шолом-Алейхема неизменно превращалось во всесоюзный праздник культуры. Широкую популярность получили бессмертные создания многонационального эпического творчества: «Давид Сасунский», «Алпамыш», «Кер-Оглы», «Манас», «Кобланды», произведения народных певцов, поэтов, сказителей: Марфы Крюковой, Феклы Беззубовой, Токтогула Сатылганова, Сулеймана Стальского, Джамбула и многих других.

Колоссально возросла переводческая работа. Великий русский язык стал мощным средством в беспрецедентном по социальным масштабам и по творческим результатам развитии литературного процесса Советского Союза. Искренне восторженное преклонение Стальского перед русским языком, позволившем ему стать всесоюзным поэтом, выражает благородные чувства и Джамбула, и всех певцов братских народов. Ведь только русские переводы, распространенные в многочисленных периодических и повременных изданиях, сделали голос Джамбула слышимым не только в Москве, в Казани, Минске, Тбилиси и Якутии, но и далеко за рубежами нашей страны. Да, Джамбул мог бы повторить благодарственные слова Сулеймана:

«О, великий русский язык! Стою перед тобою на коленях. Усынови и благослови меня, но не как приبلудного, а как найденного сына. Радуюсь, торжествую и люблю... Родившись немощным и принадлежа к самому маленькому

затерянному в горах племени (я говорю отсюда, с Кавказа!), я обрел тебя и ныне я не сирота. О, как могуча, как светла и задумчива твоя стихия... Без тебя нет и не было у нас будущего, с тобой мы всемогущи»*.

3

7 мая 1936 года — знаменательная дата в творческой жизни Джамбула. На страницах «Правды» появилось его замечательное толгау «Моя Родина» в талантливом переводе Павла Кузнецова. Участие в Московской декаде казахского искусства и выступление на страницах центрального органа большевистской партии доставляет Джамбулу все-союзную известность. Советская литература обрела поэта, полномочно представившего вековые поэтические традиции казахского народа и обратившего мастерство импровизатора на разработку главнейших тем современности.

Таким образом произошло возможное только в советских условиях сочетание устной поэзии одного из равноправных народов с литературой мирового значения. Творчество Джамбула вливалось в широкое русло советской литературы не как кратковременное экзотическое явление, а как активно действующий фактор. Символизируя собою возрождение целого народа, Джамбул привнес в литературу не только ценности историко-литературного характера, но и познавательно значительные образы, социально воспитывающие реалистические произведения, животрепещущие идеи и темы.

Беспримерный в мировой литературе расцвет дарования девяностолетнего старца не только сам по себе изумителен, но и — это главное — вполне закономерен, если рассматривать Джамбула в связи с историей советской литературы. В. И. Ленин в гениальном предвидении (1905 г.) основных качеств искусства будущего социалистического общества утверждал, что «...это будет свободная литература, потому что не корысть и не карьера, а идеи социализма и социа-

* Цитир. по книге Эффенди Каппева «Поэт». Ставропольское краевое из-во, 1944, стр. 164.

стве трудящимся будут вербовать новые и новые силы в ее ряды». * Свобода творчества, т. е. возможность беспрепятственного восприятия правды жизни и слияния с нею правды искусства, свобода говорить от имени народа и черпать вдохновение в передовых идеях человечества окрылила Джамбула, как и всех современных мастеров художественной культуры. Это и позволило писателю-академику М. А. Шолохову утверждать через три года после первого выступления Джамбула на всесоюзной трибуне:

«... Одним из самых больших достижений, по моему мнению, являются не отдельные наши успехи, а то, что и в литературе ярко цветет торжество ленинско-сталинской национальной политики».

Творчество поэтов и писателей братских национальных республик, прежде мало известное русскому народу, стало теперь общенародным. Свежие голоса национальных писателей слились с голосом русской литературы, обогатили ее и сделали подлинно интернациональной.

Кого из нас не восхищали эпические, мужественные в своей простоте песни Джамбула? Кого не прельщала пленительная сладость стихов грузинских поэтов? Кто оставался равнодушным, читая узорные, певучие строки Сулеймана Стальского? Даже утратив при переводе частицу своей первобытной прелести, слова этих писателей находили прямую дорогу к нашим сердцам.

Но, читая, все мы мысленно благодарили не только авторов, но и того, кто дал нам возможность приобщиться к живому роднику богатейшей многонациональной поэзии, — все мы благодарили Сталина». **

Сталинская забота о народном творчестве, органически включенном в общий литературный процесс, ближайшим образом сказалась в двух практических результатах, как это можно судить по Джамбулу. Его песни оказались жизненно необходимыми для удовлетворения массовых духовных запросов, украсили своим поэтическим своеобразием рас-

* В. И. Ленин. Партийная организация и партийная литература, соч., т. VIII, стр. 399.

** М. А. Шолохов. Речь на XVIII съезде ВКП(б). Стенографический отчет съезда, Гос. из-во полит. литературы, М., 1939, стр. 475.

цветающую советскую литературу. [✓] В свою очередь сознание ответственности петь перед всей страной, стремление выразить общенародные мысли и чувства, понимание необходимости полноценного звучания на всех языках казахских песен («на всех языках мои песни звенят, хоть я, их слагая, пою по-казахски») неизмеримо расширяли идейный кругозор Джамбула и обогащали содержание его всегда реалистических в своей основе импровизаций. Характерно самопризнание акына:

Я в старости признал все тайны вселенной,
Красу ее, прелесть и смысл сокровенный,
И выси хребтов, и просторы степей,
И недра земли, и глубины морей.
Мы были слепыми, но зрячими стали,
Глаза нам открыл на вселенную Сталин.*

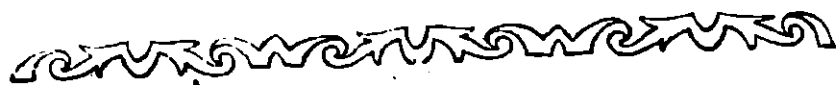
Гигантский скачок казахского народа из мира феодально-родовых отношений, минуя стадию капиталистического развития, в мир социалистического общественного устройства непосредственно отразился в чутком сознании поэта, в его психологическом отношении к новой жизни. В речи по радио в связи с празднованием XX-летия Казахской ССР в 1940 году Джамбул выразил это в образном признании:

«Я сравню себя со столетним тополем. Корни мои — родной народ, ветви мои — песни, листья мои — молодые сыновья и дочери. Я рос в голодных степях. Пески были безводны. Ханы, баи, муллы и алаши (т. е. буржуазные националисты — М. Р.) рубили мои корни. Тучи скрывали от меня солнце. Мои молодые листья срывали злые вьюги.

...Грозой прошел по земле Октябрь. Ленин и ~~Сталин~~ открыл[✓] родники жизни. Вдоволь насытили корни мои. Ленин и ~~Сталин~~ разогнал[✓] тучи и открыл[✓] мне солнце. Ветви мои распрямились. Листья мои зацвели в золотистых лучах. Стали крепкими мои листья. Я, тополь столетний, пою о найденном солнце, о счастье народа, о своих молодых сыновьях и дочерях».

В солнечном свете революционных преобразований Джамбул смог увидеть и понять то, что раньше ограничивалось

* Джамбул. Песни и поэмы. Гослитиздат, М., 1938, стр. 68.

узкими рамками кочевого аула. Его сознание теперь охватывало действительность в масштабах всего Советского Союза. Всесоюзные темы реконструировали процесс джамбуловского творчества. Народный акын, сливая свой обновленный голос с многоязычным хором советской литературы, сознавал и гордился, что его мысли, чувства, оформленные в песнях, находят отклик во всех уголках единой Родины-матери. Под незабываемыми впечатлениями первой поездки в Москву в 1936 году и выдающегося успеха выступлений участников первой декады казахского искусства в столице СССР это сознание продиктовало строки:

Старый Джамбул с домброю в руке,
Почувя, что юность кипит в старике,
Запел о великом большевике
На родном своем языке.

И все в Москве понимали его,
Как близкого родича своего.
Слушали песню с весельем в глазах
Русский, грузин и казах.*

В личности Джамбула только наиболее ярко персонифицировалось то, что характеризует социальное положение миллионов советских людей. Советская демократия, как указывал В. И. Ленин, поднимает и воспитывает для сознательного участия в строительстве общественной жизни огромную массу трудящихся, «...до сих пор стоявшую совершенно вне политической жизни, вне истории».** В неуклонном подъеме на этой основе национальных культур, в большевистской заботе о выявлении и воспитании национальных талантов, растущей дружбе братских народов «...мы видим всепобеждающую силу советской демократии, ее великое значение для действительно прогрессивного развития народов»***

Плодотворную решающую роль в том, что так обо-

* Джамбул. Песня народу. Сб. «Песни и поэмы», стр. 49.

** В. И. Ленин. Удержат ли большевики государственную власть? Соч., т. XXI, стр. 258.

*** В. М. Молотов. 28-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Спутник агитатора № 21, 1945, стр. 16.

гатилося сознание и вдохновение Джамбула, сыграли те разительные изменения, которые на глазах поэта произошли в его родной стране, в состоянии его народа. Казахстан за годы сталинских пятилеток стал передовой индустриально-аграрной республикой. А «...успехи в промышленности и сельском хозяйстве обеспечили неуклонный рост материального благосостояния трудящихся,—подчеркивал М. И. Калинин в приветствии трудящимся Казахстана в день двадцатилетнего юбилея Казахской ССР от имени Президиума Верховного Совета СССР.—Получила широкое развитие культура — национальная по форме и социалистическая по содержанию, расцвело искусство казахского народа, обогатившееся творчеством таких выдающихся художников как Джамбул»*.

В такой перспективе и становится понятной закономерность, в силу которой Джамбулу удалось успешно разрешить одну из первоочередных проблем многонационального искусства, проблему выразительного и убедительного воплощения социалистического содержания в колоритных национальных формах. В этом кроется своеобразие его стиля и тайна всенародного авторитета, быстро завоеванного волнующими, полными казахского аромата песнями о высокой правде советской действительности. В полном соответствии с новаторским духом литературы социалистического реализма Джамбул смело и искусно почти тысячелетнюю культуру устной импровизации освободил от прежней ограниченности: он сделал ее гибким средством для выражения содержания советской эпохи, придал ей новые художественные функции.

✓ По произведениям Джамбула в казахских оригиналах — составляется отчетливое представление о национальных формах устной поэзии: красочность и афористичность речи, наличие традиционных образных формул, монологическое построение импровизируемых песен (жанр жира), лирический беспорядок живой речитативной речи, ослабленность сюжетной организованности повествования, приемы повторения, синкретическое соединение словживописи, музыкальной

* Президиуму Верховного Совета Казахской ССР. Газ. «Правда» от 6 ноября 1940 года.

мелодии и осмысленной, сдержанной жестикуляции, локальность в отборе изобразительных средств. Однако весь богатый запас элементов национальной формы Джамбулом переосмыслен и творчески целенаправлен для выражения нового содержания. Он не механически приспособлял старые формы к обобщенному отражению новых социальных событий, а давал тот высший синтез идейного замысла и его словесного воплощения, в котором полет мысли, эмоциональное напряжение органически взаимодействуют с каждым словом, локальным метафорическим оборотом и ритмическим ходом.

Мастерство Джамбула — конкретный пример того, что вкладывается в понятие культуры, социалистической по содержанию и национальной по форме. Мудрое сталинское определение характера культурного развития в революционную эпоху, когда «пролетарская культура, социалистическая по своему содержанию, принимает различные формы и способы выражения у различных народов, втянутых в социалистическое строительство, в зависимости от различия языка, быта и т. д.»*, — дает единственно верный методологический принцип к пониманию и анализу творчества Джамбула. Взаимодействие социалистического содержания и национальных поэтических форм и создавало первооснову песен акына.

Если с этой точки зрения Джамбул возбуждает интерес в плане изучения новых закономерностей развития советской культуры, то тем более практически велика его роль в истории возрождения народного творчества и формирования национальных литератур. Поучительными образцами поэтической работы он показал, как необходимо использовать национальные литературные традиции для воплощения социалистического содержания, как в соответствии с изменениями жизни следует на родных языках обращаться к новым темам, как должны на почве национального искусства создаваться полноценные образы героической современности.

* И. Сталин. О политических задачах университета народов Востока. Сб. «Марксизм и национально-колониальный вопрос». Гос. изд-во полит. литературы, 1939, стр. 202.

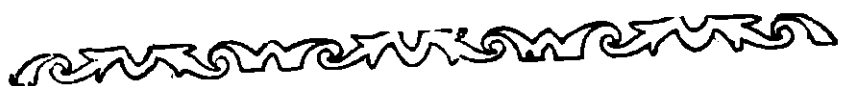

В этом отношении Джамбул оказал влияние не только на акынов Казахстана, но и на ряд поэтов, писателей казахского и братских народов СССР. Нет необходимости искать точные параллели, аналогии, возможно даже перепевы, формальное сходство между произведениями Джамбула и других авторов. Суть дела в том, что Джамбул наметил плодотворный путь решения сложной задачи использования национальных форм в строительстве литературы нашего времени. Не подражая Джамбулу, многие национальные мастера в той или иной мере внимательно учитывают и развивают его опыт в новых произведениях разноязычного советского искусства.

Трудно учесть, пусть не прямое, а косвенное, влияние Джамбула на развитие всего казахского искусства в советские годы. Это влияние несомненно. Показательно, что статью о развитии казахского искусства Мухтар Ауэзов назвал — «От домбры до оперы»*. Действительно от домбры, символизирующей расцвет устно-поэтического искусства в казахских степях, возрожденный народ поднялся к высотам культуры, в пределах которой выросли и оформились и самостоятельная Академия Казахской ССР, и система высшего образования, и разветвленная сеть театральных и художественных учреждений, и богатая письменная литература различных жанров.

✓ Большой путь пройден культурой советского Казахстана, а один из первых шагов по этому пути сделал столетний акын. Он раскрыл своим творчеством сокровища казахского фольклора, ставшего прочной основой творческого самоопределения национальных кадров поэтов, писателей, композиторов, актеров. Он показал мастерам расцветающего искусства, как новаторски можно и необходимо использовать богатства народной поэзии и музыки для удовлетворения духовных запросов людей социалистического общества. Наконец, факт всесоюзного признания Джамбула морально и творчески воодушевлял талантливых деятелей искусства для напряженного труда, упорного дерзания, личного совершенствования.

* Газ. «Известия» от 26 декабря 1945 года.

Заслуга Джамбула заключалась, таким образом, в том, что он одним из первых разрушил прежде установившуюся дистанцию между центром и так называемыми «среднеазиатскими окраинами». Создавая точные, мудро отделанные поэтические образы, воплощавшие мысли и чаяния всего советского народа, Джамбул показал, какие новые зовущие к творчеству горизонты открылись для всех талантов, на каком бы языке они ни выступали и где бы они ни жили, для всех, в ком живет дух советских патриотов. И «его песни о Родине, о дружбе народов, о великом Сталине вошли вкладом в богатейшую сокровищницу советской поэзии».*

4

В литературе, столь многообразной по формам, новаторским исканиям и единой по методу социалистического реализма, Джамбул выступил одним из создателей советского лироэпоса.

Гегель с присущей ему реакционно-идеалистической ограниченностью, анализируя развитие эпической поэзии, приходил к выводу, что подлинные эпические произведения могут появиться в будущем только в Америке, и будут «...изображать победу грядущей американской живой разумности над заточением в сфере продолжающихся до бесконечности измерений и раздробления. Ибо в Европе теперь каждый народ ограничен другим народом и не может сам по себе начать войну с другими европейскими народами, если желать перебросить действие за пределы Европы, то только в Америку»**.

Гегель правильно констатировал вырождение эпической традиции в буржуазном обществе, но не мог подняться до понимания тех перспектив развития духовной культуры, которые ясно видели К. Маркс и Ф. Энгельс, предвидя победу социализма и коммунизма. Излюбленная идея реакционного пруссачества о новых завоевательных войнах, как глав-

* А. Казакпаев. Что дала советская власть казахскому народу. Журн. «Большевик Казахстана» № 11, 1915, стр. 27.

** Гегель. Эпическая поэзия. Журн. «Литературный критик» № 6, 1935, стр. 76.

ном содержании исторического развития и основном предназначении немецкой нации, приводила Гегеля ко второму ошибочному утверждению: возможность возрождения эпоса связывалась им с подготовкой всемирной войны. Философ-идеалист ошибся в прогнозе. Эпическая поэзия возродилась и получила все необходимые условия для развития не в Америке, а в стране победившего социализма.

События Великой Октябрьской социалистической революции, утверждавшие основы новой эры в развитии человечества, приобщение прежде порабощенных и отсталых народов к активному созидательному труду, свободному творчеству во всех областях социалистической жизни, появление человека — героя советского типа, морально-политическое единство братских народов в борьбе за идеи Ленина — Сталина, — все это и явилось основой героического лироэпоса современности.

Если эпическое начало возникает в силу грандиозного размаха борьбы и труда советского народа, то лиризм закономерно выражает напряженную личную жизнь каждого патриота, его душевную взволнованность, вызванную сознанием обретенного счастья и воодушевляющей ответственности «по-ленински думать, бороться и жить».

Лиризм и раньше являлся характерной особенностью казахского эпоса, в частности исторических песен. Воспевая батыров, национальных деятелей, акыны обычно выражали личный восторг перед их действиями. Нередко лиризм в данном случае являлся лишь эмоциональным приемом и оказывался в известной мере данью риторичности восточной панегирической поэзии.

Лиричность Джамбула иного качества. Глубокие лирические чувства певца рождались с той же непосредственной искренностью и проявлялись в том же качестве, какие характерны, например, для лироэпических поэм («150 000 000», «В. И. Ленин», «Хорошо») лучшего, талантливейшего поэта советской эпохи — Вл. Маяковского. Не случайно, предугадывая появление революционного лироэпоса, как наиболее адекватной формы для отражения всенародного подъема, Маяковский поэму «150 000 000» называл еще в 1919 году «былиной, эпосом революции и, как известно, даже обноро-

довал ее без авторской фамилии. Народный акын не мог не быть лиричен в правдивом повествовании о социалистическом переустройстве действительности, о преобразующей мощи ленинско-сталинской идеи, о чудесном возрождении родного народа, ибо все это происходило на его глазах, контрастно сопоставлялось им с мучительным опытом жалкого прозябания в прошлом и непосредственно преломлялось в его личной судьбе. Открывая, по праву самого старейшего, первую сессию Верховного Совета Казахской ССР,[✓] акын-депутат пел:

Под сталинским солнцем и старости нет,
С душою джигита столетний поэт,
Счастливой эпохи счастливый ровесник
Проносит горячие юные песни.

...Народ мой великий! Я — твой депутат,
С тобою иду я и молод и рад.
И жизнь обильем колхозным богата,
И солнце родное не знает заката,
И травы ковром каскеленским цветут,
И реки жемчужные волны несут.

...Над миром наш сокол победы парит,[✓]
Над миром советское солнце горит...
Я славлю счастливые славные годы,
Я славлю великую дружбу народов,
Я родину славлю, ей песни моя,
Ей жизнь моя до последнего дня!*

В лироэпосе Джамбула постоянно повторяется «я» певца. «Я пою песню мою в лучезарном Кремле», «Я Родине лучшие песни дарю», — обычный традиционный прием Джамбула. Однако «я» в советском лироэпосе лишено эгоцентризма буржуазно-декадентской поэзии, самовосхваления: «я» — здесь синоним народного самосознания, выразителем которого и выступает певец:

Народ мне настроил душу мою,
И я для народа песню пою.

* Джамбул. Сб. Сураншы-батыр. Казахст. из-во худож. литературы. Алма-Ата, 1940, стр. 90—92.

Сердце мое поет,
 Это поет народ,
 Сил прибавляя мне,
 Звучность моей домбре.

Гармоническое слияние личного и общественного в творчестве не только Джамбула, но и таких основоположников социалистической литературы и поэзии, как М. Горький и Вл. Маяковский, стало возможным в условиях нового строя, где безвозвратно снята кричащая противоположность между классовыми эгоистическими интересами эксплуататорского меньшинства и поработленного большинства, уничтожен трагический конфликт между передовым поэтом и средой, между гуманистическими стремлениями народного искусства и буржуазным подавлением духовной культуры, не отвечающей интересам классового господства. Отсюда и возникает социалистическое качество народности художественного творчества, составляющее важнейшее достоинство советского лироэпоса.

Наконец, лиризм Джамбула, как типичного представителя и новатора своеобразного течения в многонациональной литературе социалистического реализма, жизненно необходим и оправдан потому, что в нем объективируются процессы национального самоопределения, подъема политического самосознания казахского народа. «До сих пор дело происходило так, — указывал товарищ Сталин, — что социалистическая революция не уменьшала, а увеличивала количество языков, ибо она, встряхивая глубочайшие низы человечества и вытаскивая их на политическую сцену, пробуждает к новой жизни целый ряд новых национальностей, ранее неизвестных и мало известных... Октябрьская революция, порвав старые цепи и выдвинув на сцену целый ряд забытых народов и народностей, дала им новую жизнь и новое развитие» *.

* И. Сталин. О политических задачах университетов народов Востока. Цитир. сборник, стр. 203.

Советский лироэпос отразил это замечательное явление народной жизни в СССР. Если в дореволюционном эпосе всех народов личность поэта или занимала ничтожно малое место в эпических произведениях, или даже вообще игнорировалась, что служило поводом для утверждения безличности народного творчества, то теперь в лироэпосе открытое выявление индивидуальности автора знаменует несоизмеримый рост проявления исторической роли народа, его передовых представителей. Если в эпической поэзии минувших веков выражались наивность и неразвитость только что пробуждавшегося народного сознания, то советский лироэпос возникает на основе развитого народного сознания, причем его творцы типа Джамбула с гордостью олицетворяют в своих индивидуально ярко проявляющихся характерах неограниченные возможности всестороннего выявления способностей широчайших трудящихся масс.

В лирической окрашенности эпических по характеру образов, в тематической цельности воспроизведения событий эпохи в произведениях Джамбула как народного поэта выразился: «...быстрый рост духовной мощи личности—явление, которое можно объяснить тем, что в эти эпохи социальных бурь личность становится точкой концентрации тысяч волей, избравших ее органом своим, и встает перед нами в дивном свете красоты и силы, в ярком пламени желаний своего народа, класса, партий»*. Эта горьковская мысль, высказанная под влиянием революции 1905 года, подтверждена практикой социалистического общества.

Таким образом, в историю советской многоязычной литературы Джамбул вместе с другими талантливыми певцами братских народов вписал новую страницу и обогатил современный историко-литературный процесс плодотворным развитием лироэпоса. И ни одна синтетическая работа, ни один учебник по истории советской литературы не обойдет молчанием этого знаменательного факта, потому что без характеристики и оценки лироэпоса Джамбула, Сулеймана Стальского, М. С. Крюковой и других картина литератур-

* А. М. Горький. Разрушение личности. Цитир. по хрестоматии проф. Н. П. Андреева «Русский фольклор», стр. 35.

ного движения последних десятилетий будет неполной. Народ, предъявляющий строгие требования к инженерам человеческих душ и ценящий произведения о правде своего героического бытия и деяния, благодарен столетнему мудрецу за своевременный и задушевный рассказ о событиях сталинской эпохи.

Содержание советского лироэпоса охватывает многообразный круг жизненных интересов миллионов людей. Пелли Джамбул о Родине или о дружбе народов, импровизировал ли песни о Ленине и Сталине, рассказывал ли о светлой поре новой истории государственно определившегося казахского народа, повествовал ли о личной судьбе в прошлом и настоящем, — всегда его песни отражали существенные стороны всенародной жизни. Идеи и темы джамбуловских импровизаций под аккомпанемент неизменной домбры диктовались не желанием следовать какой бы то ни было литературной традиции, которой обязательно следовали акыны прошлых времен. Джамбул сам устанавливает в знакомом ему мире народного творчества новые традиции. Идеи и темы Джамбула диктовались могучими велениями окружающей реальной действительности. В этом отношении Джамбул в истории советской литературы занимает почетное место в рядах передовых поэтов.

Актуальность содержания, претворенного в выразительных формах песен Джамбула, и рождала живейшие отклики вдумчивых читателей. Академики, деятели искусства и литературы, рабочие, колхозники, интеллигенция, воины, школьники, люди разных национальностей, профессий, социальных положений находили в песнях чародного акына Казахстана собственные мысли и чувства.

«Кто же не знает прославленного по заслугам имени Джамбула? — спрашивал, например, Герой Советского Союза В. К. Коккички и отвечал: — Каждая победа нашей великой Родины, каждое выдающееся событие вдохновляет его на бодрые волнующие песни. И песни его — подлинное выражение народных чаяний и дум... Песни Джамбула отражают то, чем живет и дышит весь свободный советский народ. Его талант расцвел в сталинскую эпоху, которая дает возможность развиваться самым лучшим способностям че-

ловека. Он выражает наши радости, нашу любовь к родине. Это наши чувства выразил Джамбул:

Сталин, солнце мое, я познал в Москве:
Сердце мудрого Ленина бьется в тебе.*

5

При тематическом разнообразии поэтических откликов всесоюзно признанного казахского поэта на различные события жизни, что уже само по себе делает его песни незаурядным литературным фактом, Джамбул целостен и целеустремлен в разработке одной всеохватывающей темы современности, темы победившего социализма. В этом один из крупнейших представителей многонационального творчества перекликается с Вл. Маяковским, который с пронзительной последовательностью от «Левого марша» и «Мистерии Буфф» до вдохновенного выступления к поэме о пятилетке «Во весь голос» художественно раскрывал и утверждал победу социализма, торжество осуществления идей Ленина — Сталина. Поэтому историко-литературная роль Джамбула при обязательном учете резкого индивидуально-творческого различия обоих поэтов и масштабов их деятельности тождественна роли Маяковского. Маяковский относительно своей единой теме отбирал определенный круг идей, образов, соотносительно реконструировал поэтические формы, обогащал художественную культуру социалистического реализма. То же самое проделал Джамбул, но только в области устно-поэтического творчества. И он мог бы с полным правом повторить применительно к своей идейно-художественной целеустремленности гордое самоопределение Маяковского, высказанное еще в 1920 году:

Поэтом не быть мне бы,
если б
не это пел —
в звездах пятиконечных небо
безмерного свода РКП.**

* В. К. Коккинаки. Певец народных чаяний и дум. Журн. 30 дней № 5, 1933, стр. 9. Аналогичны отзывы Героя Советского Союза М. Т. Слепнева и народного артиста В. И. Качалова там же, стр. 8 и 10.

** В. В. Маяковский. Владимир Ильич. Собр. соч. Гослитиздат М., 1939, т. II, стр. 55.

Маяковский и Джамбул, каждый по-своему, отразили те при их участии созданные качества литературы и народного творчества, которые закономерно нашли свое воплощение в процессе литературного развития советской эпохи. И не только пассивно отразили, но и проявили смелость, остро развитое чувство нового и завидное умение в решении проблемы взаимосвязи поэтического творчества с социалистическим преобразованием действительности.

Решение этой коренной проблемы всей советской литературы в творчестве Джамбула выразилось в том, что испытанные богатейшие художественные средства и традиции фольклорного искусства стали активно действующей частью искусства политической агитации и пропаганды. Мудрому старинному творчеству народа он придал новые функции, сделал его боевым оружием большевистской партии. Таким путем Джамбулу совместно со многими другими народными певцами удалось продолжить творческую работу Вл. Маяковского, который дал блестящее поэтическое изображение сталинской эпохи, но не успел осуществить замысла начатой им лироэпической поэмы о первой пятилетке. Песни Джамбула оказались яркими страницами этой коллективной народной эпопеи. В этом их всесоюзное значение, в этом их пафос и сила массового воздействия.

Только в благоприятных условиях социалистического общества Джамбул смог получить доступ к всенародной трибуне советской печати. На примере деятельности Джамбула можно проследить одно из характерных явлений современного литературного движения — уничтожение вековой противоположности между письменной литературой и устно-поэтическим искусством. Мастерство народного акына в известном функциональном смысле воссоединяется, вернее сказать, уравнивается в правах с письменным творчеством посредством равноправного использования разветвленной сети периодических изданий, огромных тиражей книг, обнародования произведений по радио, деятельности ряда переводчиков с казахского на русский и другие языки братских народов СССР.

Не теряя специфических особенностей устной импровизации, творчество Джамбула получило новые формы со-

циального бытования и, благодаря этому, поднимаюсь до разработки тех больших задач, которые составляют содержание письменной художественной литературы. Речь идет не о механическом слиянии двух, ранее в определенном отношении противоположных литературных потоков, а о преодолении грани между ними, предопределенной социальным беспорядком, отсталостью народа и искусственно воздвигнутой в интересах господствующих классов. Теперь же для Дамбула создание положительного героя современности, правдивое изображение народной жизни, основные требования эпохи на актуальную боевую тематику стали столь же близкими, как и для литератора, создающего произведения с пером в руках. Любопытно, что в связи с общим подъемом культуры Казахской ССР отдельные талантливые ученики Дамбула одинаково успешно и импровизируют, и работают над рукописями своих произведений.

Подобно тому, как Маяковский основную тему эпохи наиболее ярко и полноценно воплотил в классически совершенном образе В. И. Ленина, Дамбул любовно раскрывает ее в образе величайшего преобразователя истории человечества И. В. Сталина, «в ком солнечный ленинский гений живет». Заслуга певца перед историей литературы в том, что он нашел впечатляющие и содержательные слова для выражения всенародных представлений о великом вожде. Во всех выдающихся явлениях и событиях нашего времени Дамбул находил и показывал одухотворяющие идеи высокой сталинской правды. Отсюда и вытекает четкое определение основного идейно-художественного содержания песен, которые в общей совокупности убедительно воссоздают многие важнейшие черты образа И. В. Сталина:

Я прожил столетие, я веку ровесник,
Я вместе с народом пою свои песни
О сталинской правде, что счастье дала
Степам, вымиравшим от рабства и зла,
О сталинской правде, чья вечная сила
И песни и юность мою воскресила;
О светлой, как солнце во время восхода,
Немеркнувшей сталинской дружбе народа,
О сталинском слове, что в мире не тонет,
О сталинском солнечном мудром законе,

В котором за каждую буквой легли
Мечты и надежды народов земли,
В котором за каждую буквой встает
Бессмертный великий советский народ.*

Голос Джамбула слился с дружным хором советской литературы, воспевающим историческое величие товарища Сталина. Больше того, Джамбул, хранитель и продолжатель национальных поэтических традиций, своеобразный мастер импровизаторского искусства, привнес в общую работу по художественному воссозданию сталинского образа особые приемы, свежие краски, слова-жемчужины казахского народного творчества. Потому-то даже во многих русских переводах, сделанных, например, П. Кузнецовым, сохраняется обаяние и своеобразие его поэтической манеры.

Песни Джамбула о И. В. Сталине лишены примитивной однолинейности плаката, а полны политически верных обобщений в раскрытии сталинского характера, олицетворяющего самое главное в новой истории не только СССР, но и всего мира. Этим и объясняется то, что к ним обращаются мастера далеких от литературы видов искусства и находят в них необходимые ассоциирующие элементы для творческого труда. Известный скульптор С. Д. Меркуров свидетельствует: «В работе над статуей Ленина меня и мою бригаду вдохновляет образ великого продолжателя Ленина, образ Сталина. ~~Эти два образа неразрывно связаны.~~ Здесь мне вспоминаются замечательные строки из стихотворения Джамбула «Песня о клятве».

Жизнь расцвела в полях, в заводах, в шахтах.
Как плодоносный, полный солнца сад.
И день и ночь в дозорах и на вахтах
Бойцы счастливой родины стоят.
Ведет страну к победе Сталин,
Вокруг него сплотился весь народ,
Поклялся он — ему мы клятву дали,
Мы в нем, любимом, Ленина узнали,
Великий Ленин в Сталине живет».**

* Джамбул. Я песню пою в лучезарном Кремле. Сб. «Суранши-батыр», стр. 108.

** С. Д. Меркуров. Мысли, меня вдохновившие. Журн. «Октябрь». № 12, 1939, стр. 87.

Джамбул принес в советскую литературу красочную и познавательно богатую тему истории, жизни, труда и борьбы казахского народа. Песни поэта показали национальный облик человека Казахстана, условия быта, труда, раскрыли социально-психологические изменения в развитии возрожденного народа. Мысли и чаяния казахов, образно претворенные Джамбулом, слились с мыслями и чаяниями всего советского народа.

Поэзия акына — народного трибуна, таким образом, оказалась одним из факторов в утверждении идеологии ленинско-сталинской дружбы народов. Хорошо сказал об этом народный поэт Белоруссии Якуб Колас:

Нет в стране вражды проклятой,
Всюду — дружба, мир,
Всем нам стал сегодня братом
Ненец и башкир.

И гостями входят в двери —
В чум, кишлак, аул —
К нам Шевченко, Руставели,
Пушкин и Джамбул.*

Дореволюционная литература, как отмечал М. Горький, далеко не охватывала жизнь всех народов бывшей Российской империи. «Урал, Сибирь, Волга и другие области, — писал А. М. Горький, — остались вне поля зрения старой литературы, так же как Украина, которой самодержавие затыкало рот и связывало руки, создавая этим вражду украинца к «москалю»... Я не навязываю художественной литературе задач «краеведения», этнографии, но все же литература служит делу познания жизни, она — история быта, настроений эпохи, и вопрос о том, насколько широко охватила она действительность свою, этот вопрос может быть поставлен».**

* Якуб Колас. Под сталинским солнцем. Сб. «О родные», Гослитиздат, М., 1944, стр. 75.

** М. Горький. О литературе. Цитир. издание, стр. 51 — 52.

Развитие советской литературы создало все условия для решения этой задачи. Джембулу среди других писателей и поэтов, только в сталинскую эпоху получивших творческое равноправие, и принадлежит честь полноценного расширения идейно-тематического круга литературы СССР введением казахской темы. Образы Казахстана заняли достойное место в многогранной системе образов, создаваемой литераторами нашей страны, и вместе с образами всех братских народов придали новые черты подлинной многонациональности всей советской литературе.

Пламенный певец Казахстана разрабатывал свою родную тему разносторонне, используя живые факты прошлого и настоящего и одухотворяя поэтические строки страстным чувством советского патриотизма. Казахская национальная тематика, составляющая содержание лучших песен Джембула, воплощает лично пережитое, выстраданное, и по своей познавательной насыщенности оказывается почти документально точным воспроизведением истории народа за последнее столетие. Вместе с тем, на знакомом местном материале в его песнях разрабатывались вопросы общенародного значения: ленинско-сталинская дружба народов, социалистическое преобразование страны, могущество советского строя, победы которого записаны золотыми буквами в Сталинской Конституции, советский патриотизм, победы Великой Отечественной войны, рост нового человека. Казахстан Джембула прочными узами связан со всей страной социализма (песни «Гасему Лахуту», «К братьям по крови», «Застольная песня» и др.).

Семьдесят один год жизни в дореволюционном мире и двадцать восемь лет счастливого бытия в советском обществе властно определяют характерную особенность раскрытия темы Казахстана — постоянное контрастное сопоставление прошлого и настоящего. На таком контрастном противопоставлении композиционно строится, например, толгау «Моя Родина». Прошлое — это жестокий произвол султанов, баев, мулл; это вооруженные набеги кокандских и других хищников, опустошавших родную степь; это горькая доля кедей-бишара, бедняка, и малай-бишара, батрака, беспросветное рабство. Настоящее — это свободная жизнь,

достигнутая в результате победы революции; это новые пути возрождения народа, когда «над степями, ярко горя, взошла моего народа заря»; это счастье и радость обретения единой матери-Родины.

Вдохновенные песни складывал Джамбул о великом социалистическом преобразовании Казахстана, обусловившем возрождение народа. Образы и картины пореволюционной действительности поэтически преображали лишь то, что стало видимой реальностью. Это придавало песням празднично-восторженный характер, наполняло их сердечной взволнованностью. Особенное достоинство и стилеобразующее качество его произведений, знаменательные для народной природы советской литературы, проявились в том, что пафос правды коренится в глубоких истоках действительной жизни. В. И. Ленин в оценке политического подъема трудовых крестьянских масс летом и осенью 1918 года указывал: «Беднейшее крестьянство не из книг, не из газет, а из жизни училось непримиримости своих интересов с интересами кулаков, богатеев, деревенской буржуазии»*.

Точно также из жизни на повседневных фактах и Джамбул научился непримиримости интересов аульной бедноты с интересами баев, а затем из жизни понял и перенес в поэзию то, что дала советская власть казахскому народу. В этой жизненной основе заключена воспитательно-организующая сила лучших произведений Джамбула, как и всей нашей литературы. Не являясь философом или социологом, он именно поэтому смог безошибочно показать существенные явления эпохи. И попытки буржуазных националистов, врагов народа, пытавшихся дезориентировать и увести певца на иные пути, не имели никакого успеха: знание жизни непререкаемо убеждало его, «в каком нити, в каком сражаться стане» (Маяковский), убеждало в непобедимой мощи ленинско-сталинской правды.

С гордостью победителя, гражданина, полновластного хозяина Джамбул утверждал, что теперь «у казахов своя страна», в которой открыты неограниченные перспективы счастливой жизни, восторженно благодарил за братскую

* В. И. Ленин. Пролетарская революция и ренегат Каутский. Собр. соч., т. XXIII, стр. 392; подчеркнуто автором — М. Р.

помощь великий русский народ, партию Ленина — Сталина. От всей души он восхищался, что казахстанские богатства, поднятые свободным народом, вливаются в общественную сокровищницу труда, способствуют расцвету великой родины и своим стремительно растущим обилием знаменуют полную победу человеческого разума над природой, некогда столь грозной в стихийных проявлениях для казаха-кочевника.

Посмотри, мой джолдас, посмотри —
В чистом пламени ясной зари
Перед хозяевами сполна
Все богатства открыла страна.
Кара-тау дает свинец,
Кокче-тау гонит овец,
Тянет с золотом руки Алтай,
Медь обильно дает Карсакпай,
Белый хлопок дарит Чимкент,
Шерсть овечью дает Джаркент,
Золотые, как в сказке, хлеба
Для народа растит Актюба.
Меж озер и меж каменных глыб —
Вороной с дымной гривой Турксіб.
Дни и ночи грузит поезда
Черным золотом Караганда,
В Эмбе гордые вышки стоят,
И кипит нефтяной водопад.
В Кармакчинской степи зреет рис,
К Ала-тау сады поднялись.
А в садах, слаще сна и мечты,
Спеют яблоки Алма-Аты.*

Выразительное художественное воссоздание пейзажа социалистически преобразованной такой большой страны как Казахстан явилось осуществлением предначертания М. Горького, высказанного им в докладе на первом съезде советских писателей. Да и никто не смог бы решить эту задачу в отношении Казахстана так мастерски и так своевременно, как сделал Джамбул. Во всех разнотельных изменениях картины родной земли певец зорко улавливал богатырские усилия человека созидателя, освобожденного от пут порабощения.

* Джамбул. Казахстан. Сб. Песни и поэмы. изд. Советский писатель, М., 1938, стр. 41.

Перестраивая жизнь и природу, изменялся и сам человек. Восхищение новым поколением Советского Казахстана и позволяло Джамбулу, которого все любовно величали отцом, утверждать в «Поэме о Ворошилове», что «джигиты отважные выйдут из нас, каких не знавали Тимур и Манас, какие не мчались песками империи при Кире Персидском и при Искандере». И Джамбул же воспел людей труда, доблестных джигитов — советских патриотов, их немеркнущие, подвиги и дела в довоенных песнях и песнях об Отечественной войне. Родина, ее составная часть — Казахстан и советские патриоты, цвет и гордость ее, слиты в песенном реалистическом изображении в единое целое:

Есть земля и на ней живет¹
Славных воинов гордый род...
...Есть страна, что из года в год
Побеждает, гремит, растет,
И такие в ней люди есть,
Что ведут за собой народ.*

По характеру импровизаторского метода Джамбул не мог давать углубленных социально-психологических характеристик нового человека, как это делали выдающиеся поэты Маяковский или Багрицкий. Но он по-своему воссоздавал и типизировал основные черты идейно-морального облика героев нашего времени, используя приемы казахского эпоса. Однако при этом исключалась сказочная гиперболизация, риторическая отвлеченность и достигалось реалистическое соответствие действительности.

7

Вместе с песнями Джамбула в историю советской литературы прочно вошло ранее почти совсем неизвестное в широких кругах понятие — акын. Акын отличается от поэта тем, что он не пишет, а устно импровизирует произведения: созданные им песни распространялись личными выступлениями на народных собраниях, и затем лучшие из них бытовали в устной передаче. Народный акын такого типа как Джамбул неизменно выступал выразителем массовых

* Джамбул. Посвящение акынам. Газ. «Казахстанская Правда» от 7 декабря 1943 года.

астроений, хранителем и продолжателем традиций народного творчества.

В совершенстве владея всеми богатыми многовековыми накоплениями народной поэзии и мудрости, Джамбул принес их в общенародный золотой фонд художественной культуры Советского Союза. Песни, расцвеченные красками национальной казахской устно-поэтической импровизации, обратили всеобщее внимание, взволновали свежестью и оригинальностью искренних интонаций.

✓ Творчество Джамбула занимает в истории советской литературы особое положение в том смысле, что оно зиждется на монолитной основе казахского фольклора и, овеянное духом народной мудрости, успешно оплодотворялось передовыми идеями современности. Известные в прошлом узкому кругу фольклористов-востоковедов, фольклорные богатства через творчество Джамбула не только получили общенародную популярность, обрели новые формы социального проявления, но и сыграли значительную роль в процессе широких взаимосвязей литературы и фольклора.

По издавна установившейся традиции, русские поэты и писатели, от Крылова, Пушкина до М. Горького и Вл. Маяковского включительно, любовно приникали к животворным родникам многонационального народного творчества. Прекрасная традиция бережно подхвачена советской литературой и в условиях общегосударственной поддержки народных талантов развивается с крупными творческими результатами. Признаком, с одной стороны, неизмеримо расширившегося обращения к фольклору, а с другой стороны, — появления более разнообразных форм его использования в советской литературе является то, что фольклор занимает место в работе очень многих выдающихся советских литераторов, в различных жанрах и видах.

Фольклор как средство реалистического воспроизведения картин жизни, человеческих характеров представлен в эпическом искусстве М. Горького, Шолохова, Маяковского, Леонова. Использование фольклора в революционно-романтическом плане характерно для М. Горького, Багрицкого, Малышкина, Кулешова. Тонким лиризмом окрашены органически освоенные фольклорные истоки в поэзии Исакон-

ского. В стиле некрасовской школы работает над фольклором Твардовский. Оригинальный жанр уральских сказов Бажова сложился на почве поэтически преобразованного народного творчества и стал незаурядным явлением современной литературы. Соответственно индивидуальной писательской манере фольклор предопределил появление характерного цикла произведений Вс. Иванова, Михалкова, Сельвинского, Кирсанова, Прокофьева, Матусовского, Щипачева, Софронова и др. Все чаще и чаще стали появляться законченные художественные произведения, построенные на фольклорном материале (например, «Возмутитель спокойствия» Соловьева, повести Скосырева). На золотоносной почве народного искусства слова формируется проза, драматургия во многих национальных литературах СССР.

В такой литературной перспективе становится особенно любопытным появление на всесоюзном поприще и всеобщее признание Джамбула. С уверенностью и смелостью настоящего поэта он, как бурный весенний поток, прорвал все прежние преграды и незаурядным своим дарованием за сверкал на широком литературном просторе нашей Родины. На примере творчества Джамбула нетрудно теперь убедиться, что фольклор — это не только руда, требующая сложной переплавки в горниле письменной литературы, но и непосредственно те художественные ценности, которые сами по себе могут пополнить и украсить золотой фонд искусства. Тем более еще и еще раз появление Джамбула убеждает, как плодотворно теснейшее взаимодействие литературы и народного творчества, какие новые возможности открываются для роста литературы социалистического реализма в развивающихся связях с фольклорными накоплениями всех братских народов страны.

Характерно, что даже личная судьба казахского акына стала благодатной и далеко еще не использованной в полной мере темой советской литературы. Уже сейчас о нем написано до двухсот поэтических произведений на русском, украинском, белорусском, казахском и других языках Советского Союза.

Мастерство акына, занявшего видное место в рядах советской литературы, встретило восторженную оценку и со

стороны передовых деятелей мировой демократической культуры. В день празднования 75-летия творческой работы Джамбула Ромен Роллан, например, прислал казахскому акыну приветственную телеграмму такого содержания:

«От сердца западных Альп к сердцу степей Казахстана братский привет Джамбулу — певцу своего казахского народа и нового человечества»*.

Песнетворчество Джамбула, его удивительная биография, необыкновенный новый расцвет его поэтического дара, — все это отражало и подтверждало мощный подъем советской литературы. По своей идейности она стала одной из самых передовых литератур мира. С точки зрения этой мировой роли советской литературы и показательны восторженные оценки Джамбула в литературных демократических кругах зарубежных стран, интерес к его произведениям, работа над их переводами на распространенные языки мира.

Так, болгарские передовые писатели сердечным обращением к советскому акыну свидетельствовали в свое время, что его поэзия дорога и близка прогрессивной интеллигенции и трудящимся Болгарии.

«Редкое счастье, — писали они, — выпало на долю столетнего певца Джамбула — гордости и славы Казахской ССР — дожить до великой сталинской эпохи, увидеть воплощенными в жизнь сны советских народов о свободе, правде, благоденствии. Истинно народная поэзия Джамбула, бьющая из самых недр души народной, возникает и развивается, как колосится рожь в его родной земле, как веют свободные степные ветры. Она отражает силу и гордость народа, разбившего оковы прошлого и вставшего радостным и счастливым перед невиданным зрелищем новой жизни».**

В сознании трудящихся зарубежных стран Джамбул встает и как тип народного советского поэта, и как живое воплощение счастья, свободы и радостного творчества освобожденных народов СССР. Именно в таком плане воспринимает образ Джамбула черногорский поэт Радуге

* Газ. «Казахстанская правда» от 22 мая 1938 года.

** Журн. «Литературный Казахстан» № 5, 1938, стр. 12.

М. Стипенский. В большом стихотворении «Сельскохозяйственная выставка» поэт восторженно описывает выставку побед страны, перед ним разворачивается обширный мир чудесных достижений свободного труда. М. Стипенский говорит:

И хлынули ко мне, как самоцветы,
Плоды труда народного,
Они
Великими поэтами воспеты,
Чьи голоса не молкнут в эти дни.
Там видел я бессмертного Джамбула,
Он пел в саду.*

Джамбул предстает перед поэтом в ряду передовых людей советской страны: Чапаева, Мичурина, Чкалова, жизнь которых вошла в историю человечества, как удивительная легенда. Не скрывая восторга перед цветущим социалистическим миром, перед явью, созданными Сталиным, поэт воскликает.

Так в этих рощах,
В этих павильонах
Живет вторая родина моя.

Не ослаб, а, наоборот, еще более возрос интерес к Джамбулу за границей в условиях Великой Отечественной войны и после полного разгрома фашистской агрессии. И в данном случае повышенное внимание к народному акыну является частицей общего повышения мирового авторитета социалистической культуры. После возвращения из длительной поездки по Европе Л. С. Соболев рассказывал:

«О двух знаменательных датах в истории казахской литературы, — юбилее Абая и предстоящем столетии со дня рождения Джамбула я рассказывал и в докладе, с которым выступил в Пражской национальной библиотеке. Это было незадолго до смерти Джамбула. Мое сообщение о том, что в Казахстане живет и творит 100-летний поэт, вызвало сенсацию... О большом интересе к творчеству Джамбула в Праге свидетельствует письмо, которое я недавно получил от чешских литераторов. Они просят прислать русские пе-

* Радуге М. Стипенский. Сельскохозяйственная выставка. Журн. «Красная новь» № 12, 1939, стр. 113.

исводы произведений акына и биографические материалы для перевода на чешский язык»*.

8

✓ Славную патриотическую страницу вписал Джамбул в историю советской литературы периода Великой Отечественной войны. Вместе со всеми писателями и поэтами он с первых дней военной поры выступил с грозным оружием песни, чтобы воодушевлять родных воинов и тружеников на ратные и трудовые подвиги во имя полной победы над ненавистными фашистскими захватчиками. Сбылись на деле слова его предвоенной «Песни народу», наполненной чувством мобилизационной готовности и настороженности:

Как с винтовкой аскер, я с подружкой домброй
Выйду вместе с народом в последний бой.
Будет песня моя — грозна и строга —
Как снаряды, взрывать врага.**

Старейший поэт Советского Союза с поразительным для его столетнего возраста вдохновением обратился к разработке тематики военного времени и создал десятки волнующих песен. Советская литература пополнилась новыми произведениями воодушевляющего патриотического содержания.

В масштабе всей советской литературы военных лет имя Джамбула заслуженно стоит в первом ряду крупнейших наших поэтов. Н. С. Тихонов в итоговом докладе на первом послевоенном пленуме Правления Союза Советских писателей СССР, характеризуя деятельность поэтов в военные годы, справедливо утверждал:

«Война закончена. Человек нашей страны уверенно смотрит в будущее. Каждый внес свою долю в дело победы, каждый был на своем боевом посту.

...Советский Союз стоит перед всем миром не только как крепчайшая держава, могущественная в своей неисчерпаемости сил, но и как широчайшая духовная сила, влия-

* «Дорогой побед», беседа с Л. С. Соболевым. Газ. «Казахстанская правда» от 1 января 1946 года.

** Джамбул. Песни и поэмы. Цитир. издание Гослитиздата, стр. 52.

ние которой на культурную жизнь народов Европы и всех других континентов несомненно.

1) ...Вспомним стихи Джамбула, песни Исаковского, Лебедева-Кумача, стихи Рыльского, Исаакяна, Бажана, Тычины, поэмы Антокольского, Кулешова, Алигер, Веры Инбер, Берггольц, Твардовского, стихи Симонова, Суркова, Прокфьева, Гафур Гуляма, Якуба Коласа, Самед Вургуня, Леонидзе, Чиковани, Наири Зарьяна и многих других.

И старейшие и самые молодые писатели и поэты много создали искреннейших и сильных произведений**.

Имя Джамбула, чья жизнь была подобна невыдуманной легенде, не случайно поставлено Н. С. Тихоновым первым среди первых. Старейший поэт явил пример поэтического труда, который «...требует всего человека, требует крайней напряженности, высокой страсти, непрерывной энергии, постоянного горения, роста и усовершенствования».**

Джамбул воспевал величие и могущество социалистического отечества («Приказ Родины», «Дружба народов», «Выстоит племя большевиков»), любовно изображал величественный образ вождя и полководца товарища Сталина («В час, когда зовет Сталин», «Песня о стальном наркOME»), выразительно характеризовал идейно-моральный облик воина-патриота («Советским гвардейцам», «Советскому воину», «Поэма любви и гнева», «Воинам моей Родины»). Героическая борьба за Москву, «орлиную скалу большевиков», Ленинград и Сталинград отразилась в содержании цикла произведений, воссоздающих лироэпические образы городов-героев: «Москве», «Ленинградцы, дети мои!», «Городу ленинских зорь», «Ленинград победит», «Новогоднее письмо сталинградцам», «Несокрушимая крепость».

Создавая отдельные памятные страницы поэтической летописи Отечественной войны, Джамбул славил великий русский народ, идущий во главе братских народов, воспевал героизм фронта и тыла. Непокоримая вера в торжество справедливого дела, идея непреодолимой мощи Родины и непобедимости советского народа, сплоченного и возглавлен-

* Николай Тихонов. Перед новым подъемом. Из-во «Литературная газета», М., 1945, стр. 2—5.

** Там же, стр. 5—6.

ного партией Ленина-Сталина, богатырский клич, призывавший самоотверженно совершать героические подвиги, сделали песни сильным духовным оружием в борьбе против немецко-фашистского нашествия.

Народность военного песнетворчества Джамбула в том новом, социалистическом качестве, в каком она проявляется в советской литературе, придала могучее звучание голосу народного акына. Его слышали на полях подмосковных сражений и в осажденном Ленинграде, в грохоте Сталинградской битвы и в партизанских отрядах, на предприятиях и в колхозах, в городах и аулах Казахстана.

«Огромные пространства, отделяющие степи Казахстана от полей войны, не помешали молодому, страстному голосу престарелого Джамбула Джабаева дойти до слуха защитников Ленинграда и Москвы, защитников Кавказа и Сталинграда»*.

Многочисленные отклики фронтовиков, их полные благодарности письма автору героических песен, широкая систематическая публикация джамбуловских произведений на страницах фронтовых газет, использование песен в политработе Действующей Армии, — все это свидетельствует, насколько большой силой советской литературы оказался поэт-патриот в трудные годы военных испытаний.

Среди всех произведений акына, собранных в сборнике «Песни войны», по художественным достоинствам выделяется поэтическое обращение «Ленинградцы, дети мои». Оно, несомненно, является одним из лучших созданий Джамбула вообще и по праву занимает одно из первых мест в советском лироэпическом искусстве. Песня не велика по объему (150 строк), но предельно содержательна, насыщена реалистическими обобщениями и отличается мастерством художественной отделки образов, каждой строки и композиционной стройностью. Все элементы поэтической формы гармонически слиты с продуманным идейно-патриотическим содержанием, подчинены ему, раскрывают его полно и глубоко.

* Алексей Сурков. Советская поэзия в дни Отечественной войны. Изд. Лекционного бюро при Комитете по делам высшей школы при СНК СССР, М., 1944, стр. 9; см. также Лэв Субоцкий. «Оружие победы». Журн. «Знамя» № 5 — 6, 1945, стр. 163 и 166.

Реалистическая полнота повествования, правдивость каждого слова, точность типизации общенародного отношения к фашистской блокаде города Ленина и объясняют секрет необыкновенного успеха песни среди ленинградцев. Песня выражала всенародную любовь к славному городу, готовность к смертельной борьбе за его неприкосновенность и железную уверенность в конечной нашей победе. Советская литература гордится тем, что устами Дамбула она в решающую трудную пору оказала героическим ленинградцам крепкую моральную поддержку.

«В самые тяжелые дни Ленинграда — осенью 1941 года, — рассказывает писатель Вс. Вишневский, — достойнейший Дамбул обратился к нам — защитникам города — с вдохновенным призывом: «Ленинградцы, дети мои!» Без слез и чувства радостного волнения не могли мы читать это послание. Мы ощутили, что это письмо так же ценно, как подход сильного резерва. Народ Казахстана слал нам свой братский привет, любовь и дружбу, и мы шли в бой, удвоив силы».*

В истории советской многонациональной литературы 30-х и 40-х годов нашего века лироэпические произведения народного казахского акына занимают почетное место, ибо в них нашли полноценное отражение существенные черты народной жизни. Слияние в одной общей целеустремленности разноязычного народного творчества и большой письменной литературы расширило и обогатило содержание историко-литературного процесса нашей великой Родины. Песни Дамбула, рожденные определенными социальными событиями сталинской эпохи, не потеряли с течением времени функционального значения и остаются в истории советской литературы как произведения значительной идейно-познавательной и художественной ценности.

Произведения выдающегося народного акына Казахстана Дамбула Джабаева (1846 — 1945 гг.) в переводах на русский язык стали публиковаться в периодической печати толь-

* Всеволод Вишневский. Нерушимая сталинская дружба. Газ. «Правда» от 4 декабря 1944 года.

ко с 1936 года. Первый сборник «Песни и поэмы» Джамбула вышел в издании Казахстанского издательства художественной литературы в 1937 году. В состав этого сборника вошло до сорока переводов импровизаций акына.

Чествование 75-летнего юбилея творческой деятельности Джамбула в 1938 году было отмечено изданием ряда сборников его произведений: «Песни и поэмы» (Гослитиздат, М., 1938 г., стр. 174); «Песни и поэмы» (изд. «Советский писатель», М., 1938 г., стр. 124); «Стихи и песни» (изд. «Правда», М., 1938 г.), «Песня» (изд. Обкома ВКП(б), Орел, 1938 г.), «Путешествие на Кавказ» (Гослитиздат, М., 1938 г.). В 1940 году вышла книга переводов Павла Кузнецова — «Суранши-батыр». (Казахст. изд. худож. литературы, Алма-Ата, 1940 г.). Песни Джамбула военных лет составили содержание сборника «Песни войны» (Гослитиздат, М., 1944 г.), перепечатанного с незначительными изменениями в Алма-Ата («Песни об Отечественной войне», КазОГИЗ, 1944 г.).

Во всех перечисленных изданиях творчество Джамбула представлено далеко не полно. Оставались неизвестными за единичными исключениями многочисленные записи дореволюционных произведений певца, восстановленные по памяти его, самого и акынов, его учеников. Значительное количество песен, опубликованных в предвоенные годы в газетах, журналах, сборниках, оказались не собранными и не переизданными.

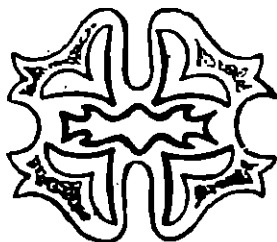
Настоящее первое собрание сочинений Джамбула в переводе на русский язык, издаваемое к столетию со дня рождения пламенного певца сталинской эпохи, является наиболее полным по сравнению с предшествующими изданиями. Впервые публикуются почти все произведения, характеризующие творческий путь народного акына на протяжении более полувека (1862 — 1917 гг.). Впервые публикуется большая поэма «Бег времени» (1927 г.), восполняющая в значительной степени наши представления о творчестве Джамбула в первое десятилетие советизации Казахстана. Впервые публикуются лирические и шуточные импровизации поэта. Поэтическое наследство Джамбула в настоящем издании представлено систематизированно, хотя и не исчерпывающе: часть произ-

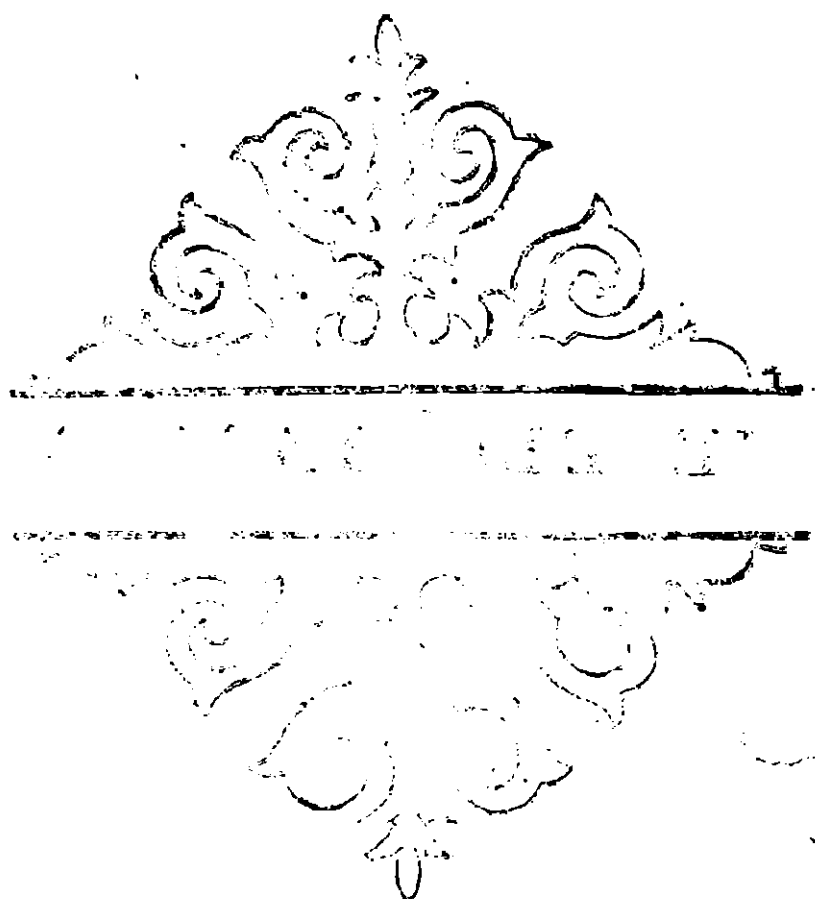
ведений пока не переведена на русский язык, кое-какие из имеющихся переводов неудовлетворительны в смысле точности воспроизведения казахского оригинала и художественного качества.

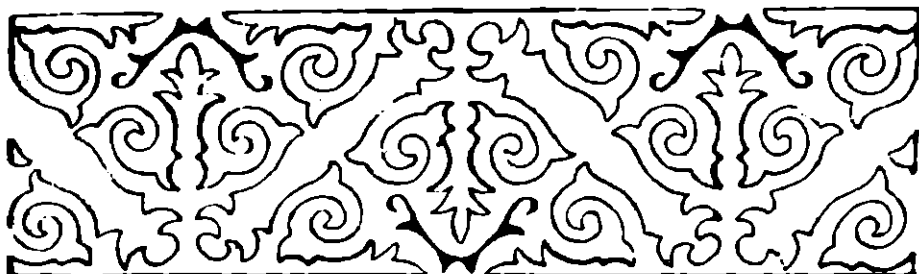
Достоинством предлагаемого юбилейного издания является бережное отношение к передаче в подавляющем большинстве переводов содержания и поэтических особенностей подлинных казахских записей устных импровизаций крупнейшего представителя национальной народной поэзии. Отобранные для однотомника произведения расположены в основном в полном соответствии с изданием собрания сочинений Джамбула на казахском языке, которое также выпускается к столетию со дня рождения акына.

М. Ритман-Фетисов

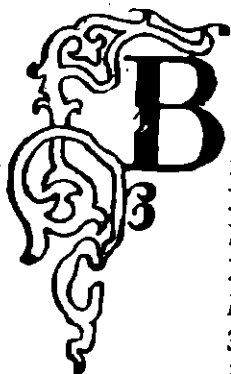

ДОРЕВОЛЮЦИОННОЕ ТВОРЧЕСТВО (1862—1917)

ЖАЛОБА

Вьется у муллы в руках
Ивовый зеленый прут...
Вся спина моя болит,
Как теленок, я избит,
Мое тело раны жгут.
Эти частые побои
Мне покоя не дают.

— Твой язык, мальчишка, злой,
Получай за это прут!
Лучше б не учиться мне,
Путь не преграждайте мне...
В чем так провинился я? —
Объяснение дайте мне.

Разве школа у муллы?
Сгорбив плечи, ходит злынь,
Из халата, как из торбы,
Ловит жертву глазом злым.
В белой он чалме, урод,
Верблюдицей он ревет,

Что же это за урок?
Слово к сердцу не идет.
Школа горькая, прощай!
Мне во сне явилась песня,
Сердце, песней закипай!
Мой отец! К мулле насильем
Ты итти не заставляй!

САРЫБАЮ

ареке, принес на суд я этот стих,
Взвесьте тайны наши, разберитесь в них.
В руки взяв домбру, желаньем я горю...
Сын ваш ждет оценку слов и дум своих.

У худого человека, Сареке,
Дума в небе, голова же на песке.
Ростом мал Макра, но в мыслях—исполни...
Дар почтенья разве будет им один?

Вот один сгибает всех казной своей,
Слово умное не терпит *богатея.
Весь на свете черный мусор он собрал,
Ищет яму, где б свалить его скорей.

А другой вразвалку ходит, не поймет:
Что же делать? Всем заглядывает в рот...
Третий знает все дороги и пути,
Но сарканенному можно ли итти?

А четвертый думой мчится в небосклон,
И луну и солнце жадно ловит он...
Пятый сделал красноречие кнутом,
Сев на лебедя, кулана ловит он...

С кем из них мне быть у жизни на пиру?
Вы обидитесь, козь сам я изберу.
Суйеке, подумав, скажете вы мне:
— Только песня в жизни самый верный друг?

АҚЫНУ ЖАНЫСУ

Мой наставник Суюмбай
Пел и звал: — Не унывай!
Дар его сердечных слов
Я несу из края в край.
— Суюмбай — скажу лишь я, —
Черным вихрем пролетает
Слов гремучая струя.
От стремительного вихря
Встречному не устоять.
Вдаль лечу, не задыхаясь,
Я, похожий на коня.
Будь ты трижды иноходец, —
Не ускобешь от меня,
Не считаю и за муху
Я хвастливого шпыня!
Ты меня не удивил,
Спой-ка, если хватит сил,
Иль считаешь ты Джамбула
За Шыбыл, что битым был?

ПАСТУХ КОНЕЙ

Долгий меня утомляет путь,
В ночь на пути ресниц не сомкнуть,
Днем на морозе уюта не знать,
Днем скитаться и ночью опять.
Как пес, безпризорен пастух от тоски,
Он ищет коня, он проходит пески,
Простор Саркемира, Сартау пески.
Эх, конь не найдется, — накажут мня,
Своя голова мне дороже коня.
От теплой постели на птичьем пуху
Придется отречься теперь пастуху.

о ДЕВУШКА КЕМШАТ

Красой Кемшат душа моя хмельна!
В бобровой шапочке, кокетливо она
Лищицею алтайской изгибаясь,
Не подпускает близко скакуна.

Как сокол с высоты б ее схватил,
Была б лицом ко мне обращена!
К высокогрудой сердцем я взлетал,
В байге к копытам пыль не подпускал.

Стервятник падалъ ел, а я, орлом
Взлетая ввысь, на выбор дичь хватал.
Для белой шуки в озере степном
Был смолоду упругим я крючком.

Не привлекателем я внешне, но душа
У вольного поэта хороша.
Лицо с душой не сходны иногда, —
Должна она понять, моя Кемшат.

Весенний не увянет ли цветок?
Красе прелестниц не пройдет ли срок?
Не кажется ли тусклым целый мир,
Когда закат приходит на порог?

Примером свою речь я украшал,
Словами говорит моя душа,
Язык мой не спокоен, о Кемшат,
Что много думать, девушка? Решай!

Вечное создание красоты!
Бзорами меня сжигаешь ты
И молчишь, а строгие черты
Укрывают страстные мечты.

Парчевым камзолом стеснена,
Смотришь, гордобровая, с коня, —
Знать, и ты стыдишься с бедняком,
Отвернулась, вижу, от меня.
Я слышал о суженом твоём —
Зло и скупость совместились в нём,
Прозвище его Кас-Карымбай,
То-то будет сладко вам вдвоем!
Встретимся позднее — и поймешь,
Много ль с ним веселья ты найдешь!
Вспомнишь ты правдивые слова, —
Будет поздно, счастья не вернешь.

ПОГОНЯ

В меня отняли двух коней,
Я в печали от беды своей.

Их с летовки — с майтубинских гор
Ночью свел в лощине скрытый вор.

Я — за ними. Я скачу туда,
По пути чуть видного следа.

То ли это Байеке? Не так
Прежде охранял Кыдыр косяк.

Я смотрю косяк его. Добро!
Здесь ли майтубинское тавро.

Если я любимцев не найду,
То забуду про свою беду.

ШАБДЕНУ

О великий хан Шабден!
Конь мой взмыленный устал,
Мой халат свободен стал,
Я в дороге отошал,
А угла в почетном месте
Мне никто не доставлял.
В белую твою орду
Я с приветствием войду.
Отдохнув, себя в порядок
Я с дороги приведу.
Здесь с тобой в хороших песнях
Свою душу отведу.
Солнце отойдет ко сну,
Встречу песнею луну!
Обольюсь ручьями пота,
Уподобясь скакуну.
Ала-Тау гордо вырос,
С края света он заметен,
К вам пришел я, о батыры,
Руку дайте, друга встретив!
Мой аул в степных просторах,
Конь мой тощ, халат дырявый...
К вам, могучие, как горы,
Голод гнал меня костлявый.
Джут в степях моих гулял,
Скот приплода не давал.
Жалобу свою и просьбу
В этой песне я сказал.

ДОЛЯ БЕДНЯКА

Кара-тас, Узун-Агач
Калкабая слышат плач:
Просит хлеба на пикетах
У почтовых передач.

От куска не будешь сыт.
Отбирает голод стыд,
Босоногий и без шапки
На снегу голодный спит.

Как не сжалиться над ним?
Время черное, тугое!
Труд и пот, пролитый им,
Ничего в степях не стоит!

Не идет и пища впрок,
Слабнут кости рук и ног,
И в глазах от доли страшной
Застывает огонек.

Безвозмездно что дается?
Даже близкий и родной
Скажут: — Он еще добьется,
Он не старый — молодой!

ПРИ ИЗБРАНИИ САТА

ы расчесан, как ястребок,
И на вид ты наряжен, пригож,
Но опорой ты стать мне не мог,
Ветер весть мне несет: — Нехорош!
У верблюдов зачахли горбы,
И приплод не идет от кобыл.
Загружая поклажей народ,
Гололедицей зимней ты был.
От поборов устали твоих.
Опереться на что? — Всюду гнет.
Пусть не все я сказал. Ты притих.
Все поймет и рассудит народ!

ТЛЕМИСУ

Тлемис, Тлемис! Слова твои,
Как жало острое змен.
Язык, притронувшись слегка,
Жжет крепким жаром уголька.
С тобой начать неравный спор, —
Избитым быть наверняка.
И уstraшенные тобой,
Вступить не смея в устный бой,
И Нагайбай, и Кебекбай
Идут, наполнив рот водой.

ШАЛТАБАЮ

 зором мрачным смотришь в дали,
Думая, что ты один.
Волостных мы повидали
И не мало, господин!
Черным потом обливался
Ты на выборах своих.
И богатством ты швырялся,
Был приветлив, щедр и тих.
Был ты всем, как друг и брат,
Всем кричал ты: «Жамагат!»
А когда добился власти,
Никому ты стал не рад.
Не приветлив ты, не мил,
У тебя не раз я был, —
Как не гневаться Джамбулу,
Коль с обидой уходил?
Голова твоя вскружилась!
Как баксы, что не найдет
У больного жизни жилу,
Изумляешь ты народ!

К КАЛИ

Ой, мой Кали, сын Ордабая.
Юрта белая, большая
Над тобой кошмой блестит,
Рядом — черная стоит.
Слава громкая твоя
Не укрылась от меня,
И в подарок не прошу я
Ни верблюда, ни коня.
Сары-байбише ты сын,
Знаю я, что ты один
Из потомков Байдабека.
Сын Сартауских долин,
Ты кочуешь по степям,
Издавна живешь ты там.
Русские и волостные
Покровительствуют вам.
Странник мира это — я,
Низким ли сочтешь меня?
Если так, то сам ты низок,
Не боюсь, Кали, тебя!
Не обижен я никем,
А тебя, что насмех всем
Вышел в гордости кичливой,
Песней я в народе съем.

Джамбул среди акынов ■ 1913 году

Узбекистон Республикаси

Ўзбекистон Республикаси

1284.

АБЫШКА

Раз в ауле Мамбет-али
Меня приняли за старика,
Абышка меня нарекли,
Оскорбили меня свысока.

Видно, девушки глаз привык
Замечать рыжеватый клочок.
Я же вижу, что твой старяк
Был от дома не так далек.

Ты не слышала голос мой?
Не охрипнет он до утра.
Нам с тобой на веселый той
Выйти вместе пришла пора.

Сомневаться ты не должна, —
Справедливость возьмет свое.
Так легка ты и так стройна,
Что сама обнаружишь все.

МАНКЕ

Волостные Жангалыка всюду ходят
И курносый носом, как по ветру, водят.
Ой, проныры все они. Глаза зажмурив,
Мзду везде себе находят.

Говорят они и хитро, и протяжно,
Раздирая горло свое болью.
Где пожива видится неважной,
Там несут мешок, набитый солью.

И кряхтя под тяжестью убого, —
Недовольных сладко ублажают,
А потом с поддержкою от бога
До краев карманы наполняют.

ЗАВЕЩАНИЕ

Д-ма, эх, бранный мир — непокой.
Люди в нем — караван кочевой...
Мир веселый оставят. Пройдут
Через свой перевал вековой.
Входишь с голосом звонким ты в свет,
А при выходе — голоса нет.
Колшибай оставляя для сынов
Образец поучительных слов.
— Чистым сердцем, приятель, дыши!
В добром деле ты счастье найдешь, —
Славных подвигов не совершив,
Что из жизни с собой унесешь?
Все сокровища мира собрав,
Не найдешь ты в богатстве добра.
Светлой памятью, вечной, святой,
Будет жить и сиять над тобой
Лишь добро, что ты миру несешь!
Остальное в могилу с собой
В белом саване ты не возьмешь.

СТАРШИНЕ МИРЗАБЕКСКОЙ ВОЛОСТИ

Телеги глухо скрипят вдали,
Черные дороги в черной пыли.
Это в урочище Тоталы
Будет решаться судьба земли.

Медные пуговицы блестят,
У землемера важный наряд.
Здесь, на вершинах родных холмов,
Колья они вбивают подряд.

Хвостом завилал ты совсем не спяна,
Завидя начальство, мой старшина.
Ты будешь теперь доволен собой,
Отдав им земли родные сполна.

Ты сам записал и поставил печать,
Чтоб лучшие земли народа отдать,
Чтоб светлые воды народа отдать,
Чтоб тесно в степи было нам кочевать.

Ты смуту посеял в народных сердцах,
С тобой неразлучны и месть и страх.
И если Аллахом ты дан, старшина,
То значит несчастье послал нам Аллах.

КОКИМУ

адишь поближе, мой Коким,
Давай с тобой поговорим.
Народом править кочевым
Решился ты путем каким?

Ты не криви свой хищный рот.
Ты продал совесть и народ.
Нажраться захотел, Коким,
За счет несчастных и сирот?

Ты захотел, чтоб не скучать,
Рыданье бедных услышать?
Коким, тебя теперь прошу
Ответ, не медля, ясный дать!

МАМБЕТУ

О почтенный мой Мамбет!
Шесть ночей и дней
Славил твой аул поэт
Песнею своей.

Покорил тебя певец,
Песнями звеня.
Подобрел ты, наконец,
Подарил коня.

Шесть ты месяцев скучал
И ко мне в аул
Ты впервые прискакал:
— Спой еще, Джамбул.

Но увидев ветхий дом,
Испустил ты вздох.
Для тебя в дому худом
И хозяин плох...

Дом мой плох и нищ мой стол,
Нет на нем щедрот...
Почему ж сюда пришел
Мой степной народ?

Потому что я богат
Более тебя.
Мудрых слов и песен клад —
Для народа и

НА ВЫСТАВКЕ

Путь вздымая в пыльный прах,
Во весь опор, во весь размах
На выставку в Алма-Ата
Спешат на легких скакунах

Уйсунов главы и Найман, —
Слепит их в городе туман.
Они свою забыли степь,
Они в поклонах гнут свой стан.

Они склонились камышом
Под набежавшим ветерком.
Мы угадали их судьбу,
Взглянув на их позор тайком.

Вы оскорбили честь мою.
Горюю я и так пою:
— Чем эту выставку смотреть, —
Уж лучше быть в родном краю.

В поклонах не согнусь, как вы,
Не нужно вашей мне жратвы.
Моя надежда — песнь моя,
С ней не склоню я головы.

ЧЕРНЫЙ УКАЗ

Пастбища нашей родной стороны —
Карабастау и Кулан-Саз!
В светлые годы моей весны
Здесь я бывал не раз.
Скорби сегодня не утаю,
Будет печален сказ.
Слушайте: падают в песню мою
Слезы из многих глаз.
Болью налившись, плачь струна,
В этот тоскливый час:
Ты услышала, моя страна,
Черный царский указ!...

Вам ли, сыны, надевать ярем?
Голову молча гнуть?
Перед разлукой язык ваш нем,
Скорбь разрывает грудь.
Нынче с джайляу уйдут старики,
Вы же — в далекий путь...
Силою всей материнской тоски
Сына домой не вернуть...

«Эй, от хибиток, — кричит
Волостной, —
По одному от пяти!»
Сам есаул к нам в полуденный зной,
Мчит по степному пути...
Будьте вы прокляты, эти дни!
Что там еще впереди?
Сердце трепещет, в висках звенит,
Воздуха нет в груди.

Будьте вы прокляты, бий да бай,
За то, что в людских сердцах,
Ясных, как мир, как родимый край,
Вы поселили страх.
Слышу: по согнутым спинам бьет
Родственник и сосед;
Слышу: сегодня рыдает народ,
А в вас сожаленья нет!
Что ж остается? Куда итти?
Сдаться ли злой судьбе
Или на скорбном своем пути
Счастье искать в борьбе?...

Мух на спине своей терпит скот,
Тот, кто подобен ему,
Пусть пропадает, пускай умрет, —
Смерть собачья тому!

ПЕСНЯ ГНЕВНОГО СЕРДЦА

Верном пером подписал генерал,
Черный, короткий приказ издал.
«Наших сынов из аулов угонят», —
Вот что народ узнал.

Болью жестокой слова горят:
«Им никогда не вернуться назад!»
Сердце свое разрывая скорбью,
Старые матери голосят.

Нету лекарства от ран таких,
Солью слез растрavляешь их,
Нынче вошло к нам в кибитки горе —
Для стариков и для молодых.

Пристав примчался, твердит об одном:
«Сам не пойдешь ты, — потащат силком!»
Но отвечали на это жигиты:
«Лучше у дома родного умрем!»

Парни-жигиты горды и тверды.
И, обругав их на все лады,
Пристав ушел, не добившись толку
И пригрозив им: «Дождетесь беды!»...

У Каргалы, торопливой реки,
Парни собрались и старики.
«Силой — и то не заставят итти нас», —
Так говорят вожаки...

Царь не прощает бунтовщикам!...
Помня в ~~лицо их по именам,~~
Пристав в аул приезжает снова
Вместе ~~с солдатами~~ к нам.

Люди и скот не ели с утра.
Была ураза. И томила жара.
Бледные люди, гневные люди
Не ожидали добра.

Кончилась в этот день ураза.
В ауле безумная буря-гроза
Мимо промчалась, друзей вырывая
И ослепляя глаза...

Их ~~увезли~~... Мой родной народ,
Ненависть в сердце твоём растёт!
Воздух горит, и пылает солнце...
Гнев твоё сердце жжёт!

Вот они все за ~~тюремной стеной~~, —
Не совладать с гнетущей тоской.
Братья-друзья у ворот ~~закрытых~~
Топчутся день-деньской.

Сколько часов им прождать пришлось!...
Вот заключённых ведут на допрос.
Сам губернатор явился: «Зная
Кто на джайляу пронёс?»

«Ну, отвечайте!» Но все молчат.
«Может быть, ты это, Бекбулат?
Если виновен, то ~~будешь повешен~~».
Слушают все, — молчат...

Многим пришлось тогда умереть...
Долго над ними свистела ~~плеть~~,
И пред скорбными их глазами
Стояла на страже смерть.

Вот и минута ее пришла, —
У двери большая арба ждала.
«Эй вы, несчастные, замолчите!
Нужен ли вам мулла?»...

В день тот в Самсу налетел Бетпай,
Звавший к восстанью родимый край,
Но опоздал он — погибли жигиты,
Бей же убийц, карай!..

Пристав с солдатами прибыл потом,
Встретил жигитов ружейным огнем.
Сбившись в мечети ходжи Жаныбека,
Наши отбились с трудом.

Целую ночь не смыкали век,
Время тянулось, как долгий век.
Утром узнали: с друзьями своими
Ночью бежал Жаныбек...

Но поднимался народ простой,
Словно в озерах вода весной.
И прокатилась волна восстанья
По стороне родной.

Многих убили мы царских слуг, —
Знает об этом и враг, и друг.
Только падет ли вооруженный
От безоружных рук?!...

Стоял за жигитов и млад и стар,
Долго еще полыхал пожар.
Светлое пламя пошло на убыль
В час, как погиб Саттар...

Пред палачами велик был страх,
Прятались люди в скалистых горах.

Там по ущельям, по горным тропинкам
Бродили киргиз и казах.

Снова и пристав и волостной
Гордо вернулись в мой край родной...
А кости борцов, не узнавших свободы
Белеют в траве степной.

СОБАКА БАЯ КАДЫРБАЯ

Конь мой усталый разбил свои ноги.
Конь мой ослеп и оглох на дороге,
Конь мой голодный не может идти,
Конь мой вздохнул и упал на пути...
Где же коня мне другого найти?

Ноги коню я кошмой обвязал,
Дари-траву к ушам привязал,
Мух малахаем от ран отогнал
И раздавил на спине у коня
Жирного, как чиновник, слепня.

Старый колодец в жарких песках
Я по верблюжьим следам отыскал,
Друга холодной водой напоил,
Гриву погладил и раны промыл.

Конь встрепенулся, конь задрожал,
Конь мой любимый тихо заржал.
Я на потник заезженный сел,
В степь посмотрел и песню запел:
— Ты, мой любимый, терпи до поры,
Нет нам помощника кроме домбры!

Солнце в далеких горах потонуло,
Вышла луна — вдохновенье

Джамбула.

Вижу с вязанкой саксаула
Едет джигит на буланом коне,
Громче запел я. Он едет ко мне.

— Шырагым о-эй, узнаешь ли Джамбула?
Кто ты, откуда, какого аула?
Хранит ли аллах у тебя табуны?
Хватило ль калыма тебе для жены?
Сыты ли дети в юрте твоей?
Много ли у тебя сыновей?
Пышна ли дочери старшей коса?
Много ли в юрте твоей кумыса?
Плюнул жигит и оставил коня:
— Нет ни жены, ни детей у меня,
Ты ли в воде раздобудешь огня?
Ты ли не знаешь нашего бая?
Мясá поешь ли у Кадырбая?
Ты ли, изведавший столько дорог,
Ступишь на Кадырбаев порог?
Зол Кадырбай и невесел с утра, —
Сдохла у бая собака вчера.
Был он смертелен — укус каракурта,
Пес, завывая, метался у юрты.
Бай Кадырбай над подохшей собакой
Выл, как шакал, и ругался, и плакал,
И приказал, чтоб со всех концов
В аул хабарчи привели певцов.

Бай обещает полсотни баранов,
Двух иноходцев и море айрана,
Новый халат в серебре и парче
И чаю душистого сто киршичей.
И третью жену он свою отдает
Тому, кто его доброту воспоет,
И верность собаки его воспоет,
И жир о богатстве несметном составит,
И кюями байскую силу прославит.

* * *

Пели жирши день и ночь, голосили,
Пели жирши, Кадырбая хвалили:
«О-э-эх, заглянула б луна в табуны,

Кюй по аулам кречетом взвился,
Песней своей я к жирши обратился:
«Льстивы, блудливы ваши слова.
Гнулись они, как сухая трава,
Правда великая в них не жила,
Сила народная в них не цвела,
Горечь за вас мое сердце хлестнула,
Слушайте верную песню Джамбула:
~~Кто вольностью дышит — богатым не будет,~~
Кто лижет подметки — сапог не добудет,
~~Кто стонет да плачет над байским порогом,~~
Слез у того наберется немного.
Кто ~~беден умом,~~ тот овечкою блещет,
Кто ~~песен не знает,~~ тот жить не умеет,
Кто шею не гнул перед баем богатым,
Тот до могилы не будет горбатым.
Кто ~~песню~~ свою продаст за барана,
Тот ~~мухи~~ ниятожней, трусливей кояна,
Блудливей хорька и трусливей тушкана.
Послушал, жирши, я ваши слова,
Они перед баем легли, как трава,
Злоба горячая в сердце хлестнула,
Бай Кадырбай, ты послушай Джамбула.
~~Собака~~ твоя не плохая была,
Она табуны для степей берегла,
Которые ты, как голодный шакал,
В наших аулах безрадостных крал.
Собака твоя по зеленым увалам
Стаи голодных волков прогоняла,
С волком вступая в неравную схватку.
Зная собачью горячую хватку,
Волки боялись ее, как огня.
Она берегла и овцу, и кояна,
Хвост свой пушистый не поджимала,
Волчьей кровью ковыль поливала,
В сопки волчицы неслись впопыхах,

Оберегая свои потроха. ,
Собака неплохо степям послужила,
Радостью нашей она дорожила,
Она и под солнцем и при луне
О нашем заботилась табуне.
А ты, ненавистный, с ханскою сворой
Проходишь степями злодеем и вором,
Не дай тебе бог ничего кроме блох,
Жить ~~бы~~ собаке, а ты ~~бы~~ подох!

ХАН И АҚЫН

то было во времена кокандского ханства. Бий-мурза со своими сорока аярами ездил по аулам казахских степей и обирал народ. Некому было жаловаться на тяжкие поборы. Хан был силен и жесток. Бий-мурза, как смерч, появлялся над аулом. И за каждую девушку старше тринадцати лет брал лошадь и один халат. А самую красивую девушку увозил на ночь в свою юрту. Сорок аяров защищали бия-мурзу от ярости народа. Плакала степь широкая, жемчужины слез собирались в ручьи, и вода с шумом бежала в море-океан. Откочевывали казахи на джайлау, в горы, но бий-мурза находил их. И снова в страхе дрожали девушки, и снова джигиты были полны злобой, но беспомощны.

Старшина рода, белый и мудрый старик, сказал:

— Надо обмануть бия и всем девушкам переодеться в одежду женщин.

И когда приехал бий-мурза, в ауле не оказалось ни одной девушки. Рассвирепел бий. Он созвал своих аяров и сказал:

— Соберите всех молодых женщин в ауле.

Ханым была дочерью почетного старца. Ханым была очень красива. Она была Алтыншаш — золотоволосая, ее ресницы были словно из золота, а вместо глаз светились изумруды. Хороша была Ханым, и не один джигит мечтал о том, чтобы на него ласково взглянула Ханым. И когда один из аяров подъехал к Ханым и поцеловал ее в губы, брат Ханым молнией налетел на аяра и зарубил его. Тогда джигиты бросились на остальных аяров и всех перебили. Брат Ханым примчался к юрте бия-мурзы, зарубил мурзу и выпил глоток его крови.

Долго скрывались в горах джигиты, опасаясь мести хана.

Тяжело было женщинам в аулах, и тяжело было жить в вечном страхе за свою судьбу и судьбу своих дочерей.

И решили джигиты поехать к кокандскому хану с повинной. Они отобрали триста лучших лошадей и отправились к хану. С ними поехал акын степей, лучший песенник народа ходжа Мадали.

Желтую степь сменила яркая зелень, стройные тополя гордо смотрели в небо, и их верхушки трепетали, шепчась с ветром. Между чинарами расположилось стойбище злого кокандского хана.

Неподалеку от стойбища хана остановились джигиты. Хан сказал.

— Пусть придет ко мне тот, кто убил бия-мурзу.

Брат Ханым и акын явились к хану. И акын Мадали запел:

Девушек много в степях у тебя,
И честь их и жизнь в руках у тебя.
Срывают тюльпаны, но будет ли прок,
Если еще не раскрылся цветок.
Слезамы мои затуманил глаза
Делами своими изменник мурза.
Чапаны из шелка у нас отбирал,
Жирных коней косяки угонял,
Он девушек лучших, гяур, осквернял.
Не бий он — гиена, степная гроза.
За это убит он, изменник мурза.

И хан простил их. Поправилась хану песня акына Мадали, и он сказал:

— Хорошую песню спел ты, акын. Скажи, чего хочешь, и я тебе дам.

И акын Мадали снова запел:

У Ак-мечети, где местность Ихан,
Я землю лелеял и землю пахал.
Пупок там мой срезан, и грязь от белья
Смывали водою реки Сыр-Дарья.
И если не жалко, о светоч зари!
Мне землю родную мою подари!

И хан, рассердившись, сказал:

— Дарю тебе землю только под юртой твоей.

СКАЗКА О ЛЕНТЯЕ

от, кто сыт, кому не приходится рукой шевельнуть что-бы наполнить свой желудок, тот становится лентяем.

У меня такое хозяйство, что все оно сможет уместиться и на ладони. Если поделить обязанности по хозяйству между моими сыновьями, каждому из них достанется самая небольшая доля работы. Но всякий раз, когда я говорю сыновьям: «Вы сегодня должны сделать то-то», — они отвечают: «День еще весь впереди», или: «Это и завтра сделаем». Такие ответы моих сыновей напоминают мне сказочного лентяя.

...Жил такой человек на свете. Отец его имел несметное богатство, да и сам он владел целым аулом и ни в чем не имел нужды. У него все было приготовлено. Коль хотел ехать, — конь готов; коль хотел есть и пить, — бес-бармак и кумыс к его услугам. За всю жизнь он соломинки не переломил своими руками. Если он лежал на левом боку, ему лень было перевернуться на правый бок. Таков был этот сказочный лентяй.

Аул его был расположен в большом урочище. Осока и камыш вокруг его аула никогда не выкашивались.

Однажды жители аула всполошились, увидев охваченную пламенем степь. Огонь быстро приближался к урочищу. Все жители бросили свои жилища, — люди и скот спешили перебраться на новые места. А байский сын, владелец большого аула, лежал в своей белой юрте и даже не сдвинулся с места, — ему лень было подняться.

Встань, мурза, весь народ кочует. Из урочища идет большой пожар, — обращаются к нему.

— Ну что ж, пусть кочуют, — отвечает он.

— Мурза, ты останешься один на месте стоянки! — предупредили его.

— Ну и что ж из того, что я остаюсь один, — ответил он и продолжал лежать не двигаясь.

Кто-то второпях, усталый и встревоженный, еще раз напомнил ему о пожаре:

— Зимовка в огне, нужно уходить отсюда.

Он ответил:

— Пусть горит, что из этого.

Перекочевав на новые места, жители аула были удивлены поступком своего господина и решили, что он является праотцом всех лентяев.

— Когда пожар застанет его в постели, может быть тогда от страха станет проворнее. Давайте оставим его, — сказали джигиты.

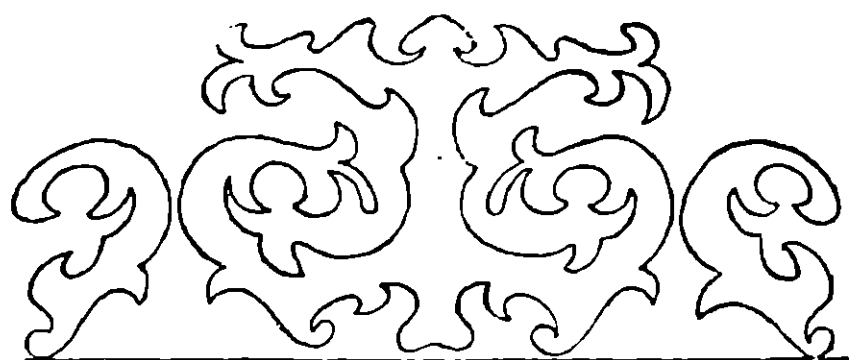
В огне пылали зимовки, арбы, загоны для скота. Но владелец большого аула продолжал лежать в юрте.

Когда пожар стих, несколько джигитов поехало на место старой стоянки. Среди обгорелых остатков белой кошмы, в куче пепла, нашли они своего господина. Он был похож на опаленного барана. Один из джигитов, спешившись, подошел к нему и спросил:

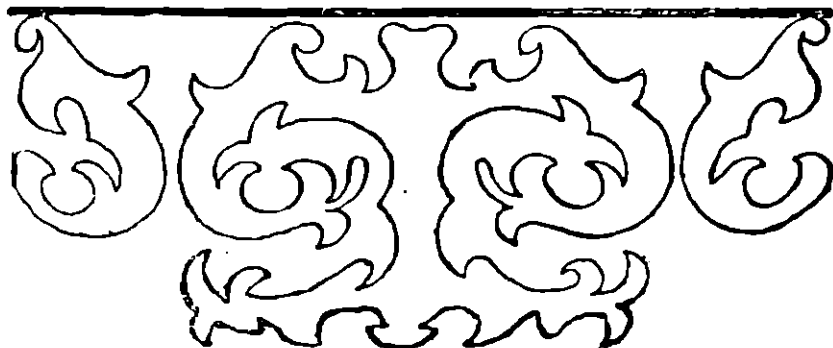
— Господин мой, твоя лень привела тебя к смерти. Покаялся ли ты?

— Ну и что из того, что я умру? — пробормотал он слабым голосом и скончался.

ВТОРОЙ РАЗДЕЛ

22. 21 1040 1

А И Т Ы С Ы

АЙТЫС С АЙКУМЫС

Д ж а м б у л:

К оня я упарил, был путь мой далек,
Моя Айкумыс, моих дум огонек,
Весь пыл молодой для тебя я сберег,
Поспешность мою не считай за порок.

А й к у м ы с:

Спеша, поздороваться даже забыл,
Никто тебя вежливости не учил!
Когда бы твой ум с расторопностью жил,
Сокровище неба рукой ты б схватил.

Д ж а м б у л:

Я мог ли к тебе, Айкумыс, не спешить?
Я молод, о скалы я бьюсь, чтоб любить,
Я ночью и днем лишь тобою живу,
Тебе ль для худого добычею быть?

А й к у м ы с:

Никто о своей не узнает судьбе...
Гулять по аулам привычно тебе,
А я для кочевий чужих рождена,
Себя не тревожь, хлопоча обо мне!

Д ж а м б у л:

Пойдешь за плохого ты в нерадостный час,
Ты птице чудесной подобна сейчас,
Тогда ж до могилы пробудешь в беде,
И сныне мухи забьются у глаз.

А й к у м ы с:

Ты самоуверенным, милый, не будь,
Как будто всех девушек спас ты, Джамбул.
Зачем же расстанет с полным ястребком
Умеющий зорко предвидеть судьбу?

Д ж а м б у л:

Несчастны джигит и любимая с ним,
Коль смех и веселье неведомы им.
Душа ненасытная страстью горит,
И жду я, желанной надеждой томим.

А й к у м ы с:

Надеждой джигит, как победой, живет,
Но дума покоя душе не дает.
Всезнайкой не будь и короче, мой свет,
Скажи поскорее желанье твое!

Д ж а м б у л:

Хочу я не пуговицу надавить,
Хочу я не песней тебя удивить.
От слов не бежишь ты, а дело стоит,
Сама б поняла, не прося говорить.

А й к у м ы с:

Джамбул, на слова ты скупой. Не дрожи,
Проси же яснее, язык развяжи...
Ну чем я пленила сегодня тебя,
Желанье свое, не таясь, ты скажи.

Д ж а м б у л:

Аул мой летует на Кок-Сенгире,
Иссякло терпенье там ждать на заре.
Поймешь, коль позволишь мне тронуть
сейчас
Твой холм на груди, что укрыт в серебре.

А й к у м ы с:

Не нам прикоснуться, Джамбул, — не вни:
Я с праздника честь доведу до родни.
Есть сказ: добрым словом будь сыта душа,
А нрав твой хороший пусть память хранит.

Д ж а м б у л:

Моя Айкумыс, что же делать, прости!
Разъедемся, тайну не выдав в пути,
Лицо твое в памяти я сохраню,
Пока огонек не погаснет в груди.

ВСТРЕЧА С АҚЫНОМ БАКТЫБАЕМ

Бактыбай:

Каратал аул лежит
На побережье Шангарок!
Я из дома выходил,
Ты со мною в мыслях был.
Я себя с тобой сравнил:
Огонек во мне остыл,
Знаю, старость подойдет,
Посмотри в глаза судьбы!
Гневен бог на чабана,
Бьет же палкой Шопана...
Мою голову, как плесень,
Покрывает седина.
И отваги прежней нет,
Издали не вижу след.
Из акынов у Найман
(Их одиннадцать певало)
Был приметнейшим Арстан,
С ним я схваток вел немало.
Днем и ночью пел наш стан.
Разве мне отстать от ровни?
Мчался в песне, как кулан...
А теперь — в глазах туман,
Мои ноги, как таган.
Про тебя молву я слышал,
Где зимует Кожакан.
Нам, Джамбул, для доброй встречи
Этот час счастливый дан!

Д ж а м б у л:

Мой поклон тебе, земной!
Старше ты меня годами,
В песне я пойду рысцой.
Сила есть в груди моей,
Вдохновясь, спою звучней.
Мы, друг друга уважая,
Покорим сердца людей.
На Майке идя в атаку,
Славу ты себе добыл,
Род Абака, род Тарака
Ты, любезный, посетил.
Всю-то знаешь ты родню
Близок кто и кто далек,
Пред тобою я пою
Песней пламенной высок.
Коль по нраву будет песня, —
Внемли ей, благословя;
Не по нраву будет песня,
Отступись ты от меня.
Обо мне послушай ты:
Я живу в Кара-Кастеке,
Среди рода Шапрашты.
Май-тюбе — гора крутая,
Как вершина у мечты,
Запевал свою я песню
Там с орлиной высоты,
И в долинах Ала-Тау
Эту песню слушал ты.
На раскат похожа песня.
В ней моя живет душа.
И казах ее услышал,
И киргиз сберег в ушах,
Плыл, как гусь, прилежно я,
Песней правил нежно я.
Где Майкот и Кулмамбет, —
Рядом — неизбежно я.
Кулуншак, Майлы-Кожа, —
Каждый рядышком сажал,

Я их славе поклонялся,
Их примером дорожа.
Правда — слова колыбель,
Вот на этом и закончу,
Ибо в этом песни цель.

ДОЧЕРИ БОЛЕКА

Д е в у ш к а:

Склячей серой на ходу,
А с гнедою в поводу
Ты ко мне не подъезжай
И верблюдов не пугай.

Д ж а м б у л:

У саврасой бег хорош, .
Да и ты мне любя тож!
Разрешы подъехать ближе,
От любви бросает в дрожь.

Д е в у ш к а:

Когда ж ты сватом стал для рода Балгалы?
Ты крутишься подобием юлы...
Нет, Балгалы благословения не даст,
Хотя б почтенно и со скотом явился ты.

Д ж а м б у л:

Издревле в дружбе были роды мой и твой
И находили в дружбе радость и покой.
Дурным красавицам — ничто народный дух,
Гордятся легкомысленно собой!

В дороге дальней отошал. кочуя, я,
Одеждой тоже беден стал. кочуя, я,
К теплу красы твоей приблизиться хотел,
Ты оскорбила, горделивая, меня,

Д е в у ш к а:

Я знаю, путник утомленный ждет покой
С надеждою в семье ему чужой.
Ты к каравану, надоедливый, пристал,
Отстячь-ка без обиды, светик мой.

Д ж а м б у л:

Нет спора — путника дорога утомит,
Но утомленья он красотке не простит.
С саврасой если не поеду рядом я,
Мне той обиды дочь Болека не простит.

Д е в у ш к а:

Саврасая мой кош ведет и днем,
Сжав уши, схватки ждет она с твоим конем,
Коль не желаешь вдруг посмешищем ты
стать,
Оставь мой кош и не показывайся в нём!

Д ж а м б у л:

Как не упрямясь, не уйду я от тебя,
Все больше, больше возгораюсь страстью я.
И пусть твой конь укусит больно моего,
За божий знак укус коня приемлю я!

Встреча Джамбула с акынами на горном джайлау

(Репродукция с картины А. Кастеева)

ИЗ АЙТЫСА С АҚЫНОМ САРЫ

С а р ы:

Н у, добрые мои друзья,
Теперь послушайте меня.
Вам скажет истину Сары:
Удача с нами — до поры.
Вот к Сарыбаю все спешат,
Его дела идут на лад.
Пока дела идут на лад,
Вам поклониться каждый рад.
Но лишь споткнетесь на пути, —
И все скорей спешат уйти.
И разве можно где найти
Нам лекарей от зол и бед?
Ты, Сарыбай, давай ответ!

(После паузы).

Твои слова я слушать рад.
Ты, Сарыбай, умом богат.
А если мысль морщинит лоб,
То почему уста молчат?

Д ж а м б у л:

По нраву будет или нет,
Но я хочу держать ответ.
Смутившись, Сареке молчит,
Тобой же Суйеке забыт!
Молчишь ты сам пред Суйеке, —
Нет острых слов на языке,

И о тебе не говорят:
— Его дела идут на лад.
Найдешь ли лекаря себе?
Сумеешь победить в борьбе.
А не найдешь, то навсегда
Спина согнется от стыда.
Сумей же сам от зол в пути.
От неудач и бед уйти.
Здесь Суйеке сегодня нет,
Не то б тебе он дал ответ...
Но речь окончена моя...
Спасибо, добрые друзья!

АЙТЫС ДЖАМБУЛА С КУЛМАМБЕТОМ

Ку л м а м б е т:

Я — Кулмамбет, по кличке Кулан-айан,
Знает творец, что это мне не в изъян.
Роду Албан я, роду Дулат я петъ
Буду сейчас, вниманьем их осиян.

Я, Кулмамбет, Кулан-айаном слыву,
Слушайте — в сердце вписанную молву.
Вас я, люди родов Албан в Дулат,
Всех собравшихся слушать меня зову.

Род мой — Кулан-айан, я — Кулмамбет,
Песней увлечь вас ныне даю, обет.
Пусть, если может, жалкий соперник мой
Даст мне достойный, даст мне смелый ответ.

Вызов мне слали певцы со всех сторон.
Быть мне рабами — общий для них закон.
Есть еще — как его? — этот, ну, Джамбул.
Он, мол, акын... — Зачем же таится он?

Ждет он, как бы врасплох застать меня,
Чуть зазеваюсь, начнет он таскать меня.
Мнит Сейтбатталом себя, самым Али...
Нет, не сумеет он запугать меня!

Вон курдюком не он ли, баран, трихнул?
Нравится, что ль вам скудный его нагул?

Пусть же выходит, коль вправду акын,
Этот — как его звать там? — ну,
Джамбул!

Кликнул бы ты Джамбула, эй, куманек!
Мне на расправу живо б его привлек!
Я — иноходец в роде Албан-Дулат.
Сыщется ль равный мне по прыти конек?

Я ль не скакун на все четыре ноги?
С честью я выходил из всякой байги.
Если и он других обгонять горазд,
Кликни его и нам сойтись помоги.

Вызвал тогда Джамбула Худайберген.
Сдвинулись люди всех родов и колен,
И Кулмамбет среди них сказал, смеясь:
— Вот кто желает быть старшим, — мне взамен!

Эй, — он сказал Джамбулу, — разинь-ка рот!
Многих акынов прошиб холодный пот;
Многим, тягаясь со мной, пришлось
кряхтеть;
Многих, ловчей чем ты, я брал в оборот.

Д ж а м б у л:

Старшим — первое место в пору игры.
Жертву волчица ждет на склоне горы.
Стоит иных сединый черный волос мой,
Я, чтобы честь снискать, прибыл к реке Или.

К у л м а м б е т:

Рвешься ты в бой, приветом нас не
почтив,
Вижу, что ты невежествен и спесив.
Долго ль в колодец упасть кувырком?
Что же, лети, уж если ты столь хвастлив,

Тут вот голь беспросветная сидит,
Зелень неразумная сидит;
Дерзко со мной соперничать норовя,
Руки свои почесывая, сидит.

Видишь, обсели меня, как мошкara.
Взять Кулмамбета вздумали на-ура.
Девять их тут; пусть ты за троих сойдешь—
Будет битва и с одиннадцатью скоро.

Вздумал, ища траву, ты снег разгрести;
Грозным выглядеть хочешь в чужой шерсти.
Выдрин тулуп надев, не стал ты сильней:
Собственный мех для счастья отрати.

О всемогущий творец! Видишь ли ты? —
Дегь Кулмамбета настал — в страхе шуты.
Где оседлал коней род Албан-Дулат,
Там ковыляет жалкий Шапрашты!

Жалок тот род: в слезах молодуха там;
Бай там скот пасут, голодуха там.
Где оседлал коней род Албан-Дулат,
Шапрашты не собратся с духом там.

Род Албан-Дулат — всем родам старшина.
Будет речь моя всюду разглашена.
Если поднял шум род Албан-Дулат,
Песнь Шапрашты шумом заглушена.

Думай сейчас — потом меня не кори,
Если не дрогнул, — вызов свой повтори.
Нет для меня помехи, бурю я
Несся не раз через мертвые пустыри.

Белый я лушь, а ты — петух на суку:
«Кукареку» кричишь да «кукареку».
Ровно из ваших шел один Суюмбай, —
Каждому прочему надо б дать клюку.

Эх, Джамбул, со мной ты не вкусишь удач,
Ждал ты веселья, но здесь ждет тебя плач.
Если б только Нуркан свой пригнал табун,
В землю б он втоптал шапраштынских кляч.

Вижу я сразу, что ты за соловей:
Станешь петь, — ничьих не всколыхнешь
бровей.
Голову ль мне твою с хилых плеч сорвать
Иль втоптать в такыр, глубже степных
корней?

Нынче славу Джамбул мнил своей женой,
Завтра увидит он — есть жених иной.
Наши встретив стада, свой утратит след,
Скажет — «стала степь с пятку величиной...»

Истинных богачей видел ли ты, прыщ?
Ваш богач Шолокпай в наших глазах нищ.
Вот аул Майлыбай — у себя ты хоть раз
Мог ли видеть такой плотный строй жилищ?

Вот Бектембай, Тарпан и бек Токсент:
Кто из ваших так, как они, знаменит?
Вот Ниазбек, Сарсынбаев знатный сын —
Денег сто тысяч в сундуке хранит.

Вот с чьим акыном тягаться ты дерзнул!
Масло не для тебя взбили мы, Джамбул!
Выпрямлюсь я, как прежде, тебя побив,
Ты ж назад поплетешься, хром и сутул.

Сын Утегенов был у вас Нуракан,
Дом их с ханом Шойбеком — черный курган
Где Кобыкпай с Карабаем? След простыл.
Сатыбалды и Канаю стяг их дан.

Наш Усембай из рода Тлеукабыл,
Он соловьем народных сборищ прослыл.

Вам он давал коней для сбора плодов;
Разве, Джамбул, о нем ты теперь забыл?

Славен на весь Жайлымыс молла Сатим:
Он, благоденствуя, нами всеми чтим.
Горд Сегизбек любым из тысяч коней,
Каждым из них, словно гранат, налитым.

Дал Ормакаю Кыдыр сокровищ тьму.
В Мекке был Исмаил и надел чалму,
Их восприемником стал храбрый Манке:
Должное в песне как не воздать ему?

Есть Алпыстай еще в Малик у нас,
Беден, чтобы их описать, язык у нас.
Братья Татыны, Идрыс, муж Шуманак, —
Каждый из них богат и знатен у нас.

Есть Аманжол в Каскарау и Ногайбай,
Скот без счета у них, им на земле рай,
Рано ложиться, поздно вставать им не грех,
Масло вкушают они, смакуют чай.

Вва, Малдыбай, от Кыдыра рзавший сап!
Вва, Ажибай, что на помощь мною зван!
Мне замухрышка несчастный вызов шлет.
Разве прольется на землю мой айран?

В роде твоём, Джамбул, будто малых нет;
Якобы резвы все, мол, отсталых нет.
Но угрожавших киргизам предков их
Нет на равнинах, на перевалах нет.

В гости придя, не молчи, бровей не хмурь.
Дерзок со старшим ты, — это что за дурь?
Черноволос ты, с виду ты неказист.
Нет, не таков я: взглядысь, глаза прищурь!

Дерзок со старшим ты. Стыдно, Джамбул, юн!
Разве на твой кобыз бог не надел струн?

Что же молчишь ты, будто живот болит,
Будто во рту у тебя вырос типун?

Как бы там ни было, есть один исход:
Будет родом моим твой унижен род.
Все мы богаты, вы же все — бедняки.
Век вам пигаться милостыней господ.

Ждет мой род, чтоб я всласть тебя отодрал.
Мне возражать не станет и генерал!
Ну, соберись же с духом и рот открой,
Если, певцом назвавшись, ты не соврал!

Д ж а м б у л:

Чванство, — скажу я тебе, — немалый грех,
Нет у тебя, как видно, других утех.
Был я спокоен, зачем беснуешься ты,
Треплешь меня, кусаешь и рвешь при всех?

Я, коль заденут, грохну, как самопал,
Песни мои — ливень, пенный речной вал,
Речь моя льется из глубины души,
Кто мне перечит, — наверняка пропал.

Вскачь помчится конь, возглас слыша
«чу»! —

Помощь от предков моих я получу.
Вихрем будет мне предок мой Карасай,
Смерчем клубясь, я недруга заверчу.

Пред Кулмамбетом мне вправду ль грош
цена?

Мне ли отстать как кляче от скакуна?
В честь Карасая сбоку пойду в обгон, —
Будет едва ли честь твоя спасена.

Птицы птиц не бьют, в небо не воспарив.
Ты, Кулмамбет, опрометчив, хотя сварлив.

~~Напустословил~~ нынче ты сгоряча,
Шумной твоей похвальбы бесцелен разлив.

Я ведь тебе в отваге не уступлю,
Раньше тебя богатства я накоплю,
~~Я не теряю рассудка в час борьбы.~~
Я не подобен злобному кобелю.

Могут добром и дураки обладать.
Лживы, как лисы, счастье и благодать.
Хочешь ты, видно, про богачей бубня,
Им надоесть, а нам посмешищем стать.

Сгинь, Кулмамбет трескучий, сгинь,
Вместе с водой текучей сгинь!
Впрочем, не с ней: ведь воду пьют...
Лучше с попутной тучей сгинь!
Впрочем, тужи влагу дают...
С солнцем, чьи ласки жгучи, сгинь!
Впрочем, к утру и солнца ждут...
Лучше с пылью сыпучей сгинь!
Нет, пылинки к нам пристают...
Лучше со мглой ползучей сгинь!
Нет, ее объятья степь обовьют...
Лучше с высокой кручей сгинь!
Впрочем, и там для нас приют...
Хоть в аду, приставучий, сгинь!
Как мне быть с тобой, Кулмамбет,
С лысой твоей башкой, Кулмамбет?
Что мне твой скот и твой приплод?

Я тебе, лысому, доложу:
Если за мной стоит народ,
Я всех баев превосхожу.

Зачинаются наши стада,
Где озера Алма-Ата.
До Кастека степь занята.
Нет рубежного знака нам:
Все до Каракыстака нам

Табунами занять пришлось.
Чтоб во лжи уличить меня,
Своего бы тебе коня
Десять дней подгонять пришлось,
Чтобы найти наш крайний табун,
Чтоб увидеть, что я не лгун.

Ку л м а м б е т:

Ишь, задрать норовит меня озорник!
Хватит ли сил у него сломить тростник?
Он бы подался назад, молокосос,
Если бы знатность и мощь наши простиг.

Лезет спорить со мной, словно сам богат!
Знаешь ли, сколько на той нужно затрат?
Кожа да кости — все, что ты накопил.
Чем ты похож на людей рода Дулат?

Овцам счет потеряло племя Бабà.
Что ты пред ним? Подпруга твоя слаба.
Чем ты кичишься, жалкий Шапрашты?
Не смехотворна ль вся твоя похвальба?

Д ж а м б у л:

Будь то Асыл, будь Шибылга,
Всюду моя ступит нога.
Если мощен ты, Кулмамбет,
Должен принять вызов врага.
Знатному роду ты слуга,
За богача прячешься ты,
С ним еще наплачешься ты.
Пусть у Бабь вдосталь ягнят —
Предки плохо тебя хранят.

Нечем, пока я здесь, козырнуть тебе,
Трудно из рук моих ускользнуть тебе.
О Карынбае не пой, о скряге нам, —
О богатырской спел бы присяге нам.

Нам о народном единстве лучше спой,
Спой о доблести ты, об отваге нам!

Ку л м а м б е т:

Кто богаче Дулата? Скажи, грубиян!
Даже Бабá беднее, даже Албан.
Мыкают горе все твои земляки,
Нам богатейший край во владенье дан.

Овцы семь тысяч спин об изгородь трут;
Кони пять тысяч привязей буйно рвут;
Десять верблюдов золотом нагрузив,
Вьет Абеке шатер из шелковых пут.

Сын Утегена, бай Наракан, гляди,
Сотни коней не у него ль позади?
Золотом я лохмотья твои набью —
Песня сама умолкнет в твоей груди.

Многих еще восславлю я, погоди!
Есть Шенет еще — речь о нем впереди.
Сатыбалды, Эстемес, Ламак, Салмак —
В силу богатства наши они вожди.

Д ж а м б у л:

Мог бы и я поведать тут,
Как лопатой деньги гребут,
Как в мешки их сыплют у нас,
Как, самоцветами их покрыв,
На шестьдесят верблюдов кладут.
Даже верблюжий повод у нас
Из дорогого шелка плетут.

Но не об этом я петь хочу,
Я о богатстве таком смолчу.
Вдоль Ала-тау мы полетим,
Мой родной Қастек посетим
И на другие богатства там
Мы с удивлением поглядим. —

Славен не золотом мой Кастек:
Слава его — живой человек,
Слава его — батыры-друзья,
Мощные, как весенний поток.
Спрячешь ли мощь такую в мешок?
Не загрести лопатам ее,
Не обрести захватом ее.
Славятся благородством души
Наш Саурык и наш Суранши,
Копья сверкают у них в руках,
Луки и стрелы на кушаках,
Ткань их одежд чиста и бела,
Песни поются про их дела,
Нас в обиду они не дадут.

Каждый из них — подобье орла.
Плохо тому, кто мучит народ, —
Если мечами они взмахнут,
Если очами они сверкнут.

Надо, чтоб стих мой дальше откочевал:
Я Сыпатая славного не назвал.
Кто, как не он для Великой Сотни вождь,
Кто из батыров столь бесстрашен бывал?
Ласку его из вас постиг не один,
С вами не раз он сладкий чай распивал.

Духом богат он — бедных при нем не тронь,
Меч, а не деньги любит его ладонь,
Подвиг он любит, а ты здесь день воспел,
Славишь ничтожество, славишь байскую вонь.

Нет Сыпатаю равного молодца:
Пешему он, не моргнув, даст жеребца,
Даст и пешком пойдет, — Сыпатай таков.
Вот отчего влекутся к нему сердца.
Вдоль Ала-тау имя его гремит,
Мир не видал подобного храбреца.

Мой земляк не чета твоим.
Ну-ка, давай на юг поглядим,
Там один старик проживал,
Беден он был, любил он труд,
Сыр из Туркмении добывал. —
Не Желмая, а простой верблюд
Скудную ношу таскал за ним.
Подвигами своих сыновей —
Вот чем славен тот человек:
То — Байтеле, Камен, Джапак
И Даулет, четверкой всей
Ставшие частью земли своей.

Слушай меня, не перебивай,
Слушал ведь я тебя, Кулмамбет,
Ты мне успеешь дать ответ.
За Мырзабеком наши живут,
Иссиня-черными все слынут.
Хан их вышел из бедняков —
Разумом крепок народным он,
Духом тверд благородным он.
Весь Абельпейс у нас таков.

Слушай меня, не перебивай, —
Есть у нас батыр Нурабай,
Есть его брат, батыр Али,
Род от Кашке они повели.
Низменность их народ засетил.
Был Кашке по народному прост:
Если он врага примечал,
Он коню подвязывал хвост,
Радостным криком степь оглашал.
Объединил он свой народ...
Что ж, моя песнь, продолжим поход!

Стой, Кулмамбет, наступил мой час:
Станет твой взор могилы мрачней,
Если ты взглянешь на Серектас,
Грозное чудо наших дней.

Там Қылыбаев сын, Қожамбет,
Мощи его пределов нет,
Он — огнедышащий самопал,
Он с небесами в бой вступал,
Он на луну скалил клыки,
Благословенные огоньки
Взорам его бог даровал.
Коль на рассвете свой путь начну,
Я и к полудню не отдохну.
Даром ружья не вскину я,
Даром рукой не двину я.
Про Утеген и Қазбек-страну
Я чмоходом упомяну.
Эти возвышенные места
Родиной были предкам моим.
Вспомнил о них я здесь неспроста:
Там шестерых своих сыновей,
Храбрых, как львы, взрастил Ибрагим.
Били врагов без страха они,
Были оплотом казахам они,
Каждый когтист и каждый зубаст —
Разве ваш род таких создаст?

Эй!... Прислушайся, Кулмамбет, —
В баях твоих смысла нет,
Даром ты тратишь столько слов
На дураков и на ослов.
Дрязги, сплетни и клевета —
Вот чем ваша знать занята.
Тень на народ бая кладут,
Будешь и ты в этой тени.
Баям вовек не буду сродни,
Байским добром не бахвалюсь я,
Бедностью не печалюсь я,
В мощи народа — сила моя,
Цель народу ясна моя.
Богатырям я честь воздаю, —
Вот на какой я земле стою!
Не уступлю, Кулмамбет, тебе.

Ку л м а м б е т:

Наш Бекетбай в Қаскарау — с ним
сравнись!

Наши Тарпан с Токсеитом — вот дивясы!
Бай Телитай, многоконный, тоже наш.
Ну, откуда б у вас такие взялись?

Много ль у вас таких, скажи, богачей,
Как Соманак, Шоранбай, Сент, Шекей?
Есть на Шокпаре у нас даже султан...
Вва, молись о продленье жизни своей!

Шапрашты — ты жалкий, бесхвостый пес!
Вот сковырнешься в яму — расквасишь нос.
Спесь нам твоя, заплатанный, не страшна,
В песне своей ты околесицу нес.
Буду сидеть в печенке я у тебя.
Песни мои забурлят, как вешний плес.

Думал меня запугать ты — нет, шалишь!
Бая никем из бедняков не затмишь.
Лебеда наши орлы с лету когтят,
Вашим стервятникам гнать разве что мышь.

Кем ты кичишься, кем ты послан на бой?
Вашей кишмя кишашею голытьбой?
Лучше б веревкой живот ты своей стянул —
Твой измочалоу чепрак я под тобой!

Д ж а м б у л:

Всякий соперник кажется мне смешным.
Власть мне дана над всяким зверем
степным.

Брось! Не бесись, ленивцев не восхваляй,
Целые дни вдыхающих черныи дым!

Знают все: народ трудолюбивый мы.
Но и не бредим, как вы, наживой мы.

Все мы в ремеслах искусны, знаем все,
Видели степи, горы, заливы мы.

Кровель столько в Алма-Ата,
Что с непривычки в глазах рябит.
Город Семей снегом скрипит,
И на кочевье пастух-овчар
Слышит, как стронется Кызылжар.
К югу раскинулись — Наманган,
И Андижан, и Маргелан.
Связаны торгом с Ташкентом они,
С нами ведут обмен там они.
Русский с казахом дружен теперь,
Локоть к локтю идет он с ним,
Этот союз нужен теперь,
Это мы всем теперь объясним,
Всем, кто захочет слушать нас.

Ку л м а м б е т:

Я, инокходец, чуть лишь слышу «чу»,
Жалкого Шапрашты к могиле домчу.
Храбрость твоя ни к чему, шалый козел.
Сын нищеты вздумал дерзить богачу!

И Суранши наказан и Саурык,
Про остальных не стоит чесать язык.
Твой Суранши Сайрамским сартом сражен,
Надо ли было дразнить баев-владык?

Все, что ты плел про мужество, — дребедень.
Твой Суранши не к добру поднял кистень.
Тюкнул его хлипкий Сайрамский сарт,
Шкуру снял с него в благословенный день.

Спели ль что во спасенье его души?
Был погребен, как падаль, твой Суранши.
Страхом проникнись перед таким концом,
Лучше обряд молитвенный соверши...

Д ж а м б у л:

Зло проверяют люди только добром.
Я — скакун пред тобой, облезлым одром.
Горд я делами наших богатырей.
Недруга нашего верный ждет разгром.

Да, Суранши с Саурыком — ныне прах,
Но не срамит их это в наших глазах.
Кровь за народ пролить — есть ли выше честь?
Чтит их память недаром бедный казах.

Был твой родич, Максут, как ты, пустобрех,
Жадный, он с ближним грызться мог из-за
крох.

Разве, как вол, наевшийся белены,
В корчах, у всех на виду, он не издох?

Дней не продлишь, хоть мир весь съешь,
Кулмамбет.
С байством своим поберегись, Кулмамбет!
Хуже ты Карекула. Шайтан твою
Выгладил, мне сдается, плешь, Кулмамбет.

Отпрыск Уака, грех твой слишком велик:
Ты, человека убив, сюда проник.
Кто воспретит мне голову снять с тебя? —
Много в траве Арки осталось улик.

Я, Кулмамбет, громом тебя поражу,
Руки твои за спиной крепко свяжу.
Беглый убийца, тебя на травы Арки
К судьям твоим я завтра препровожу.

Был ты певцом Шоншарским — Дулатским
стал,
Прежде худой, толстяком ты спесивым стал.
За три бешмета баям себя продав,
Сам глумиться над горем бедняцким стал.

Совести нет у тебя, как нет волос.
Скрыл ты и то, что сделал, и то, где рос.
Пусть разберут Дюсебай, Сат и Манке,
Правда ль в моих словах иль ложный донос!

Лопнули струны у Кулмамбета тогда,
Он не нашел сил для ответа тогда,
Спас от позора домбру свою Джамбул,
Честь он спас — и мир это понял тогда.

АЙТЫС ДЖАМБУЛА С САРБАСОМ

С а р б а с :

ришел я, захватив с собой домбру,
Я слово для сражения беру,
Когда я здесь, зачем стоишь передо мной,
Мальчишка черный, голоногий говоришь?

Я — ваш Сарбас, из Каскарау родом я,
Дулата холм в Шапрашты раздольном я.
Не оскорбляй мою праматерь — Домалак, —
Бог покарает злоязычного тебя!

Из Каскарау я, зовут меня — Сарбас,
С готовностью спою чудесный сказ,
На полуслове не поймаете ты меня,
Иди домой, мальчишка черный, в добрый
час.

Называюсь я Дулат...
Кто присмотрится, — поймет:
Я, как озеро в разливе,
В пору самых полных вод.
Шапрашты же, разве род?
Кто пример с тебя берет?
Я — Майкота сын восьмой,
Я ходил, и подо мной
Смяты были все, как ты.
Племенем своим почтен,
Всем собранием почтен,
Я пришел на славный пир,

Моим дядей был Жалбыр
(С кличкой — «Десять кабанов»),
Был не из худых родов,
Дед его — Алиж-Аман.
О своем происхожденье
Не слышал порочных слов.
Кто в скачке хорош, кто на клячу похож,
Кто и смел и пригож, кто и вовсе не гож.
Черномазый стоит, озираясь глядит,
Уж не беками ль он для меня сохранен?

На тебя я посмотрю,
И, как в землю кол, забуду!
Думаешь, что ты безгрешен?
О тебе я все спою!
Но послушай обо мне,
О большой моей родне.
Жарыкшак в семье своей
Сыновей имел троих;
Среди них Дулат, Албан
И Суан был среди них.
В Коныр-Борих загляни —
Богатеи там одни.
Что же ты повеселел,
Узун-Агачский хлебодел?
Шапрашты это ты! Я — Дулат, и повек
Белой костью был славен мой бай и мой бек
Твой же род худой приплод
Приносил из года в год,
И, как выкуп за бродягу,
Был твой захудалый род.
Я тебе закрою рот!
Побороть меня ты ехал, —
Будет все наоборот.
Сыновья Дулата стан
Разбросали здесь и там.
Далеко Албан кочует,
Близко здесь живет Суан.
Ты вступил со мною в спор,

Смотрит знать на наш задор.
Кто же будет побежденным?
Ты познаешь свой позор!
Не догонишь — не гонись,
Не поборешь — не борись,
С тем, кого ты не осилишь,
Состязаться не берись,
А барахтаясь напрасно,
Где не надо не лепись.
Кину я в простор степной
Клич Дулатов боевой, —
Байбулан за Ногайбаем
Честь держать пойдут со мной.
Нет границ моей земли,
За Джаркент они ушли.
Табуны всю степь покрыли,
Как густые ковыли.
Сберегая гордый сказ,
Честь свою и зоркость глаз,
Там, как озеро степное,
Я живу, — акын Сарбас.
Сам святой Макта-Мазан
В дяди мне от бога дан,
Ты же, Домалак хуливший,
Потерял и честь, и стан.
Пригнала тебя беда,
Шапраштинец, к нам сюда.
Пред тобой акын Сарбас.
Солнце светит не для вас,
Захудалый, чахлый род!
Правду говорит мой рот.
Призовой я конь — Сарбас,
Бег красив мой без прикрас.
У Дулата сыновья
(Их, едва, вместит земля)
Скот гоняют табуном,
Лихо борются с врагом.
Я — Дулата гордый род, —
Так народ меня зовет,

Я — гора без перевала,
Кто же мой народ сочтет?
Если бросишь ты иголку, —
На землю не упадет.
Мой народ осанкой статен,
Как архар, в горах идет.
Пищу для себя плохую
Никогда он не берет.
Он красой своей играет,
Он седла не покидает.
А на ум его взгляни, —
Ум с отвагою сравни!
Коль верблюжий караван
Он ведет среди бархан
И врага вдали завидит, —
Налетает, как буран.
Род Дулата весь не счесть,
Баев надо? — Баи есть!
Беков надо? — Беки есть!
Много их, и всех не счесть.

Гнется степь от табунов,
Много умных стариков.
Есть один — ровесник века —
Выходец из Бастерека,
Седовласый Салимбай,
Он к поклонам не привык,
Не прикусывал язык,
Старика ни перед кем
Не заставишь ты склониться.
Пот с лица его струится,
Но свое он, между тем,
Непреклонное твердит.
Льстит ему, — кто говорит,
Кто боится, — тот молчит.
Мужество его безмерно.
Бесь он панцырем укрят...
На вершине нашей славы
Этот гордый муж стоит,

Кто хоть раз с ним повстречался,
Память тот о нем хранит.

Славен род Кунту у нас.
Муж по имени Намаз
Из того исходит рода,
Ты о нем послушай сказ:
Тот Намаз внизу лежал
И зубами скрежетал,
Сорок витязей отважных
Он вокруг себя держал.
В сече смелой крови ждал.
Страх на всех он наводил,
Руки вражьи пригвоздил.
Ни один отважный витязь
От него не уходил.
Был Батпай из наших мест,
У Батпая был отец.
Семь годов отец Батпая
Всех высматривал невест,
А обнял одну сулу,
Редкостную, как стрелу!
Ты ругать Дулата рад,
Чем же плох, скажи, Дулат?
Люди здесь живут по-райски,
Сахар плиточный едят.

Усенбай из Майемира
Смолоду отважным вырос,
И его страшился каждый,
Кто хоть раз видал батыра!
В Анракае он сидел,
Соловьем залетным пел,
Неисполненных желаний
Никогда он не имел,
И народу был любезен,
Позаботиться умел!
Карабай из Каскарау
Смолоду джигит на славу,

Он, как месяц молодой,
Лук натянутый, тугой,
Он был сыном Майлыбая,
Им взлелеян и любим.
Смолоду был смел Карим,
В споре слов не уступал,
Свой народ оберегал.
Только был он одинок,
С ним итти никто не мог,
В одиночестве батыр,
Как герой, покинул мир.
Шубой, матерью скроенной,
Чистый тот ушел батыр!
Если речь он поведет,
В рот ему смотрел народ.
Он отважным возмужал,
По границам проезжал,
Он врага, что не сдавался,
Без пощады поражал.
Был у нас и Кебекпай,
Умница и краснобай,
Где герой не брал копьем, —
Кебекпай сбивал умом
И в былые времена
Чашу славы пил до дна.
От лучей тот род ветвится,
Если съезд какой случится,
С уважением народ
Озирает славный род.
Кебекпай орлом летал,
Другом он своим считал
Лишь отважного джигита,
А врага, как цаплю, рвал.
Он великий был провидец,
Ясный взор вперед бросал:
Он на сорок волосинок
Черный волос расщеплял.
Плачущих он утешал, —
Даже самый именитый

Кебекпая уважал.
В бoге он не сомневался
И с умом за дело брался.
На коня садясь с ходу,
Он красавиц обнимал.
А встречаясь с народом,
Лишь о правде речь держал,
Он от сказанного слова
Никогда не отступал!
О Джамбул, напрасно ты
К нам приехал на айтыс,
Насмешил ты род Дулата,
Захудалый Шапрашты!
И трехсот худых кибиток
Не имеешь в роде ты,
Воля, счастье и богатство, —
Для тебя — одни мечты!
Кто со мною в спор вступал,
Пальцы тот свои кусал,
Был бы ты со мною ровня,
Посильнее б ты сказал,
Да подумал бы получше,
Для чего ко мне скакал.
Черный парень, соглашайся,
Да пока не поздно — кайся,
Чтоб тебя я не прогнал.
Я — Жанту, сын Жарлыкмыса,
Всех строптивых укрощал.
В состязании со мною
Горло б ты не потерял,
Выходил бы ты из спора,
Не терпел бы ты позора,
Убирался бы скорее
Ты домой без разговора!
Не сдаешься? Не уйдешь?
Чем же ты меня возьмешь?
Боль сердечную открой,
Захудалый род воспой, —
Победишь ли тем меня?
Вплavь пускаю я коня

В озере своем безбрежном.
Шапрашты, домой спешу,
А иначе неизбежно
Ты Сарбаса рассмешишь!
Не достигнув в споре цели,
От тебя не отойду.
Скакуна да иноходца
В поводу с собой веду
И с Дулатом многолюдным
Шапрашты я превзойду!
Посмотри, твоя рука —
До чего же коротка,
На висящей рукавице
Не завяжет узелка!
Чем помочь тебе могу?
Я на голос вдаль бегу,
Я вгрызусь в тебя зубами,
Глотку я твою сожму!
Чем свой род похвалишь ты?
Что о нем расскажешь ты?
Пару слов не свяжешь ты!
Спор ты лучше не веди,
Поскорее уходи.
С места я, Сарбас, не встану,
Шапрашты не победив!

Д ж а м б у л:

I.

В городе Алма-Ата
Шел народ и не проста:
В ранний полдень собирались
Богачи, — не беднота,
Волостные собирались
Не на ратные труды, —
Бай Кырбай, Кожамберды
Знатных звали для еды.
В сале руки их и рты,
Я вошел с домброй свободно

В этот дом певцом простым.
Ногайбай — мурза спесивый
Посмотрел и, горделиво
Подбоченясь, так спросил:
— Кто там жмется сиротливо
С неприглядною домброй?
Был мурза знаком со мной,
Он глазами чуть не съел,
А признать не захотел,
Бедный мой чапан увидев,
Ногайбай оторопел,
Но, подумав, подбодрил,
Мне он так проговорил:
— Знать отборную ты песней,
Не пугаясь, одари!
Суюмбай однажды спел:
«Кто там с палкою своей,
Обнимаясь, растянулся?
Это наш Джамбул, — Екей!»
Вспоминая Суюмбая,
Перед баем Ногайбаем
Песней ты держи ответ!
Откровенней пой да лучше —
За нескладный сказ получишь
Плетью ты по голове!..
Устрашать мурза умел.
Ближе он ко мне подсел,
Будто очень стосковался,
Сам же злобой закипел:
— Если ладно песню сложишь, —
Уважение найдешь;
Если ж складно петь не можешь, —
Гнев, бродяга, навлечешь!
Хвалят все Кожамберды,
Попусту поганят рты,
Только в песнях Суюмбая
Много чистой красоты!
Суюмбая младший брат,
Ты начни с домброю в лад.

Без худого пустословья —
Песню я послушать рад.
Не беги за Жарыкшак, —
Начинай-ка с Домалак!

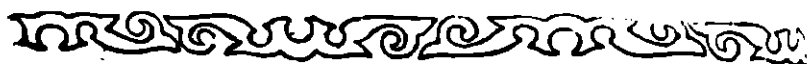
II.

Наступил черед Джамбула,
Песня смелая вспорхнула,
Воскрешаю в этой песне
Образ матери чудесной,
Нашей славной Домалак.
Дочерью Макты-Мазана
Наша Домалак была,
Третьею женой у бая
Наша Домалак была.
Бай не уважал ее
И не приближал ее:
Сары-байбише любил он,
При себе держал ее.
Из кибитки темной, рваной
К Домалак пришел желанный.
Назывался он — Кожа.
В страсти пламенной дрожа,
С Домалак он обнимался,
И шутил, и целовался,
Жажду сердца утолял,
Золотым лучем сиял.
Был он смелый, молодой,
Рослый, статный сам собой.
Байбише оберегаясь,
Темной ночью укрываясь,
Ночевал джигит Кожа
С Домалак в ауле бая:
В эту ночь зачат был сын,
А в тяжелый срок родин
Откочевывать собрался
Бай с насиженных долин.
В стане старом Домалак,

Облегчая муки схваток,
Ночь глухую провела,
Но в ту ночь не родила...
А когда рассвет настал,
На аул врасплох напал —
Сын киргиза, Аккошкар.
Домалак он так сказал:
— Дай благословенье
В смелом нападеньи мне,
Нынче я у Байдабека
Много угоню коней!
Коль благословишь меня,
Радость будет у тебя.
Аккошкар Домалак
Отвечала тихо так:
— Дам благословенье я,
Коль исполнишь, что желаю,
Будет радость у тебя!
Шумом выпасы полны,
Аккошкар со свистом гонит
Байдабека табуны.
К Домалак идет он снова
И такое молвит слово:
— Что же ты себе желаешь?
Жду я, выполнить готовый!
— Слушай просьбу, молодец:
Меж коней, что захватил ты,
Есть саврасый жеребец.
От него есть, говорят,
Девяносто жеребят.
Кроме матери от роду
Никого он не видал,
Кроме мухи он на спину
Никого не допускал,
Кроме ветра в беге сильным
Никого он не катал.
И аркан тугой петлей
Гордой шен не сжимал.
Если радости желаешь,

Жеребца того отдай.
Как же ты его поймаешь,
Если он узды не знал?
— Мое счастье, коль поймаю,
Не поймаю, — зла не знаю.
Домалак коня зовет,
Он на зов ее идет
И, протягивая шею,
Обуздать себя дает.
Аккошкар коней угнал,
Тихо полдень наступал,
Домалак тоскует. К ней
Мчатся восемь сыновей:
Употели от погони
И спросили, где же кони?
Удивленью нет конца:
— Как поймала жеребца?
Домалак, на все ответив,
Так просила: — Дети, дети,
Вы за вором не гонитесь,
Зорьки утренней дождитесь,
Возвратятся кони к нам,
А в погоне злая вам
Смерть, таясь, угрожает!
Мать сынов своих ласкает.
Их остаться умоляет,
И из рук своих поводья
Домалак не отпускает.
Мольбам матери не вняв,
Ускакали сыновья.
Переправились за Сагу
И наткнулись на засаду.
Сто киргизов — грозен крик —
Гонят молодцов в тупик.
Восьмерых они схватили,
Головы им отрубили.
Байдабек летит вдогон,
Весть плохую слышит он:

— Сыновья твои погибли,
Непробуден мертвых сон!
Домалак в тоске тяжелой
Жеребца впрягает в волок,
В степь за Сагу выезжает.
Горек матери удел:
Перед нею восемь тел,
У кровавого ручья
Спят родные сыновья!
Их подняли, их обмыли,
Их в степи похоронили.
Расстилает полночь мрак,
Но не дремлет Домалак,
В степь выходит, где пасется
Тот саврасый аргамак.
Домалак коней зовет,
И саврасый громко ржет:
В камнях эо прокатилось,
Ночь глухая расступилась,
В небе зорька заискрилась,
С шумом рвутся из степей
Косяки лихих коней,
Степь гудит от их копыт,
Пыль до облака летит...
Этим утром в новый стан
С табунами Байдабека
Вышел шумный караван.
Восемь суток не ночуя,
Шли без отдыха кочуя,
Лишь в просторах Орта-жуз
Сняли вьюков тяжкий груз.
В схватках бьется Домалак, —
Путь-дорога тяжела, —
В муках тяжких в этот полдень
Мать ребенка родила.
Нежно тело осмотрела,
На руки к себе взяла..
Был пригожим мальчуган,
Но имел один изъян:

На головке след багряный,
На головке сына рана,
Признак ненависти, зла.
Мать душою поняла:
Сары-байбише — колдунья —
Эту рану нанесла.
И Кши-жуз и Орта-жуз
Байдабека в гости ждут,
Пировать его зовут.
Байдабек на зов спешит,
Конь упаренный храпит.
Из Кши-жуза той порой
Прибыл старый верховой,
Костоправ и умный знахарь,
Уважаемый молвой.
Домалак была печальна:
Грудь младенец в рот не брал.
Он без памяти лежал.
Знахарь впору подъезжал.
Он младенца осмотрел,
След руки чужой, холодной
На челе его узрел.
Рану молча он омыл
И заботливо укрыл
Костью серой черепахи,
Так спасен ребенок был.
Девяносто дней прошло,
Что болело зажило,
И поправился младенец,
Только шрам покрыл чело.
Выжил маленький казах,
Рада сыну Домалак,
Шрам носящему младенцу
Дали имя Жарыкшак.
Был он в славе у степей,
Трех могучих сыновей
Жарыкшак имел при жизни
От возлюбленной своей.
Был один из них — Албай,

Был второй из них — Суан,
Третий назван был Дулатом.
Так родившийся когда-то
К нам дошел старинный сказ,
И живет он в добрый час, —
В поучение для нас.
А о нашей Домалак
Стал сказаньем каждый шаг,
Вся она для нас — легенда,
Мать родная — Домалак!
В родословных ты, Сарбас,
Разбираться не горазд.
Пустомеля из Дулата,
Ты не переплюнешь нас!

III.

Я пришел, а ты ворчишь,
Ты не дело говоришь,
Хлеб невкусный выпекая,
Ты зачем со мной грубишь?
Ус твой жиденький, седой,
Зубы сгнили, рот пустой.
На тулпаре брали ль знамя..
Твой отец и прадед твой?
Не было добра от них,
И не шел никто за них.
Шапрашты я сын, и мой
Меч, — хвалюсь я, — золотой,
Хоть по численности малым
Род в степях считают мой,
Но народ я удивлю,
Как на сборе появлюсь,
Речкой шумною, студеной
По народу я прольюсь,
В чешуе стальной, каленой,
На врага я смело мчусь!
Ты здесь долго дребезжал,

Очередь мою держал,
Ты меня беззубой песней
Горячил и обижал.
Бородой своей худой
Ты поднялся надо мной,
Ты хотел побить Джамбула,
Ой, ошибся, милый мой!
Я — известный Шапрашты,
Из Дулата вышел ты, —
Хоть я мал, но четвертушки
Шапрашты не стоишь ты!
Если я к врагу ворвусь, —
Крови досыта напьюсь.
Что же, старый, ты притих?
Отвечай, ты, злом не пенясь,
Кто от родичей моих
Возвращался подбоченьясь?
Кто ходил мимо меня,
Голову не преклоня?
Бриллианты не теряла
Никогда моя земля!
Род мой славен и сначала
Саурыка вспомню я.

Как тростник в грозу сгибаясь,
Всех отвагой удивляя,
Саурык мой славный рос,
Не страшась ни бурь, ни гроз.
Если он в степи идет, —
Оторопь врага берет,
За день слух поймав, дрожит
И в смятении бежит.
Кто батыру не сдавался,
Тот живым не оставался,
Целым тот не возвращался.
Весь народ мой Саурыку
С уваженьем подчинялся.
Саурык коня любил,

А мечом с плеча рубил,
Не вспотев, скакун отборный
Под батыром не ходил.
Силой мой батыр сверкал,
Пикой камни пробивал.
Не хвалился б ты, Сарбас,
Храбрых много ли у вас?
Всех хваленых в смелой схватке
Саурык бивал не раз.
Он на лица не взирал,
Бил того, кто налетал.
Бит был Дау-Сыпатай,
В Каскарау — Карибай,
И с Али-тюре Айдос
Были битыми до слез.
Многолюден твой Дулат,
Да делами не богат.
В Каскарау был у вас
В пору ту батыр Кырбас,
Суранши его поймал,
Цепь на шею привязал,
И в степи того Кырбаса
На цепи с собой таскал,
Недруг кровью истекал,
Весь Дулат вороньей стай
С карканьем вокруг летал.
Суранши огнем пылал,
Атымкулу он сказал:
— Мы с тобой вдвоем пойдем,
Хоть и люден род Дулата,
Но управимся вдвоем.
Атымкул мечом сверкал,
На земле врага заведя,
Льву жигит подобен стал.
Встретив в поле их двоих,
Весь Дулат на миг притих,
Прятался, бояся гнева,
Весь Дулат, заведя их.
Перед смелым Суранши

Всяк раскланяться спешил.
Меч, что кован из алмаза,
Белый этот меч ни разу
Суранши, где б ни бывал,
С опояски не снимал.
Если в гневе был могучий,
Брови хмурились, как тучи;
Враг тогда от страха выл,
Друг веселье находил.
Кто отважного встречал,
Тот и рта не открывал,
Тот и шагу не ступал.
Кто ему сопротивлялся, —
Волосы свои терял!
От ружья, что поперек
На пути его лежало,
Он не бегал, как хорек!
Под стенами Саркемира
Разгромили Майемира,
А Дулат с Албаном вместе
(Много их, да мало чести)
На три части расползлись,
Перешли через Или,
За хребты Айсы ушли.
Сапытай батыром звался,
С тенью ж вражьей не встречался,
И напуган так он был,
Что спасая в бегстве пятки,
Самого себя убил.
В Сарбалыке, Ангракае,
Хвост, как зайцы поднимая,
Все почтенные мужи,
Затаились не вставая.
И один лишь человек —
То курносый Тойшибек,
Ощетинившись, стоял.
Он с Керимом-Каскарау
Постоянно враждовал.
Он киргизов на Керима

Постоянно натравлял,
А Керим неглупый был,
Он с киргизами дружил,
С Жангарашем и Жантаем,
Как сосед хороший жил.
В грозный час тот Тойшибек
Все на свете позабыл
И Керима в час испуга
О беде предупредил:
— Ты скорее убегай!
И Керим в ночную пору
Отошел на Ак-Тогай.
Оказались в бегах
На илийских берегах
Майемир с Тлеукабылом,
В край один загнал их страх.
Худояр, кокандский хан,
Наступал, как ураган,
От его орды дрожали
И Дулат твой и Албан.
Сколько сгнуло в реке.
Молодых сердец, что ханской
Воспротивились руке.
Вся кокандская орда
Понасытилась тогда,
На верблюдах увозила
Наших женщин навсегда,
Угоняла, уводила,
Наши тучные стада.
Весь Дулат твой распылился,
И тогда твой срам открылся.
Лишь один не утратился,
Муж, рожденный для борьбы,
Карибоз то смелый был.
Карибоз из Каскарау
Камень пикою пронзил,
К Суранши он поспешил,
Посмотрел ему в глаза
И батыру так сказал:

— Ты допустишь ли отважный,
Чтобы враг нас растерзал?
Весь Дулат наш слезы льет,
На борьбу тебя зовет;
Сапытай батыром звался,
Но свою, спасая шкуру,
Он врага перепугался.
Кто же в бой нас поведет?
Кто в борьбе за честь народа
Силу гневную найдет?
Тойшибек нам на поддержку
Чагатайцев не пошлет...
Поднимая стяг в руке,
На лихом аргамакѣ
К Суранши из Каскарау
Мчится храбрый Бауке.
Улыбающийся в ус,
В схватках грозных он не трус,
Но приехал и заплакал,
Взвесив горя тяжкий груз.
Так просил он Суранши:
— На врагов, батыр, спеши:
Нас они одолевают,
Наших женщин убивают,
Без твоей, батыр, отваги
Честь казахи потеряют.
Многочисленны Дулаты,
Только силой не богаты,
В битву некому итти,
И с разграбленным народом
Им итти не по пути.
Без твоей, батыр, отваги
Им спасенья не найти!
Внемли ты моим словам,
Ты рожден на счастье нам,
Ты ль отдашь на растерзанье
Свой родной народ врагам?
Камень пикой ты пронзад,
Ты народу сыном стал,

А теперь к нам смерть подходит,
И народ тебя позвал.
Табуны и наши юрты
Враг себе в добычу взял.
Наш Дулат велик, но гнется,
Род велик, да силой мал.
Силой ты один богат,
Для тебя в бою, мой брат,
Не страшны и сорок тысяч
Недругов, что степь пленят.
На коня, батыр, садись,
Бог поможет! В битву мчись!
Ты для нас — одна защита,
В степь широкую всмотришь:
Сорок тысяч иноземцев
По аулам расползлись:
Им Дулат ли даст ответ?
Люду много, храбрых нет!
Все они поразбежались,
В Ангракае одичали,
За тобой, батыр мой, степи
В грозный час меня послали!
Думал думу Суранши,
Слышал боль своей души,
Слышал стон в степях идет.
— Все казахи — мой народ...
В бой иду, иду на месть...
Для батыра хуже смерти
Потерять народа чести!
Суранши к коню идет,
Актояк поводья рвет:
Суранши друзей зовет,
Триста витязей отважных
В смелый бой батыр ведет.
Десять тысяч ханских слуг
Дрогнули в той сече вдруг,
Как траву худую косит
Суранши врагов вокруг.
И три ночи и три дня

Не сходил батыр с коня,
Орды ханские рассеял,
Честь родных степей храня.
А Дулат в те дни дрожал,
Он, как заяц, убежал!
Славен Суранши у нас!
Ты молчишь о нем, Сарбас,
Ты дерешь для баев глотку
Не за то ль, что грабят нас?
Твой Дулатом назван род,
Непутевым он слывет.
Шапрашты мой — славный род,
От батыра счет ведет!
Пикою врага он бьет,
Спину перед ним не гнет,
День и ночь, не отдыхая,
Ратным подвигом живет.
В гневе грозен он бывает,
Ус щетинит до бровей,
Тюбетейку поднимают
Волосы на голове!
Честь твою он защищал,
За тебя он в бой скакал,
Славой был всегда овеян,
Красноречием блистал.
Никому худого слова
Суранши мой не сказал.
Ни один чиновник знатный
Выше чином не стоял,
Даже перед генералом
Суранши мой не дрожал.
Слово верное держал,
Сорок девять лет подряд
Был он силою богат!

IV.

И из рода Ескожи
Вышли славные мужи.

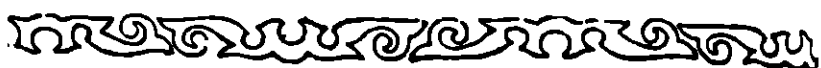
Саурык в семнадцать лет
Гордо восседал в седле.
Поборол он много зла.
У казахов Джетысуйских,
Жизнь безрадостной была.
Каждый день из темной дали
Вражьи орды нападали,
Потерял народ покой.
Шел калмыцкий хан войной,
Шел киргизский хан Орман,
Шел кокандский грозный хан.
От набегов их разбойных
Были степи беспокойны,
Омывались в слезах,
Что ни день — идет гроза.
В пору тяжких испытаний,
Слез народных и страданий
Кто отвагу показал?
Кто защитой народа
От врагов коварных стал?
Кто от их несметной силы
Ни на шаг не отступал?
Кто несметные их орды
Из родных степей прогнал?
Кто, народ оберегая,
Гордостью народа стал?
Славный Саурык-батыр,
Он из рода Шапрашты!
Ой, Сарбас, не будешь рад
Похвальбой, что ты — Дулат.
Враг на степи нападал,
Кто тебя оберегал?
От позора и от смерти
Саурык тебя спасал!
Не хвались числом, Дулат,
Не хвались, что ты богат.
Саурык мой — вот булат!
Грудь батыра до плечей
Золотых полна лучей,

А когда он в бой бросался
Силой грозной наливался.
Когти тысячи ворон
Для орла забава. Он
Не боится тех ворон.
На врага бросался рьяно
И победам счет не вел.
Саурык мой Орман-хана
Пленником с собой привел!
А Дулата род каков?
Много вас, как мотыльков,
Не имеющих ни силы,
Ни ума отбить врагов.
Вы, как высохший арык,
Пусть вас тысячи, но был ли
Хоть один как Саурык?
Он в обиду вас не дал,
В споре он не уступал,
Он врага непобежденным
От себя не отпускал.
Он кольчугу надевал,
В камень пику он вонзал,
Кто батыра Саурыка
В ратной славе достигал?
Сам друзей он подбирал,
Сам врага в бою искал, —
Кто же равным Саурыку
Из всех казахов стал?
Шапрашты мой невелик,
Мал, но дорог золотник!
Я — речистый, как река,
В споре крепкая рука
Не бывала коротка.
Что ж ты петь мне не давал?
Очередь мою держал,
Мою душу надорвал!
Я — известный шапраштынец —
На границе зимовал,
Пикю поперек держал,

От врагов не убегал,
Нагонял на них грозу, —
Их, как черную козу,
Я на части раздирал,
Мясо пробовал и тут же
В сторону его бросал!
Я — известный Шапрашты,
И не спорь со мною ты!
Я врагов боялся ли?
Пред тобой склонялся ли?
Жакетая умоляя,
Раньше унижался ли?
На стальной конец копья
Колыхающийся стяг
Привязав, отважно мчался,
Где тебе грозил твой враг!
Я его и без огня
Одним взмахом разгонял.
О собравшиеся люди,
Пусть же суд ваш честным будет!
Свет такого не родил,
Кто б Джамбула победил.
Честь со мною остается,
В схватке не укроюсь я,
Если враг мне не сдается,
Разве успокоюсь я?
Ой, скажи мне, Каскарау,
Ты имел ли раньше славу?
Разве ты бураном черным
Над степями проходил?
Малдыбаю с Коныспаем
Разве братом кровным был?
Ты скотом хвалится смел,
Сам и клячи не имел,
Грязным ты всегда ходил
И вчера вонючим был.
Мной подстреленной козою
Ты отныне прослывешь.
Ты, любуясь сам собою,

Сам себя же и добыешь!
Ну, на что походишь ты
По сравнению с Шапрашты,
Весь ты, сморщенный, поешь,
Руки, ноги жмешь, как еж.
Богом битый ты, ругаясь,
Всем покоя не даешь.
Я пускаю песню птицей,
Как огонь лицо лучится...

.
Мое теченье — норов белого коня,
Мой голос — пенье неумолчного ручья.
Побитый богом ты сидишь один, Сарбас,
На месте вырытого кем-то курая.
Как горный кряж, я поднимаюсь над тобой,
Я — та основа, что скрепляет дом большой.
Как маков цвет, сижу жигит я молодой,
А ты состарившийся, дряхлый и седой,
Как Майлыбая сын, неладный Каримбай,
Не почитая всех, любишь себя!

Славен я в народе стал,
Тем, что честь не уступал,
Тем, что я не ниже бия
Голову свою держал,
Был не хуже волостного,
И не хуже скакового
Иноходца я скакал.
Не хвались, Сарбас безликий,
Ты не спорь о Саурыке, —
Слов значение угадай:
Старый спорщик Сыпатай
(Был отцом его — Батпай)
Не в беду ли раз попал?
Куш-беш его кокандский
Не к телеге ль привязал?
Не ему ли Сыпатаю
Он убийством угрожал?

Вся вина-то Сыпатая,
Что к калмыкам он сбежал.
Так Дулаты клеветали,
А потом поклоны клали
Саурыку и спасенья
У отважного искали.
«Нас покинул Сыпатай!» —
Так они ему сказали.
Саурык, словам внимая,
Спас из плена Сыпатая.
Он желанную свободу
Сыпатаю возвратил
И за это от народа
Благодарность получил!
О батыре славный сказ
Воспалил тебя, Сарбас.
Саурык мой разжигает
Злобу ненавистных глаз.
Он врагов ошеломлял,
Пикой грозно он сверкал,
Неотмщенных за обиды
На земле не оставлял.
Было тех врагов немало,
Всех сожгла батыра месть,
Неотмщенной осталась
Лишь твоя худая честь!
Землю ты тревожишь криком, ---
Чем ты лучше Саурыка?
Ты цены ему не знаешь.
Драгоценность ты бросаешь,
В родословной Саурыка
Ничего не понимаешь.
Саурык врага разил,
Ты тогда за ним ходил.
Был на голову он выше
Всех, кто рядом в стане был!
Полы выше подобрал
И засучив рукава,
Бился воин Саурыка

С яростью, достойной льва.
Но над всеми возвышалась
Саурыка голова,
Недруга он сокрушал,
Спор заслышав, — разрешал,
Людам он вреда не делал,
Распыленных собирал,
Он, гостей своих встречая,
Их на славу угощал!
Весь народ его за это
Уважал и почитал.
Ты ль упавшего Дулата
В миг паденья поддержал?
Молдабая с Копчакпаем
В Каскарау ты ль собрал?
Ты ль дорогу к единенью
Им, разбитым, указал?
Ты, ночным укрывшись мраком,
Не овец ли воровал?
Был последним из людей,
Был гнедым среди коней,
Не твоя ли голова
Бесноватые слога,
Угорелая, бросала
Для раздора и скандала.
Ты — начало разных зол...
На лице твоём кровинки
Я глазами не нашел.
В Каскарау человеком,
Видно, не доношен ты,
В Каскарау на дорогу
Не напрасно брошен ты.
Ты акыном назывался,
Сам же правды не сказал,
Весь свой век ты клеветал.
С обликом своим бесстыжим
На беду ты показался!
Ты, старик, но не степенный,

Головой ты бестолков,
Так не лучше ли, почтенный,
От своих отречься слов?
Пятьдесят прожил ты лет
Совести ж ни капли нет,
Ты, как баба, сплетни носишь,
Клеветой людей поносишь,
В драке ищешь вдохновенья,
Пятьдесят прожил ты лет
А ума, как вижу, нет.
Ты не стоишь уваженья!
Нет достоинства в тебе.
Ты позор свой показал,
Рукава ты оборвал,
К опояске свою совесть
Ты, бесстыжий, подвязал.
Ты на мой крючок попал,
Ты словам цены не знал,
Ты на дне норы лежал,
Человек с бельмом в глазу,
Ты споткнулся и — упал!
Замыкаю рот я твой!
Больше песен ты не пой.
Под руку попался мне —
Хватит этого тебе.
Я еще немало знал,
Да нарочно не сказал;
Ты и этого не стоишь,
Бестолковый горлопан.
В сказе вольном я — кулан,
Если вновь ты рот откроешь, —
Попадешь ко мне в капкан!

Сарбас, не смея возражать, остался побежденным.

АЙТЫС ДЖАМБУЛА С ДОСМАГАМБЕТОМ

Д ж а м б у л :

змахнув крылами, песня смело ввысь летит,
Пусть в славном споре зычный голос загремит.
Тебя словами я прибую, Досмагамбет,
Твоя нога, земли касаясь, задрожит.

Коварством, хитростью меня не проведешь
И с четырех сторон ко мне не подползешь.
От Жалаира добра не получал
И, озираясь, как голодный волк, бредешь.

Благословенен прадед мой Ер-Карасай,
От слов его качались горы и леса,
А мой наставник, лилей песенных краса,
Орел клекочущий в выси,— Ер-Суюмбай.
Свой век давно Шоже с Балтою провели.
В отчаянье Бухар и Асеке ушли,
Их светлый дух в моих желаньях воплощен,
В народной горечи, в стихах родной земли.
Когда я в злобе, голос грозен мой, как гром,
Стрелами молний он встречается с врагом.
Слова, как пламя, а домбра моя — копье,
Чекмень, как панцырь, отливает серебром.
Сын Улы-жуза, предок мой Абак-Тарак,
Меня возвысил и в советники избрал.
И если к нам акын бродячий забредал,
Его Джамбул горячим словом избивал.

Я — в небо гневно поднимающийся смерч,
И расстояние между нами ты не мерь.
Ты — воробей, чирикающий там, внизу.
Мой свет, в айтысе я сражу тебя, поверь!

Досмагамбет:

Ой, Джамбул, ты мой Джамбул!
Слово я тебе скажу:
Я — ручей горы высокой,
Молод я и тем горжусь.
Я — камыш, листвою расцвел,
Ты же — блеющий козел,
Ты нарушил мой покой,
Рядом я сижу с тобой,
Слов твоих не разделяя
Чистою своей душой.
Укроти ты норы свой,
Не тни за упокой!
Задушу тебя я песней,
Замолчишь, баран седой.
Мой капкан — тебе гроза,
Мигом выпучишь глаза,
Так твою сдавлю я глотку,
Чтоб и слова не сказал.
Факелу подобен я
Ночью около тебя.
Я поэт среди поэтов,
В сблaxзх душа моя!
А твои слова, как ртуть,
Не находят, где прильнуть.
Ты со мной схватился в песне,
О победе позабуди!
Спорить с сильным не берись,
Не догоняй, — не гонись!
Не догонишь, даже плача,
Подтянувшись кушаком,
Ты — откормленная кляча,
Я рожден аргамаком!
Чем же ты меня возьмешь?

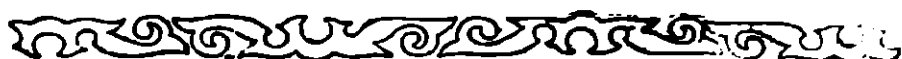
Разве лучше ты споешь?
Сам себя, бедняк, погубишь
И отсюда не уйдешь!
В этой схватке побежденным
Ты в отчаянье умрешь!
Не смущайся, — видит бог, —
Ты в искусстве очень плох.
Запоешь и убегаешь,
Как настигнутый врасплох.
Смелой схватке ты не рад,
Крыльям сломанным не рад,
Ты, как вор, попавший к вору,
Отдаешь с конем халат.
Плох твой облик, Кейкуат,
Плесневелый ты медяк,
И поешь ты кое-как.
Не имешь даже шапки, —
Голоногий ты бедняк.

Нет скота, чтобы продать,
Силы нет, чтоб воевать:
Ты — баксы, для мира лишний,
Что еще тебе сказать?
И баксы совсем плохой,
Не справляешься с домброй,
Похудел, бродя в аулах,
Богу лик противен твой!
На злодея ты похож,
Хоть и в род Абаков вхож;
Где ночуешь — неизвестно,
Неизвестно, где живешь!
Про тебя твердит народ:
— Землю русским отдает,
Сам живет в худой землянке,
Оттого и беден род!
Там, где варится сурпа,
Собирается толпа...
Как ночной баксы с кобызом,
Ты поешь, и песнь тупа.

На тебя гляжу скорбя,
И горюю тихо я.
Ты, как вылинявший филин,
Сделал бог таким тебя!
Как отважилась родня
За певца признать тебя?
Будь у нас такой бездомный,
Он бы выдохся, бродя!
Коль джигит ты, — не беги,
Силу к схватке береги,
Размахнись смелее песней,
Чтобы вздрогнули враги,
И отвагой их вали!
Как задиристая баба,
Жар свой даром не пали!
Ой, Джамбул, не торопись,
Я пою, а ты дивись,
И вперед не лезь на небо,
Очереди подожди!
Сожаленья не ищи,
Будешь битым — не взыщи!
Кто из нас с победой выйдет, —
Спора соль в конце ищи!
Ненасытен в слове ты,
Вижу наготове ты, —
До седых волос гогочешь,
Р. песне ж мне не равен ты.
Если в дом твой гость войдет, —
Мышь крупинки не найдет,
Захудалого козленка
Нож для гостя не найдет!
Ты ж таким хвастливым стал,
В облаках бы все делал...
Ты б довольствовался лучше
Тем, что бог тебе послал.
По аулам ты юлишь,
На боку беспечно спишь,
Смолоду живешь бродягой, —
Чем ты в жизни дорожишь?

Голый на земле лежишь,
Ни седла, ни бегунца,
Ни духовного отца!
Ты с душою беспокойной
Только бродишь без конца.
Все слова твои — зола,
Нет бесспорных, как скала.
У тебя есть только двери,
Нет почетного угла.
Чем ты будешь побеждать?
Нет, в борьбе меня не смять;
Я скала перед тобою
И вершины не видать!
Жизнь твоя вся позади, —
Возвращения не жди!
Не боишься ли, несчастный,
Смерть завидев впереди?
Я б добил тебя один,
Но боюсь твоих седин,
Ты сидишь такой горбатый,
Как пастух в кольце теснин.
Слушай, сгорбленный урод,
Как живет мой славный род:
Калибай, Калдай с Маманом.
Кто сочтет их тучный скот?
Нехватает им земли, —
Перешли через Или.
Их стада необозримы,
Как степные ковыли.
Счастье светит над Калдой,
Будто солнце над водой;
Табуны неисчислимы,
И приплод у них двойной,
Шерсть с верблюдов
не снимают.
Славен край богатый мой
И воспеть его, пожалуй,
Слов не хватит, как ни пой!
Пересохла даже глотка,

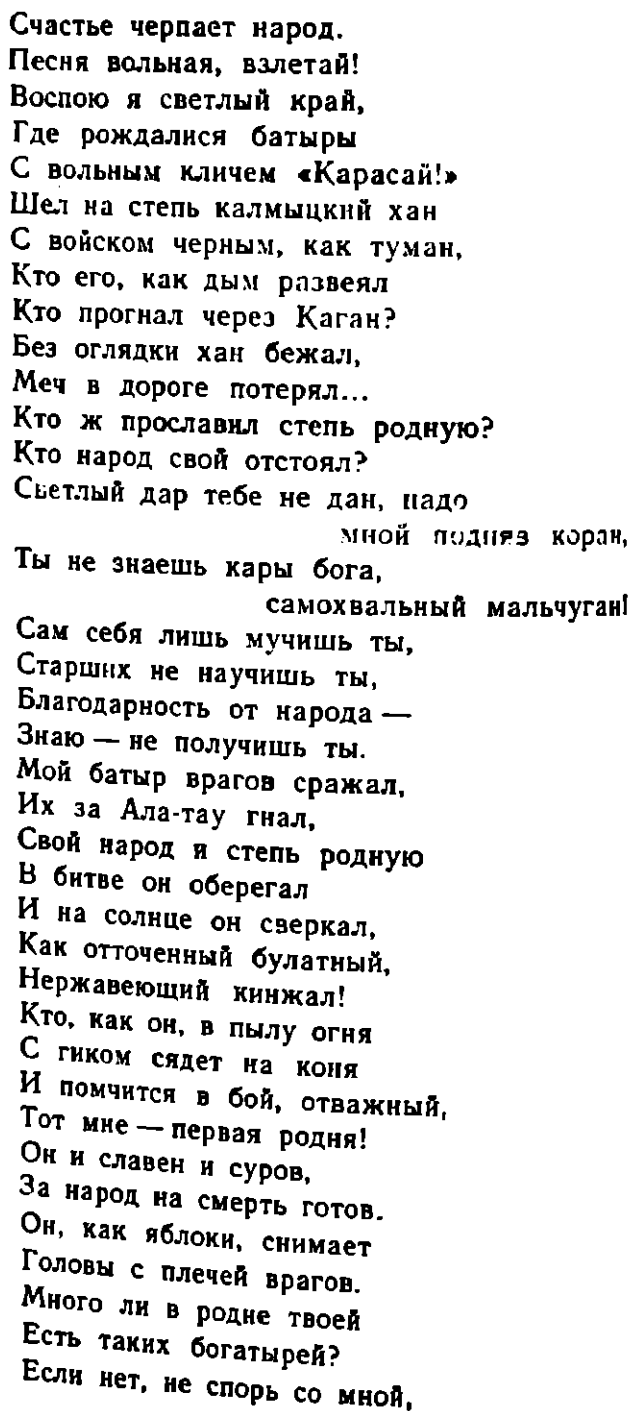

И язык совсем сухой.
Если ты акын, то пробуй
Так же край прославить свой.
Бедность я зову пороком —
Чем же ты богат, седой?

Д ж а м б у л :

Так ли, парень, разве так?
Самолюбие Джамбула
Не заденешь ты проста.
Я послушал хвастовство,
Ты услышишь мастерство!

Песня ввысь моя взлетает,
Будто море закипает,
И слова жемчужин ярче
На волнах своих качает.
Вышел я в словесный бой...
Я сверкну перед тобой
Грозной молнией в раскате,
Потеряешь разум свой
И забудешь про могилу,
Где отец схоронен твой.
Презирая мою бедность,
Разве побеждаешь ты?
Кроме ругани, мальчишка,
Слов других не знаешь ты!
Будто сам ты без изъяна, —
Всех не уважаешь ты!
Не хвалился б ты скотом,
Счастье у людей не в том,
А хвалился б ты батыром,
Смело дравшимся с врагом.
У народа скот не в счет,
А батыр, что в бой идет, —
Вот краса и честь народа,
Сила, слава и почет.
В смелых подвигах батыра

Битый клятвой лиходей!
Ты с трусливою душой
На айтыс пришел со мной.
Сморщенный, седобородый
И с плешивой головой,
Мать с отцом не почитаешь,
С детства глупый и тупой.
Ты бродячая сорока,
Облик мне противен твой.
Зла в себе собрал ты, бедный,
Больше самого себя.
Споров вел немало я,
Видел посильней тебя,
Ты ли победишь меня?
В руки я, Джамбул, беру
Звонколадую домбру,
Много ль ты найдешь шаиrow
В пару к моему костру?
Я — костер, горю в выси,
Буря слов — врага коси!
Ты, глупец, возьми хоть искру
И с собою унеси!
Суюмбаю я внимал,
На врагов он налетал,
Из души горячей вынув,
Свое слово, как кинжал.

...День и ночь я в споре был,
Не жалел кипучих сил,
Кулмамбет меня почтенный
В споре том не победил!
В Жалаире и в Тубеке
Славен песней я навеки,
Там никто не смел тягаться,
Зная силу в человеке!
И с того большого дня,
Как Джамбул сел на коня,
Остается он Джамбулом,
Честь высокую храня.

Я с народом вместе жил,
Честно я ему служил,
И народ меня за это
Осчастливил, полюбил.
Ты слюну напрасно льешь,
Криком много не возьмешь,
Я наставник твой, но вижу
Ты меня не признаешь.
Коль в искусстве ты знаток,
Как же смел и как ты мог
Без почтительного слова
Приходить на мой порог?
Как мулла в народ с обманом,
Прикрываясь кораном,
С песней ложною идешь,
Ты, беснуясь, горлом драным
Лечишь наговором раны,
Ты с муллою этим схож.
На змею мулла похож!
Если ж силою богат,
Покажи ее стократ,
Засучив рукав повыше.
Ну, а я тебе — не сват.
Ты, как пигалица, хил,
Я же — сокол, полный сил,
Шел бы ты своей дорогой,
Говорить бы не спешил!
Силы ты не рассчитал,
От упорства бледен стал,
Ты 6 сынов Абака в помощь.
При беде своей позвал!
Эхом горным соколиным
Голос мой передадут
Ала-Тауские долины
В состязании акынов.
И в могучем этом пенье
Ты услышишь вдохновенье,
А моей, мулла лукавый,
Не увидишь даже тени!

Я взгляну, и ты дрожишь,
Весь от злобы ты кипишь,
Моего обидев деда,
Ты живьем в огне сгоришь!
Ты толково говори —
В пухлом слове пользы нет,
Лишь в отборном ум и свет,
И о баях и о бедных
Ты мне ясный дай ответ.
Вот тогда народ узнает,
Кто побит и кто поэт.

Клад народа — это я,
Речь народа — это я,
А меня ты нищим кличешь,
Ты клеветешь на меня!
В смелом споре, в смелой схватке
Размахнусь я, ложь разя,
И душа твоя худая
Мигом выйдет из тебя!

Не скотина ты, — слепой,
Ты поешь за упокой,
Для покойников читаешь
Ты псалом отходный свой,
Откупные ты собираешь
За грехи с души живой.
Темный люд ты обираешь,
Шарлатан и вор святой.
Если бедный умирал,
Ты кряхтел, едва шагал,
А на похороны бая
Ты, как гончий пес, бежал.

Не дурак в расчетах ты,
День и ночь работал ты,
Пел коран над богатеем
До седьмого пота ты.
Сколько зла мулла несет,

На обмане он живет,
Лишь злодей муллу уважит
А народ муллу клянет!

Досмагамбет:

Очередь пришла моя,
Выслушай, Джамбул, меня.
Знатный мой скакун Джамбул
Шесть десятков проживя,
Как Дарья разлился ты,
И угомонился ты!
Не вина, что я мулла
И тебя, Джамбул, без зла
Приобщил к познанию бога,
Разве в том беда была?
Мулл поносишь рьяно ты,
Не познал корана ты,
В том расквешься, невежда,
Поздно или рано ты.
Скот мулла не зря берет,
Право бог на то дает,
Не мулла ли отправляет
В место райское народ?
Этот дар мне богом дан,
Не таращ глаза, буян,
Ты ж у сатаны учился
Поносить святой коран!
Ты пропащий человек,
В порче слов проводишь век.
Говорю я снова: — Знатен
Жаланр, почтенный бек.
Родом знатным я горжусь,
Слов возвышенных держусь,
Об Абаке и Тараке
Тоже что-нибудь скажу.
Род Дулата разберем:
Мы его не перечтем,
Муравейнику подобен,

А какая польза в нем?
И в Мерке их жизнь пуста,
И в Аулие-Ата,
И в Чимкенте вся их пища
Лишь бузою и густа.
Будто ветер злой занес
Их на каменный утес,
Все повыпеклись на солнце,
Все девицы без волос.
И от злости все дрожат,
С бозахарами дружат,
Ближний ближнего боится,
Ненавидит брата брат,
По ту сторону Мерке
Твои родичи в песке
Понастроили зимовок
И живут в глухой тоске.
Их богатство с давних пор —
Пять курчат на каждый двор.
А придет зима и возят
По кусочку камень с гор,
На базаре продают
За пятак и очень рады,
Будто золото берут.
А теперь взгляни, Жаке,
С этой стороны Мерке
В хлебоделы записались.
Все у русских в кулаке.
Ты о прошлом говоришь,
Свою душу веселишь,
Хвастовство твое напрасно,
Если лучше поглядишь.
Прежних нет богатырей,
Спят в могильниках степей,
Боль-надежду не тревожь ты
И о прошлом петь не смей.
А теперь живется как?
Разрушая наш очаг,
Захватил родные земли,

Ополчась походом, враг.
Ты скажи, Джамбул-акын,
Есть ли у Абака сын,
Что бы мог спасти народ твой
В тягостную из годин?
От тебя не отступлюсь,
Без испуга в схватку рвусь,
Обогнать себя не дам я,
Ты — скакун, я тоже мчусь!
Силу я в руках собрал,
Я мечом алмазным стал, —
Нет такого, чтобы в схватке
Мой удар не убивал.
Дряхл ты и бестолков,
Задних нет уже зубов,
Укрепи свои суставы,
Ноги выпрями без слов,
Коль в айтысе ищешь славы
И награду взять готов.
Я на спор тебя не звал,
Ты приехал, сам напал;
Много видел я акынов,
Но такого не видал.
Ты, Джамбул мой, не кичись
Песню петь не торопись,
Дочь свою продав калеке,
Ты в беде не попадись!
Беден, беден твой народ!
Рыба, что кладу я в рот,
Хуже ли того, кто тихо
Дочь за деньги отдает?
В скакуны ты не тянись,
Ты не первый, не гордись,
Сотни вас, зазнаек гордых,
Вы, как змеи, расползлись.
Чем ты славен, чем богат?
Продал девушку и рад,
Твой джигит один пригожий
Опозорил весь Дулат!

Алпыспай твой водку пьет,
В русском доме он живет,
Деревянный стол поставил
И сидит, свинину жрет.
Ты — Абака бегунец,
У Тарака я — певец,
Где же есть такой обычай? —
Отвечай же наконец!
В Каскелене твой джигит
В кабаке весь день сидит,
Если водки он не выпьет,
Голова его болит.
Возглавляющий твой род
Рядом с городом живет,
Всех поборами он душит,
Плачет от него народ;
Покрывая долг начальству,
Свою землю продает.
Азраил твой отличился
На родной сестре женился,
Тем неслыханным злодейством
Род Дулата возмутился.
Вот на том кончаю я,
Хватит этого с тебя,
Справедливость знает меру,
И границу знаю я.

Д ж а м б у л:

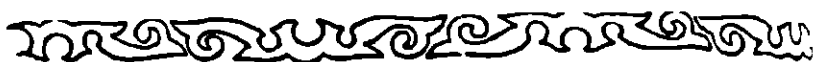
Ты, беспутный Жалаир,
Если твой безгрешен мир,
Почему же любит водку
Кажакан, святой шаир?
Все святые, весь твой род
Кличут беды на народ.
Если муллы лезут в беки,
Степь покоя не найдет:
В сыновьях отцов богатых
Месть запретная живет,

А муллу с душой нечистой
Сатаной народ зовет.
Кожакан был волостным,
В Мекку съездил, стал святым,
Пьет бузу, лакает водку,
Как на это смотришь ты?
Стал ходжи, нашел почет,
Взятки сотнями берет,
Белоручка и бездельник
На чужой спине живет,
Грабит всех кого попало
И-судьей себя зовет.
Разве будет люд счастлив,
Если вождь несправедлив?
Враг вломиться не посмеет,
Коль батыром сын рожден,
Если этот сын умеет
Постоять за честь племен!
Если ты в удаче плох,
Не поможет тебе бог,
Моей пыли не увидишь,
Хоть разбей суставы ног!
Торт-толек имею я,
У тебя ж в сугум — свинья.
Разве так по шарияту?
Ты не знаешь, — знаю я.
Копшыбая дед, Калдай,
Бай и первый скупердай,
Воробья зерном обидел, —
Вот и честь ему отдай!
Мог ли этот честно жить?
Скот не мог он различить,
Что запрещено в шарияте.
Слушай дальше... Ты молчишь?
В холе девушек растишь —
До поры, пока заедет
В твой аул торговый шиш.
Он товар тебе дарит.
С дочками твоими спит,

Наслаждается мошенник
И в обратный путь спешит!
Ты, мулла, злодею сват,
Страсть свою насытив, — рад,
Отведешь глаза народу,
Сам же канешь будто в воду.
Вот, давай поговорим,
Что о ханстве мне известно,
Ничего не утаим!
Хан народ клещами сжал
Разорил, обворовал,
Кровь и слезы льются густо,
Кто же хану помогал
Стать владыкою степей?
Посадил его злодей
С черной кровью, с черным сердцем
И к нему с нуждой своей
Обратиться не посмей.
Если жалобу имеешь,
Не найдешь ответа ей!
Весь свой скот народ зарезал,
Коз, коров и лошадей,
Ненасытному в угоду,
Чтобы был злодей добрей.
Где твой нар, что выюк таскал?
Силой он его забрал,
Стариков заставил плакать,
Мольбам женщин не внимал.
Говорил он, змей поганный:
— Таково веленье хана!
Земли наши сузил он,
В Бухару собрался он.
А почтенные мужи
Шли к нему и, как ужи,
Называли Алдияром...
Им ли честью дорожить?
Как стервятник, рвущий падаль,
Каждый в ноги ему падал,
Край свой бросили врагам,

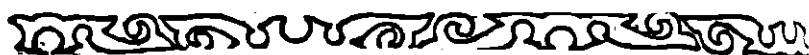

Что еще бесчестным надо?
Чернокровный тот злодей
На спине сидел твоей,
И не смел ты даже пикнуть,
Боли высказать своей.

Хану был покорен ты,
В смелом честном споре ты
Свой народ не защитил,
Стал слугой при воре ты.
Что ж ты власть себе не взял?
Где святой твой пропадал?
Бий же ваш, Ескаледы,
В кабалу народ отдал.
Свой народ он не любил,
Он в крови его умыл,
Горем, голодом, слезами
Он аулы наделил!
Спорить ты со мной кончай,
Ты халат с конем спасай
И к себе, мой сват, скорее
Поздорову уезжай.
Болгалы — твой дед, и он
В Жалаири был рожден,
Может, ты его богатства
Нынче выставишь на кон?
Коль богат ты, старый плут,
Что же ходишь, ищешь тут?
Жалаири каргалинцы
«Битым клятвою» зовут.
Правда мне в словах мила,
Только вижу ты, мулла,
Не живешь в согласье с правдой,
Полный желчи, полный зла.
Кто из сильных пожелает,
Чтоб, отделившись от баев,
Стала сильной беднота?
Бай того не пожелает!
Ты не можешь ли сказать

Про Мамана и Кальбая?
Ты не прячь от них глаза,
Жалаир-Кушик мурза
О себе одном болеет,
Бедноту он не жалеет.
Чтоб Маман не наказал,
Перед ним он робко блеет,
Сильному противоречить
Сил тщедушный не имеет ...
Мы зовем клеветниками
Тех, кто знается с волками
И раздор в народе сеет.

Пристав, князь и волостной
Бай, манап, судья с муллой
Целый свет заставят плакать.
Кто же есть у вас такой,
Чтобы вышел смелый в бой,
Чтобы мог отпором встретить?
Я, старик, прошу ответить,
Говори, болтун худой,
Называемый муллой!
Что же смотришь ты несмело?
Нет ответа, спесь заела?
Ну, тогда совет послушай:
— Не в свое не суйся дело!
Посмотри, глаза раскрой,
Не сравнишься ты со мной,
Я пою — хозяин слова,
В споре честный и прямой,
И таким, как ты, акынам
Душу лечит голос мой!
Если песней разольюсь,
Половодьем я кажусь,
Если многого не знаешь,
Слушай дальше, я скажу!
Если голову бесчестишь,
От людей не будет чести,
И тебя не похоронят,

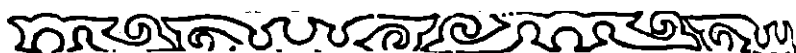

Будешь гнить с халатом вместе.
Если ты не ошалел, —
Как народ ругать посмел?
Ну, а если не двуличный
Почему для баев пел?
Хана хвалишь ты, а он,
Жмет народ со всех сторон,
Вместе с баями своими.
Он ворует наших жен!
Ненавидимый в аулах,
Хан презрением окружен!
Ты же хана превознес,
Ты ему как верный пес.
У тебя, лукавый, взяток
Больше, чем твоих волос,
У тебя, разбойник старый,
Всех грехов не сосчитаешь,
Ты себя не оправдаешь,
Ты лишь воздух отравляешь
И напрасно обе щеки
Ты от злости раздуваешь.
Не подумав говоришь,
И с вопросами спешишь,
Лезешь спорить о героях,
А прижмут — и замолчишь.

Закипает мой народ,
Совещаться он идет,
В благородном этом гнев.
Он не мужество ль берет?
Лишь герой народ спасает,
Местью он позор смывает,
А земли большую жажду
Бурный ливень утоляет,
Тучу грозную, густую,
Только буря разгоняет.
Всех врагов народ побьет,
Солнце яркое взойдет.
В пламенеющем восходе

С Ала-Тауских высот
Клич раздастся соколиный,
И алмазный меч сверкнет,
Степь родившегося сына
Карасаем назовет!

АЙТЫС ДЖАМБУЛА С ШАШУБАЕМ

Ш а ш у б а й:

Остер и находчив акына язык,
Он песни слагать без задержки привык.
Здоровы ли батыры степей Джетысу,
Попрежнему ли ты, Буланбай, светлолик?

Повсюду известен певец Шашубай.
Сердечный привет, как письмо, прочитай.
Я рад, что нам встретиться здесь
привелось.
Здоровы ль батыры степей, Буланбай?

Сатим, мой батыр, ты меня узнаешь?
Ты лучше булусов и беков живешь,
Ты соколом от Ниязбека рожден,
Начало ты от Есенгула берешь.

А дед твой Жаныс не украсил ли род?
Его наградил уваженьем народ.
Не часто бывает у вас Шашубай —
Певец у далекого взморья живет.

Как смерч на ветру, беспокойный
я выюсь.
Не сделано мной ничего, — признаюсь.
Я — Средней орды соловей. Горячусь, —
В горячке находчивей я становлюсь.

Я вижу Абдана, пришел и Жайнак,
Сатим величавый пришел и Абак.
От них в восхищении я, Шашубай,
И песня для них начинается так:

Из Средней орды переход мой немал,
В пути восемнадцатидневном шагал,
Добрался едва. Песню сложил в пути
И лучших людей Джетысу увидал.

На долгие здравствовать вам времена,
В байге не догнать моего скакуна.
Мы весело время проводим. Душа
И былью и небылью восхищена.

Базару вечернему скоро конец,
Но разве в азарте замолкнет певец?
Края мои — Каркаралы, Акмола,
На песни о них Шашубай не скупец.

Стремительно мчусь я в песне своей,
И здесь среди вас повстречал я друзей.
Я — резвый скакун, обгонявший толпу.
В кругу вашем тесном один из гостей.

И все нипочем, если он на скаку,
Горячему рыжему аргамаку.
Я сладость в скитаниях дальних
вкусил,
Как смерч я взвиваюсь, на слово не скуп.

Меня Шашубаем зовут, и на той
По прихоти судеб я прибыл с домброй.
Здесь дух моих предков издревле
живет.
Народ Семиречья здоров ли родной?

В здоровье ли славный жигит Сарыжан?
И ты, мой почтенный батыр Самасан?

На льду аргамак без подковы скользит,
Я песней подкован и голос мне дан!

Голодный, гонимый ваш род не сдает,
Как щука, он против теченья плывет.
Вам ведомо много о разных краях...
Здоровы ль Манке, Адпыспай? — Им почет.

Меня попросили — и заговорил,
Бог песенным даром меня наделил.
Устроил нам дружеский пир

Буланбай,

Он лучших сынов Алматы пригласил.

Знайте же имя мое — Шашубай,
В ауле я нищий, а в песне как бай.
Вся Средняя сотня просит меня:
«Нам песню веселья скорее давай».

На пули бросался батыр Суранши,
А я не жалею для песен души.
Скажи, Буланбай, не найдется ль акын,
Чтоб в песне со мной состязаться решил?

Джамбула какого-то хвалите вы,
Запятав его, не печалитесь вы?
Коль ты не доставишь его, Буланбай,
То честь Семиречья запятнаете вы...

Э, Средняя сотня Большой не чета, —
Ведь сотня Большая травой лишь
сыта.

А Средняя сотня трехдневный кумыс
В богатых своих попивает местах.

Э, Средняя сотня богата, сильна,
Призы на байге — для ее скакуна.
Для всех самоваров наваристый чай
Везет из Ирбита тюками она.

У сотни Большой и скакун на беду
Короткохвост и не скор на ходу.
На кашу густую, известно давно,
Обиделась сотня Большая, к стыду.

Э, Средняя сотня и в славе сильней:
Есть четверо знатных ее сыновей.
Они друг от друга, считай-ка, народ,
На расстоянии десяти дней.

Я Среднюю сотню с Большой не сравню,
Скакун из народа, я всех обгоню.
Повсюду несет Шашубай-соловей
Непобедимую песню свою:

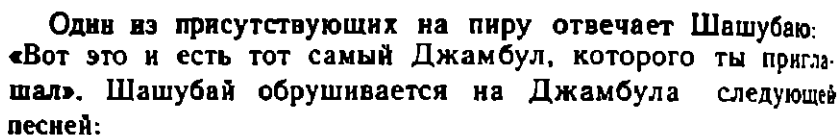
Гонца за Джамбулом пошли, Байбулан,
Подкованный и быстроногий кулан
Достоин, чтоб в улицах тесных ему
Промчаться. Зовите и его на коган.

Я Среднюю сотню в словах вознесу.
Вы, люди чиновные из Джетысу,
Теряться зачем? Коль Джамбул ваш — акын,
Пусть явится он, пусть домбру принесет.

Как Сейтбаталла в храброй схватке с Али,
Мы скрестим в айтысе напевы свои,
А в песнях нам много есть что рассказать.
Скорей, Байбулан, ты Джамбула зови.

Буланбай посылает за Джамбулом. Акын приезжает.
Гости на пиру у бая хмельны от выпитой водки. Шашубай
также разгорячен вином. Увидев Джамбула, он поет:

Поет Шашубай, не боясь никогда,
Он сборищ подобных немало видел,
Но кто это там с деревяшкой в руках,
Подопнанный мукой, явился сюда?

Хребты Ала-тау достают облака.
Они величавы, и степь широка.
Несчастный, придавлен ты днем роковым,
Один Шашубай запекает пока.

Здоров ли, Джамбул? В Семиречье живешь,
Ты мастером песен не с детства ль слывешь?
Молчишь, будто чем-то придавленный ты?!
Чтоб бог тебя взял, видно, этого ждешь?

Я, водкою разгоряченный, готов
Нанизывать жемчуг сверкающих
слов,
А ты овдовевшей подобен жене,
Язык развяжи, если в песне толков.

Мне ль Среднею сотней не дорожить?
Привыкли в ней родичи беками жить.
О-эй, Шашубай, ты силу свою
К седлу поскорей, как халат, привяжи.
Известно мне все, моя кровь горяча,
Как сокол, блистаю я в смелых речах.
А здесь превозносят, я знаю, тебя,
Пригодного на мышей лишь сына.

На севере славил родню я свою,
У вас, в Джетысу, я о ханах пою.
Рассердишься, небо возьми опрокинь,
Коль можешь на голову ты мою.

Мой светик, Джамбул, Шашубая узнал?
Асая-Мусая я палкою стал.
Пока Турлыбек с Барлыбеком живут,
Не страшен мне, вольному, и генерал.

• Я песней подкован на славу. Я рад,
Слова моих песен несутся впопад.
Курносы твои Байбатца и Манке,
А Сами, мне кажется, подслеповат.

Сошлись же такие на той из низин!
Смотреть на вас страшно. С изъяном один,
Другой плохоносый, а третий слепой
И где вы набрали таких образин!

Д ж а м б у л:

Ты бродяга, не акын,
На вершину из вершин
Вознамерился взобраться
Вспетушившийся Аргын.

Трепку я тебе задам,
По рукам и по ногам
Я свяжу тебя, дурного,
И вздохнуть тебе не дам.

У народа я — скакун,
Ты ж — бродяга и хвастун,
Бесприютный, босоногий,
Как сорока на кусту.

Задыхаясь, брел ко мне
Ты в дырявом чапане.
Как бы палка не прошлася
По худой твоей спине!

Стрелы смерти всюду злы,
Не спасет и щит скалы.
Беспощаден он и грозен
Заостренный клюв стрелы.

Благоденствует мой край,
Ты его не задирай,

Ты провалишься с позором
Недостойный Шашубай.

Ш а ш у б а й:

Аргына не трогай, он старший твой брат.
Дорогу тебе проложил он стократ.
Землей бы засыпал я глотку твою
За то, что ты в песнях Аргыну не рад.

Слова моя льются смелы и остры,
У беков моих — золотые шатры!
Себя восхваляя, ты не горячись,
С оглядкою пой ты, Джамбул, до поры

За словом, батыр, ты позорче следи,
Посмотрим, кто в песне из нас победит!
Свое состязание мы завершим,
Посмотрим, чей будет скакун впереди.

Неплохо живет в наши дни Буланбай.
Ест жирное мясо, пьет с сахаром чай.
Чиновный Бакня, Барлибек, Турлибек
С ним вместе. Богатства их хоть отбавляй...

Мечты Семиречья сбылись давно:
Над сотней Большой баи властны давно,
Пад вами они, управляя, сидят,
Сияние славных повсюду видно.

Находит для песни слова Шашубай,
На них ты, мой милый, скорей отвечай.
Богатства степные мои велики,
Ты легок, Джамбул, словно выпитый чай.

Живу я в далекой родной Акмоле,
Искусством на много прославился лет,
И мне недоноском не быть в Джетысу —
Я вихрями песен лечу по земле.

Богач твой нашелся ль? Его покажи,
Сравнится ли он с Буланбаем, скажи?
Джамбул, ты задорист, но песня твоя
За песней моей, спотыкаясь, бежит!

Я бег твой напористый остановлю,
Я золото с уст в состязании лью.
А ты овдовевшей подобен жене,
Я глотку тебе, как птенцу, придавлю.

Д ж а м б у л:

Пусть Джамбул заговорит,
Он, как ветер, загудит.
Кто в горячке зазнается,
Никогда не победит.

Как бы глотку ты ни рвал,
Сам себя ни восхвалял, —
Для тебя, батыр, я всюду
Недоступный перевал.

Мои песни горячи,
Золотые в них лучи,
Я подобен океану:
Слушай песни и молчи!

Я, как Волга, как Яик,
Дар мой песенный велик.
Кораблю, что режет волны,
Он подобен, мой язык.

Пусть народ расценит нас,
По заслугам пусть воздаст
Он хвалу тому акыну,
Чей мудрее будет сказ.

В лучших людях Джетысу
Вижу я степей красу.

Вот они сидят со мною,
Их я в песнях вознесу.

Ты напрасно, милый мой,
На айтис дерзнул со мной.
Подыскал бы ты скорее
Лучше равного с собой!

Будет песней славен той,
Песней смелой и большой,
Я, как молния, ударю
И хребт сломаю твой.

Кабанбай меня слышал,
 Богембай меня слышал,
 На айтысах смелой песней
 Я им ходу не давал.

Я в Большой орде один
Карасая вольный сын.
Карасай — мой клич и
знамя
Семиреченских долин!

Я повсюду знаменит,
Я ковер, что степью шит
Из живых цветов и песен,
Мой язык, как меч, разит.

**Я, как буря, налечу,
Руки я тебе скручу
И, не дав шагнуть
 зазнайке,
При народе проучу.**

Я — источник вольных слов.
Руку ты к гнезду орлов
Не протягивай, вспянувшись
Хмелем байских турсуков.

Буланбая славишь ты,
Много зла оставишь ты.
Байбулана, как я вижу,
Хорошо не знаешь ты.

Он приехал к нам босой,
Хромоногий и косой,
Он на пегой серой кляче
Хитрой выглядел лисой.

Он приехал на Тастак,
Снял оборванный тумак
И на пустоши построил
Он лачужку, кое-как.

Сладость он у нас вкусил,
Года три у нас он жил.
К нам нужда его загнала,
Знаешь кем он раньше был?

Он повсюду с давних пор
Слыл как самый первый вор.
К нам приехал и в лачуге
Наточил он свой топор.

Шкуры крал, потом сбывал,
Нас он всех обворовал,
И завел свое богатство
Возгордившийся шакал.

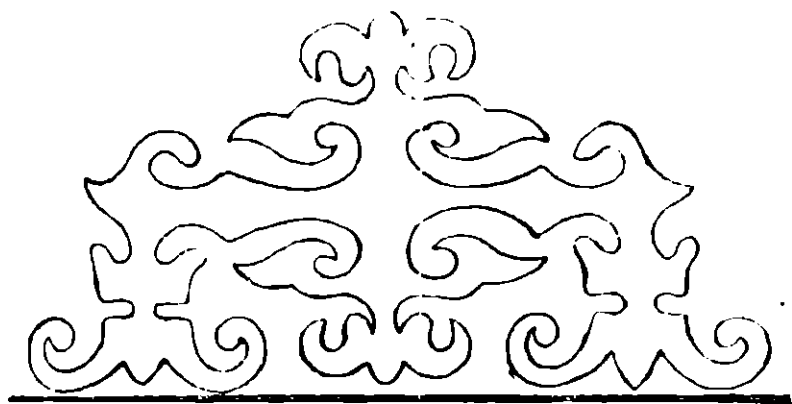
Не хвались ты, Шашубай,
Старый вор — твой Буланбай.
Ты следи за словом в песне,
Вора ты не прославляй!

Шашубай, опомнись, друг.
Есть примета, милый друг,
Что к недугу темный знахарь
Прибавляет свой недуг!

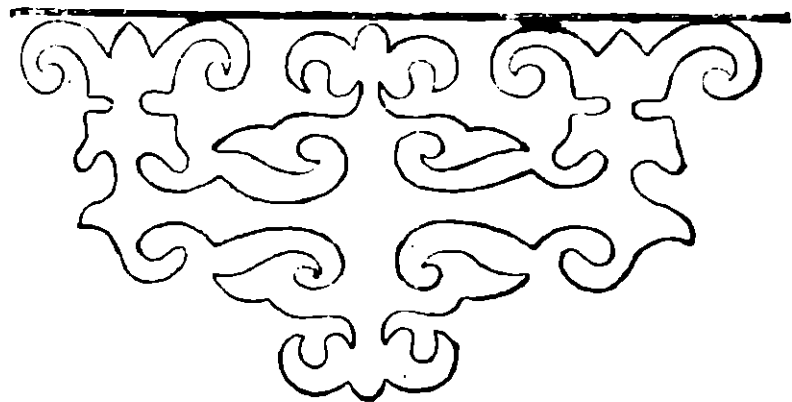
Ты из кожи лезешь вон;
Ты в чиновников влюблен.
К Бакие и Барлибеку
Ты приходишь на поклон:

О несчастный! Навсегда
Ты сгоришь в огне стыда;
Не тебя ль шакалы эти
Всюду грабили всегда!

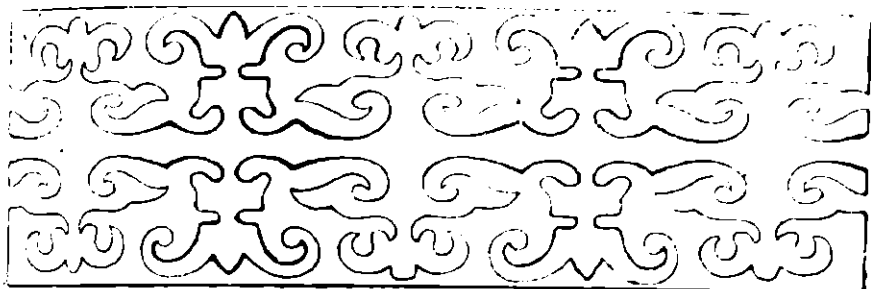

ТРЕТИЙ РАЗДЕЛ

192 0 191 35

ПЕСНИ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ (1921—1940)

АКТИВИСТАМ

Конец мира еще не настал,
И от песен Джамбул не отстал.
С неба молния не упадет,
С джайляу народ не уйдет.
Не исчезнет имя Джамбул
Ни от баев и ни от мулл.
Ненавидят они меня,
А боятся, как огня.
Я все тот же акын Джамбул,
На слова я все также остер.
В чей, скитаясь, забрел я аул?
На кого я занес топор?
Пока держится в теле душа,
Пока песня, как жизнь, хороша,
Хуже вас я не буду жить.
К беднякам вы не так добры.
Я же буду народ любить,
Песнь слагая под звон домбры.
Буду петь свои песни я,
Будет песня кипеть в огне,
Дорогие мои друзья,
Не случайно вы встретитесь мне!

1921 г.

НА ТОРЖЕСТВЕ КАЗАХСТАНА

Долго мой край был окутан в туман.
Теперь здесь родился родной Казахстан.
Зрелости полной достиг мой народ
В созвездии братских стран.

Народа мечта вековая сбылась.
Сложена дома крепчайшая часть,
Прочна она, как опора моста,
Наша Советская власть.

Радость наполнила душу мою,
Весел и рад я, на той иду.
Эй, бедняки, укрепляйте же власть,
Ей и о ней я пою.

Как аргамак вольной степью летит, —
В радости сердце народа кипит.
Страна, я с тобою был вместе всегда
И молод теперь, как джигит.

Тебе, тебе, возрожденный народ,
Песни Джамбул вдохновенно поет!

1924 г.

СЛОВО К МОЛОДОСТИ

Милые мои, вы почтительно дали мне слово. Но оправдаю ли я ваши надежды? Ведь давно прошла пора, когда, бывало, я пел звучным и сильным голосом. Сейчас мне уже восемьдесятвосемь лет. Выпали все мои зубы. Обратились бы вы ко мне в минувшее время, когда я соревновался с акынами на больших тоях, я бы исполнил любое ваше желание. Я ничего не пожалею для вас и теперь. Где вы, мои силы, чтобы дать вам все, что вы хотите?

Но если нет у меня голоса для пения звучных песен, — в сердце моем еще хранится жемчуг слов. Вашу просьбу исполню я не напевом, а песней, сложенной по вашей воле.

Старик мой Нуржан, перо с тобой,

Ты нам полнозвучную песню спой,

Доселе не знал соперников ты.

Источник ли сердца акына пустой?

Так говорил сам себе Нуржан Наушабаев.

Силы собери свои, Джамбул,
Час настал, чтоб ты смелей шагнул.
Буйной молодой травой сошлась
Юность отовсюду в твой аул.

Песню ты сложи, — и даст покой
Юность, что стоит перед тобой.
Ты, Жаке, не на чужом пиру, —
Для свободной молодости спой.

Не скупись! Открой сундук, старик,
Отвори поэзии рудник,
Одари глотком живящим нас,
Слов неиссякаемый родник.

Понапрасну сердце пусть не ждет,
У тебя ль домбра не запоет?
Ты, как четки, строки панижи,
С языка янтарный капнет мед.

А-у! Начну! Коснусь я струн
И удаль юных воспою.
Я — перегнавший всех скакун —
Забыл ли я байгу свою?
Копыта ль сбиты? Мой удел
На месте ль шаг перебирать?
Народ вокруг, — я снова смел,
Я, старец, вновь готов скакать.
Домбра! Я сызмала навек
Стал эхом песенным твоим,
Сравнялось семьдесят, но бег,
Как в детстве, был неукротим.
Домбра! Взгляни со мной назад.
Как в праздничный и шумный пыл
Дошел я до Семи Палат
И песней всех опередил.
Там мне вручили первый приз,
Я принял приз, но что мне он?
Была неумолимой жизнь,
Обманом был ее закон.
Мне показалось, как тогда,
Вокруг меня стоит народ,
Неужто ль в славные года
Джамбул сильнее не запоет?!
Узоры песенные вей
И от себя не отрекись:
Неужто ль в этом торжестве
Упустишь ты желанный приз?!
Язык, ты немоту забудь,
Рассыпьте песен жемчута!
Растет наш труд, велик наш труд,
Горяч и быстр он, как байга.

Джамбул и смерть принять готов,
Надежен молодости путь,
Как неизменен жемчуг слов,
Что в сердце крепко берегут.
Эпоха — ваша. Так сказал
Джамбул, и спор излишен здесь.
Я знаю — золотой металл
В огне не обратится в жечь.
И шелк в лоскутьях, — так и знай —
Такой же нежный шелк, — не бязь.
Алмаз, хоть с глиною мешай,
Не будет походить на грязь.
Пусть сталь, ударясь о гранит,
Не затупляет острие.
Но кто народу зло творит, —
Тот с юностью покончил все.
Внимайте, как поет Джамбул,
Старик не хочет отставать,
Богатство слов он развернул.
Чтоб правду юности сказать.
Догнать его. Едва ль, едва ль...
Он рвется в даль, он рвется в даль.
Простор широк, простор широк,
Старик повсюду будет в срок.
И музыку его стихов
Весь край наш повторять готов.

1934 г.

НА ДЖАЙЛЯУ

то раннее утро не парил зной,
Стояла в степи тишина,
Но Ер-Назар, мой колхоз родной,
Вставал уже ото сна.
Я слышал: растут голоса в тишине,
Катятся вдаль волной, —
Колхозники наши пришли ко мне
Потолковать со мной.

«Веди, — я услышал такие слова, —
Нас на джайляу, Жаке,
Туда, где налитая соком трава
Не вытоптана никем.
Там ветры, как шелк, там чиста вода,
Веди нас, Жаке, туда!»
И я отвечал: «Хорошо, идем», —
Поднялся и сел на коня.
Мы вместе поехали за табуном
В ласковом свете дня.

Ржали, резвясь, жеребцы-скакуны,
И, словно под звук струны,
Были сердца наши счастья полны,
Запахом трав пьяны.
Горы сверкали белой чалмой,
Парил в вышине орел,
Колхоз Ер-Назар веселый мой
Я на джайляу вел.
Вода нам навстречу бежала с гор,
Прозрачна и холодна,

И я устремил к Ала-Тау взор...
Родная моя сторона!
Если и веки сомкну, найти
Сумею джайляу во мгле...
Будем мы добрых коней пасти
На тучной нашей земле.

1935 г.

В МАВЗОЛЕЕ ЛЕНИНА

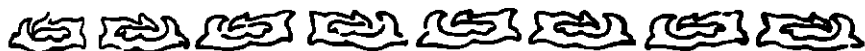
Пришел я к тебе из далеких степей,
Пришел к тебе в мраморный мавзолей,
Бессмертный, родной, любимый.
Не умер ты! Не лежишь в гробу!
С живым с тобой говорит Джамбул
И в сердце несет твоё имя!

Стал мавзолей твоим сердцем земли,
Волны народов к нему потекли
Потоком бескрайним, как годы.
Не умер ты! Не в гробу лежишь!
Ты каждый день живешь, говоришь
С родным своим народом!

Данишпан! Ты думал о каждом из нас,
Данишпан! Ты нас от шакалов спас,
Как солнце согрел миллионы,
Миллионы тех, кто с нуждой дружил,
Миллионы тех, кто без родины жил,
Миллионы нас, угнетенных!

Когда я смотрел на звезды Кремля,
Я видел — в них блещет жизнь твоя
И твой завет последний.
Я слышу — в Кремле твоё сердце бьёт,
Там твой любимый орел живет,
Великий твой наследник.

На крыльях могучих он гордо несет
Победное, славное знамя твоё,

Он в бурях и грозах вырос.
И там, где орлиные взмахи легли,
Там счастье для всех угнетенных земли,
Для всех пролетариев мира!

Мой Ленин! Тебе эта песня сейчас,
Мой Ленин! Живешь ты в каждом из нас,
Как солнце, согрел миллионы,
Миллионы тех, кто с нуждою дружил,
Миллионы тех, кто без родины жил,
Миллионы людей угнетенных!

В завещанье оставляю им,
Правнукам, внукам и детям своим,
Чтобы такими, как ты, они стали
И отдали сердце и каждый свой шаг
Тому, в ком пылает твоя душа,
Тому, чье имя — Сталин!

1936 г.

ЛЕНИН И СТАЛИН

о смерти Джамбул не забудет тех дней,
Когда он на поезде мчал по стране.

И мимо куда-то летела земля,
Мелькали сады, проплывали поля...

Шумела травой батырская ширь,
Неслись облака на Алтай, на Сибирь.

Пугливые чибисы с криком вились
Над желтой и быстрой рекою Арысь.

Над рисовым полем пылали лучи
В горячих просторных степях Кармакча.

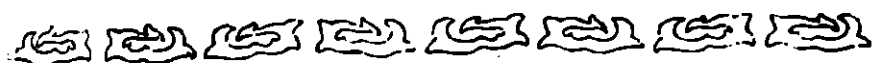
Катил на пески свой разгневанный вал
Вскипающий пеной, зеленый Арал.

Пасла табуны и растила хлеба
Красавица наших степей Актюба.

Потом засверкал восхищением взор:
Впервые увидел я волжский простор:

Катила могучие воды река,
И чайка кружилась бела и легка.

Какая страна! Сколько светлых чудес
Под юртой высоких советских небес!

Я ехал, волнуясь. Я знал, что близка
Мечта моей жизни — столица Москва!

И вот она встала, мечты золотей,
Во всей лучезарной своей красоте!

Услышал я шум изумрудных садов,
Увидел я блеск бирюзовых прудов,

Дворцы и палаты, метро под землей,
Большие фонтаны воды голубой...

Я думал: здесь Ленин когда-то ходил
В расцвете своих титанических сил...

Посланец далеких казахских степей,
Пошел я туда, где стоит мавзолей,

Где светят, восторгом сердца опаяв,
Горящие золотом звезды Кремля.

Стоит мавзолей в самом центре земли,
Народы, как реки, к нему потекли.

Идут и таджик, и ойрот, и казах
С любовью в сердцах и с печалью в глазах.

Идут и афганец, и перс, и араб,
Как дети к отцу и как войны в штаб.

И я вместе с ними, волнуясь, вхожу,
Глаза поднимая и жадно гляжу.

И вижу — в гробу он лежит, как живой,
Спокойный и мудрый, простой и родной.

Знамена склонились с любовью над ним,
Проходят народы, а он недвижим,

Не слышит, как я ему — сгорблен и сед —
Шепчу по-казахски сыновний привет,

И клятву шепчу ему — ленинцем быть,
По-ленински думать, бороться и жить;

И детям, и внукам, и правнукам, — всем
Поведать и в песнях и в строфах поэм,

Что Ленин, как солнце, планету живит,
Что в Сталине ленинский гений горит.

Я самый счастливый певец на земле, —
Я Сталина видел в московском Кремле.

Я рядом с вождем всех народов стоял
И крепко могучую руку пожал.

Ту руку, которая твердо ведет
Два десятилетия вперед и вперед

В сиянье счастливых и солнечных дней
Сто семьдесят пять миллионов людей.

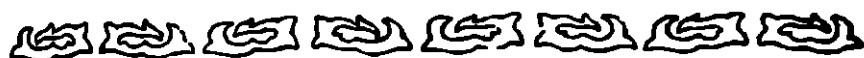
Он разумом выше Памира и звезд
И к людям внимателен, ласков и прост.

Он мощью своей превосходит Арал,
И каждый бедняк в нем отца увидал.

Как солнце, он ясен, высок и могуч,
И греет народы теплом его луч.

Он, как океан, необъятно велик...
Обидно Джамбулу, что беден язык

И слов нехватает, чтоб так прозвенеть,
Чтоб Сталинский гений достойно воспеть.

Я в степи пойду, когда солнце встает,
Из юрт позову я колхозный народ.

И грянем мы песню, и будет нам в лад
Греметь ниспадающий с гор водопад,

Трава шелестеть и журчать родники,
И тихо по ветру шуметь тростники,

И даже на самой далекой звезде
Слышна будет песнь о великом вожде!

1936 г.

ПРИВЕТ НАРОДА

Песни рождались в аулах степных,
Песни истерзанной рабством страны,

Песни в столетьях ползли, как пески,
Песни печали, нужды и тоски...

Семьдесят лет я сквозь слезы пел,
В юртах дырявых, в голодной толпе,

В холодных кстау и в нищих аулах
О жизни тяжелой, как груз саксаула,

О жизни крутой, как оленья гора,
Пела надтреснутая домбра.

Радость моя пришла в Октябре,
Радость принес московский декрет.

Я с новою песней пришел на котан,
И вместе с Джамбулом запел Казахстан..

С тех пор, как юнец, я от счастья горю
Я родине лучшие песни дарю.

Как сад Гюлистана, степь зацвела,
Богатую юрту мне жизнь дала.

Чудесный она постелила ковер
Мне от Син-Цзы до Уральских гор.

Она мне разгладила складки на лбу,
Шагает помолодевший Джамбул,

Народу его навсегда отданы
Богатства великой счастливой страны.

Медь Карсакпая, свинец Кара-тау,
Долины цветущего Ала-тау,

Сокровища белой алтайской руды
И черное золото Караганды,

Эмбы горючей густые фонтаны,
Реки, моря и леса Казахстана,

Хлопок Чимкента, богатство отар,
Душистые яблоки Алма-Ата.

И больше глаза мои не встречали
Прежнего горя, нужды и печали.

Рука степняка поезда повела
В бескрайних пустынях Бетпак-Дала.

В степях по аулам несется молва —
Акына Джамбула встречает Москва.

Товарищ Молотов! В дар прими
Простые, народные песни мои.

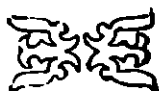
В сердце я имя твоё сохранил,
Великого Ленина ученик,

Великого Сталина верный друг,
С ними и ты мое счастье ковал,
С ними и ты декрет подписал

И радость вселил в миллионы сердец.
Привез эту радость народа певец.
Струны Джамбула звенят по Москве:

Тебе от колхозных аулов привет!
Тебе от счастливых степей привет!
Тебе от народа сердечный привет!

1936 г

КЛИМ-БАТЫР

Чингис-хан, с твоей сабли кривой
Кровь стекала густой струей.

Где ступала твоя нога,
Степь лежала мертва и нага.

Там, где двигались орды твои,
Утопали народы в крови.

Ты был хищник, палач и тиран, —
Вот в чем слава твоя, Чингис-хан...

Ты умел только жечь и рубить,
Не могу тебя с Климом сравнить.

Клим тебе, Чингис-хан, не чета,
Ему славу кричат кречета.

Не потоки крови и слез, —
Ворошилов нам счастье принес.

И счастливый свободный народ
Другом Сталина Клина зовет!

Славен был легендарный Али,
Дау, якобы, мог он свалить.

Не сдержи-де его Израил,
Он бы землю на плечи возвалил.

Так несла его славу молва,
Но ведь это — одни лишь слова.

Это вымысел мулл и ложь,
Только в сказках Али хорош.

Как я Клима сравню с Али?
Силу Клима мы видеть могли.

Пой, акын, силу Клима славь,
Его сила не сон, а явь!

Клим арстаном сражался в боях,
Он не знал, что такое страх,

В годы трудной, большой войны
Разбросал он врагов страны.

Неспроста возрожденный народ
Другом Сталина Клима зовет!

Я смотрю в глубину времен —
Много было великих имен!

Искандер был известен всем,
Возвеличен в поэме Рустем,

У киргизов был славен Манас.
Кене-хан был в степях у нас...

Шли кровавой дорогой войны
Белоснежные их скакуны.

Полководцы вели полки,
И знамена вились, высоки.

Но их слава недолго цвела,
Кратковременною была.

Каждый, сколько ни был знаменит,
В новых битвах бывал разбит.

И в залитых кровью степях
Оставался от славы прах...

Ты один, звездоносец Клим,
С полководцами несравним.

Ты проходишь дорогой побед,
У тебя поражений нет.

Ты народом крепко любим
И поэтому непобедим.

Тебя Ленин учил борьбе,
Тебя Сталин учил борьбе.

Ты мужал, закалялся в борьбе,
Нет по силе равных тебе.

Климу-джан я подарок ищу,
В табуне жеребенка рощу,

Тонконового сосунка
Холю, словно родного сына

По весне сосунок будет тай,
Станет шерстка нежна и чиста.

Подрастет, будет резвый кунаш,
Подивится ему Казахстан.

А потом зашумят по стране
О чудесном дунен-скакуне.

Май повеет душистым теплом,
Станет конь мой ходить под седлом,

Через реки и горы скакать
И в дороге не уставать.

И тебе, Клим, кто равен звезде,
Я вручу драгоценный дар.

Это будет в узорной узде
Золотой, огнегривый Тулпар!

1936 г.

АКСАКАЛУ КАЛИНИНУ

Здравствуй, здравствуй долгие годы,
Крепкий брат мой, чей пост велик!
Вновь мы вместе — седобородый
Аксакал и Жамбул-старик.
Ты в аул наш освобожденный
Прошлой осенью приезжал,
Вышей истиной умудренный,
Там ты руку мою пожал...
В наш колхоз, чье имя — «Калинин»,
Ты, Калинин, приехал сам;
Было там торжество-мейрам,
Отдал степь ты навеки нам,
В край, что некогда был пустыней,
Путь открыл ты земным дарам;
Расцветает хозяйство наше,
Взрыта трактором целина,
Не видели мы весен краше,
Чем Калининская весна.
Вот на пастбище верблюжата
За верблюдицами спешат,
Возле маток своих ягнята
По душистым травам кружат,
И колхозные жеребята
Ржаньем душу нам веселят;
Пастухи тот скот сторожат.
«Степь должна быть скотом богата», —
Так сказал ты нам, друг и брат.
Скот наш вырастет во сто крат...
В горле песенника-жирши
Песня праздничная, журчи!

Светит солнце сегодня всем,
Мой сегодня привет — салем .
Михаилу, сыну Ивана.
Я приехал ему сказать:
— Посети нас, Калинин, опять,
Мы зарежем тебе барана,
Средь известных тебе степей
Будь почтеннейшим из гостей!

1935 г.

ПЕСНЯ О ДРУГЕ СТАЛИНА

Меж Ер-Назаром и шумной Москвой
Гребни Уральских гор,
Степи, луга с изумрудной травой,
Волга, сияющая бирюзой,
Яшмовый блеск озер...

Если бы мне снарядить караван
И на верблюжьем горбу
Ехать в Москву сквозь росу и туман,
Я проклинал бы судьбу.

Сдохли бы все мои верблюды,
Дождь бы размыл следы,
Я бы покинул аул молодым,
Прибыл в Москву седым...

Но не седлал я себе верблюда,
И не седлал коня,
Мчали сквозь степи твои поезда
Легче журги меня.

Волны бежали в густой траве,
Степь утопала в цветах,
Поезд от Алма-Ата к Москве
Повел машинист-казах.

Поезд не опоздал ни на час,
Во-время прибыл он.
Твой, Каганович, могуч приказ,
Слово твое — закон.

Армию смелых ведешь за собой,
Сталинец верный ты.
И засиял семафор звездой,
Рельсы легли, и над сизой водой
Встали стальные мосты.

А в Казахстане — гриваст, красив,
Словно миллионом копыт,
Огненный и вороной Турксиб
Звонко в степях гудит.

А в Казахстане цветет душа,
Радуюсь быстрой езде
От голубого, как день, Балхаша
К черной Караганде.

Это все дело твоей головы,
Труд твоих крепких рук,
Смелый и сильный, как сильные львы,
Сталинский близкий друг!

В недра земли я в Москве попал,
В мраморное метро.
Там, как от сказочных опахал,
Веет прохлада ветров.

Поезд подземный летит стрелой,
Лестница, как водопад.
Лампочки в этом дворце под землей
Ярче созвездий горят.

Нет, ни в одной из подлунных стран
Так не поют сердца!
Нет, никогда и сильнейший хан
Не жил в таких дворцах!

Ты, Каганович, метро создал,
Подвиги ты вдохновлял,
Первым лопату ты в руки взял,

Недра земли ты первым копал,
Первый давал сигнал...

Пусть в тебе силы кипят и растут.
Будь ты здоровьем богат,
И вдохновляй возрожденный люд
На большевистский доблестный труд,
Сталина младший брат!

1936 г.

ПЕСНЯ НАРОДУ

Я ехал при солнце и при луне
На кара-айгыре, железном коне,
По самой чудесной на свете стране,
И радость пела во мне.

Кострами цветов пылали луга,
В недрах Урала пела руда,
На Волге шумели по берегам
Сияющие города.

Цветы украшали зелень ветвей,
Щелкал в вишневых садах соловей,
И девушки пели в раздолье полей
Весенних птиц веселей.

Я слышал: при солнце и при луне,
При яхонтовом закатном огне
В каждой песне и в каждой струне
Радость звучит в стране.

Ты солнце свободным народам дал,
Ты рай на земле народам создал,
С тобой мы счастливыми стали,
Великий ленинец — Сталин!

Джамбул в мавзолее у Ленина был,
Седую голову низко склонил
И тихо шепнул ему: «Ленин, ты жив,
Ты в полном расцвете сил.

Мы в Сталине видим твои черты:
Цели немерянной высоты,
Мысли невиданной широты,
Речи неслыханной простоты...
В Сталине ожил ты!»

Рука твоя, Сталин, нас в битву вела,
Мысль твоя, Сталин, победу дала,
Смотришь ты, Сталин, зорче орла,
Страна с тобой расцвела.

Ты солнце свободным народам дал,
Ты рай на земле народам создал,
С тобой мы счастливыми стали,
Великий ленинец — Сталин!

Столицу мира Джамбул обошел,
В столице Джамбул чудеса нашел:
В Москве — свободы и счастья оплот,
Великий Сталин живет.

В Москве сады, как сплошной изумруд,
В Москве дворцы, как в сказке, растут,
Внизу под землей поезда бегут,
Вверху — самолетов гул.

Столица — солнечной радости клад,
Столица — сталинской мудрости
клад,

Столица — труда и счастья клад,
Там звезды Кремля горят.

Ты солнце свободным народам дал,
Ты рай на земле народам создал,
С тобой мы счастливыми стали,
Великий ленинец — Сталин!

На разных наречьях в Москве говорят,
По разному речи и песни звучат.

Но дружбу грузин с карелом крепят,
И русский казаху — брат.

Старый Джамбул с домброю в руке.
Почуяв, что юность кипит в старике,
Запел о великом большевике
На родном своем языке.

И все в Москве понимали его,
Как близкого родича своего,
Слушали песню с весельем в глазах
Русский, грузин и казах.

Сталин сумел народы собрать,
Братство племен и народов сковать:
Всесильна народов великая рать, —
Один у них Родина-мать.

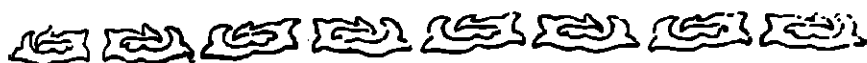
Ты солнце свободным народам дал,
Ты рай на земле народам создал,
С тобой мы счастливыми стали,
Великий ленинец — Сталин!

Большой театр нам двери раскрыл,
Алый бархатный занавес взвил,
Сцену волшебным светом залил,
Сияньем огней ослепил.

На сцене, где выросло в блеске идей
Большое искусство русских людей,
Раскрылось, цветущей весны молодежи,
Искусство казахских степей.

Воскрес растоптанный ханами век,
В знойном, как пламя, танце Жибек;
Смычком из кобыза извлек человек
Мелодию горных рек.

Плыли слова легенд и былин,
Пел, состязаясь с акыном акын:
И ширилась песня гор и долин,
Как вешний гром: «Жасасын».

Из сыбызгы, ручья звончей,
Журчала мелодия радостных дней.
Куляш, черноглазая дочка степей,
Пела, как соловей.

Видел и слышал старый Джамбул:
Край его сердце Москвы всколыхнуло,
Раздался рукоплесканий гул,
Побратались Москва и аул.

Ты солнце свободным народам дал,
Ты рай на земле народам создал,
С тобой мы счастливыми стали,
Великий ленинец — Сталин!

— Кто были раньше казахи? Рабы!
В черной нужде мы гнули горбы!
Были жестоки, злы и грубы
Властители нашей судьбы.

Эпоха ускорила времени бег,
Бстал и расправил горб человек.
Жизнь потекла свободнее рек
В счастливый сталинский век.

И вот возрожденный родной мой народ
Великому Сталину песню поет,
Слова в ней свежи и душисты, как мед.
Песня от сердца идет.

Ты солнце свободным народам дал,
Ты рай на земле народам создал,
С тобой мы счастливыми стали,
Великий ленинец — Сталин!

Самого лучшего из людей,
Самого мудрого из людей —
? Сталина видел. Сидел он в среде
Воспитанных им вождей.

Сидел Клим-батыр, смелый витязь войны,
Сняли звезды и галуны.
Калинин сидел в серебре седины,
Староста всей страны.

Рядом с Серго Каганович сидел,
На сцену со светлой улыбкой глядел,
А зал аплодировал и гудел
Героям великих дел.

Все видели: наше искусство цветет.
Все слышали: весь Казахстан поет.
Слава тому, кто народы ведет
По дороге счастья вперед!

Ты солнце свободным народам дал,
Ты рай на земле народам создал,
С тобой мы счастливыми стали,
Великий ленинец — Сталин!

Вернулись артисты степей назад,
Казахский народ за них горд и рад,
У многих теперь ордена блестят,
И силы во всех кипят.

Их Сталин видал, их Сталин слышал,
Из ложи им Сталин рукоплескал,
Их Сталин в Кремле, как отец принимал,
Песням их и речам внимал.

Вернулся с ними и старый Джамбул
В родной Ер-Назар, колхозный аул,
Встречает Джамбула приветственный гул,
Будто ветер ветви качнул.

Пришел на собрание колхозный народ,
Джамбул на собрании песню поет.
И песня, как беркут, в небе плывет,
На борьбу и работу зовет.

В степях Казахстана травы шумят,
Рудою и нефтью край наш богат,
Цветет Казахстан, как огромный сад,
И нет нам дороги назад.

Сталин, ты слышишь удары сердец?
Первая песня тебе, мудрец,
Первая песня тебе, отец,
Родной и любимый отец!

Казахстан на восточных границах лежит,
Мы с винтовкой в руках бережем рубежи,
Мы клянемся тебе, человечества друг,
Что не выпустим ружей из рук.

Как с винтовкой аскер, я с подругой-домброй
Выйду вместе с народом в последний бой,
Будет песня моя — грозна и строга, —
Как снаряды, взрывать врага.

Ты солнце свободным народам дал,
Ты рай на земле народам создал,
С тобой мы счастливыми стали,
Великий ленинец — Сталин!

1936 г.

ЗАСТОЛЬНАЯ ПЕСНЯ

рое нас. Мы сидим за веселым столом —
Два степных казаха и русский.
Чай душистый дымится. За светлым окном
Ходят плавные волны музыки.

В наших жилах струится братская кровь,
И готовы раскрыть мы объятья.
Между нами живет большая любовь,
И беседу ведем мы, как братья.

Пусть придет к нам грузин, узбек и таджик—
Будет встреча еще чудесней.
Мы найдем с ними дружеский, братский язык
И поделимся чаем и песней.

Слышишь шумы? Москва за окном шумит.
Видишь блеск? Это в синий воздух
Древний Кремль возносит, лучами облит,
Золотые, как в сказке, звезды!

Там, под звездами, солнечный Сталин живет.
Он принес через годы ненастья
Солнце вечной весны с лазурных высот
И цветы всенародного счастья.

Он сдружил Москву и казахский аул,
Он сроднил все народы и страны.
Девяностолетний седой Джембул
Ему славу поет неустанно.

М. И. Калинин вручает Джамбулу в Кремле орден Трудового
Красного Знамени

Рад московскому гостю Джамбул, и домбра
Запросилась в старые руки.
Слушай клетот орла и звон серебра,
Задушевные слушай звуки.

Я ищу слова, что теплее луча,
Что ласкают и греют душу.
...Посмотри, как дымится душистый чай,
Подыми пиалу и кушай.

1936 г.

ПЕСНЯ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ОРДЕНА

Д жамбулу девяносто лет...
Я пел всю жизнь. Я стар и сед.
Но стал на старости кедей
Счастливей всех людей.

Я счастье выразить смогу ль?
Расцвел я, как душистый гуль,
Мне Сталин молодость вернул,
Помолодел Джамбул.

Беру я орден и пою
И клятву верную даю —
Все песни обновленных дней
Отдать родной стране.

Вольется песня в шум работ,
Орлом над степью проплывет.
И будет чище серебра
Звенеть моя домбра.

Услышат звон моей струны
На шумных праздниках страны.
Жить стало лучше, веселей
На Родине моей.

Аскер с винтовкой ходит в бой,
Джамбул с любимой домброй...
Я песней из каленых слов
Пойду разить врагов.

А песню лучшую мою
О Сталине я пропою,
Ее со мною запоет
Счастливый мой народ.

Ты, Сталин, — солнце наших дней,
Ты всех дороже и родней,
Тебе несем тепло сердец,
Мудрейший наш отец!

Я, вдохновляемый тобой,
Поеду в Казахстан домой,
И будет песнь моя звонка,
Как небо высока.

Я по степям родным пойду,
Я песней путь в сердца найду,
И буду петь все веселей
О Родине моей!

1936 г

ГАСЕМ ЛАХУТИ — ДУЖАМБУЛУ

орхай, ликуй, свободный соловей,
Над розою счастливою своей!

Рассыпь на землю серебристый гром,
Навстречу солнцу трели звонко лей.

Пусть мир услышит, что родной твой сад
Еще прекрасней стал, еще пышней.

Любуйся нежным пурпуром цветов
И плодоносной тяжестью ветвей.

Пой тополю: свободней ввысь расти!
Тюльпану пой: красуйся и алей!

Запой, и всюду смолкнут соловьи.
Певцы иных садов, иных полей,

С восторгом песни слушая твои,
Акын Джамбул, казахский соловей.

Прославь его, кто этот сад растил,
Того, кто всех отважней и мудрей.

Пой Сталина, весну народов пой,
Пой солнце родины моей, твоей!

1936 г.

ДЖАМБУЛ — ГАСЕМУ ЛАХУТИ

В дружестве песен на светлом пути
Ты мне по-фарсидски пропел, Лахути.

С открытой душой я твой голос встречаю
И песней казахской тебе отвечаю.

Твоими устами таджикский народ
Свою соловьиную песню поет.

Мои слова казахский народ
Заветную песню пускает в полет.

Под ласковым солнцем в счастливые годы
Меняются песнями наши народы.

Как лебеди, песни плывут в небеса,
За ними родные спешат голоса.

Прислушайся — в дымных горах Дагестана
Журчат родниками слова Сулеймана.

И Янка, акын белорусских полей,
Льет песни теплее, чем крик журавлей.

Запел весь Советский Союз многоликий: —
Русские, турки, казахи, таджики.

На празднике песни звени и цветы,
Фирдоуси правнук, акын Лахути.

Как воды арыков под сенью зеленой,
Поем мы, и с нами поют миллионы.

О Родине нашей, о славных делах,
О коннице вражьей, развешанной в прах.

О дружбе народов, о солнечном братстве,
О щедром обилье, о пышном богатстве,

О том, что не стало насилья и зла,
О том, что земля на зоре расцвела.

Взгляни, Лахути! Разрастается сад,
Тюльпаны и розы в саду шелестят.

Волна ароматов нам головы кружит,
Росинки лежат ожерельем жемчужин.

Над нами янее небес бирюза,
Сияние радуг ласкает глаза.

И ветер в плену соловьиного шелка
Нежнее, чем шорох иранского шелка.

Я в старости вызнал все тайны вселенной.
Краю ее, прелесть и смысл сокровенный.

И выси хребтов, и пространство степей
И недра земли, и глубины морей.

Мы были слепыми, но зрячими стали.
Глаза нам открыл на вселенную Сталин.

Кто к солнцу и к ясному счастью ведет
В огне Октября возрожденный народ.

Кто самый большой человек на планете,
Кто дал Конституцию лучшую в свете.

Кто судьбы народные держит в руках,
Чья светлая слава сияет в веках.

Одно у нас пламя бушует в груди,
Одно у нас знамя, акын Лахути.

Мы дружно, как братья, народам поем:
На разных наречьях, но об одном.

В казахском жире, в персидской газель:
Одни у нас мысли и чувства созрели.

Один в наших песнях батыр и герой —
Кого не сравнить ни с звездой, ни с за

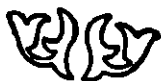
Чьим именем названа наша эпоха,
Кого будем петь до последнего вдоха.

Клокочет созревшая песня в груди,
Ударим по струнам, акын Лахути!

И грянем о Сталине непобедимом,
О самом великом, родном и любимом.

Да так, чтобы песня звенела в веках
На всех человеческих языках.

1936 г.

УМЕР БОЛЬШОЙ ЧЕЛОВЕК

ой от скорби и горя, Джамбул,
Пой печальней осенних рек.
Весть ползет из аула в аул:
Умер Горький — большой человек.

Буревестник крылья сложил,
Гордый сокол на скалы упал,
Он народам песней служил,
К светлой правде Родину звал.

Он пришел, когда ширилась тьма
Был далеким ясный рассвет,
И молчала страна, как тюрьма,
В черном мраке проклятых лет.

Но во тьме его песни зажглись,
Как созвездья на небе ночном.
По стране его песни лились
И сердца зажигали огнем.

Ленин другом его называл
И творенья его ценил.
Сталин книги его читал
И, как верного друга, любил.

Он принес нам песни борьбы
Из жемчужин сверкающих слов.
Выпрямлялись от песен горбы
У забитых нуждою рабов.

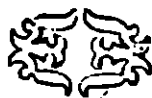
В его песнях дымился восход,
День грядущий лучами горел.
И под песни его народ
Шел из мрака навстречу заре.

Над страной плыла весна,
Свежих росных цветов полна.
Его старость была ясна
И прекрасна, как наша страна.

Отсверкал, откипел, отзвенел
Светлый, чистый, кипучий родник.
В нашей самой счастливой стране
Умер самый счастливый старик.

Плачьте струны из турьих жил!
Умер тот, кто лишь правде служил,
Кого Ленин великий любил,
Кого солнечный Сталин любил.

1936 г.

ПЕСНЯ ГНЕВА

ненависть в сердце Джамбула горит,
В жаркой крови моей гнев говорит.
Песня кипит, возмущенье струя!
Гневом наполнена песня моя.

Клекот песни, кипенье и гул
Ползут, как пожар, из аула в аул,
Бушуй, моя песня! Я передам
Ненависть к трем взбесившимся псам.

Первого пса Троцким зовут,
Он кровожаден, бешен и лют.
Второго пса Зиновьевым кличут,
У третьего Каменева обличье.

А с ними шакалья семья поднялась
Из ям, где зловоние, падаль и грязь.
Завыл в жажде крови взбесившийся
Троцкий,

Завыли фашистские подголоски.
И темную страшную ночь оглашая,
Завыла шакалья трусливая стая.

Вот они лгут, продают, предают.
Вот они тихо на брюхе ползут,
Вот они ночью, беззвездной, сырой.
В Сталина целят... Изменники, стой!

Наши глаза горят и во мраке,
Прочь шелудивые, злые собаки!

В кого вы хотели, злодеи, стрелять?
Хотели отца у народа отнять.

Кому вы готовили пули и яды?
Хотели отнять наше счастье и радость,
Хотели убить вождя всех племен,
Всех народов и всех времен.

Хотели солнце земли погасить,
Сердце Сталина остановить.
Голос народов гремит водопадом.
Вы просчитались, проклятые гады!

Никогда змее в облаках не бывать.
Никогда верблюду орлом не летать.
По морской воде паровоз не пойдет,
По сухой земле не пойдет народы.

Шакалу звезды не укусить.
Солнце собаке не погасить.
Сталин — солнце наше, и с ним
Мы побеждали и победы!

Мысли кипенье навеки с ним,
Сердца биенье навеки с ним,
Душа народа навеки с ним,
Песня народа навеки с ним.

А собакам поганым, бешеным псам,
На брюхе из ямы возмущения к нам,
Приговор вынесен в каждом звуке —
Каждой собаке в череп по звуку.

1936 г.

Я СЛЫШАЛ СТАЛИНА

нега Ала-Тау одеты в закат,
В последних лучах, как рубины, горят.
Звезда серебрится, и в яблонный сад
По радио вести летят.

Я слышу их, хмуря суровую бровь,
И старое сердце волнуется вновь.
В Испании кровь, в Манчжурии кровь
И в Абиссинии кровь...

Но вот из далеких кремлевских палат
Овации горным потоком гудят,
Сердца согревая, планету будя,
Доносится голос вождя.

Волнуется мир, тишина разлилась;
Настал на земле исторический час.
С трибуны звучит, как могучий набат,
Вождя гениальный доклад.

Казахи в степях, грузины в горах,
Зыряне в лесах, белоруссы в полях —
Народы, чтобы каждое слово сберечь, —
Слушают Сталина речь.

В ней пламя бушует, в ней мощь налита,
В ней сила, уверенность и красота,
В ней веет отцовская теплота,
Она кристально проста.

Слова Конституции миру звучат.
И каждое слово теплее луча,
Светлее зари, яснее звезды,
Свежее, чем в августе плоды.

Ну как мне забыть этот день в ноябре,
Ну как мне не петь, не играть на домбре
И, сердцем к отцу всех народов летя,
Не радоваться, как дитя!

Ты первый из гениев всех времен,
Ты давал всем народам счастливый Закон,
И я говорю тебе вместе с страной:
Спасибо, Сталин родной!

Ноябрь 1936 г

ВЕЛИКИЙ СТАЛИНСКИЙ ЗАКОН

есня моя, ты лети по аулам,
Слушайте, степи, акына Джамбула!

Много законов я в жизни знал,
От этих законов согнулась спина.

От этих законов слезы текли,
Глубокие складки на лбу залегли.

Законы Аллаха, законы Аблая,
Законы кровавого Николая.

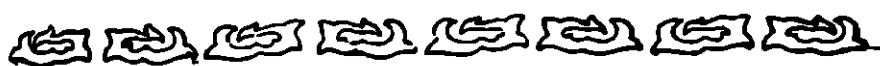
По этим законам детей отбирали,
По этим законам людей убивали,
Девушек наших, как скот, продавали.

По этим законам аулы редели,
По этим законам бан жирели
И крепко на шее народа сидели.

По этим законам гуляли, как смерч,
Бесправие, голод и смерть.

Песня моя, ты лети по аулам,
Слушайте, степи, акына Джамбула!

Маленький след дорогу рождает,
Море из родника вырастает,

Из камня упругая сталь выходит,
Из слова рождается мудрость в народе.

От жизни счастливой рождаются дети,
Самые радостные на свете!

А с ними в колхозе рождаются песни,
Всех песен красивей, всех песен чудесней!

Звени же, домбра, по колхозным аулам,
Слушайте, степи, акына Джамбула!

Слушай, Кастек, Каскелен, Каракол,
Я славлю Великий Советский Закон.

Закон, по которому радость приходит,
Закон, по которому степь плодородит,

Закон, по которому сердце поет,
Закон, по которому юность цветет,

Закон, по которому служит природа
Во славу и честь трудового народа,

Закон, по которому вольным жигитам
К подвигам смелым дорога открыта,

Закон, по которому в праздник наш
Овеяна славой родная Куляш,

Закон, по которому едут учиться
Дети аульные в школы столицы,

Закон, по которому все мы равны
В созвездии братских республик страны.

Пойте, акыны, пусть песни польются!
Пойте о Сталинской Конституции!

С песней, акыны, идите на сходы,
С песней о братстве великих народов,

С песней о Родине нашей цветущей,
С песней, к труду и победам зовущей.

Заботой согрел миллионы сердец
Сталин — мудрейший, любимый отец!

1936 г.

Джамбул в Москве

ПЕСНЯ О МОСКВЕ

Горд и счастлив я, старый Джамбул,
Мое сердце поет, как струна,
Меня слышит не только аул,
Меня слушает вся страна.
Через степи и через Урал,
Через Волгу и через поля
Поезд, словно Тулпар, меня мчал
Силой пара и силой угля.
И за то, что я мчался, как ветер, к Москве,
Сталин, солнце мое, спасибо тебе!

Ай, как Родина хороша,
Ай, как город Москва пригож!
Замирает от счастья душа,
По рукам пробегает дрожь.
Я б еще девяносто лет
Жил, как самый последний кедей,
Чтобы час побывать в Кремле,
Чтобы вновь посетить мавзолеей.
И за то, что я песни пою о Москве,
Сталин, солнце мое, спасибо тебе!

В сердце мира стоит мавзолеей,
Спит в нем Ленин в тени знамен...
Но живительный свет земле
И в гробу излучает он.
У него ума океан,
Грел людей он сердцем большим.
Он был храбр и могуч, как арстан,
И в борьбе был несокрушим.

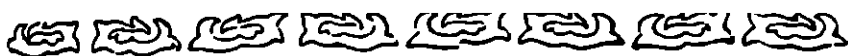
Сталин, солнце мое, я понял в Москве —
Сердце мудрого Ленина бьется в тебе!

В день сияющий, как бирюза,
Был в Кремле я в кругу друзей.
Увидали мой глаза
Величайшего из людей.
Ты, чье имя достигло звезд
Славой первого мудреца,
Был внимателен, ласков, прост
И родней родного отца.
За радушный, отцовский прием в Кремле,
Сталин, солнце мое, спасибо тебе!

Я спускался с домброй в метро,
Был в волшебном дворце под землей,
Поезд мчал меня легче ветров,
Ослепляя звездой золотой.
Каганович! Ты Сталину друг.
Поезда твои славят Джамбул.
Песни рельс и колес перестук
Знает каждый казахский аул.
И за то, что творцов воспитал нам в борьбе,
Сталин, солнце мое, спасибо тебе!

Пышно братство народов цветет,
Счастливы русский, грузин, казах...
Наша родина — мира оплот,
Наше счастье добыто в боях,
А границы зорко хранит
Тот, кто в Сталине видит пример.
Для врагов неприступный гранит —
Клим-батыр, первый кзыл-аскер.
И за то, что винтовка готова к стрельбе,
Сталин, солнце мое, спасибо тебе!

У меня халат из парчи,
Куний мех на шапке моей,
А вокруг цветы и лучи,

И улыбки весны светлей!..
Счастье Родины расцвело,
Словно яблоневые сады;
Под твоим орлиным крылом
Мы живем, не зная беды.
За счастливую, светлую жизнь на земле,
Сталин, солнце мое, спасибо тебе!

Ты эпоха — подруга моя,
Комсомол — ты ровесник мой!
Уезжая в степные края,
Я пою с родною страной:
Сталин в каждой мысли у нас,
Сталин в каждом сердце у нас,
Сталин в каждом деле у нас,
Сталин в каждой песне у нас.
Твоя жизнь кипит в труде и борьбе,
Сталин, солнце мое, спасибо тебе!

1936 г.

ПЕСНЯ О ЛЕНИНЕ

Мы слышим твой голос, кипящий, как горный
поток.

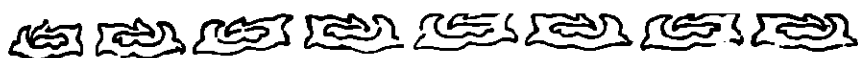
Как мощь водопада, дробящего скалы в камень.
Он льется на Север, на Запад, на Юг, на Восток,
Он рвет все плотины — всесилен, могуч и глубок.
Мы слышим твой голос, батыр человечества —
Ленин!

Глаза твои видим. Как летнего солнца лучи,
Они согревают сердца нам во время сражений.
От блеска их сразу теряют покой богачи.
Бледнеют от страха душители и палачи,
А мы наступаем, как ты завещал это, Ленин!

Могучий, широкий, бушующий, как океан,
Велик и безбрежен твой смерти не знающий гений.
На бой поднимает народы закованных стран,
Рабы поднимаются, а изумленный тиран,
Почувствовав ужас, читает на знамени: «Ленин»!

Везде твое пламя: в отваге испанских бойцов,
В китайских солдатах, идущих на смерть, — ты нетленен;
В героизме штурмующих черный фашизм храбрецов,
В упорстве томящихся в тюрьмах народных борцов —
Везде твое пламя, борьбу вдохновляющий Ленин!

Бессмертен твой образ! Миллионы, шагая в рядах,
Гму подражают, горя в благороднейшем рвенье.
Растишь ты героев на фабриках и на полях,
Они с орденами. На их золотых орденах
Твой образ, любимый, забвеньем не тронутый Ленин!

Бессмертен твой образ! Ты жив в напряженной борьбе,
В огнях электричества, в чистом сиянии стали,
И в песнях народа, и в нашей счастливой судьбе,
И в том, кто один в гениальности равен тебе,
Кого мы зовем, как отца и водителя — Сталин!

1937 г

ПУШКИНУ

лова твоих песен — вершина вершин,
Поэзии мастер, великий акын.

Сравнить ли тебя с океаном, акын, —
Измерить глубины до самых глубин.

Сравнить с легендарным тебя скакуном,
Но песня быстрее, чем ветер и гром.

Становится тише течение рек,
Но ты неизменен, акын, через век.

Ты гордый чинар на вершине хребта,
Ты солнечный дар, ты его теплота.

Ты шелка хивинского пестрый узор,
Ласкаешь, как райская девушка, взор.

Ты сказочной птицы подоблачный взлет,
Когда она радугой в перьях цветет.

Есть песня про камень огонь-самонвет,
В глуби океана пропал его след.

Но я опущусь на далекое дно
И камень достану, забытый давно.

Легко догорает огарок свечи,
Но в песенном камне не меркнут лучи.

Сиянию камня не будет конца, —
Так Пушкина песнь освещает сердца.

Ты — солнце поэзии, ты — самоцвет,
Ты с нами навеки великий поэт.

Акыну враги уготовили плен,
Мечтали спалить его в пепел и тлен,

Держали в кольце беркутиных погонь,
Хотели задуть драгоценный огонь,

Хотели зарыть дорогие слова,
Но козни забыты, а песня жива.

Повсюду поет ее вольно народ,
На ста языках ее вольно поет.

Поет ее славный Советский Союз —
Узбек, украинец, казах, белорусс.

И русский стозвучный волшебный язык
Единою волей и дружбой велик.

Герои героям желают добра,
И ценят своих мастеров мастера.

Как в жемчуг, украшена наша страна,
Гордится наследьем акына она.

Народ самоцветные песни поет,
Под знаменем Сталина счастлив народ.

Февраль, 1937 г.

ПЕСНЯ О ЗЕРНЕ

Весною, когда просыпалась земля,
Гонцы привезли нам декрет из Кремля.
И мы с журавлями, плывущими в небе,
Гурьбой потянулись на наши поля.

Мы землю взрыхляли. Кипела в нас кровь.
Лазурной весной поднимали мы новь
Могучею силою черных тулпаров,
Покорных узде, вороных тракторов.

Работа была весела и бурна,
Земля наша стала мягка и черна.
Мы хлынули щедрым, сверкающим ливнем
Янтарного, словно литого, зерна.

Дождем прошумел торжественный май,
Колосья лелеет колхозный наш край.
В счастливой тиши бирюзового утра
Поет над пшеницей кара-тургай.

Коль спросит нас путник из дальней земли,
Что это сверкает, как солнце, вдали?
Мы скажем, что золота крупные слитки
Растут из обильной колхозной земли.

Как шелестом шелковым шепчет Иран,
Пшеницей своей зашумел Казахстан.
Над морем колосьев, над хлебною ширью
Плывет белым лебедем аэроплан.

**Сидят кзыл-аскеры на всех рубежах,
Стальные штыки наготове держа.
Пусть зреет пшеница в колхозных
 просторах, —
Они отстоят от врагов урожай.**

Сверкают поля. Небосклон бирюзов,
По ветру колышутся волны хлебов.
Мы живы и счастливы сталинским строем,
Мы бьемся за семь миллиардов пудов.

По рельсам Турксиба от нас в города
С пшеницей и рисом пойдут поезда.
У Сталина слово равняется делу.
Так было,
Так есть,
И так будет всегда!

1937 г.

ПЕСНЯ СЪЕЗДУ

Хозяевам Родины славной моей
Привет от акына счастливых степей.

Привет от кастекских цветущих аулов,
Избравших на съезд делегатом Джамбула!

С домброй я горячее сердце привез,
Я новую песню в подарок привез,

Широкую песню, как море небес,
Тебе, уважаемый съезд!

Смотрю я на степь —
В ней горела трава,
В покинутой юрте гнездилась сова.

Курай овивал одинокий курган
В проклятый народом заман...

Молились бродяги святым из Каабы
У изваяния каменной бабы.

Хранил каракурт надмогильный саман
В проклятый народом заман...

Холодные слезы роняя в песок,
Тел горькую песню безродный седок.

И шел, задыхаясь, мой караван
В проклятый, суровый заман...

В миражном тумане струился родник,
Судьбу проклиная, шагал проводник.

Буря срывала последний чапан
В проклятый, суровый заман...

Смотрю я на степь —
Ей конца не видать.
Смотрю я на степь —
Мою степь не узнать!

Где тропы хранили верблюжьи следы,
Цветут плодоносные наши сады,

Где с ветром катились в Дарью катуны,
Пасутся бесчисленные табуны.

В песках, где голодный скитался казах,
Струится река человеческих благ.

Где кляча ходила со сбитой спиной,
Летит златокрылый тулпар вороной.

Где баи царили да ханская кость,
Где даже собаке не сладко жилось,

Где жажда и голод, да смерть кочевали,
Где песни народные умирали,

Где рвал нашу радость стервятник двуглавый,
Восходит
Союзной республики слава,
И реют одиннадцать гордых знамен!

Приветствую сталинский мудрый закон!
Закон, по которому в славный заман
Республикой счастья цветет Казахстан!

На горной вершине с домброй я стою
И вместе с народом о счастье пою

Широкую песню, как море небес,
Тебе, уважаемый съезд!

Любовью и радостью озарена
Обильная наша страна.

Как слава жигита, красива она —
Бескрайная наша страна.

Как беркут она белоплечий вольна —
Свободная наша страна.

Как волны Арала в прибое, сильна
Могучая наша страна.

Бурлива, как гордая кровь скакуна,
Чудесная наша страна.

Песни души, что весельем полны,
Как золотые звенят стремена.

Для всех поколений на все времена
Сталинским сердцем согрета она —
Любимая наша страна!

1937 г.

СЛАВЬСЯ В ПЕСНЯХ, СССР!

Родина, мой край благословенный!
Нет такой страны во всей вселенной,
Как, лучами залитая, ты.
Ты встаешь в сиянье и цветенье,
Как чудесный сон, как воплощенье
Пронесенной сквозь века мечты.

Погляжу я вдаль — цветут тюльпаны,
Как волшебные ковры Ирана,
Стелются колхозные поля.
Подниму глаза свои я кверху —
Самолет, как белоплечий беркут,
Проплывает в дальние края.

По пустыням зажурчали воды,
Зашумели мощные заводы,
Синий поезд рассыпает гуд,
Золотым зерном полны амбары,
Караваны, табуны, отары
Величаво по степям идут.

Мы стоим за родину горою,
Мы храним железною рукою
От врагов счастливый мирный край.
Мы за мир, хотя готовы к бою,
И текут медовою рекою
Все двенадцать месяцев, как май.

Мы живем семьей многоплеменной
Под счастливым сталинским законом,
Мы для стран других — живой пример.
И звенит от тундры до Памира:
Славься в песнях, Сталин, гений мира,
И страна-батыр СССР!

1937 г.

О ЗМЕЯХ

Пять зашипели проклятые змеи,
Чешуйчато-скользкие, серые змеи,
В счастливой, пронизанной солнцем стране.
У каждой змеи язык раздвоенный,
Губительным ядом в ночи напоенный,
Готовящий верную смерть в тишине.

Фашистские змеи, троцкистские змеи,
Всех гадов земли смертоносней и злее.
Родили их душная злоба и мрак.
Скрывают они ядовитые жала,
Подлее они шелудивых шакалов
И злее взбесившихся диких собак.

Ядовитая свора, змеиная сила
Ползет от зари и дневного светила
Во мглу и к болотной, гниющей воде,
Чтоб в щель заползти, в приоткрытую пещеру,
Чтоб жалить без жалости в самое сердце
Стоящих за светлую правду людей.

Грозные твари, жестокие гады
Таятся в тени и следят из засады...
Но крикнул хозяин: «Айт!» «Грызи!»
И сразу движение в змеиной банде,
Покорные лютой фашистской команде
Ползут по пескам, по камням, по грязи.

Мы страха не знаем. Не страшны нам змеи:
У этих ползучих и скользких злодеев

Смертельное жало, но короток хвост,
По воле народа мы вышли в дозоры,
Разроем змеинные грязные норы,
Разрушим скопление поганых их гнезд.

Тому, кто получит проклятье народа,
Откажут в приюте и земли и воды,
И горы ночлега ему не дадут.
Так пусть подыхает змеинная стая,
Народы ее навсегда проклинаят
И страстную, жаркую ненависть шлют.

Закон наш, как солнце среди небосвода.
Закон беспощаден с врагами народа.
Так пусть же трепещут народа враги.
Обрушим священную силу закона,
Растопчем всех змей, перебьем скорпионов,
Раздавим змеинные языки.

Мы жизненный опыт копили веками,
И опыт нас учит бороться с врагами,
Быть твердыми и беспощадными к ним.
Себя и детей своих помнить заставим:
«Когда мы змеинную голову давим,
То хвост у змеи остается живым».

Я ВОЗРОЖДЕН

Позади — необъятный мой путь. Но я вновь
Возродился, — горит в жилах молодо кровь.
И на деснах пустых — пусть лишь кажется
так --

Появилось опять тридцать свежих зубов.

Кто плечи расправил, подняться помог
На гору вдохновенья, кто сердце зажег
И призвал со старинной подругой-домброй
Старика, что, как нар старый, навек залег?

Потускнев, угасал моей жизни костер,
Но ты пламя раздул, неба поднял шатер.
Сталин — солнце, герой, воплотивший в дела
Лучших песен мечты, песням давший простор.

И к тебе я приехал, усталости нет,
И со мною акыны. Ты ими воспет,
Вождь и друг, мудрый Сталин. Тебе мой народ
Осчастливленный шлет и восторг и привет.

И мой стих, и душа, и все тайны се —
Пред тобой все открыто, и домбра поет.
И все лучшие песни и песенный дар
Посвящает тебе мой свободный народ.

Необъятен мой край, степи так велики,
В них границы одни от других далеки.
И к тебе наша преданность, наша любовь,
Как мой край необъятный, как степь, широки!

1937 г.

ПЕРВОМАЙСКАЯ ПЕСНЯ

Взгляни, мой товарищ, от края до края
Идет торжествующей поступью мая
Под песню домбры, под напевы зурны
Счастливая юность советской страны...
Ковром изумрудным покрыта земля,
Цветами украшена юрта моя,
На крыльях серебряных к солнцу летят
Родные мои сыновья.
Одетые в богатырский наряд,
На страже границ неприступных стоят
Могучие сыновья.
В бескрайних, как небо, далеких морях
Плывут на своих боевых кораблях
Отважные сыновья.
Пасут табуны и ведут поезда
И строят волшебные города
Любимые сыновья.
Их с нежностью матери любит страна,
Им звонкая песня моя отдана,
Блестят на груди у сынов ордена.
Я в день первомайский сияющий, яркий
Раздам сыновьям золотые подарки:
Орлиную меткость — стрелу Исатая —
Сберег я любимому сыну Алтая;
А меч Утегена, что ярче алмаза,
Сберег я любимому сыну Кавказа;
Седло Кобланды, — оно славой овито, —
Сберег я отважным туркменским жигитам,
Коня Махамбета под красной попоной
Сберег я сынам горделивого Дона,

Чтоб были отважны и смелы сыны
На страже великой Советской страны!
Столетнее сердце от счастья поет,
По радостной родине Сталин идет,
С ним солнце и звезды, цветы и луна,
С ним дружбы и счастья народов весна.
Идет он к границам, к заставам на вахты,
Идет к рудникам, опускается в шахты,
Идет по степи, где поют трактора,
И в юртах сидит у степного костра,
Встречает охотников в дебрях тайги,
Любуется смелым заездом байги.
На канке в море плывет с рыбаками,
В колхозе беседует со стариками,
Думы с ним делят узбек и казах, —
Он говорит на всех языках.
И всем он понятен и всеми любим,
И сердце у каждого бьется лишь с ним.
Я, старый Джамбул из степей Джетысу,
Как майскую песню, как жизни красу,
Сталина знамя в руках поднимаю,
В крепких руках, и по свету несу.

1937 г.

СУЛЕЙМАНУ СТАЛЬСКОМУ

Ашуг Сулейман,
Соловей Дагестана,
Счастливые трели пролей на заре.
Прошли лихолетья тяжелых туманов,
Глухой темноты и засилья зверей.

Взгляни-ка!
Тюльпаны цветут по курганам.
Мы звоном наполним тугую струну,
Прославим бескрайний простор Советстана,
Счастливых певцов золотую страну.

Везде соловьиная песня желанна.
Не в клетках —
На свежих ветвях тополей,
В горах Дагестана, в садах Казахстана
Поют соловьи с каждым днем веселей.

Лучи разогнали покровы туманов,
Над нами горят бирюзой небеса...
То Ленин и Сталин — земные титаны —
Законы счастливые дали всем странам,
Земле — урожай, соловьям — голоса.

Пред Родиной меркнут цветы Гюлистана.
И старость и дряхлость бессильны пред ней.
И разве не чудо: Джамбул с Сулейманом,
Седея, поют год от года звучней?

Орлами парят наши песни по странам,
Плывут наши песни к орлу из орлов,

Чья мысль необъятна, как глубь океана,
Чья сила кипуча, как мощь урагана,
Чья воля властнее хребтов-великанов,
Чье имя звенит, как легенда веков...

Летят наши песни по сталинским странам.
В них — сердца биенье и пламя ума.
Мы вольны и просто поем с Сулейманом,
«Наш Сталин!» — звучит нам припевом
желанным,

И мир расцветает пышнее тюльпана,
И песня, вскипая, бушует сама...

1937 г.

ПЕСНЯ СОЛНЦУ

Вени первомайскою песней, земля!

Лети, первомайская песня моя!

Молодость жизни, как солнце, встает,

Ковер изобилия стелет земля.

Народ мой из нор вековых и берлог,

Из вечных могил, из холодных берлог

Вышел за Лениным в Октябре

На самую солнечную из дорог.

Цвети, моей Родины радостный сад,

Лети, соловей, в мой ликующий сад.

Песню о юности, как соловей,

Пой, кто душою и сердцем богат.

Бескрайняя степь, пробуждаясь от сна,

Проклятых столетий тяжелого сна,

Юности дар отдает старикам,

И вечную юность встречает весна.

Цветами богат наш торжественный май.

Сердца зажигающий пламенный май.

Встречает, как счастье, и молод и стар

Под сталинским солнцем чарующий май.

Солнце, ты счастье повсюду раздай,

Песни и наше тепло разливай,

Лучами горячими рви рубежи,

Пусть всюду проходит наш солнечный май!

Пусть счастье сияет и радость горит.

Пусть беркут победы над миром парит,

Пусть с нашей песней шар земной

Голосом радости заговорит!

1937 г.

ПЕСНЯ О ВЕСНЕ НАРОДОВ

оня мне седлайте! Мне юрта тесна!
Над степью плывет голубая весна.

Запели у юрт черноглазые кыз,
Запенился нежный душистый кумыс.

Над гнездами выются веселые птицы,
И ржаньем зовут жеребят кобылицы.

И белые лебеди в небе плывут
Над степью зеленою, как изумруд.

Цветущая степь! Ты волшебней мечты,
Огнем самоцветов сверкают цветы.

Пурпурные маки пылают, как пламя,
Степные тюльпаны блестят лепестками.

Но песни весенней чудесней и краше,
Цветешь ты, любимая Родина наша! .

Одиннадцать стран в окруженье врагов
Цветут, как одиннадцать пышных садов.

Звонят победителей голоса,
У нас богатырские чудеса!

Немало героев шагает меж нами,
Чьи гордые груди горят орденами.

Ни грозы, ни бури для нас не опасны,
И море, и суша, и высь нам подвластны.

Недаром же нас зарубежный народ
Ударной бригадой вселенной зовет.

Наш век громыхал канонадой походов,
Наш век стал весною счастливых народов,

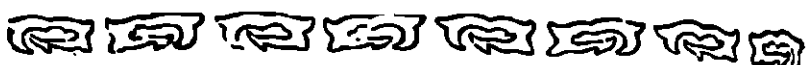
И песня, как солнце, как кровь, горяча,
И жизнь, словно степи, сияет в лучах.

Ликуйте и пойте, народы! Над нами
Великого Сталина имя и знамя,

И клич большевистский его боевой,
И слово, и воля, и гений его!

1937 г.

БОЛЬШЕВИСТСКОЙ «ПРАВДЕ»

с песней души на твои именины
Иду молодым из Кастекской долины,
Великая, вечная правда моя,
Победы и радости голос орлиный!

С огнями победными майской зарницы
Сравнишь ли твои золотые страницы?
Ты — партии зоркий всевидящий глаз,
Пронзающий все рубежи и границы.

Ты — знамя победы, вершина стремлений
Ты — всюду живущий с народами Ленин,
Ты — Сталина всепобеждающий ум,
Ты — гордый маяк молодых поколений.

Ты — радость для всех обездоленных мира.
Ты — наша отточенная секира,
Разящая черную свору врагов
Могучею силой народа-батыра.

Ты всюду — в степях, городах и аулах —
Горячую силу страниц развернула.
Лучи твои вывели из темноты
Искусство народа и песни Джамбула.

Ты — знамя победы, вершина стремлений,
Ты — вечно живущий с народами Ленин,
Ты — Сталина всепобеждающий ум,
Ты — гордый маяк молодых поколений.

Я с песней души на твои именины
Иду из далекой Кастекской долины,
Великая, вечная правда моя,
Победы и радости голос орлиный!

1937 г.

АЛА-ТАУ

В орлиных просторах большой высоты,
Как чалые кони, вздыбились хребты.
Над всем Джетысу поднялся Ала-Тау, —
Исполнен величия и красоты.

Снега на вершинах мерцание льют,
Косматые тучи нашли там приют.
Они, золотясь, при закате клубятся
И тайны жемчужных вершин стерегут.

С покрытых снегами и льдами громад
Кипит, низвергается, бьет водопад,
Гремит валунами и пеной играет,
Из радужных брызг одевая халат.

Снега и орлы высоко в небесах,
А ниже — дремучих лесов полоса.
Зеленые сосны звенящею хвоей
Поют свои дикие песни в лесах...

В садах под плодами ломается сук,
В них сочные яблоки, сладкий урюк.
В горах созревают пурпурные вишни,
Ковры земляники алеют вокруг.

В лугах, зеленеющих, как изумруд,
Джейраны и туры кочевье ведут,
Багровые лисы и снежные барсы,
Медведи и волки в ущельях живут.

В долине, меж гор, под парящим орлом,
Густой синевою блестит водоем,
Веселые стаи играющей рыбы
Мерцают в воде голубым серебром.

На склонах трава от лучей золота,
Луга в бирюзовых и желтых цветах,
А ниже, в напевном журчанье арыков,
Столица — красавица Алма-Ата.

Богат Ала-Тау! В чалме изо льда
Врагам он богатства свои не отдал.
Озера и руды, сады и джайляу
Отдал он героям борьбы и труда.

А там, за хребтом Ала-Тау, видна
Под облачным небом чужая страна,
Где гуляет по глинистым фанзам,
И теплою кровью дымится война.

Джамбул с высоты озирает овраг —
Не скрыт ли там хитрый, озлобленный враг?..
Над белою войлочной юртой Джамбула,
Как пламя, колышется маковый флаг!

1937 г.

ПЕСНЯ О КУМЫСЕ

В проклятую пору, в тяжелые годы
Душили нас беды, томили невзгоды,
Мы пили арычную, желтую воду,
А бан — хмельной, золотистый кумыс.

В богатых кувшинах струею играя,
Ты радость давал только биям и баям.
Ты зависть внушал нам и был проклинаем,
Лишь байскую кровь согревавший кумыс.

Привычный напиток на праздничном тое,
Ты в байские глотки вливался рекою.
Без крепости водки, ты влагой степною
Бодрил, вдохновенный, душистый кумыс.

Но трубы борьбы прогремели над нами,
Мы с саблями встали под светлое знамя,
Чтоб баев прогнать и владеть табунами,
Дающими мясо, сыр и кумыс.

Где бан? В могилах и за рубежами,
В зловонной, наполненной змеями, яме,
Шипя от бессилья и злобы ужами,
Пожалуй, не пьют они больше кумыс.

Все наше: и степи до самой границы,
И воды в арыках, и овцы, и птицы,
И рыжие, словно закат, кобылицы,
И пахнувший солнечной степью кумыс.

Ты наши джайляу собой украшаешь,
В стахановцев новые силы вливаешь,
Здоровье героев страны укрепляешь,
Густой, ароматный и крепкий кумыс.

Так пенься, просясь в пиалу из кувшина,
Чтоб песни на тоях колхозных взвились,
Напиток батыров с просторов орлиных,
Холодный и чистый, как снег на вершинах,
Веселый и звонкий, степной кумыс!

1937 г.

ОБРАЩЕНИЕ К ДЕТАМ

ы здоровы, ребята? Я рад!
Словно пчелы, детишки жужжат.
Я, Джамбул, со старинной домброй
Очень рад погостить у внучат.

От годов, как верблюды, я горбат,
Но люблю я улыбки ребят.
Вы похожи, внучата мои,
На степных сосунков-верблюжат.

Мир для вас беспечален и прост,
Ночь несет вам мерцание звезд,
Солнце ласково льет вам лучи
И лелеет счастливый ваш рост.

Сталин — самый большой из людей —
И отца вам и братьев родней,
Сердце Сталина греет, как луч,
Всех племен и наречий детей.

Всех кудесников Сталин добрей,
Он прислал вам тюки букварей,
Целый ворох игрушек и книг,
Чтобы лучше жилось детворе.

Сталин — словно чинар вековой,
Величав его ствол золотой,
Каждый листик его — бриллиант
Хорошо вам под этой листвой.

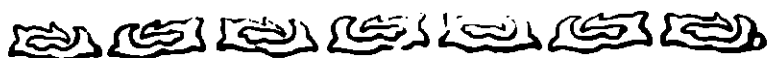

Вашей радостью Сталин живет,
Он успехов в учении ждет.
Не бегите от книги — она
Золотые ключи принесет.

Пусть запомнит казах-пионер —
Сталин — самый высокий пример,
Самый мудрый из всех мудрецов,
Самый лучший отец из отцов.

1937 г.

И когда под солнцем мая
Пионерский шелк флажка
Алым маком мне кивает,
То дрожит слеза скупая
На глазах у старика.

Вырастай, жигитом будь,
Пред тобою светлый путь.
В возрожденном Казахстане
Зашагаешь пряником.
Пионером резвым станешь,
Комсомольцем смелым станешь,
Вырастешь большевиком.

Засыпай, малыш-казах,
Қзыл-аскеры на часах.
Отошли навек напасти,
Не вернется горе к нам.
При родной советской власти
Сталин всем принес нам счастье —
Малышам и старикам.

1937 г.

К КРАСНОЙ АРМИИ

оздал тебя в бурях народ трудовой,
Вели тебя Ленин и Сталин на бой,
Когда наша кровь по арыкам текла
И тьма боролась с зарей.

Ты силу и доблесть родила в боях,
Мужали жигиты твои на конях,
За землю, за воду, за солнечный свет
Ты билась на всех фронтах.

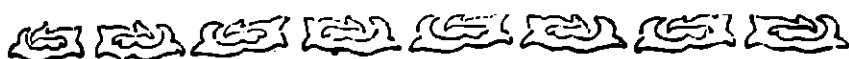
Пытались враги на Советы напасть,
Но ты отстояла советскую власть,
И стали рубиновую звезду
Враги и бояться и клясть.

Как сад, зацвела наша жизнь, но вокруг
Фашисты и бая сомкнули свой круг,
И ты, не слезая с горячих коней,
Внушаешь врагам испуг.

Снега Ала-Тау, как жемчуг, блестят,
Алтай и Кавказ, как алмазы, горят,
У вечных снегов, где гнездятся орлы,
Дозоры твои стоят.

В озерах долины розовеет заря,
Зреют хлеба золотей янтара.
Орлиные очи дозоров твоих
Зорки, как в дни Октября.

Кровавая проклята нами война,
Чужая земля нам совсем не нужна.

Стадами, садами, землей и водой
Богата наша страна.

Но если стервятники, злобой полны,
Посмеют нарушить границы страны,
Ты, Красная Армия, взвей над землей
Знамена священной войны!

Ты бойся — бесстрашна, грозна и строга —
До полного уничтоженья врага,
Чтоб хищная свора могилу нашла
В сыпучих песках и снегах.

Когда ты, могучая, ринешься в бой,
Я, старый Джамбул, с певуньей-домброй
Во всех наступленьях буду с тобой,
Песней звеня боевой.

1937 г.

ИСПАНСКИМ БРАТЬЯМ

казахские степи от края до края
Пестреют коврами, в цветах утопая.

Урюк зацветает в узбекских садах,
Тюльпаны цветут на таджикских горах.

Любимая родина в радостном пенье
Объята весенним могучим цветеньем.

Сбылись вековые народные сны
В сиянии сталинской светлой весны.

Но слышу я, хмурия суровые брови,
Удушливый запах железа и крови,

И уши акына Джамбула полны
Раскатами грозной далекой войны.

Хотел бы и песню и сердце отдать я
За вас, боевые испанские братья!

Бушует в вас сила огня горячей, —
Громите смелее своих палачей!

Над вами священное плещется пламя, —
Я песней клянусь вам — победа за вами!

Мы также боролись, — и взрывы, и громы;
И кровь, и лишения нам были знакомы.

Мы бились за счастье, как смелые львы,
Как бьетесь сегодня за родину вы.

С винтовкой и песней на битву идите,
Дружнее сплотитесь, и вы победите!

Всем сердцем хочу, чтоб ясна и светла
В Испании вольной весна расцвела,

Чтоб в синее небо взвилось над полями
Как наше, победное, светлое знамя.

Я братьям испанским желаю побед
И шлю из степей Казахстана привет!

1937 г.

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

О борвана трель соловья Сулеймана, —
Не стало на свете певца Дагестана,
Иссяк его песен взволнованный гул.
Звезда отсияла. Печален Джамбул.

Но звонко рокочут домбровые струны,
И плещется песня свободно и юно.
В орлином просторе, в счастливом краю
О друге ушедшем я песню пою.

Заман мой, не знаящий слез и ненастья,
На старости лет расцвело мое счастье!
Сияет, как солнце, лучистый заман.
Зачем ты покинул его, Сулейман!

В цветении радуг и звездном сиянье
Сбываются все вековые мечтанья.
Мир песен широк, как большой океан,
Зачем ты покинул его, Сулейман?

Мы вместе с тобой свои песни слагали,
И песни в стране родниками журчали
И пели, как синей весною ручьи,
О нем, кто принес золотые ключи, —
О самом любимом и сильном батыре,
Кто нужен, как солнце весеннее в мире,
Кто слово сказал — и ковром зацвела
Песчаная, голая Бетпак-дала,
Кто сделал цветущею степь Казахстана,
Украсил садами пески Дагестана

И наш Ала-Тау — орлиный приют —
Покрыл жемчугами, одел в изумруд.

Мы вместе о Сталине песни слагали,
И песни неслись в бирюзовые дали,
И каждая песня любовью цвела,
И славил гений его и дела.

Что смерть и студёные ветры забвений
Для нас, прославляющих сталинский гений?
Бессмертны в народе лезгин и казах,
Что пел в стране о бессмертных делах.

Ты умер, певец, но живут твои песни,
Звонят они горных потоков чудесней,
Их помнит, лепечет счастливый народ,
Он песни, как гордое знамя, несёт.

Мой друг задушевный и мой современник,
Я песен твоих — и ценитель и пленник.
Твои вдохновенные песни люблю,
До смерти своей не забуду тебя.

Свободней, чем в гулких горах непогода,
Душистей и слаще пчелиного меда
И шире, чем синий, в лучах океан.
Была твоя песня, ашуг Сулейман!

Я слышу её, расцветая душою,
Такою просторной, такою большою,
Что кажутся тесными ей небеса,
И слёзы в глазах, как на травах роса.

Ты жив, ты не умер! К чему эти слёзы?
Светлы твои песни, как молнии в грозы,
Они шелестят в наших пышных садах,
Бушуют в аулах, шумят в горах,

Они, твои нежные чистые трели,
Детей убаюкивают в колыбели,
Они на границах в дозоре стоят
И в зорях весеннего сева горят.

Нас тронуть не смеют забвенье и тленье...
И скажут, на смену придя, поколения:
— Бессмертны в народе лезгин и казах,
Что пели стране о бессмертных делах.

1937 г.

Я ИЗБИРАЮ СТАЛИНА

I

Сталин, твой луч обогрел мое сердце,
В каждое сердце находит он дверцу,
Радость, любовь и тепло свое льет,
Сила и молодость в сердце живет!
Сила и молодость в сердце крепчает!
Песнями сердце тебе отвечает:
Струны Джамбула ты оживил,
Струны Джамбула ты одарил,
Душу Джамбула ты вдохновил,
Песни Джамбула ты окрылил,
Сердце Джамбула ты обновил,
Старость Джамбула остановил!
Ты повелел, чтобы радость кипела
Да вечная юность о родине пела,
О жизни красной, как солнечный свет,
О жизни великой борьбы и побед,
В которых сияет, как звезды Кремля,
Великая вечная сила твоя!
Нет без тебя в моих песнях огня,
Родины нет без тебя у меня,
Нет без тебя ни домбры, ни мечты,
Ни счастья, ни радости, ни красоты.

II

Над синью морей, в голубых небесах,
В цветущих долинах, в горах и лесах,
Над полюсами в пурге и во льдах,
В аулах, поселках и городах,

От стойбищ кочевника и до столиц
Восходит, не зная пространств и границ,
Как человечества гордый маяк,
Закон. — В нем бессмертная мудрость твоя!

III

Восходит, не зная пространств и границ,
От стойбищ кочевника и до столиц
Закон, озаривший дорогу векам,
Закон, покоривший большевикам
Богатства и тайны, и силу земли,
И небо, где наши плывут корабли.
Он, величавый, над миром встает,
Он человечество, смелый, зовет
К лучам коммунизма, к сиянию зари,
Которую Сталин векам подарил!

IV

Закон! Озарил он дорогу векам,
Он юность былую вернул старикам,
Он свежесть садов подарил пустырям,
Он счастье и радость вернул матерям,
Он вывел согретое солнцем весенним
Неустающее поколение.
Он вывел народ мой из темноты,
Народу вернул вековые мечты,
И взял мой народ трудовыми руками
Богатства, что крали султаны веками,
Что рвали фашистские джандеты,
Проклятые хищники алаш-орды!

V

Новую песню послушать Джамбула
Собрался народ из колхозных аулов,
Собрался народ предгорных кочевок
Отдать свои думы напевам струны.

Сказали мне старые чабаны,
Сказали наследники из Дегереса,
Сказали доярки колхозов Келеса,
Сказали мне конюхи из Кызыл-Ата,
Сказали мне дети мои и старухи:
«Джамбул! Твои струны, как ноги куланьи,
Пусть с песней проносят и наше желанье,
Пусть с песней его до Москвы донесут,
Пусть с песнею в солнечный список внесут,
Как дорогой золотой самородок,
Любимых батыров степного народа,
Овеянных славой бессмертных побед,
Мы их выбираем в Верховный Совет,
Великих народов Великий Совет.
Ты первого в солнечный список впиши
Любимого жителя нашей души,
С кем в наших пустынях ручьи зажурчали,
С кем вечный пастух и безвестный скиталец
Любимую Родину отыскали,
С кем слезы горячие лить перестали,
С кем хлынули реки, что высыхали,
С кем ожили степи, что вымирали,
С кем песни воскресли, что затихали,
О ком наши деды столетья мечтали!...
Впиши его имя, Джамбул! Это — Сталин!

1937 г.

ПЕСНЯ О БОЛЬШОМ КАРАВАНЕ

От белых, как жемчуг, Тянь-шанских хребтов
До крымских садов и карельских лесов
Лежит широка, величава, сильна
Прекрасная наша страна.

От тундры, где снежная вьюга люта,
До степи, что щедро теплом залита, —
Всесветною славою озарена
Могучая наша страна.

От шахт Украины до синих морей,
От гор Дагестана до русских полей
Кипящим весельем, как чаша, полна
Счастливая наша страна.

Над нами сияет небес синева,
Под нами, как шелк, зеленеет трава.
К нам солнце стекает потоком лучей.
Но мы не забыли стужу ночей.

Мы помним, как мучили нас палачи,
Мы помним удары байской камчи,
Мы помним позор, унижение и стон
И волчий проклятый закон...

Свети же, как солнце, наш мудрый закон,
Для всех Октябрем возрожденных племен!
Никто не писал никогда и нигде
Законов таких для людей.

Наш радостный труд охраняет закон,
И отдых нам предоставляет закон,
И женщин незыблемые права
Сияют в мудрых словах.

Все школы открыл для народа закон,
Спокойную старость лелеет закон,
Свободу для слова, что льется из уст,
Цветение мыслей и чувств.

А самым почетным из всех наших прав
Есть право с винтовкой стоять у застав,
Встречая ползущего ночью врага
Граненою сталью штыка.

Народы — великое братство племен —
Подняли, как знамя, счастливый закон.
Одиннадцать стран, свободных от пут,
Как братья родные живут.

Страна моя лучше и краше всех стран,
И что перед нею мираж-Гюлистан...
Забудь миражи, моя песня, и славь
Не сон, а чудесную явь.

Я вижу: идет по земле караван,
И в том караване одиннадцать стран.
Ковры каравана узорней мечты,
И блещут на кошмах цветы.

Восходы встают и закаты цветут,
В горах водогады гортанно поют,
Созвездия в небе ведут хоровод. —
Идет караван и идет...

Вершинами, выше которых нет,
Ущельями, ниже которых нет,
Равнинами, шире которых нет,
Великой дорогой побед.

Пред ним изумрудные травы долин,
Серебряный рис орошенных равнин,
Пески золотые великих пустынь,
Морей неоглядная синь.

Но дальше и дальше идет караван
К заветной мечте всех народов и стран,
К джайляу, где зори сияют вдали,
Где полное счастье земли,

Где явью встает золотой Жер-уюк,
Где сочен весенний невянувший луг;
Где светлые сны поколений слились
В джайляу веков — коммунизм!

Об этом джайляу, о счастье для нас
Поведали миру Энгельс и Маркс,
Собрал караван туда Ленин в поход
И Сталин его ведет.

Он — гений и житель народной души,
Он самый испытанный из кош-басши,
Он знает звезду, что рубином цветет
И прямо в джайляу ведет.

Людей он в халаты из шелка одел,
Для всех отыскал он счастливый удел,
И песни над всем караваном взвились
Про счастье и социализм.

— Но это, друзья, — он народам сказал, —
Не цель наших странствий, а лишь перевал.
Чем дальше, тем лучше дорога пойдет.
Джайляу все ближе. Вперед!

Восходы над росною степью встают,
Индийские радуги жарко цветут,
Мерцает и гаснет на небе шолпан, —
Все дальше идет караван.

В делах кош-басши помогают друзья,
Без них обойтись каравану нельзя.
Их в грозы и бури, в тайфуны и дождь
Батырами вырастил вождь.

Батыр Қаганович, здоровьем цвети!
Провел ты для нас через степь пути.
Ты крикнул земле, покоряться веля,
И недра раскрыла земля.

И чистая сталь потекла, как вода,
И древние тайны открыла руда
И черное золото, уголь, горит,
Тепло свое людям дарит.

Будь счастлив ты, Молотов — славный батыр!
Декретам твоим удивляется мир,
Собрал воедино ты в сталинский план
Все силы, чем жив караван.

Калинин-батыр, будь здоровьем богат!
Храните, сказал ты, телят и ягнят.
Растут табуны, и тучнеют стада,
Ушла из кибиток беда!

Батыр Микоян! Ты бараццу, рис,
Душистые яблоки, сыр и кумыс
Даешь каравану. И свеж и румян,
Здоровьем цветет караван.

Гроза всех батыров — Ворошилов-батыр,
Ты самый большой на земле командир!
И враг уважать научился в бою
Каленую саблю твою.

Взмахни только маршальской саблей своей—
И весь караван оседлает коней,
И бурей помчит, сраженья ведя,
За Родину и за вождя.

Свидетель эпохи, старейший акын
Джамбул, озирающий землю с вершин,
Чей голос со всеми наречьями слит,
От полной души говорит:

Пусть солнечный Сталин, избранник всех
страй,

И дальше ведет наш большой караван,
Туда, где мечты поколений слились,
В джайляу веков — коммунизм!

1937 г.

Джамбул и Павло Тычина

ГИМН ОКТЯБРЮ

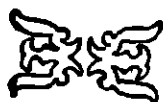

руки я снова с любовью беру
Спутницу радостных песен — домбру.
В сторону гляну — и песня моя
Льется, весенним потоком звеня.
Сед я, столетний, но всеми любим,
Перед великим народом своим
Крыльями счастья взмахнул и пою
Радостный гимн Октябрю.
Сед я, столетний, но думами юн,
Палец мой нежен к созвучию струн.
Песня, рождаясь, приходит на той
Звонкой, торжественной и молодой!
Славен поэт, если сердцем горяч,
Славен поэт, если сын Октября.
Славен источник, который дает
Славу поэту, а песне полет.
Этот источник — Октябрь, и в нем
Все мы бессмертную силу берем...
Помню я горькие дни в пустырях.
Не было теплой зари Октября,
Ханы разбили домбру на куски,
И, как иссохшее русло реки,
Песня была. Помутнели лады...
Я, как цветок без дождя, без воды,
Рос на распутье последней орды.
Я, как олень, потерявший следы,
Выхода сердцем искал из беды.
В светлых глазах становилось темно;
Думал я: видно и мне суждено
Где-то украсить голодную степь

Белым своим ожерельем костей.
Громами грянул, кострами сверкнул
Грозный Октябрь, и старый Джамбул
Солнце увидел и солнечный стан.
Ленин великий повел караван —
Русских, казахов, киргиз и дунган.
Сталин повел на царей и господ
Освобожденный от рабства народ.
Радостен в радостной песне Джамбул.
Песня Джамбула зовет на борьбу,
Песня на подвиг зовет и на труд.
В песне народные думы живут.
Если источник на свет не проник,
Разве струится гремучий родник?
Если прилив не зальет берега,
Разве напьется в озерах сайга?
Если каналы в степи не прорыть,
Разве голодную степь покорить?
Если росой не покрыта земля,
Разве цветы зацветут на полях?
Счастья источник — Октябрь, и в нем
Все мы бессмертную силу берем.
Всех нас одели в батырский наряд
Ленин и Сталин — творцы Октября.
Сердце Джамбула, горячее, пой,
Славь всенародный октябрьский той.
Песня Джамбула, ты крылья расправь,
Дружбу народов и Сталина славь,
Ты из аулов Джамбула лети,
С горных вершин от Джамбула лети,
Ветер в полете тебя не собьет,
Эхо по миру тебя пронесет.
И никогда не замолкнуть домбре
В песнях о Сталинском Октябре!

1937 г.

ПЕСНЯ О БРАТСТВЕ НАРОДОВ

Пришли ко мне люди на ясной заре:
-- Сыграй нам о прошлом, ата, на домбре.

Я тронул струну, но не в духе домбра.
В глухом ее голосе нет серебра,

Похож ее тихий обиженный звон
На жалобу ветра, на сдвленный стон.

Не хочет домбра расшевеливать ран,
Не хочет звенеть про кандалный заман.

Но старые раны, как угли, горят,
И песня взлетает, как стая орлят.

Жизнь была для народа тюрьмой,
Дышали народы отравленной тьмой.

Не видели люди из душных темниц
Ни солнца, ни зорь, ни волшебных зарниц.

Палач-император народы губил,
Как диких зверей, друг на друга травил.

И в ярости темной за сабли брались
Забитый казах и бездольный киргиз;

Вдыхая отравленный злобой туман,
Шел тюрок с кинжалом на землю армян;

Рыданий, проклятий и стонов полна
Катилась еврейских погромов волна;

Спадала волна, поднималась, и вновь
Дымилась горячая братская кровь.

Но Ленин и Сталин, батыры земли,
Пришли, и октябрьские зори зажгли.

Восстали миллионы забитых рабов,
Штыки повернув на заклятых врагов.

И рухнули своды позора и тьмы
Российской империи, душной тюрьмы.

Два сказочных десятилетия прошли,
И не узнать обновленной земли:

Горит в самоцветах Советский Союз,
Свободны казах, армянин, белорусс;

Таджик и народ закаспийских сторон
И все шестьдесят возрожденных племен.

Смотрю я на север — светлее сляды
В полярном сиянии плавают льды.

Смотрю я на юг — изумрудны сады,
Качаются пальмы, стройны и горды.

Смотрю я, волнуясь, на Дальний Восток, —
Там — синий простор скеанских дорог.

Смотрю я на запад — там, сердцу близка,
Губинами в небе пылает Москва.

По всем необъятным просторам, везде
Я вижу веселую дружбу людей.

Где гневно свистели камча и картечь,
Я слышу спокойную братскую речь.

А где же вражда ослепленных племен?
А где же неписанный волчий закон?

Где сабельный звон, колыхание пик
И кровь, что потоком стекала в арык?

Исчезла племен и народов вражда
Под сталинским солнцем навек! Навсегда!

Бледны и бессильны слова у певцов.
Пред нами одиннадцать стран-близнецов,

И счастлив, и радостен каждый близнец:
Их мать — Конституция, Сталин — отец.

Их Сталин лелеет, растит и ведет,
Большое братство народов цветет.

На черную зависть и злобу врага
Священная дружба народов крепка.

Как клятва над Ленинским гробом, крепка,
Как в Арктике льды и сугробы, крепка,

Как Сталина светлая слава, крепка,
Как скалы вершин Ала-тау, крепка,

Как наши Кремлевские стены, крепка,
Как новая сталь из мартена, крепка,

Как сила прибоя Арала, крепка,
Как сплав тугоплавких металлов, крепка.

Ликуйте, народы! Цветите и пойте!
Дворцы из гранита и мрамора стройте!

Растите хлеба! Разводите сады!
В пустыни вторгайтесь разливом воды,

Чтоб вежные яблони там расцветали.
Мы с именем Сталина все побеждали. —

Мы с именем Сталина все победим.
Клокочет заветная песня в груди —

В ней Сталину слава, любовь, уваженье
Без края восторг, без границ восхищенье

На всех языках и наречьях рахмет
За двадцатилетие великих побед!

Ноябрь, 1937 г.

СТАЛИНСКИЕ БАТЫРЫ

От Сталина-солнца струятся мне в сердце лучи.
Правдивый язык мой, народа казахского вестник.
Откликнулся песней. Слова в ней, как жар,
горячи,—

И Сталина славлю во всех моих радостных песнях.

Бурлящий родник кристальных и светлых идей,
Счастливую жизнь несущий для Родины — Сталин!
Теплыню заботы согревший миллионы людей,
Народы сплотивший, отец человечества — Сталин!

Начало всех песен, всех вещей и огненных строк,
Исток вдохновенья и знамя поэзии — Сталин!
Великой победы гремящий могучий поток,
Взрывающий скалы, преграды не знающий — Сталин!

Кипучая сила, — пред ней небеса и земля
Склонились покорно. Та сила великая — Сталин!
Смотрите, народы, цветут и сады и поля,
И домбры звенят, и в звонах серебряных — Сталин!

Он — правда вселенной и гений народной души.
Для нас без него померкла бы синь небосвода.
Он шире Арала и выше жемчужных вершин.
Дарит ежечасно он счастье свободным народам.

Как летнее солнце, сияет нам светлый закон,
Написанный мудрой и твердой рукой исполина.
Закон, воплотивший мечтанья людей всех племен.
Зовущий народы к счастливым и ясным вершинам.

Миллионы людей, как гордое знамя свое,
Его поднимают — мудрейший закон на планете.
Поют старики, и юность, ликуя, поет,
И звонко смеются лучами согретые дети.

Растут города, и луга утопают в цветах.
В просторных степях зашумели колосья литые.
Исполнилось все, что веками таилось в мечтах,
Сбылись наяву человечества сны золотые.

Гонцы прискакали из яблонной Алма-Ата,
Узнали о выборах в ближних и дальних аулах.
И голос мой звонок, как будто я сбросил лета,
И светлая юность вернулась к акыну Джамбулу.

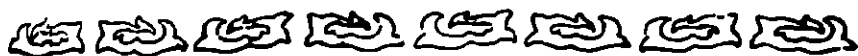
Забыв, что я стар, сутул я, как изморозь, сед,
Я так говорю, чтобы все на планете слышали:
«Пусть первым войдет от народов в Верховный
Совет,

Немеркнущим солнцем, дающим вселенной свой свет,
Сверкающим гением наших великих побед,
Родной и любимый, сравнений не знающий Сталин!»

Так я говорю, народ повторяет, и звон
Домбровой струны плывет над степями, как крик.
Священное братство великих и малых племен
Со мной заодно, — на всех языках и наречьях.

И я выдвигаю батыров в Верховный Совет,
Кто крепче алмаза, острее отточенной стали,
Кто вывел нас к счастью сквозь годы ненастья и бед,
Кого воспитал нам и вырастил солнечный Сталин.

И вслед им, батырам, мы выдвигаем любя,
В Верховный Совет открываем мы двери
Лишь лучшим из лучших, чьим делом гордится страна,
Кто партии предан, кто мудрому Сталину верен.

Так я говорю, и народ повторяет за мной
В казахских аулах, в казачьих привольных станицах:
— Цвети, наша Родина, край, как мечта, золотой,
И зорче глядите, орлы, охраняя границы.

За счастье наш голос, за правду, за солнечный свет,
За братство народов, за меч нержавеющей стали...
Пусть первым войдет от народов в Верховный Совет
Родной и любимый, великий и солнечный Сталин!

1937 г.

ПЕСНЯ ЛИКОВАНИЯ

 икий и звонко пой, страна, в день торжества побед.
Иди и выбирай, страна, Верховный свой Совет.

Как бирюза, горит лазурь, прекрасна и ясна,
Как будто нет снегов и бурь, и к нам пришла весна!

Сбылись чудесные мечты, и сны веков сбылись,
И рвется песня из юрты, как гордый беркут, ввысь.

Горит торжественно заря, в овраги скрылась тень:
Двенадцатое декабря — священный светлый день.

Жемчужины заветных слов сберег я для тебя,
Страна героев и орлов, любимая моя!

Мы за тебя вели бой, чудесный синий край,
Двенадцать месяцев твои — сплошной медовый май!

В песках пустынь звенит арык, и шепчут тополя,
И, как иранские ковры, колхозные поля.

И хлопка лебединый пух, и золото зерна,
И мед, и сливы, и урюк даешь ты нам, страна.

Идет верблюжий караван, идут стада коров,
Гуртами славен Казахстан и статью скакунов.

Как величавый слог поэм, заводов льется гуд,
И самолеты в вышине, как беркуты, плывут.

Для нас шумят хлеба в полях, для нас цветенье трав,
Раскрыла глубь нам земля, богатства все отдав.

Богатства недр, сады долин, сокровища отар, —
Все это Сталин-исполин принес народам в дар.

Он написал для нас закон и мудрый и простой.
Как золотая пальма, он стоит над всей землей.

Любовью мы к нему полны. — он нам, как солнца
свет,
Он первый депутат страны в Верховный наш Совет.

За Сталина, кем мы сильны, в декабрьский синий день
Миллионы рук моей страны опустят бюллетень.

И эти руки так дружны, что я сказать могу:
Миллионы рук моей страны — один кулак врагу.

Иду я с песней на устах, седой акын Джамбул,
Со мной, подняв счастливый флаг, идет родной аул.

Со мной в шелках, в сукне, в парче, прекрасна и
сильна,
Идет в сиянии лучей голосовать страна.

Фашистский пёс — кровавый враг не может запугать
Страну, умеющую так, как мы, голосовать.

Звените, домбры, серебром! Сияйте, небеса!
За Сталина мы отдаем сегодня голоса,

За лучших наших сыновей, за лучших дочерей. —
И будет жизнь еще светлей, богаче, веселей.

Кипит в седом Джамбуле кровь. Я звоны струн исторг;
Несу я Сталину любовь, и песню, и восторг.

Декабрь 1937 г.

ПРИВЕТ КАВКАЗУ

Едет Джамбул, сединой убеленный,
Едет Джамбул, мечтой окрыленный,
Едет Джамбул со спиной распрямленной,
Едет народом родным вдохновленный,
Едет с домброй и душой обновленной,
С песней, сталинской жизнью рожденной.
С песнею, сложенной в радостный час,
Тебе, величавый Кавказ.

Вырастил ты в золотой колыбели
Думы бессмертные Руставели.
Лебедем гордым они прилетели
В мой Казахстан, и аулы запели:
«Под сталинским солнцем пусть вечно живет
Великий грузинский народ!»

Взлетаю мечтой я к городу Гори:
Он — родина счастья, гордости море,
Вскормил он орла в поднебесном просторе,
Славы и дружбы народов творца,
Сталина — друга, вождя и отца.

Взвиваюсь душою к хребтам Дагестана, —
Лети, моя песня, в аул Сулеймана,
Он брат мой любимый, сверстник и друг,
Великих народов могучий ашуг.
Смерти ли взять его пламенный стих,
Голос его не умолк, не утих.

Он, как горячая песня Джамбула,
Гремит в городах и далеких аулах,
Вздывается выше горных высот,
Славя счастливый советский народ.
Песней, ковра каскеленского краше,
Славя любимую родину нашу,
Сияние сталинских солнечных глаз,
Всю землю согревших заботой о нас.

1937 г.

ПЕСНЯ О ЖИЗНИ

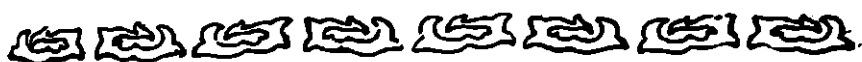
Песня цветет в девяносто лет:
У песни народной старости нет,
Песню родную народ не теряет.
Звонкую песню смерть не ломает.
Песня и сердце в дружбе живут,
Песня и сердце к счастью зовут.

Мчатся столетия на скакуне...
Песни степные вспомнились мне:
Вижу, стремится в бескрайние дали
Счастья искатель, вечный скиталец.
Степь моя знает Асана Кайгы,
Песни Асана в песках умирали.

Мчатся столетия на скакуне...
Песни степные вспомнились мне.
Коркыт, тоскуя по родине милой,
Искал свою землю. Последние силы
Коркыт терял, — и, куда б ни пришел,
Всюду его ожидала могила.

Мчатся столетия на скакуне...
Песни степные вспомнились мне:
Народ мой седлал ковер-самолет,
Соколом он собирался в полет.
Выше могучих вершин Ала-Тау
Подняться мечтал казахский народ.

Мчатся столетия на скакуне...
Горькая жизнь вспомнилась мне:

Ветер сухой мне в сердце хлестал,
И засыхала моя мечта.
Песню любимую спеть не мог
Джамбул в своих дорогих местах.

Много преданий запомнил, сберег
Я в перепутьях крутых дорог.
Вижу, несется над грозной стремниной
Песня, как взлет горделивый, орлиный, —
Витязь народа Шота идет,
Равный жемчужным кавказским вершинам.

Грузии гордой пламенный сын,
Вижу, идет по ущелью один.
Вьется туман над горами, как дым,
Идет он, где барс оставляет следы,
Он песни народа, любовь и мечты
Несет, сберегая векам молодым.

Вижу, змеятся пугливые гады,
Слышу, рокочут, гудят водопады,
Пеной холодной хотят заглушить
Горячую песню кипящей души.
А витязь, скрываясь под барсовой шкурой,
С любимую песней к народу спешит.

Мчатся столетия на скакуне...
Песни степные вспомнились мне:
От зноя густая горит трава,
Идет без дорог, без пути караван,
Ветры пустыни гонят пески,
Идет по следам каравана буран,

Усталый верблюд тихо идет.
Песню в песках седок не поет,
Слезы в глазах, кровь на губах,
Едет любимый певец Украинны,
Едет Тарас на верблюжьих горбах.

Мчатся столетия на скакуне...
Едет Тарас на верблюжьей спине,
Замкнуты губы — певец не поет;
Он видит истерзанный рабством народ...
Песня в душе глубоко залегла,
А в небе кружится двуглавый урод.

С любимым Тарасом, как верные люди,
Ехали мы на страдальце-верблюде.
Нас жажда томила. Шумели пески,
Погоны блестели, блестели штыки,
Барханы под ветрами шли без конца,
В барханах терялась песня певца.

Мчатся столетия на скакуне...
Пушкин едет в простом чапане,
Арба худая, колеса скрипят,
Клячи, хомут разрывая, пыхтят.
Кружатся вороны черною стаей,
Сердце поэта вырвать хотят.

Арба худая поэта везет,
Песню народа Пушкин поет,
Царь испугался. Доволен народ.
Пушкин скитаясь, как наш Кайгы,
С диких и снежных Кавказских высот
Славит великий русский народ.

Песня его неслась, не смолкая,
Песня запала в душу Абая,
И у предгорий седого Тянь-Шаня
Заговорили Онегин с Татьяной
На близком народу родном языке,
На золотом языке Казахстана.

Мчатся столетия на скакуне...
Едет Джамбул по любимой стране.
Он, как орел над вершиной Кавказа,
Взлетает душой, не кривившей ни разу.

Он перед баями спину не гнул...
Едет овейанный славой Джамбул.

Тот не певец, кто к борьбе не зовет,
Кто сердцем с народом своим не живет,
Кто песни о родине не поет.
Пойте, поэты! Пусть наша земля
Сняет, как вечная слава Кремля,
Сняет, как слава того человека,
С кем песню о братстве запела земля.

Сталин — родная народа мечта,
Радость народа и красота.
Сталин — любимый, равного нет,
Сталин — великой планеты поэт,
Сталин — народных песен певец.
Сталин — могучий Джамбула отец.

1937 г.

ПЕСНЯ ПРО БАТЫРА ЧАПАЯ

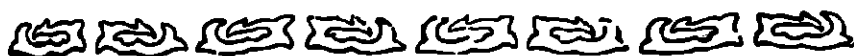
Над Волгой-рекой, над хребтами Урала
Клубилися тучи и буря крепчала.
Под гул канонады, на страх генералам
Родился в народе Чапай.

Горели его соколиные очи.
Он видел сквозь мрак нависающей ночи,
Что хлеб осыпается необмолочен,
Что вражьей рукой сельсовет заколочен,
Что копья и сабли отцовские точит
Врагами поруганный край.

И понял Чапай, что назрела расплата,
И выбрал Чапай в табуне казаната,
И выехал в степи он в бурке крылатой,
О камень копье наточив.

И крикнул Чапай, чтоб округа слыхала:
«Вставай, беднота, наше время настало.
Круши, голытьба, палачей-генералов,
Сражайся за то, чтобы солнце вставало,
За то, чтобы родина-мать расцветала,
За травы Тургая, за руды Урала,
За красную рыбу седого Арала,
За шелест актюбинских нив».

Поехал Чапай со звездой на папаше,
Пошли за Чапаям, забывши о страхе,
С ватагами русских башкиры, казахи,
Отряды киргизов, татар.

Чью землю топтала орда генералья,
В чье тело вгрызались зубы шакальи,
Чья кровь оплатила чины и медали
Поганого племени бар.

Поехал Чапай с обнаженным булатом,
Со сталинским крепким, как клятва,
мандалом.

Был Фрунзе Чапаю и другом и братом,
Стальной Ворошилов Чапаю был братом,
Любимый наш Киров Чапаю был братом,
Бесстрашный Буденный Чапаю был братом
И пламенный Куйбышев был ему братом,
Пример их его вдохновлял.

Поехал Чапай, светлой правды носитель,
Посланец народа, разгневанный мститель,
Вожак бедноты и борьбы вдохновитель,
В папахе и бурке — батыр-победитель —
И враг перед ним задрожал.

Громя генеральскую конную лаву,
Рубил он налево, разил он направо,
Он вражеской кровью обрызгивал травы —
Летела его легендарная слава
В Кастек, в Орымбор и Тургай.

Как душная тьма от дневного сиянья,
Как тигра узнавшее стадо кабанье,
Бежали враги, прерывая дыханье,
От грозного слова — Чапай!

От страшных ударов чапаевской сабли
Враги отступали, терялись и слабли,
И волчья их кровь, истекая по капле,
Дымила черной рекой.

Бедняцкое счастье в сраженьях рождалось,
Пшеница на барской земле заседалась,

В серебряной Волге заря отражалась,
Закат догорал золотой.

Чапай говорил: «Полыхайте, зарницы,
Звените по рощам, веселые птицы,
Садами цветы и волнуйся пшеница,
Зеленый и солнечный край».

Пшеница шумит, на дожди не в обиде...
Но больше в просторное поле не выйдет,
Пшеницы колхозной в полях не увидит
Родной и любимый Чапай...

Его окружила поганая сила,
Горячая пуля Чапая скосила.
И стал ему вечной холодной могилой
Седой и глубокий Урал.

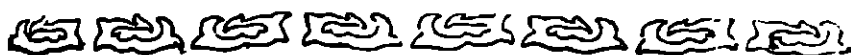
Чапай не вернется... Но дело Чапая,
Как вечные звезды, горит не сгорая.
Осталась чапаевцев грозная стая, —
И враг в них Чапая узнал.

Они не забудут Чапая родного!
Чад Родиной небо цветет бирюзово,
Затихли бои, и колышутся снова
Хлеба на крутом берегу.

Чапаевец ходит, хлеба карауля,
В медовые, теплые ночи июля,
И каждое зернышко зреет, как пуля,
Смертельная пуля врагу.

Под сталинским солнцем страна расцветает.
Согреты заботою дети Чапая,
Увенчана славой чапаевцев стая,
Чапай всем народом любим.

Мы помним Чапая! Мы все наготове.
Звенит наше мужество в сталинском слове.

И землю, где капли чапаевской крови,
Мы кровью своей защитим.

Напрасно фашистских земель генералы,
Пронзительно воя, как ночью шакалы,
Мечтают и в Волге и в водах Урала
Горячих коней искупать.

Когда заиграет труба боевая,
Штыки засверкают от края до края,
Взовьем мы бессмертное знамя Чапая,
С которым нельзя отступать!

1937 г.

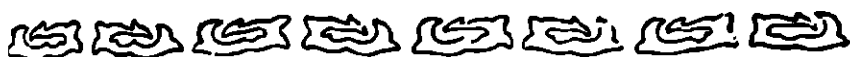
СЫНАМ ТИХОГО ДОНА

В аулах моих жигиты растут,
В аулах моих иноходцы растут...
Русский казак и казахский жигит
Вместе походные песни поют.

Мы знали когда-то только нужду,
Нас враг вековой толкал на вражду,
Царская нечисть с крестами в петлицах
Гуляла в аулах, гуляла в станицах...
Волки дружились, баи и ханы,
Муллы гнусавые да атаманы,
Привычники байские — аксакалы,
Опричники царские — генералы...
Они богатели, а мы вымирали, —
Аулы редели, станицы стонали.
Тихого Дона родные сыны,
Вы и Джамбулу родные сыны.
Готовят вам верных коней табуны,
Готовят жигитов отважных и смелых
Колхозники наших аулов степных.

Тихого Дона родные сыны,
Вы Сталину будьте до смерти верны,
Кровь, если надо, до капли отдайте
За счастье великой советской страны,
За наши аулы, за наши заводы,
За тихого Дона широкие воды,
За партию нашу, за землю родную,
За славу и дружбу народов святую.

Тихого Дона родные сыны,
Коль волки ворвутся с чужой стороны,
Косите их стаи клинками стальными
И родине будьте до смерти верны.
В час, когда сталинский голос орлиный
В бой позовет, — из Кастекской долины
Приедет Джамбул на коне вороном,
Приедет Джамбул на коне боевом,
Он внуков своих и сынов приведет,
Он славных аскеров с собой приведет
С гор Ала-Тау, с долины Балхаша,
Из вольных колхозных станиц Иртыша,
С Каспийского моря, с отрогов Алтая,
Из Уральска и Кустаная.
Любимых жигитов Джамбул приведет,
С домброй и винтовкой их в бой поведет
За наши аулы, за наши заводы,
За дружбу и славу могучих народов,
За партию нашу, за землю родную,
За казахстанскую степь золотую,
За радость и счастье советской страны,
Где выросли тихого Дона сыны.

1937 г.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

Я говорю «СССР» — и блещет синева озер,
Лежат ковры душистых трав в алмазных росах
при восходе
Поют по рощам соловьи, горят, как жемчуг, выся
гор,
И зоря, яхонтов нежней, невольно мне на ум
приходят.

Обильна родина моя! Тучнеют сытые стада,
Всесветна слава табунов, не счесть отар, что
степью бродят.
В полях зерно, в садах плоды, в земле чудесная
руда.
Богатства юрт и городов невольно мне на ум
приходят.

Народы родины моей живут, как дружная семья.
Десятки братских языков журчат ручьями на
свободе.

Я чувствую кипенье сил и вдохновенье соловья.
И песня дружбы всех племен невольно мне на ум
приходит.

✓ Я в детстве раннем кочевал полынной степью
ханских орд.
Как надмогильные холмы, серели нищие аулы.
На хане царь сидел верхом, а хан от этой чести
горд.
Народ ногами попирал, — и это освящали муллы

В песках пустыни умирал мой обездоленный народ,
В глухой и душной темноте без прав, полунагой
и босый.

✓
Текла по родине река из горьких человеческих слез,
На каменном пустыре, хирея, осыпалось просо.
Я лишь семидесяти лет увидел солнечный восход
И сразу, просветлев душой, запел, на старость
не в обиде.

Увидел я, как разметал врагов разгневанный народ;
Я гений Ленина узнал и гений Сталина увидел.

Высок Кавказ. В седых снегах наш Ала-Тау —
исполин;
И Крым, увенчанный чалмой жемчужных туч,
уперся в небо.

Но Ленин выше снежных гор, и Сталин выше всех
вершин.
Без них, двух гениев земли, родной народ
счастливым не был.

Они связали, как друзей, простор степей и ширь
тайги.

Неву сроднили с Иртышом, Байкал и Балтику
сдружили.

Сказали людям всех племен, где их друзья и где
враги.

И, массы в битву поведя, союз народов утвердили.

Горит в цветах моя земля. Поет, ликуя, мой народ:
Одиннадцать свободных стран узнали счастье
мирной жизни.

В песках пустынь звенит арык, и степь, как сад,
весной цветет.

И радуги семи морей зажгли сиянье по отчизне.

Я говорю: «СССР», — и золотой встает Алтай,
И Каспий вдребезги дробит светлозеленые громады,
И льдами Арктика шуршит, растит леса Карельский
край,

И склоны Грузии дарят народам гроздь винограда.

Я вижу груды серебра и слитки золота горой,
Фонтаны нефти и зерно, и уголь, до сиянья черный.
И самолеты над землей, и поезд, мчащийся
стрелой,

И караваны мудрых книг, и труд, веселый и
упорный.

Я вижу праздники весны, жигитов в шелке и парче,
И стройных девушек страны в серебряных, как
снег, нарядах.

Я вижу зданья светлых школ и блеск театров
среди ночей,

И радостную жажду знать читаю я у всех во
взглядах.

Я вижу дружбу меж людей всех языков и всех
племен,

И вместе с ними я врагов с великой страстью
ненавижу.

В движенье мыслей и машин, в стремленьи
быстрых веретен,

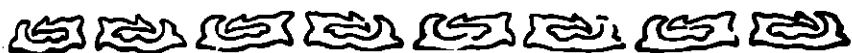
В садах, цветущих на земле, в полях, где голубеет
лен,

В декрете, изданном в Кремле, что к нам любовью
окрылен,

В стальном, летящем в высь, орле, что озирает
небосклон, —

Во всех деяниях страны родного Сталина я вижу.

Мне девяносто третий год. Лета, как горы, высоки.
В степях и городах страны я не встречал акынов
старше.

И старым сердцем слышу: там, где люди пели от
тоски,
Теперь по всей моей стране гремят торжественные
марши.

Прислушайтесь! Поет страна. Поют народы. В
этот хор
Текут свободною волною, как в море реки, все
наречья.
И славят сталинский закон и славят солнечный
простор,
Цветенье сил, свободный труд, любовь и счастье
человечье.

Поет страна. И хор племен до неба здравицу
вознес,
Как будто грянул майский гром, легко откатываясь
в дали.
Живи, родной СССР, средь волн стоящий, как утес!
Живи, любимый наш отец, великий мастер
счастья — Сталин!

1937 г.

МОЙ СТАЛИН, ТЕБЕ ЭТУ ПЕСНЮ ПОЮ!

Отец мой любимый, учитель родной,
Встречая восход над советской страной,
Тебе, счастьеносцу, домброю звенит
Столетнего сердца горячий родник,
С тобою зарницу я в небе встречаю,
С тобою сижу я за чашкою чая,
С тобой я домбру поднимаю свою,
С тобой я любимые песни пою,
С тобой свое сердце в полет я пускаю,
С тобою счастливых внучат я ласкаю,
Отец мой любимый, учитель родной.
Ты — сердце, ты — голос поэмы степной,
Ты — радость народа, ты — жизни заря,
Ты — сила и слава и песня моя!

Учитель вселенной, тебе я пою,
Послушай, любимый, ты повесть мою.
Я прожил столетье, я вырос в народе,
Я — правды народной степной проходец.
Я песнями баев и ханов косил, —
А песен я в долг никогда не просил.
Мечты золотые я в сердце носил, —
Я Коркыта имя усыновил,
Я песням Асана наследником был.
А жизнь тянулась, как след каравана,
А юность в безводных сыпучих барханах
Прошла верблюжонком, что жизни искал
У матери мертвой в холодных сосках.
Родившись, я пир ожидал на земле.
Напрасно. На серых курганах белел

Холодный навал черепов и костей.
И кровь выступала на каждом листе
Степного молчальника — карагача.

Стервятники в степь налетали в ночах, —
От крови опухший с собою их вел
Бескрылый, безногий двуглавый орел,
Не ведавший неба, не знавший земли.
Кровавые слезы народа текли,
И стоны неслись — их скрывала ночь —
О дочери милой, но продана дочь,
О матери нежной, но может ли мать
Любимому сыну любовь передать,
Коль скованы руки, глаза под курком,
А губы и сердце под вечным замком.

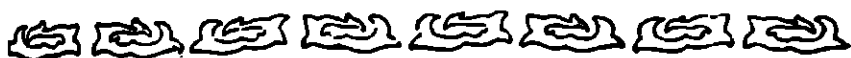
Я в бурю родился под древней горой,
Столетье я в бурях скитался с домброй.
Мой Сталин, мой светоч, я только с тобой
Принес свою песню на радостный той.
И реки звенят, как разлив серебра,
И степь расстилается шкурой бобра,
Цветы, как жигитов отважных сердца,
Украсили степь от конца до конца,
И воздух хрустальный от песен гудит,
Джамбул, запевай и в поля выходи.
В колхозах пшеница густая растет,
Красавец комбайн тулпаром плывет,
Дары урожая в обилье несет
Для Родины милой народ.
Ко мне мои братья и сестры пришли
Со всей необъятной советской земли, —
Встречаю я в радостной юрте своей
Внучат, сыновей и любимых друзей.
Поэзии солнце взошло над аулом,
Где выросли песни и думы Джамбула.
Послушай, родной, над Кастекской долиной
Звенит солнцеструнный запев соловьиный,
Рождаются радостной жизни былинны,

Разносятся песни родной Украины.
Узбеки, башкиры, уйгуры, грузины,
Собравшись в Кастек на мои именины,
• Собравшись в ауле Джамбула на той,
Поют о тебе, мой любимый, родной!

Ты видишь всю жизнь на столетья вперед,
Ты слышишь всю жизнь на столетья вперед,
Ты думы несешь на столетья вперед,
Ты жизнь ведешь на столетья вперед.
Тебе свою верную песню поет
Познавший проклятого прошлого гнет,
Стремящийся к коммунизму народ.
С тобой он, любимый, растет и цветет,
С тобою он любит, тобой он живет,
Готовый на битвы, готовый в поход.
С тобою, народного счастья отец,
Республика радости, смелых сердец,
Как солнце Востока, встает Казахстан.
С тобою, любимый, с тобой, данишпан!
Я Ленина в сердце горячем носил,
Мой Ленин, он вывел народ из могил,
Мой Сталин, ты юность мою воскресил.
Ты счастьем и радостью всех наградил.
Джамбул ни тепла и ни ласки не знал,
Джамбул, как во мраке цветов, засыхал.
Ты, солнечный Сталин, об этом узнал,
Ты песню Джамбула в Москве услышал.
За тысячи верст ты заботу послал,
Ты Ленина орден за песни мне дал.
Любимый, тобою награждена
Моя золотая, родная страна.
Гляжу я в столетья. Душа горяча —
Я вижу счастливую юность внучат.
Они, как жигиты в шавровом седле,
Едут хозяевами по земле.

Наш враг не добит, он змеею ползет.
Чтоб жалом гадючьим ужалить народ.

Я знаю, нас битва грядущая ждет,
Но Ленина орден и смерть не возьмет.
Великий, могучий, бессмертный народ,
С тобою, мой Сталин, с тобою пойдет.
И я, мой любимый, пойду за тобой,
В любую минуту пойду за тобой, —
С домброю, винтовкой и песнею — в бой.
Я весь мой народ поведу за тобой
За правду, за дружбу народов святую,
За Родину нашу, за степь золотую,
За песню столетнюю, молодую,
За песню, что вечным пожаром пылает,
За песню, которая страха не знает,
За песню, с которой не дремлет жигит,
За песню, с которою сердце не спит.
За песню, которая всюду с тобой,
Мой Сталин любимый, учитель родной.

НА РОДИНЕ СТАЛИНА

Могу ли молчать я, могу ли не петь я,
Встречая, как радость, второе столетье?
Мои сыновья коммунистами стали,
Внуки мои комсомольцами стали,
Правнуки пионерами стали,
А струны Джамбула петь не устали.
Глаза у Джамбула ярче хрусталин,
Сердце Джамбула смерти сильней,
Песни Джамбула ветра вольней,
Душа у Джамбула неба ясней.
Дума моя не бросает меня.
Я внукам сказал: «Оседлайте коня!
Пусть снова мои стремяна зазвенят.
Поеду я родину посмотреть,
Поеду я к самой высокой горе,
Где радость народа — Сталин родился,
Где счастья орел над вершиною взвился».
Внуки мои оседлали коня,
Мои сыновья проводили меня.
Я ехал полями, где вел за собой
Вольных жигитов Чапаев в бой.
Я видел Каспийского моря прибой,
Я видел одетые в бархат долины
Богатой и радостной Украины,
Где слава о Щорсе-батыре живет,
Где Днепр могучие волны несет.
Я видел кипучие волжские воды,
Я видел счастливую жизнь народа.
Как сказка, как слава легенды степной,
Родина встала передо мной,

Сравню ли ее с серебристой луной,
Сравнится ли солнце с любимой страной,
Найдется ль на небе такое светило,
Чтоб с ним мою родину песня сравнила.

Сталин! Тебе эту песню пою.
Я видел твой домик, зимовку твою,
И медную лампу, и окна подвала,
Я видел постели твоей покрывало,
И самовар, и узор орамала,
Тарелку из глины, и ящик для хлеба,
Я видел над домиком вечное небо,
И целая жизнь в душе воскресала...
Обнять мне хотелось, поцеловать
Родную, простую, хорошую мать,
Что счастье земли в подземелье родила,
Что сына, как солнце, векам подарила.

Акын, твои струны полвека звенят,
Джолдас, посмотри, ты моложе меня.
Ты знаешь, как волки режут ягнят,
Ты знаешь, как степи летом горят,
Ты знаешь, как джут табуны уносил,
Ты знаешь, как голод аулы косил,
Ты видел, как ворон в небе носил
Царским раздавленное сапогом
Счастье народа, джолдас, твоего.
Ты посмотри и увидишь: из стен,
Сбросивших древнего времени плен,
Обложенных камнем, обмазанных глиной,
Выйдут любимцы казахской долины,
Выйдут герои народной былины,
Выйдут Бекет, Исатай, Кобланды,
Выйдет с жигитами Амангельды
И скажут: вот в этой зимовке сошлись
Мечты и надежды народов земли,
Мечты и надежды всех угнетенных,
Мечты и надежды всех разоренных,
Мечты и надежды всех матерей,

Мечты и надежды всех дочерей,
Мечты и надежды всех сыновей,
Мечты и надежды наших отцов
И лучшие песни наших певцов.
Их Сталин собрал и сберег, и принес
Народам сквозь море лишений и слез.

Сталин любимый, тебе мое слово,
Ты вывел народ мой из темных зимовок,
Ты с теплой заботой родного отца |
Нас поселил в величавых дворцах.
Ты реки хрустальные в степи пустил,
Ты наши пустыни в сады превратил,
Ты — гордость народов, их сила и слава,
Их вечная дружба, их вечное право.
На радость, на счастье, на жизнь и на труд
Народные думы тобою живут.
Любовь твоя молодость, силу вдохнула
В столетнее сердце седого Джембула,
И я свои песни и жизнь свою
Тебе до последнего дня отдаю.

1938 г.

ПЕСНЯ О СТАЛИНСКОЙ МОСКВЕ

Здравствуй, именитая! Сердцу ты близка,
Золотом прошитая, красная Москва!

Поднялась ты, светлая, мрак пробив
крылом —
Мрамором и деревом, сталью и стеклом.

Отгремев походами, мир и труд любя,
Фабрики с заводами встали вокруг тебя.

Не палаты царские, не дома-слепцы, —
Встали пролетарские гордые дворцы.

Бьют фонтаны чудные голубой воды,
Манят изумрудные парки и сады,

От утра и до ночи мчат быстрее ветров
Трассой Кагановича поезда метро.

Вести в мире слышатся — ты чудес полна;
У Кремля колышется волжская волна.

Как восток пылающий, излучает свет
Штаб Москвы сверкающей — мудрый наш
Совет.

Небеса штурмующий, встал дворцов светлей,
Ленинский, волнующий сердце, мавзолей.

А над ним, былинами думы окрыля,
Зацвели рубинами пять огней Кремля.

Пять огней пылающих, пять огромных звезд,
Светом озаряющих наш батырский рост.

Ты в пору цветения. Ты нам всем близка,
Ты — сердцебиение всей страны, Москва!

Рвутся все народности мыслями к тебе,
Город светлой гордости, выросший в борьбе!

Запылав зарницами под крылом Кремля,
Светлыми столицами зацвела земля.

Ты, огненнолицая, краше всех зарниц,
Ты, Москва, столица десяти столиц.

Гул столиц сливается, на тебе их взгляд.
По тебе равняются Фрунзе, Ашхабад.

Минск, огнем сияющий, Ереван в цветах,
Киев расцветающий, и Алма-Ата.

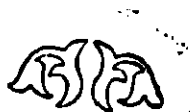
И Ташкент с чудесными шумами аллей,
И Тбилиси с песнями, с ковром полей,

И Баку плечистое, и Сталинабад,
Где арыки чистые день и ночь журчат...

Песнями прославлена, всем сердцам близка —
Светлый город Сталина — красная Москва,

Где над гробом Ленина клятву он давал,
Где он Конституцию миру написал,
Где ведет народы он, излучая свет,
Все двадцатилетие славы и побед!

ноябрь 1937 г.

АЛМА-АТА

В парчевом халате, в чалме облаков,
Держа на плечах остроклювых орлов.
Над всем Казахстаном ты встал, Ала-Тау,
Седой, величавый свидетель веков.

Года пред тобой караваном прошли,
Хранишь ты все древние тайны земли.
Ты шепчешь их тихо седому Джамбулу,
И плещутся песни, как струи Или.

С тобой, Ала-Тау, сквозь сумрак и дым
Мы слышали стоны тоски и беды
В эпоху Аблая, и в век Николая,
И в годы владычества алаш-орды.

Но рухнул прогнивший расшатанный трон,
Отвергнув навеки аллахов закон.
Ты снова рожден, золотой Ала-Тау,
С тобой, возрожденным, и я возрожден.

Смотри, Ала-Тау, белеет пахта.
У яблок румянец горит как мечта.
В садах утопая, огнями сияет
Столица — красавица Алма-Ата.

Она электричеством озарена,
Веселья и радостных песен полна,
Она — колыбель народного счастья,
Всех кладов волшебных богаче она.

Крутая зима в ней белей молока,
Пышнее совиного пуха снега.
Она разодета в еноты, в куницы
И в пышные, мягкие лисьи меха.

В ней лето плывет ароматом цветов,
Дарит изобильем душистых плодов.
Арыки струятся прохладней кумыса,
А ветер нежнее иранских шелков.

Садился Джамбул на худого осла,
Костлявая кляча Джамбула несла,
Дырявая обувь была на Джамбуле,
И рванный халат ему жизнь припасла.

Нужда миновала. Возврата ей нет!
Парчевый халат на Джамбуле одет,
И Алма-Ата посадила Джамбула
В трамвай, чтобы мчать по дороге побед.

Где скрип стародавних, тяжелых телег?
На автомобиле летит человек.
Ползут по полям трактора и комбайны,
Трамвай и Турксиб убыстряют свой бег.

Столица — красавица Алма-Ата!
Ты солнцем весны круглый год залита.
Тебя воспевают степные акыны,
И в честь твою громко кричат кречета.

Цвети, моя радость, краса моих глаз!
Я вспомню в пути тебя тысячу раз.
Я, словно орел, расправляющий крылья,
Готовлюсь в далекий полет на Кавказ.

Я всем расскажу в своих песнях простых,
Что еду из солнечной Алма-Аты,

От гордых жемчужных вершин Ала-Тау,
Из края обилия и красоты.

Еще я скажу, горделив и суров,
Что наши заставы не пустят врагов,
Что Алма-Ата и родной Ала-Тау
Хранят нашу родину, счастье и славу.

1937 г.

ПЕСНЯ ОБ ИСКУССТВЕ

Ч тоб гордо запела родная домбра,
А песня звенела нежней серебра,
Удачи случайной, певец, не лови,
Ты струны певуны-домбры обнови.
Прислушайся к голосу каждой струны,
Как старый рыбак к переливам волны.
Но много ли может домбра рассказать
Тому, кто на ней не умеет играть?
Тому, кто ее не умеет держать,
Кто песни для кюев не может слагать
Такие, чтобы струны, вплетаясь в слова,
Могли заповедники чувств открывать?

Искусство нежнее ребенка, певец,
Искусство — горение наших сердец,
Искусство — могучая сила батыра,
Искусство — чудесное детище мира,
Искусство свободно, как взлет соколиный,
Искусство прекрасно, как пруд лебединый,
И грациозно, как поступь оленя.
Оно упоительней всех наслаждений.

Акыном ли тот по степям назовется,
Чья песня весенним разливом не льется?
Акын ли, кто в трубку беззвучную дует,
Чья песня, как песня костра, не бушует?
Акын вдохновенный и славный лишь тот,
Чью песню лелеет и любит народ,
Чью песню лелеет родная страна,
Чью песню и подвиги любит она,

Джамбул, Гали Орманов и Дина Нурпеисова,

Величьем народных героев полна!
Бессмертное слово проходит в века...
И песня седого певца-старика
Джамбула — столетнего большевика,
Хранителя дум и сказаний степных,
Как золотая прольется река
Во славу великой советской страны,
Чудесной, как молодость первой луны,
Блистающей под весенним дождем...
В Кремле гуртоправы с великим вождем
Заботу несут о колхозной отаре,
О новом ружье, о простом самоваре,
О хлебе, о счастье цветущих степей,
О славе Куляш и о песне моей.
Я молод и горд, я, проживший сто лет.
Я, выросший в бурях, народный поэт,
Несу свои песни и думы и чувства
Любимому Сталину — солнцу искусства!

1938 г.

СВЕТИЛО РОДИНЫ

Я новую звонкую песню свою
О Ленина друге, о Горьком пою,
О Сталина брате великом пою.
О друге народов, о друге моем
Мы песню бессмертную всюду поем, —
Казахи, китайцы, монголы, карелы, —
О буреvestнике гордом и смелом.

Бесчеловечие в песнях кляня,
С народом он шел до последнего дня,
Со Сталиным шел до последнего дня
Он — вечная песня и радость моя.
Он сыном любимым у Родины был,
Дружбу народов он в сердце носил,
Словом могучим врагов он косил,
Сердцем горячим, великим, простым
Счастье народа берег и любил.
Сокол победы, он — песня моя.
Ужалила сокола в сердце змея,
Сердце не дрогнуло, гордое бьет,
Славит народ и к победам зовет.
Старый Джамбул эту песню поет,
В песне Джамбула Горький живет,
Ненависть к своре презренной горит...
Наш Буреvestник над миром парит.
Молнии режутся из облаков,
Как зубы степных молодых скакунов.
Молнии блещут в дыму облаков,
Реки выходят из берегов,
Буря великая грозная грянет.

Гадов рассеет, и радостно станет
Каждому в мире любить и дышать,
И рубежей по вселенной не знать.
Вечное солнце, как песня поэта,
Солнце народов великой планеты
Будет со Сталинским сердцем пылать!

1938 г.

КЛЯЧА И КОНЬ

Я встретил в седле своей жизни рассвет.
Была моя кляча худа, как скелет,
Шаталась она, и степной ветерок
Сумел бы свалить ее с ног.

Ползла с нее шерсть, был лоб ее лыс.
Над мокрыми струпьями мухи вились.
Слезились глаза постоянно у ней,
И в челке гнезвился репей.

Я ехал и пел. Мои песни лились
Про черные косы красавицы кыз,
Но стройная кыз, что джейрана резвей,
Смеялась над клячей моей.

На ярмарки и на базары я вез
Печальные песни страданья и слез.
На кляче худой из аула в аул
Скитался я, рваный Джамбул.

Когда ручейками сбегались снега,
В зеленой степи начиналась байга,
Весенний пробег вороных скакунов
Из байских степных скакунов.

Что мне оставалось? Поодаль стоят.
От зависти горькие слезы глотать
Да ночью тоскливой в немой тишине
Мечтать о чудесном коне.

Ночами являлся мне конь моих снов,
Скакун темнорыжий, краса табунов.
Он жарко храпел и в просторы манил.
И звонко копытами бил.

Он долгие ночи стоял предо мной,
Сверкая уздой, бегунец огневой.
Во мне поднималось кипение сил,
Отвага горела и пыл.

Но сон отлетел, и в полынном краю
Я снова садился на клячу свою
И ехал, бескрылую юность кляня,
Ночную мечту хороня.

Так юность прошла, и не ездил я вскачь:
Была моя кляча костлявей всех кляч.
Шли годы, и в черных ночах у меня
Исчезло виденье коня.

Когда я, как снег Ала-Тау, стал сед,
Узнал я счастливое слово «Совет», —
Пришла в моей жизни вторая весна,
Прекрасна, свежа и ясна.

Поднялся и ожил казахский народ,
Отнял он у баев джайляу и скот,
Навеки ушел, как от солнца туман.
Проклятый байский заман.

Колхозные бродят в степях табуны,
Привольно растут в табунах скакуны.

Сам Сталин отметил вниманьем меня,
За песни мои он послал мне коня.
Коня несравнимой ни с чем красоты,
Коня лучезарной мечты.

Так вот он — сверкающий конь моих снов,
Скакун темнорыжий, краса табунов,

Он жарко храпит, и в просторы зовет,
И звонко копытами бьет.

Его благородная поступь звонка,
Его лебединая шея тонка,
Алмазные брызги сорит он из глаз,
А шерсть его, словно атлас.

Уздечка на нем в дорогом серебре,
Узоры седла, как ковер на заре,
И радостно, как золотая струна,
Звонят на нем стремяна.

Как в снах моей юности, стал я крылат,
Во мне возрожденные чувства бурлят.
В крови моей снова кипение сил,
Отвага и песенный пыл.

Я рад обновить мой богатый наряд,
Халат, на котором узоры горят,
И орден Красного Знамени рад
Ввинтить в парчевый халат.

По светлой стране из аула в аул
Поехал нарядный, счастливый Джамбул,
Доживший до сталинской алой весны,
Когда так чудесно сбываются сны.

Цветы на полях, цветы на горах,
Сады в белорозовых нежных цветах.
И стелются степи под песни ветров
Коврами пурпурных цветов.

Жемчужными брызгами бьет водопад.
Волшебные радуги в небе горят,
И знойно цветет, ослепляя глаза,
Высоких небес бирюза.

И я запеваю в цветущем краю
Всей грудью заветную песню мою,

И звучно ей вторит певунья-домбра
Напевом, нежней серебра.

Пою я о том, кто с кремлевских высот
Великую правду народам несет,
Кто сердцем своим обогрел и меня,
Кто юность мне дал и коня.

Чье слово, как гром, над вселенной гудит,
Чье слово, как ветер, по свету летит,
Чье слово, как солнце, встает над землей,
Народы ведя за собой.

Чье имя на полюсе, в снежной глуши,
Чье имя на самой большой из вершин,
Чье звонкое имя герои дарят
Реке, породнившей моря.

В чью славу весенние степи цветут,
О ком водопады гортанно поют,
Кому улыбаются капли росы
И звезды звенят: «Жасасын».

С цветами, со звездами, с горной рекой
Сливается голос взволнованный мой.
О Сталин, великий мудрец из Кремля,
Поет тебе славу земля!

ПЕСНЯ ОТ ВСЕЙ ДУШ 1

осмотри на вершины гор,
Посмотри на степной простор,
На широкий огонь зари,
На становище посмотри.
По степям из конца в конец
Табуны дорогих овец
Оставляют свои следы,
В Кара-Кум идут верблюды,
На Чимкент идут верблюды,
От Джаркента до Кзыл-Орды
Все колхозные верблюды.
А на пастбищах велики
Лошадей степных косяки.
Словно беркут, песня моя
Улетает вперед, звеня.
На восток и на юг земля,
И на запад, на север земля, —
Вся колхозная, вся моя.
Я старший жирши. Я стар,
Но люблю колхоз Ер-Назар,
И Чиен люблю, и Аяк, —
В них живет счастливый казах,
И над ними, как в новый год,
Утро солнечное встает.
Кто принес это счастье нам,
К заилийским белым горам?
Я, старейший Жамбул-жирши,
Восклицаю от всей души:
— Для казаха в любой колхоз
Это счастье Сталин принес!

Это имя, как солнца свет,
Сталин, словно горный рассвет,
Сталин, словно степной орел,
Счастье солнечное привел.
Он великий и сильный друг.
Это счастье из солнечных рук
Взяли мы... И хотя я стар,
Но люблю колхоз Ер-Назар,
И Чиен люблю, и Аяк,
Где впервые понял казах,
Что над ним, словно в новый год,
Утро солнечное встает.
Эту песню поет жирши,
Эта песня от всей души.

1933 г.

ОРЛЫ НАШЕЙ РОДИНЫ

лушайте песню акына Джамбула:
Тот, кто направил к горам нашим пули,
Был уничтожен, не сыщется прах,
Нашею силой в своих же горах.
Того, кто над родиной воздух встрезожил,
Орлиный отряд наш, взлетев, уничтожил...
Японских бандитов, — их псами зову я, —
Орлы разметали, высоты штурмуя.
Не наши лощины от взрывов стопали,
Не наши озера волною вскипали, —
На вражьей земле самураи легли...
Прочь руки от нашей священной земли!
Вам нашего яркого солнца не видеть,
Вам нашего лунного света не видеть,
Кровавой рукою не трогать листья,
Поганой ногой не касаться травы.
Джамбул далеко от приморья живет,
Но песня Джамбула с бойцами живет:
Она с пограничником ходит в дозоре
Под небом лучистым, на суше, на море.
Слова моей песни остры, как клинок,
Лети, моя песня, на Дальний Восток,
Будь другом сердечным бойцу, командиру,
Стоящим на страже Совета и мира.
Будь пулей смертельной для вражьих
отрядов.
Сражайся с бойцом, с пограничником рядом...
...Герои-бойцы высоты Заозерной,
Она вместе с вами шагала упорно,
Она, как Пожарский, бесстрашно и смело

Звала в наступленье, снарядом летела.
Сове не взлететь до вершины высокой,
Не прыгнуть и льву до луны светлоокой,
Никто не скует океан необъятный, —
То — сила народа,
То — наши орлята!...
О родина счастья и лунного неба,
О родина солнца, заводов и хлеба,
О родина дружбы, сильна ты,
Стоишь ты над миром, как Эльбрус зубчатый.
Ты вылита точно из огненной стали,
Твой мозг — это вечно недремлющий
Сталин.

Героями вырастил внуков мне Сталин,
Зоркими вырастил внуков мне Сталин.
У Сталина шашка, как мысль, остра.
Тулпары его обгоняют ветра.
Копье у него, словно искра, сияет,
Гранитные горы, как воздух, пронзает.
Он крепок и юн, как чинара густая,
Он солнечно ясен, как степь золотая,
Он крепости создал у наших границ.
Послал сторожить их всевидящих птиц.
И наши границы броней одеты.
Орлы сокрушили японских джандетов, —
У наших бойцов ураганный огонь,
И нашу священную землю не тронь!
Герои-джигиты, вы — Сталина дети,
Вам песня Джамбула, вам слава столетий...
Вы с именем Сталина шли побеждать,
За Сталина друга, за родину-мать.

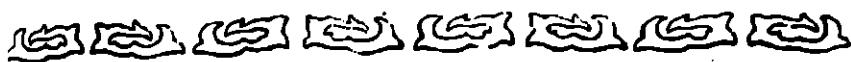
1938 г

РОДИНА РАДОСТИ

ветет моих солнечных песен страна,
И пасмурный мир освещает она.
Расцвел умиравший чинар-великан,
Расцвел засыхавший красавец-тюльпан.
Потоком, что в бурю сорвался с горы,
Ударили струны столетней домбры.
И песню свою из аула в аул,
Как радость победы, приносит Джамбул.
В богатстве, обилье и славе живет
Могучий великий советский народ.
Навеки союз нерушимый скреплен
И дружбой народов и братством племен.
На всех языках мы поем об одном —
О Сталине мудром, великом, родном.
С горячею песней столетний Джамбул,
Как сокол на взлете, крылами взмахнул.
И восемь ладов на двухструнной домбре
Запели о родине, об Октябре.
Прислушайтесь, степи, прислушайтесь, горы,
Прислушайтесь, реки, моря и озера,
Прислушайтесь к песне, вершины Алтая,
Прислушайтесь в песне орлы, пролетая,
Прислушайтесь, Каспий и вольный Арал,
Прислушайтесь все кто о счастье мечтал!
То счастье наше, как струны домбре,
Батыры веков принесли в Октябре.
Батыры народов, батыры земли —
Нам Ленин и Сталин его принесли.
Их разум, их воля весь мир обновили,
На песни народы они вдохновили.

Жигитом я стал. Я иду, молодой,
На всенародный ликующий той.
Жигитом я стал. Я иду и пою
Родине радости песню свою.
Родине золото льется из гор,
Родине степь сыр-дарьинский ковер
Солнечным утром в подарок несет,
Родине строит мой внук самолет,
Родине песни слагают аулы,
Эмба горячую грудь распахнула;
Риддер, Балхаш, Карсакпай, Коунрап,
Недр богатейших невиданный клад,
Что для народа в веках берегли,
Родине сталинской в дар принесли.

Взвейтесь октябрьскою песней знамена!
Идет по земле молодой, обновленной
Народ мой великий, народ возрожденный,
Суровой зимы и безрадостных дней
Не будет на светлой отчизне моей.
Но если грозою повеет война,
Готова к борьбе молодая страна.
В последний победный решительный бой
Ее на врагов поведет за собой
Отец нашей радости — Сталин родной.

Ноябрь 1938 г.

Я НАРОДУ СЛУЖУ

Старые руки, возьмите домбру,
Солнце пригрело сегодня к добру..
Внимай моей песне, гора Май-Тюбе,
Песня поется сегодня тебе;
Песня расскажет о прошлой судьбе,
Песня расскажет о тысячах ран,
Песня не лжет, как мулла иль коран,
Песня народную правду хранит,
Песня тверда, точно горный гранит.
Внимай моей песне, гора Май-Тюбе,
Скоро сто лет, как пою я тебе,
Скоро сто лет, как друг друга мы знаем,
Думы и мысли свои поверяем..
В годы кровавые жил Чингис-хан.
Битвы, набеги, разграбленный стан..
Сколько голов накололи на пяки!
Ой, Май-Тюбе! О народ мой великий,
Это тебя сек камчей хап-тюре.
Это тебя угнетал бай-тюре,
Это, тебя и твой скот убивая,
Шли со знаменами толпы Аблай.
Это в степи, наживаясь в войне,
Ехал душить тебя злой хап Кене,
Ехал он страшный на странном копе..
Ой, Май-Тюбе, ты, запрятав свой гнев,
Молча смотрела... Народ не смолчал.
Народ приподнялся, народ закричал,
Взял хана Кене он могучей рукою,
Сек хана Кене он его же камчею,
Тело его не засыпал землею.

Ой, Май-Тюбе, ты грустить не хотела,
Ты не сокрыла поганое тело.
В прошлое вновь обращаю свой взор.
Что я там видел? Изгнание, позор,
Бедный народ в подчинении у ханов,
Которых клеймить никогда не устану.
Народ отделяли от ханов высоты:
У ханов стада, у народа заботы...
Ой, Май-Тюбе, и у склонов твоих
Видел я нищих, голодных одних.
Видел: ручьи Ала-Тау мутнели,
Черными делались стройные ели,
С криком верблюды брели по ночам,
Рыскали царские псы по степям.
Ой, Май-Тюбе, ты стонала: — «Я стыну!»
Снегом твою запорошило спину,
Льдом заковало крутую вершину,
Ханы и царь заковали народ,
Спрятался в нору растерянный крот.
Внимай моей песне, гора Май-Тюбе,
Новую песню спою я тебе.
Грозные ветры над миром летали,
Вершину твою от льдов расковали,
Молодость, силу мне вечную дали,
Солнца лучи надо мною заблистали.
Стал я могуч, как чинара густая,
Песня из уст полилась золотая
От гор Ала-Тау до склонов Алтая.
Руки на домбре играть не устали,
Слово свое отливаю из стали, —
Выковал сердце мне страстное Сталин,
Молодость дал мне заботливый Сталин!
Внимай моей песне, гора Май-Тюбе,
Многие думы скажу я тебе.
Стар был Джамбул, его песнь не старела,
Громким призывом над степью гремела,
Словом участия будила народ, —
Слово мое лишь с народом живет.
Сталин великий Джамбулу сказал:

— Правду большую ты в песне сказал,
Грозным набатом твой голос звучал,
Юный степной аксакал.

Жил ты с народом, народу служил,
Народ твои песни, Джембул, полюбил.
Служи же народу. Все в мире пройдет,
Но вечен народ, никогда не умрет!...

Ой, Май-Тюбе, я народу служу,
Дружбой, любовью его дорожу,
Вместе с народом дорогой побед
Шагает столетний поэт.

Вместе с великим советским народом
Строит он школы, каналы, заводы,
Разводит сады, на границе стоит,
Труд создающий песней хранит.
Акыну Джембулу народ доверяет,
В Верховный Совет он меня избирает...

Ты дожил, Джембул, до великого дня,
Седлайте, жигиты, Джембулу коня,
Поеду я к Сталину вместе с домброю,
По струнам ударю умелой рукою.

И скажет Джембул:— Да, бессмертен народ.
Но вместе с народом бессмертен и тот,
Кто к светлым победам народы ведет.

1938 г.

СЛУГА НАРОДА

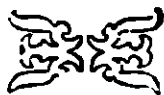

в пропасти вырос, я к бурям привык,
И был я несчастнейший в мире старик.
Улыбок не видел и счастья не знал,
И вместе с народом и рос и стонал.
А свора шакалов, тарантулов, змей,
Алашординцев, султанов, царей,
Пируя на старости горькой моей,
Жалила душу мою, обжигала,
Кровь моих песен сердечных сосала.
Глох, как обвалом забитый родник,
Самый несчастнейший в мире старик.
Я прожил столетье, я к бурям привык,
И ныне я самый счастливый старик:
Мне молодость Ленин и Сталин вернули,
Живу я в счастливом колхозном ауле,
И любит меня молодая страна,
Блестят на груди у певца ордена,
Колхозная юрта моя широка,
Я был стариком, — не узнать старика.
Душа, как обмытая луна,
Песней цветет, и свежа, и юна.
В юрте волшебны растут у меня
Могучие духом мои сыновья.
Гонцы из привольных цветущих стеней
Слетались орлятами к юрте моей.
Они мне сказали: — Ты сердцем богат,
Ты песней народа, как беркут, крылат,
В народе ты вырос, с народом ты жил,
Ты песнею правды народу служил.
Вылаелем Сталиным, гордый акын,

Так будь же в совете великих старшин.
Столетнее сердце прибоем кипит,
Столетнее сердце поет, говорит.
Звените, мои звонкопевные струны,
Я славлю страны моей светлую юность,
Я славлю счастливую старость свою,
Народу я верную песню пою.
Ленина образ передо мной,
Ленин великий всюду со мной.
Со Сталиным, с песней привольно живет,
В Сталине сердце Ленина бьется,
Народа любовь для меня дорога,
Народу я верный певец и слуга.
Учил меня Ленин бороться и жить, —
Я буду, как Ленин, народу служить,
Как Сталин, я песни и жизнь свою,
Народ мой великий, тебе отдаю.

1938 г.

ПЕСНЯ ПОБЕДЫ

*Речь на II съезде КП(б) Казахстана
10 июля 1938 г.*

Привет вам, мои дорогие сыны,
Носители славы великой страны,
Огни золотые любимых степей,
Вы — сила и молодость песни моей,
Цветы моей светлой, счастливой земли,
Пришел с вами радость свою разделить,
Пришел свою песню я вам подарить.
Вы думой о счастье народном полны,
Вы словом и делом народу верны.
Народ вам приносит с напевом струны
Привет и любовь, дорогие сыны!
Народ, как утес Ала-Тау, могуч,
Народ, как прибой океана, могуч.
Народная мудрость яснее зари.
Народная сила, как солнце, горит.
Народная песня, как беркут, парит.
Сыны у народа сильнее орла —
Им родина силу батыров дала,
А дочери, серны стройней и вольней,
Подобны волшебной июньской луне?

Врагам Ала-Тау не сокрушить,
Врагам океаны не иссушить,
Врагам наши зори не затемнить,
Врагам наше солнце не потушить,
Врагам наши песни не заглушить,
Врагам нашу юность не задушить,
Рабами не сделать родных сыновей!
И радость у наших не взять дочерей!
Шпионы оделись в народный чапан,
Шпионы: Исаев и Мирзоян.

Шпионы хотели продать Казахстан.
Седой Ала-Тау скалу повалил,
Троцкистскую гадину он раздавил, —
Разбил океан о свои берега
Смоленную кровью лодченку врага.
Горячее солнце пожаром взошло,
Осиные гнезда спалило, сожгло.
И, нечисть сметая с любимой земли,
Мои сыновья молодые пришли,
В них радость и счастье, и сила
народа.

Пришли сыновья на поля, на заводы,
В забоях и шахтах их сила кипит,
И на границах их сердце не спит.
Их партия любит, их Сталин ведет,
Их Родина к новым победам зовет.
Я вижу, земля перед нами цветет,
И нефть золотыми фонтанами бьет,
Срывая гнилые дувалы врага.
Я вижу, идет, как под солнцем шута.
Из недр Алтая поток золотой,
Направленный верной и крепкой рукой,
В нас сила бушует, в нас кровь
горяча!

Любимая родина! На, получай!
И песню, и преданность наших
сердец,

И уголь, и хлопок, и медь, и свинец.
Зову я душой и напевом струны:
Смелее вперед, молодые сыны!
Чем больше в походах, тем крепче
нога, —

Смелее вперед, не щадите врага!
Как пламя, горите во славу страны,
Народа родные сыны!
Чтоб ярче наш радостный сад зеленел,
Чтоб голос победы повсюду звенел,
Чтоб в первых рядах большевистского
станэ

Шагали большевики Казахстана.
Нас буря не сломит, гроза не собьет,
Нас Сталин великий к победам ведет!

(Бурные, долго не смолкающие аплодисменты, переходящие в овацию. Съезд стоя приветствует славного народного певца. Несутся возгласы: «Да здравствует великий Сталин!». «Да здравствует певец казахского народа Джамбул!»).

РЕЧЬ ДЕПУТАТА ДЖАМБУЛА ДЖАБАЕВА

*при открытии первой сессии
Верховного Совета Казахской ССР*

Сердце акына, как сокол, взлетает,
Любимой домброю своей открывает
Под гимн победы, под радостный гул
Народный парламент столетний Джамбул.
Под сталинским солнцем и старости нет,
С душою жигита столетний поэт,
Счастливой эпохи счастливый ровесник,
Проносит горячие юные песни.
Дорогу мне Ленин родной озарил,
Народ мой доверье свое подарил,
А Сталин взлелеял с заботой отца
И жизнь и песни степного певца.

Прошли, как туманы, бесправные годы.
Мне душу в степях леденили они;
Я жил в окружении стаи волков,
Я слышал скрипение волчьих клыков.
Я видел их страшный кровавый оскал,
В народе родном я спасенья искал,
С народом скитался и черной порой,
С народом и с верной подругой — домброй.
Мне зноем усталую спину сожгло,
Мне время голодное скулы спело,
На кляче исхлестанной сладок ли путь?
Семьдесят лет я не мог отдохнуть,
Семьдесят лет я мечты свои нес
Через горькое озеро слез.
Был мой народ в эту черную пору,
Как юрта, что в бурю стоит без опоры.

А байская свора, взобравшись на гору,
Глушила камнями, давила обвалом
И травы, и реки, и солнце украла.

Страна моя силой героев полна.
На сотни столетий, на все времена
Сильна и врагу недоступна она,
А враг не добит, он бессилен, но лют,
То бродит вокруг, как паршивый верблюд,
То из расщелин летит, то из нор,
Как серая моль на цветочный ковер.
Врагу на советской земле не бывать!
Бескрылой вороне орлом не летать!
А если метели повеют войной,
Мы выйдем могучей гранитной стеной —
От пионера до старика —
За родину нашу с винтовкой в руках!
В бой поведет нашу грозную силу
Маршал народа батыр Ворошилов!

Счастье и радость народам земли
Ленин и Сталин с собой принесли.
Черные дни не вернутся назад.
Народ мой великий! Я — твой депутат,
С тобою иду я и молод и рад.
И жизнь обильем колхозным богата,
И солнце родное не знает заката,
И травы ковром каскеленским цветут,
И реки жемчужные волны несут...

В пустыне, где с голоду чахли стада,
Годились советские города,
Готовые встретить незваных «гостей»
Могучею силой своих крепостей.
В пустыне, где смертью кончались дни,
Звенит жизнедарный кипучий родник,
Стремлений народных, желаний и дум.
В нем — Ленина сила, в нем — Сталина ум.
Народ, изнуренный веками в песках, —

Бессмертье испил из того родника.
Над миром наш сокол победы парит,
Над миром советское солнце горит...
Я славлю счастливые светлые годы,
Я славлю великую дружбу народов,
Я родину славлю, ей песня моя,
Ей жизнь моя до последнего дня!
Я славлю великое братство племен
И сталинский солнечный мудрый закон!
Мы счастья ключи не упустим из рук,
Я знаю и верю: мой радостный внук.
В халат из цветов и из славы одетый,
Откроет парламент народов планеты,
Который поднимет над всеми веками,
Над полюсами, над материками,
Как песню, как сердца бессмертное пламя.
Ленина знамя, Сталина знамя!

1938 г.

Джамбул с академиком Б. А. Келлером на колхозном поле

(Рисунок художника Б. А. Черкашина)

УЧЕНОМУ БРАТУ

С приездом, дорогой ученый брат,
Тебя в родном ауле встретить рад.
Послушай, что споет домбра моя:
— Наука с песней — вечные друзья,
Несут плоды своих больших сердец
Народу академик и певец.

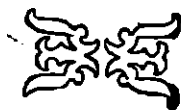
Взгляни, мой брат, как жизнь весела,
Как наша степь родная расцвела,
И песня, что печальною была,
Ручьем весенним звонко потекла.
А помню я другие времена —
Здесь враждовали наши племена,
Здесь кровью степь была напоена,
Здесь из колодцев, что в песках стоят,
Не воду пили мы, — смертельный яд.
Свивались в кольца змен на груди,
Тропа рабов осталась позади.
Взгляни, мой брат, как жизнь хороша.
Послушай, как поет моя душа.
И песни ярче утренней зари
Отцу родному — Сталину дарит.
Изъездил в прошлом много я дорог,
Искал друзей, но их найти не мог,
Со Сталиным нашлись у меня
По всей стране могучие друзья!
Приехал ты ко мне издалека,
В моей руке лежит твоя рука,
Тебя встречает песнею домбра,
Джамбулу ты и друг, и кровный брат.

Я рад тебе, и я тобою горд.
В стране у нас ученый выше гор.
Почетом жизнь его окружена,
Свою любовь дарит ему страна!

В Москву вернувшись, побывай в Кремле,
Там самое родное на земле,
Там Сталин мой! В семье орлиной с ним
Калинин, Молотов, бесстрашный Клим.
Им передай поклон от старика,
Скажи, что у меня рука крепка.
Скажи, что у меня остры глаза.
Скажи, что в час, когда придет гроза,
Я, как жигит, со всей страной
По зову Сталина пойду в горячий бой.
Готовый жизнь за родину отдать,
Врагов я буду песнями сражать!

1938 г.

ДОЧЕРЯМ МОЕЙ РОДИНЫ

Есть в мире глухие и темные страны, —
Я песни слагать о тех странах не стану,
Там негде цветку распуститься весной,
Там негде свистеть соловью под луной,
Там радости нет и любви золотой,
И нет там героев с крылатой душой,
Там нет дочерей, как у нас, неустанных:
О странах тех песни слагать я не стану.

Там радость забыли, не знают свободы,
Там в тюрьмах томятся питомцы народа.
И в странах таких и цветов не растет,
Там черная сила все рушит и бьет...
Как травы сухие над степью несет,
Так в странах таких умерщвляют народ.
Я знаю одну лишь страну молодую,
Ее я ласкаю и песней целую.

Я с гордостью имя ее называю, —
То Родина наша, большая, без края,
Где Сталин, как солнце, ласкает народ,
Где силы земли покоряет народ,
Где славных героев лелеет народ,
Где дружба и братство и счастье живет,
Где дочери в небе орлами летают
И небо, и море, и даль покоряют.

Мы сами хозяева водных просторов,
Мы любим поля свои, реки и горы.
Мы — новые люди, сыны Октября,

И новые звезды над нами горят, —
И новые песни играет домбра,
И песни Джамбула разносят ветра...
Лети, моя песня, над Родиной звонко,
Ликуй на параде, баюкай ребенка.

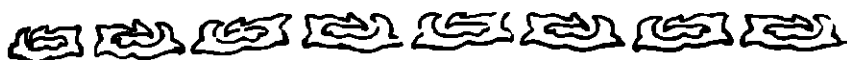
Сегодня я песню о солнце слагаю, —
То Сталин, — много я солнца не знаю...
Взлетай, моя песнь, над зубцами Кремля, —
Там сердце свое водрузила земля,
Там сила народа и юность моя,
Там слава героев и мудрость вождя,
Там знамя свободы ветра развевают,
Там звезды, как светочи счастья, сияют.

И много сынов, дочерей у Джамбула,
Их доблесть и мужество всех всколыхнуло...
О, дочери родины, ваш самолет,
Джамбул его «Родиной» в песне зовет,
Недавно свершил беспремерный полет,
А завтра, быть может, опять поведет
Рука ваша смелая в новые дали, —
Вы сердцем сильны и душой не устали.

Вас Родина ценит, лелеет вас Сталин.
Вы с именем Сталина к небу взлетели,
Вы с именем Сталина взлетите опять
Природу суровую вновь покорять,
А если случится врагов разметать, —
Вы будете грозной стрелою летать...
Да здравствуют дочери — слава народа!
Да здравствует Сталин — солнце народа!

1933 г.

КОМСОМОЛУ

измученным сердцем в забытом краю
Я встретил печальную юность свою.
Я света не видел, удачи не знал,
О счастье, о радости только мечтал.
Всю землю свою я пешком обошел,
Но доли счастливой нигде не нашел,
Не мог я укрыться, уйти от нужды
До белых волос, до седой бороды.
И грустно звенела родная домбра,
Пока не настала иная пора.
Пока не зажглась молодая заря
Великих и славных побед Октября.

Зажег ее Ленин, зажег ее Сталин,
И светлые дни для народа настали,
И птицы поют у меня под окном,
И птиц я кормлю золотистым
зерном.

И счастье, как птица, в руках у меня.
И сердце полно молодого огня.
И я, окрыленный и сильный, пою,
Я песнями родину славлю свою.

Я соколом смелым взлетел в вышину
И вижу счастливую нашу страну.
Я вижу: моя обновилась земля,
Бушуют сады, расцветают поля.
Куда ни поедешь, куда ни пойдешь,
Как звезды, сияет моя молодежь.
Все внуки мои и мои сыновья, —
Большая моя, молодая семья.

Счастливого имя страна ей дала, —
Страна комсомолом ее назвала.

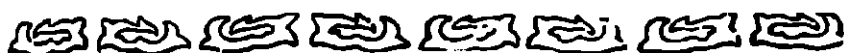
Когда комсомольцы дерутся в боях, —
Травую подкошенной падает враг.
Врага комсомольцы всюду громят,
Как гордая стая бесстрашных орлят.
Их Сталин заботливо всех воспитал,
Им Сталин и силу, и мужество дал.

Хоть стар я, хоть прожил большие года,
Но молодо сердце мое навсегда.
Лишь только рукой проведу по струне, —
Итти с комсомольцами хочется мне,
Я старость свою забываю тогда.

Хоть стар я, но песня моя молода.
И песня о родине светлой моей
Сплетается с хором моих сыновей,
Сплетается с хором моих дочерей
И громом грохочет в просторах полей.

У вас, комсомольцы, горячая кровь,
Вы носите в сердце великую новь.
На вас я смотрю, и о вас я пою,
И лучшие чувства я вам отдаю.
Вы все родились на глазах у меня,
Вы все поднялись на глазах у меня,
Вы прожили двадцать сверкающих лет
В стране героических славных побед.
В горячих боях и в горячем труде
Вы первыми были всегда и везде.

Все двери пред вами раскрыла страна,
И ваша дорога светла и ясна.
И я говорю в этот радостный час,
Что нету на свете счастливее вас,
Что нету счастливей нигде матерей,
Что нету богаче и шире полей,
Что нету привольней озер и морей,
Чем в радостной, ясной отчизне моей.

Высокое солнце над родиной встало, —
Зажег его Ленин, зажег его Сталин;
Их мудрая воля нам счастье дала
И к новым победам вперед повела;
Мы с нею заводы и фабрики строим,
И пашем, и сеем, и золото роем,
Мы с нею под звезды ведем самолеты,
Мы с ней побеждаем леса и болота,
Мы с нею полярные льды покоряем,
Мы с нею врага навсегда прогоняем
От наших высот, от заводов и сел,
И с нею идет боевой комсомол!

И если враги, замышляя войну,
Опять нападут на родную страну, —
В бою мы покажем такую отвагу,
Что подлые недруги камнями лягут!
Об этой победе я гордо пою,
Пою, забывая про старость свою.
Хоть стар я, но в бой на заклятых врагов
Итти с комсомольцами вместе готов!

Октябрь, 1938 г

ЗДОРОВЬЕ НАРОДА

Народные думы, живущие в слове,
Взвиваются стаей крылатых пословиц.
И нет им границ, и нет им числа,
Одну из них память моя сберегла,
Одну из них память моя воскресила.
В ней мудрость народная говорила:
Богатство не в золоте, добытом кровью,
Богатство и сила народа — здоровье.

Как злое виденье, встают из тумана
Страницы облитого кровью замана:
По хижинам нашим чума проходила.
Да бритвою смерти аулы косила,
И оспа печатью позорного века
Ложилась на смуглом лице человека.
Под дикий шакалий полуночный лай
Купался в народной крови Николай,
Презренный палач, всех зараз воевода,
Укравший здоровье и вольность народа.

В сияющий сталинским солнцем заман
Народ мой свободен, как вольный арстан
Он всюду, заботливый Сталин родной, —
И в городе шумном, и в юрте степной,
Он сердцем отца с теплотой и любовью
Проносит заботы о нашем здоровье,
Чтоб дочери родины были стройны,
Чтоб были сыны у отчизны сильны,
Чтоб в каждом кипела прибоем волны
Могучая сила советской страны.

Примите, ученые, песню привета,
Сердечную песню степного поэта.
Здоровье народа дороже всего,
Богатства земли не заменят его,
Здоровье не купит никто, не продаст,
Его берегите, как сердце, как глаз,
Храните его и заботьтесь о нем,
Великая честь быть советским врачом.

Декабрь, 1938 г.

МАСТЕРАМ ЖИВОТНОВОДСТВА

Дружно собрался на радостный слет
Высокоплечий мой сильный народ.
Шагом он смелым расколет и камни,
Крыльями смелыми к солнцу взмахнет,
Взором орлиным увидит лисицу.
Крепкие руки. Веселые лица.
И молодые, и старики
Съехались в солнечную столицу.
Взору Джамбула их сила видна,
С высью сравнялась у них низина.
Выросли ростом своим небывалым,
Радостны, как молодая луна.
Счастьем гордятся народа сыны.
Выращены в вольных степях скакуны,
Могут скакать от утра до утра,
Львиные гривы взметнув на ветрах.
Груды упруги и узды крепки —
Это колхозные аргамаки,
Это колхозные табуны,
Кровью текинской кипят скакуны...
Народ мой — хозяин свободной степи.
Обилием дышат колхозы мои.
Корову колхозная холит рука,
Корова колхозная высока.
Рогами заденет она облака,
А вымя, касающееся земли,
Клопочет фонтанами молока...
Душистого сена скирды высоки,
Бараны идут, опустив курдюки,
До самой земли опустив курдюки.

Резвятся в долинах гурты жеребят
И шелковокудрых степных верблюжат.
Наров горбы поднялись в небеса,
Головы — гнушаяся коса,
Глаза их, яснее звезды, горят...
О нарах колхозных в Москве говорят.
Русский, казах, и уйгур, и якут
Дружной семьею колхозной живут.
Край их цветущий шелками одет,
Жентом накормлен и в песнях воспет.
Перед обильем советской страны,
Родины радости, песен, весны;
Все, покоряясь, преклонены.
Кто это счастье нам дал навсегда?
Дал нам богатство полей и стада?
Сыном народа великим оно —
Солнечным Сталиным счастье дано.
Старый Джамбул ему песню поет,
Песенный дар он народу несет.
Слушайте, степи родные, меня,
Вы, молодые мои сыновья,
Вы, уважаемые старики,
Будьте в труде, как Стаханов, крепки.
Чтобы, как звезды вокруг луны,
Были бесчисленны табуны,
Наши колхозные табуны.
Чтобы джайляу советской страны
Были повсюду гуртами полны.
Партия к новым победам зовет,
Партия к новым победам ведет.
Партии мы свою клятву дадим,
Партии силы свои отдадим,
Чтобы росла наша мощь неустанно
В неисчислимых стадах Казахстана,
Чтобы повсюду знали о нас,
Чтобы повсюду слава неслась.
Лучшие в мире верблюды у нас,
Лучшие в мире коровы у нас,
Лучшие в мире овцы у нас,

Лучшие в мире кони у нас,
Лучшие в мире травы и воды,
Лучшие в мире животноводы, —
Наши колхозные животноводы.
В эпоху, которая счастьем щедра,
Я с вами, друзья. Молодая домбра
Для вас свою песню поет с высоты
Взлелеянной сердцем поэта мечты.

1938 г.

МОИ ТУЛПАР.

пина у Джамбула от горя сгибалась,
Дорога Джамбула в песках начиналась,
Где он ни пройти, ни проехать не мог...
Мне Сталин костер на распутье зажег, —
Я выехал к стану счастливых отар.
Лети же вперед, мой крылатый тулпар,
Быстрее ветров ты, дороже сокровищ,
Тебя в Казахстан мне привел Каганович:
Тебя мне родная страна привела
И в руку узду золотую дала.
В пески и барханы пришли поезда,
Где были аулы — шумят города,
А где караваны пройти не могли, —
Стальные подковы тулпара легли.
Турксиба, как бури, боятся враги,
Турксиб, он ускорил Джамбула шаги,
В Кремле, как хозяин, Джамбул бывал,
Сталин любимый Джамбула встречал,
И там, где окончились судьбы царей,
Джамбул, как хозяин, играл на домбре.
О ветры степные, гонцами летите,
Вы песню Джамбула на крыльях несите:
Для песен великой советской земли
По шару земному пути пролегли.
Я еду жигитом, не зная про старость,
Я славлю горячую скорость тулпара,
Я свежую пищу тулпару принес,
Я сыплю ему, как струистый овес,
Под мерную, плавную песню колес, —
И уголь красавицы Караганды,

И думы, что родиной светлой горды.
На этом тулпаре я в Кремль летел,
Я Сталину песни народные пел,
Я повод тулпара, как счастье, держал,
И Сталин за песни мне руки пожал.
По шару земному пути пролегли
Тулпару могучей советской земли,
И нет остановок и нет тупиков
Для наших сынов и для нас, стариков.

1938г.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ СТАЛИН!

Он бедным богатства несметные дал,
Он бедных к владыкам земли приравнял,
Он плакавшим радость и счастье послал,
Он слезы народные остановил,
Он в бегство презренных врагов обратил,
Он — самый родной на земле человек.
Он в думах моих золотой бай-терек,
Раскинувший гордо над зноем, над стужей
Могучие ветви из чистых жемчужин.
Рожденный народом, он мудро ведет
Дорогою солнца любимый народ.
Сильнее его моя память не знает,
Он правды лучами весь мир озаряет.
Мы раньше верблюжьими тропами шли.
А с ним нам от края до края земли
Открыты дороги, открыты просторы.
Что было далеким, — становится скорым.
В Москве я встречаю торжественный той
Страны моей ясной, страны молодой.
Мы в день этот приняли счастья закон,
Сталинский мудрый великий закон.
Спасибо, мой Сталин, спасибо, отец,
Спасибо тебе от народных сердец.
Сражаешь ты острою саблей своей
Врагов моей родины, гадин и змей,
Копье твоей правды, рожденной вскаки,
Народною силой пронзает и камень.
Да здравствует Сталин, развеявший тьму!
Да здравствует Сталин! Спасибо ему!

Декабрь, 1938 г.

Я ПЕСНЮ ПОЮ В ЛУЧЕЗАРНОМ КРЕМЛЕ

Как с братом, я встретился снова с тобой,
Любимый народом Калинин родной!
Ко мне Каганович тулпара послал,
Джамбул на тулпаре в Москву прискакал.
И песню запел в лучезарном Кремле.
Пусть песня моя пролетит по земле.
Я солнечный родины дар принимаю,
Я Ленина орден к груди прижимаю, —
Священный подарок любимой страны.
Пусть песня до солнца дойдет, до луны.
Сверкая, как их золотые лучи,
Пусть радостью каждое сердце стучит!
Я прожил столетье, я веку ровесник,
Я вместе с народом пою свои песни
О сталинской правде, что счастье дала
Степям, вымиравшим от рабства и зла;
О сталинской правде, чья верная сила
И песни, и юность мои воскресила,
О светлой, как солнце во время восхода,
Немеркнувшей сталинской дружбе народов,
О сталинском слове, что в море не тонет,
О сталинском солнечном мудром законе,
В котором за каждою буквой леги
Мечты и надежды народов земли,
В котором за каждою буквой встает
Бессмертный, великий советский народ.
Я песню пою в лучезарном Кремле,
Пусть клятвою песня летит по земле.
Пока над вселенною солнце горит,

Пока моя сила, как море, кипит,
Пока мое сердце, как беркут, парит, —
Я песни свои не устану слагать
Тебе, моя светлая родина-мать,
Тебе моих радостных дум вдохновитель, —
Мой Сталин великий, отец и учитель!

Декабрь, 1938 г

ПЕСНЯ О ВЫПОЛНЕННОЙ КЛЯТВЕ

ветлому Ленину песню свою
Самую сладкую песню я лью.
Солнечный облик его вспоминаю,
Слово лучистое я подбираю,
Слово, рожденное вместе с вождем,
И сбереженное в сердце моем.
Песня жемчужине яркой равна,
Поднятой в море с глубокого дна.
Вождь мой, тебе запекает струна,
Облик твой — зарево, взор твой —
луна;

Ты пред глазами моими стоишь,
Ты, как гора золотая, горишь,
Тьму и туманы с земли разгоняя,
Светом немеркнущим мир озаряя.
Разве мы видели солнца восход?
Нет, мы не видели солнца восход!
Ленин родился, и стало светло,
Ленин родился, — и солнце взошло.
Разве мы видели в небе луну?
Нет, мы не видели в небе луну.
Ленин родился, свежа и нежна,
Вышла над степью большая луна.
Разве мы знали, как розы цветут?
Ленин родился на счастье земли,
С Лениным розы в степях зацвели.
Разве мы жили когда без печали?
С ней мы рождались, с ней умирали.
Ленин родился, — печаль умерла,
Ленин родился, — и радость пришла.

Ленин — отец моих песен степных,
Солнца теплей ты, светлее луны,
Славной эпохи батыр-великан.
Горд Ала-Тау, гора высока,
Ленин, ты выше ее, ты горишь
Светом моей предрассветной зари.
Ехал в Москву я тебя повидать,
Ехал обнять тебя, поцеловать,
К сердцу столетнему крепко прижать.
Был в мавзолее я, долго стоял,
Взгляда, мой Ленин, с тебя не спускал,
Песню губами беззвучно шептал,
Ты предо мною бессмертный лежал.
Я, вождь мой, улыбку твою увидал,
Она озаряла родное чело.
Она излучала любовь и тепло.
Мне в эту минуту казалось, что вдруг
Расплавился мрамор холодный вокруг.
Я знаю, свидетель мне — прожитый век, —
Не умер ты. Есть на земле человек,
Умом и величием равный тебе:
Он — гордый орел, закаленный в борьбе,
Тебе свою клятву он вечную дал,
И клятву великую свято сдержал.
Ты завещал нам в суровые дни
Звание и честь коммуниста хранить.
Сталин поклялся, и клятва живет,
Партию любит, ей верит народ.
Ты завещал нам в суровые дни
Дружбу, единую силу хранить.
Сталин поклялся, и клятве верны
Люди могучей советской страны.
Ты завещал нам в суровые дни
Власть пролетарскую свято хранить.
Сталин поклялся, и клятва живет.
Власть пролетарскую враг не сойдет.
Ты завещал нам в суровые дни
Родину нашу крепить и хранить.
Сталин поклялся, и клятва живет.

Родина наша, как солнце, встает.
Родина наша, отчизна моя,
Сталью одета, готова к боям.
Сталин орлиную клятву давал,
Сталин орлиную клятву сдержал.
Сталин весь мир за собою ведет,
В Сталине Ленин бессмертный живет.
Радостен день мой, и льется рекой,
Блистая под солнцем, поток золотой.
Дорогой цветов моя юность шагает,
И вечное солнце над нами сияет.
Мне Ленин любимый, мне солнечный Сталин
И сердце, и жизнь, и дыхание дали.
За это с бушующей страстью поэта
Сердечная песня Джамбулом пропета!

1939 г.

БАТЫРЫ НАШЕЙ ЭПОХИ

Народ мой не раз по земле кочевал,
Немало батыров народ мой видал.
Батыры в горах разжигали костры,
Батыры в степях разбивали шатры,
Батыры с булатом и пилой стальной
Бросались, как тигры могучие, в бой.
Их слава рождалась в пожаре восстаний.
Я слышал о храбре Рустеме Дастане,
Я слышал о гордом, как лев, Утегене,
О Суранши, что не знал поражений.
Я видел Саврука в железной кольчуге.
Набеги Саврука — смертельные выюги.
Он след выстилал из султанских костей,
Из камня разбитых в боях крепостей.

Батыры за счастье с дружинами шли,
Но счастье народу добыть не могли.
В руках холодеющих пики сжимали,
С мечтами несбывшимися умирали.
В курганах схоронены их стремена.
В далекие, горькие те времена,
Как стоны глухие, в тоске и печали
Напевы Джамбула в песках умирали.

Из стали рождается гневный булат.
Рожденный ручьями гремит водопад.
Из тропки большая дорога растет,
Зарю восходящую свет создает,
Героев рождает могучий народ.
Запой, мое сердце, двухструнной домброю.

Запой, мое сердце, о смелых героях!
Родились они, как степная поэма,
Батыры с могучею силой Рустема,
С душой Утегена, с мечом Исатая.
Как беркуты, к солнцу на крыльях
взлетая,

Они поднимали народ за собой,
Рожденные в бурях, зовущие в бой.
От грома утесы и горы немели,
Как молния в небе, клинки заблестели,
Готовые грозною силой удара
В бою разрубить непокорного хана.
Как сила столетий, бессмертные встали
Батыры народные Ленин и Сталин.
Шли с ними жигиты на аргамаках
И красное знамя, как сердце в руках,
Священное красное знамя держали,
Цари и султаны от страха дрожали.
Могучи удары батырской руки:
Змеинные головы сняли клинки.
В октябрьские грозы, в бушующий год
Встречал возрожденный, свободный народ
Весны своей утро и славы восход.

С тех пор мои степи и доли цветут,
Акыны сердечные песни поют.
От недругов солнечной нашей земли
Мы крепость стальную свою возвели.
Она, как утес неприступный, стоит,
Она, как маяк в поднебесье, горит
И труд наш спокойный и песни хранит.
Батыр мой бесстрашен и непобедим,
Нет силы на свете, чтоб мерялись с ним.
Он горы в бушующем гневe свершет,
Он стойбища вражьи, как буря, сомнет.
На танках он лесом пройдет и рекою,
Красноармеец — батыр молодой.
И полчища волчьи его не страшат,
Как с грохотом падает с гор водопад.

Обрушит он грозные силы свои,
Чтобы враг захлебнулся в своей же крови.
Весь мир затихает, и слушает мир:
Присягу народу приносит батыр.
Могучей душой, как орел, он высок.
Он в пламенной клятве целует клинок.
Готов он в пожарах грядущей войны
Бороться во славу любимой страны.
Готов свою кровь он по капле отдать
За счастье народа, за родину-мать.
И сдержит он клятву, покажет он силу,
Когда на врага позовет Ворошилов.
Клинки заблестят, застрочат пулеметы,
Поднимутся в небо орлы-самолеты,
Пойдут бомбовозы в густых облаках
И конница хлынет на аргамаках;
Ее поведет на ветрах закаленный,
Прославленный маршал жигитов
Буденный.

Врагу не бывать в моих светлых долинах,
Змее не бывать на орлиных вершинах.
Батыры народа присягу дают,
Батыры народа, как честь, берегут
Народное счастье и радостный труд,
Колхозы, где нива шумит золотая,
И гордые горы родного Алтая,
И розы, цветущие в наших садах,
Заводы и шахты, стада, города.
Я сталинским солнцем согретый пою,
Я родине песню свою отдаю,
Народную песню степного певца,
Присягу поэта, присягу бойца.

1930 г.

ТАРАС

Слушал я звонкий запев соловьиный,
Слушал я песни твои, Украина.
В степи летели они по утрам,
Плыли, как лебеди, по водам Днепра.
Песни твои, мой любимый Тарас,
Вместе с народом я слушал не раз;
Горы склонялись и степи внимали
Голосу гнева, страданий, печали.
Черное время тебя истерзало,
Песни железным арканом связало,
Руки твои в кандалы заковало,
В клетке холодной мечты схоронило,
С родиной милой тебя разлучило,
Счастье непознанное отравило.
Пел ты и плакал, великий Тарас,
С кровью текли твои слезы из глаз.
Пел ты, и черные силы земли
Песен твоих заглушить не могли.
Жажду ты в пламенном сердце носил,
Песней царей и господ ты косил.
Вместе с тобою, товарищ желанный,
С песнею острой, как меч восьмигранный,
Старый Джамбул свою месть проносил.
Старый Джамбул, не пугаясь, разил
Баев и ханов, князей и царей,
Наших, Тарас, вековых палачей.
В степи казахов, в неведомы дали
Песню твою под штыками пригнали,
Светлую песню твою, Украина,
Смелую песню любимого сына.
Слушал я песню в голодных кстау,

Слушал в безмолвных степях Мангистау.
Шел и Джамбул этой черной дорогой
С цепью раба и разбитой домброй,
Шел я с тобою дорогой одной,
Шел я с тобой. Мы друг друга узнали,
Шли мы, два брата, и молча слагали
Песню свою на родных языках;
Ветры несли эту песню в песках.
Шли мы, любимый, в безлюдье степном,
Шли мы и пели с тобой об одном.
Шли мы, как зубры, чуждаяся стада,
Шли, мы, как зебры, на зов водопада.
В песнях хранили мы, в песнях несли
Правду великую. Долго мы шли...
Все, что лелеял ты, все, что искал, —
Я на любимой земле увидал:
Солнце лазури, счастливый народ,
Землю, что стала, как пышный енод,
В розах, в цветах и дыханье степей,
В свежести наших озер и морей.
Сердце мое молодое стучит,
Слышишь, Тарас, твоя песня звучит,
Подняли песню два вечных титана —
На Украине, в степях Казахстана —
Ленин великий и Сталин родной.
Песня парит, как орел молодой,
Песня бушует, как горный прибой
Неумолкающего океана!
Песня бушует, и песня зовет.
Враг недобитый к границе ползет
К нашему житу, к степям и долинам.
Будь же готова, моя Украина!
Грозным ударом огня и булата
Естретить презренного черного ката,
Чтобы нашел он в последнем бою
Катову участь — могилу свою!

1939 г.

СЪЕЗДУ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

усть голос мой мчится, как ветер степной.
Крылатая песня, лети над страной
До края земли через все океаны,
Как вестник победы, как сокол желанный
Народу родному мое посвященье,
Героям, не знавшим в боях поражения,
Героям, на счастье народа рожденным,
Партией нашей в боях закаленным.
Врагов ненавистных нещадно разя, —
Лети, моя песня, на радость друзьям,
Как сердце свое, посылаю тебя
На съезд победителей, песня моя.
Ну как же от счастья друзьям не цвести,
Ну как же от страха врагам не трястись,
И в памяти каждому не сберечь
Великого Сталина гордую речь!
На Съезде Семнадцатом он говорил,
Я каждое слово в ауле ловил,
Казалось, что сам он, любимый, родной.
Сидел и беседовал в юрте со мной.
В борьбе и победе прошло пятилетье.
Но прожитый год я равняю столетью.
Прошло пятилетье, — весь мир в восхищенье:
Летит, как орел в молодом оперенье,
На гибель врагов и на счастье друзьям
Страна моя, родина, гордость моя.
Взошло Конституции вечной светило,
Лучами жемчужными мир осветило,
Враг извивался, как раненый змей,
Радостью бились сердца у друзей.

Под сталинским солнцем неугасимым,
Под сталинским солнцем непобедимым
Живем мы в обилие, богаты, сильны,
На пастбищах тучно растут табуны,
Омыта пустыня хрустальной водой,
Наполнен керсень ароматной едой.
Как море, волнуется хлеб на полях,
Дорога комбайна, как путь корабля.
Нам недра свои открывает земля,
Рождая высокие скалы угля.
И бьет водопадом с горы вековой
Железо горячей бескрайней струей.
Кипучая нефть, как поющий ручей,
Течет по земле полногрудой моей.
Узором затейливым степи обвел
Моих караванов большой темнр-жо.1.
Мои сыновья на тулпаре сидят,
Глаза, как светильники счастья, горят.
Враг извивался, как раненый змей,
Радостью бились сердца у друзей.

Под сталинским солнцем неугасимым,
Под сталинским знаменем непобедимым
Встает моя родина в броне булатной,
С душой богатырскою, с шашкою ратной.
И, как облака, в поднебесных полетах,
Сомкнув свои крылья, плывут самолеты.
Зменное сердце врага векового
Трепещет от страха и лопнуть готово.
Могучие танки готовы к боям,
Покорны бесстрашным моим сыновьям.
И грозные пушки из верных бойниц
На каждой тропе неприступных границ
В глаза ненавистные смотрят врагу
И счастье мое и мой труд берегут.

Враг извивался, как раненый змей,
Радостью бились сердца у друзей.

Под сталинским солнцем неугасимым,
Под сталинским знаменем непобедимым
Сокровище разума — Кремль сияет,
Опора народа сердца обновляет.
Лелеет, как в радостной юрте своей,
Там Сталин одиннадцать сыновей —
Могучих, счастливых своих сыновей.
С заботой отца им дает ордена,
И песня народная награждена.
Подобно отважным героям Хасана,
Чьи смелые подвиги любит страна.
На празднике родины все на виду,
Хозяева жизни в почетном ряду, —
Профессора, агрономы, шахтеры,
Поэты, колхозники, комбайнеры.
Враг извивался, как раненый змей,
Радостью бились сердца у друзей.

Под ленинским знаменем Сталин родной
Могучий народ поднимает с собой.
За ним без числа на победный котан,
Овитые славой, идут топжарган,
Их сила, как луч на булате, горит.
Вот вождь на трибуне. Наш вождь говорит.
Слушайте все, — и Урал, и Кузбасс,
Караганда, и Алтай, и Донбасс,
Слушай, колхозник, и ты, командир.
Слушай, чабан, комбайнер, бригадир.
Слушайте все, и для родины милой
В дни эти с новой стахановской силой
В шахтах, забоях, в полях и отарах
Вы приготовьте заветный подарок, —
Хлынули, чтобы, как песня певца,
Реки металла, железа, свинца,
Чтобы в колхозах дала нам весна
Семь миллиардов пудов зерна.

Враги окружают нас черным кольцом,
Глазами кровавыми смотрят кругом

И тянут костлявые руки свои
К горячему золоту нашей земли.
Чтоб голову вражью ударом снести,
Чтоб нечисть поганую всюду смести,
Будь начеку, мой великий народ!
Вооружайтесь, поэты, стихами,
Взвейте поэмы и кюйи, как знамя,
Зовущее к новым победам и славе!
Съезд победителей в песнях прославим,
Сталину верную клятву дадим, —
С ним побеждали мы, с ним победим!

Март, 1939 г.

К УЧИТЕЛЯМ

одина! Ты — колыбель наших школ.
С песней Джамбул к детям в школу зашел,
В небе орел веселится проворный,
Дети гуляют по залам просторным...

Мир необъятен, глубок и велик...
Школа — познания и света родник,
Школа — пристанище светлой науки,
Дверь во вселенную — шествуйте, внуки!

Много есть в мире растерзанных стран,
В школах царит мракобесья туман,
Каждое слово пропитано ложью, —
Правде в тех школах учить невозможно.

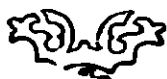
Родина! Ты — колыбель наших школ,
В школах народ свою правду нашел.
Сталинским сердцем, заботой согреты
Учатся в школах счастливые дети.

Учителю песню Джамбул посвящает...
Светскую школу Джамбул посещает.
Там внуки Джамбула сидят за столами,
Решают задачи, летят над морями.
И смотрит за ними, и ходит вокруг:
Учитель, — их лучший товарищ и друг.

Как счастье, хранится в груди у акына
Труд честного, лучшего родины сына ..

Он — разум страны. Он — садовник науки.
Ему моей песни взволнованной звуки,
Он счастье и свет повседневным трудом
Посеял в ауле далеком моем.

А сколько их, Сталинской эрой возвращенных
Ребят обучают в рабфаках и школах...
Как звезды и месяц на небе сияют,
Так родину нашу они украшают,
И почестью их окружает народ,
Ленина правда в их сердце живет.

ПЕСНЯ ПОБЕДЫ

Доблестным бойцам и командирам Первой Отдельной Краснознаменной Армии Джамбул посвящает эту песню.

I

Много песен Джамбул сложил,
Много лет на земле прожил,
Много прошлых батыров знал,
Каждый стрелы стальные метал,
И кольчугу каждый носил.
Под безлунным небом одни
Проходили горы они
И в походах, задув огни,
Чтобы каждый отпедать мог
Недожаренный мяса кусок,
Засыпали в легких шатрах...

Но батыров, чья слава в веках,
Заменяли батыры мои.
У них пики острее стрел,
Каждый мыслью и телом смел,
Каждый предков грознее своих,
Звезды яркие на лбу у них...
Я их вижу — батыров страны,
Они в битвах закалены.
Как тулпары, они сильны,
У батыров могучий стан
Опоясала гибкая сталь.
У батыров знамя в руках...
Чтобы к нам не пробрался враг,
Как орлы, они мечут взор,
Где границы прошел узор...

Вижу Родины я дела...
Ты батыров, — им нет числа, —
Вырастила и создала.
В нашей жизни славен труд,
Рыбы стаями ходят в прудах,
На овечьих спинах в стадах
Птицы гнезда на счастье вьют.
Когда в старость годы пошли,
Я увидел богатства земли,
Что рудой серебра залегли.
И на этой счастливой земле
Песня счастья доступна мне,
Радость в песне моей цветет...
Навсегда Джамбул отдает
Сладость песни тебе, народ.
Под луною я песни лью,
Я под солнцем играю кюй.
И, касаясь серебряных струн,
Золотых касаясь ладов,
Я с домброю всегда пою...
У немых пограничных сголбов,
На границе моей земли,
На границе богатств земли,
На крутых перевалах хребтов
Пограничники залегли,
Там мои сыновья на часах,
А под ними советский стяг.
О походах моих сыновей,
Чьи петлицы знамен алей,
Кто отважен всегда в бою, —
Эту песню с любовью пою.

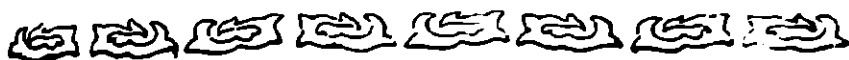
II

Самуран подлы и низки,
Словно волки, очерив клыки,
С кровью порченою от ран
Вдруг полезли к нам на Хасан.
Где дремала озерная тишь,

Где ютилась беспечнаямышь,
Вражьи пули внезапно запели,
И снаряды, гремя, прилетели.
По-бандитски, из-за кустов,
Браг прицелился в красных бойцов.
И тогда, самураям в упор,
Поднялись батыры с озер.
Разрывая цепи в клочки,
Вышли танки, броневики,
Ошетинив стальные штыки,
Грозной лавой пошли стрелки.
Словно соколов в облаках
Бомбовозы увидел враг...
Бомбовозы сбросили груз,
К небу взвился грохот и хруст.
Самураям стало невмочь,
И, теряя доспехи свои,
Задыхаясь в поту и крови,
Побежали шакалы прочь.

Племя Сталинских орлов,
Племя Сталинских большевиков
Победило в бою врагов.
Грозной молнией блестя,
Утвердило красный стяг
На Заозерной сопке тогда.
Так было, так будет всегда.
Как бы ни был силен враг, —
Он будет растоптан в прах.
Не родился на свете тот,
Кто бы мог победить народ.
У героев в обычае нет
С поля битвы итти без побед.
Они дали клятву стране:
Бить врага в голубой вышине,
Бить врага на земле, на воде,
Бить на вражеском поле везде.
Этой сталинской клятве верны
Нашей Родины славной сыны.

III

У нас много чистых озер,
Много сопок и много гор,
Все народы в труде живут,
Грозен этот спокойный труд.
Если враг нарушит его, —
Он лишится навеки всего.
Нарушителей мы сметем,
В пух и прах развеем огнем.
На Хасане, где сопки косы,
Убедились японские псы
В мощной силе наших трудов,
Когда стаи красных орлов
Им задали жестокий урок...
Но ученье пошло не в прок.
Посидев, затаившись, год,
Злобно скаля клыкастый рот,
На монгольский мирный народ
Самуран решили напасть,
Чтобы прах его предков украсть,
Чтоб монгольский народ посечь.
Они костью точили меч.
Засвистели пули грозой,
Вражьи танки вступили в бой,
Самуран тучей густой
Над монгольской нависли землей.
Но монгольский мирный народ
С гневом пули дождем прольет,
И герои — народа оплот —
Как орлы, затемнив небосвод,
Прямо в тучу направят полет, —
Под ударами туча уйдет.
Мы умеем слово держать,
Мы умеем друзьям помогать.
Нам Монголия дорога, —
Наши соколы бьют врага,
У монгольских границ теперь
Не пройдет низконогий зверь.

На Хасане он смерть нашел.
За второй он смертью пришел
К неприступной реке Халхин-Гол.
Не пройдет японский бандит,
Монгольский народ победит.
Не желает рабом он быть,
Хочет мирно, как мы, он жить,
Потому, что наша страна
Всенародного счастья полна,
Потому, что народы зажгли
В ней бессмертное сердце земли.
И для тысяч монгольских сердец
Наша родина — образец, —
Потому монгольский народ
Самураев в бою разобьет.
Если станет война большой,
Наши армии вступят в бой,
Весь могучий советский народ
На народных врагов пойдет,
Смертоносный обрушит удар
И зароет японских псов,
Чтоб войны разжигать пожар
Неповадно было им вновь.
За страну, где свобода и труд,
На врага все народы пойдут...
Нерушима клятва людей
Перед Родиной светлой своей.

1939 г.

БРАТЬЯМ ПО КРОВИ

Если ручки не гремят со стремнин,
Могут ли скалы разрушить они?
Если батыром батыр не рожден,
Сталью тугой спояшется ль он,
Сдавит ли он у реки берега,
Может ли он опрокинуть врага?
Умным рожденный пойдет ли впотьмах
В долг попросить у соседей ума?
Кулан, чтобы жажду свою утолить,
Может ли целое море испить?
Разве тебя чабаном назовут,
Если овец твоих волки сожрут?
Разве народу понравится тот,
Кто в непогоду оставит народ?
...Голодом сдавлены, плетью избиты
Всеми оставлены, всеми забыты,
За рубежами на панской чужбине
Братья мои — белорусс, украинец.
В клетке железной, как птицы, сиделя,
Панщины горькое рабство терпели.
Весен не знали и песен не пели,
Раны тряпьем укрывали на теле.
Семьи их были обожжены
Грозным, горячим пожаром войны.
Взоры их были обращены
К светлomu солнцу советской страны,
К новому миру, что в бурях построен
Славой и силой народных героев,
Волей рабочих, крестьян и ученых.
Лениным, Сталиным вдохновленных.

Братьям по крови на помощь в поход
Вышел великий советский народ.
Счастья не видевшие никогда
Встретили села и города
Армию славы, труда и победы.
Встретили братья, что связаны кровью,
С хлебом и солью, с горячей любовью
Встретили матери, дети и деды,
Красное знамя цветами убрали,
Красных бойцов у ворот обнимали,
Красных бойцов у ворот целовали,
В сердце горячем спасибо несли
Вестникам мира, посланцам земли,
Где о народе заботится Сталин.

С честью и славой в боях и походах
Выполнит армия волю народа,
Силой бессмертной она рождена,
Сталиным в подвигах закалена.
Армией клятва народу дана,
Армия мира народу верна.
Силу народа покажет она,
Черная непогода ей не страшна,
Ей не страшна никакая война.
Вижу я — степь молодая цветет,
Вижу я — новое племя растет,
Строит машины, ведет поезда,
Строит заводы, растит города.
Соколы счастья, народа сыны
Оберегают мои табуны.
Стае стервятников к нам не летать,
Сунутся — перьев не смогут собрать.
В песне октябрьской радостен я,
Вижу прибавилась наша семья.
Светлую родину счастья нашли
Кровные братья родные мои.
Красная армия им помогла,
Братскую руку им подала.
С ханом у пана дороги сошлись,

Пану, как хану, могила нашлась.
Пану, как хану, разбили мы пасть,
Нам перед ними поклоны не класть,
Им нашу землю и радость не красть
Там, где родная Советская власть!
Я сыновьями своими горжусь.
Это твои сыновья — Белорусь,
Это — родные твои сыновья,
Солнечная Украина моя.
Сталин им силу могучую дал,
Сталин-отец их на подвиг послал.
Армия мира повсюду пройдет,
Армию мира мой Сталин ведет.
Рад я. Разносится песня акына
В освобожденных полях Украины,
В освобожденных полях Белоруси.
К братьям по крови на помощь стремлюсь я.
С Армией Красной иду молодым
Другом, певцом и бойцом рядовым.
В руки я взял и домбру, и наган —
Песню — товарищам, пулю — врагам.

1939 г.

СТАРОСТЬ

рудь мне давит хрипота,
Свет уносят слепота.
Как у малого ребенка,
Дрожь в ногах и хромота.

Старость, старость, недруг мой
Отгоняет мой покой,
Враг коварный — злая старость —
Вместе ходит, спит со мной.

И себя не выдает,
В схватку прямо не идет,
А глаза мои и уши,
Руки, ноги, — все берет...

1939 г.

СТАЛИНСКИЕ ПОЕЗДА

Колеса в горячие рельсы стучат,
Летят поезда от Узун-Агача.
По родине путь их великий пролег —
На запад, на север, на юг, на восток.
Летят, огибая просторы морей,
Летят по барханам былых пустырей,
Летят по лесам, по горам, по тайге
Тулпары стальные в горячей байге.
Навстречу с цветами выходит земля,
Бегут золотые колхозов поля,
И жизнь счастливою песней труда
Встречает родные мои поезда!
По рельсам, как пальцы по струнам домбры,
Летят поезда и сильны, и быстры,
Везут поезда драгоценный товар, —
В Москву отправляет колхоз Ерназар,
В Москву отправляет республика дар:
Вагоны янтарной душистой пшеницы,
Вагоны мехов каскеленской лисицы,
И нефть чернобурюю, хлопок и медь,
И песни Джамбула, им всюду звенеть.
Летят поезда, как гремучий поток,
На запад, на север, на юг, на восток.
Москва посылает в родной Ерназар
Московских рабочих заботливый дар:
Машины — могучую силу земли,
Комбайны — волшебные корабли,
Платки для невест, сапоги для жигитов,
И все, что в стахановских буднях добыто.
Мы в броню одеты, мы все наготове,

И если прикажет нарком Каганович,
И если тревогу сыграет горнист, —
Ответит гудком молодой машинист,
В горячие рельсы ударят колеса,
И верные руки Петра Кривоноса
На черные гнезда, на вражий редут,
Стальной бронепоезд страны поведут.
И стрелочник каждый, за каждым пролетом
Дорогу расчистит ему пулеметом.
И каждый обходчик, как верный солдат,
Не с палкою выйдет — со связкой гранат.
Столетье я прожил на свете не даром, —
За Родину выйдет Джамбул кочегаром,
Чтоб шли поезда, как железный поток,
На запад, на север, на юг, на восток,
Великого Сталина пламенный взор,
Повсюду откроет для них семафор!

ДУХИ

Аромат их приятен сердцам молодых,
Мне ль к лицу в девяносто все прелести их?
А друзья, что толпой окружали меня,
На непокорного стали похожи коня.

Шестью белой укрыл подбородок я свой,
Весь оброс и хожу, сам смеюсь над собой,
Стал подобен я карточному королю...
Сколько б ни было в сердце огня, — я сяду.

1939 г.

ПУСТЬ СТАЛИН В ПЕСНЯХ ЖИВЕТ

Со всех концов страны
Сыны, степей сыны,
Творцы драгоценных слов,
Чья в песнях кипит душа, —
Приехали с Иртыша,
Приехали с Балхаша,
С Яика и с берегов
Бушующей Сыр-Дарьи
Дар песенный подарить.
Запев, как прибой волны,
Слова у вас — скакуны...
Явился и я с домброй,
Я песню привез с собой,
Здесь, в сердце она моем,
Здесь песня любви о нем,
Здесь гимн души о нем,
Все думы мои о нем,
О Сталине о родном.
Любимец народов он,
Гений народов он
На счастье земли рожден.
Расплавил он, сжег до тла
Черные скалы зла.
Он жизни холодный лед
Расплавив, согрел народ.
Сердцу зачем гореть,
Если о нем не петь?
Силу он укрепил,
Голос мой обновил.
Он степных певцов

Радугой ясных слов
Щедро так наделал.
День рожденья его —
День для нас дорогой.
Как же о нем не петь,
Как душе не кипеть,
Силам не пламенеть,
Сердцу не молодеть?!
Песню ему пою,
Кажется, что стою
Вровень я с Май-Тюбе;
Кажется, достаю
Я головой небес...
Сердце мое поет, —
Это поет народ.
Сил прибавляя мне,
Звучность моей струне.
Эй, акын Нуривес,
Жду тебя на айтыс.
Эй, акын Орунбай,
Радостней заисвай!
Сердце ты открывай
В песне, акын Нартай!
Калка и Нурлыбек,
Вас я познал к себе.
Пусть каждый не будет лени,
Источник своих возни
Откройте, чтоб хлынул с гор
Потоком наш родной нар.
Пусть в песнях твоих, писец,
Живет наш друг и отец,
Он счастье для всех кул,
Пусть Сталин в песнях живет!

Москва 1935 г.

НАШ КИРОВ

Песня, ты образ его воскресила,
Песня, ты в степи лети и спроси:
— Разве он будет народом забыт,
Вестник победы и сокол борьбы?
Степи ответят: — Он с нами, он жив,
Славой героя народ дорожит.
Кирова память — Яик и Кавказ,
Острый клинок подымался не раз
Там на далеких крутых берегах,
Смелым ударом сражая врага.
Ленин бесстрашью его научил,
Сталин бесстрашью его научил,
Силу от партии он получил.
Глагольным словом вождя и бойца,
Волей к победе скрепил он сердца,
Был он понятен, как песня красив,
Был он отважен, и был он правдив,
Был он, как смелый орлиный призыв,
Был он, как океанский прилив.
Он, как костер на оденей горе,
Он, как двенадцать ладов на домбре...
Вот он шагает в шинели простой
По казахстанской степи золотой,
Светлое небо и солнце над ним,
Он, окруженный народом родным,
На Ала-Тау восходит. С вершин
Видит он степь без господ, без старшин,
Степы без цепей, без султанов и мулл,
Видит счастливый колхозный аул!
Вот он привечен родным Балхашом.

Вот он задумался над Иртышом,
В Риддерской шахте к забою идет,
В стане колхозном беседу ведет...
Радостью дышит, от счастья горит,
Он Казахстану, как сын, говорит:
— Край мой любимый, ты молод, богат,
Родина радости, Сталинский сад.
Край мой, ты счастье свое береги,
Помни, мой край, не добиты враги!
Песня, ты образ его воскреси!
Песня, ты в степи лети и спроси:
— Разве он будет народом забыт,
Вестник победы и сокол борьбы?
В городе Ленина Киров мой жил,
Городом Ленина он дорожил.
Был он, как буря, нещаден, суров
К черному племени мерзких врагов.
Страшен был Киров исчадию зла.
Пуля убийцы вождя стерегла,
Жалом змееныша из-за угла
Пуля орлиное сердце прожгла.
Разве от ветра заглохнет родник?
Разве от пули умрет большевик?
Разве у Сталина в гнездах Кремля
Не закаляются крылья орлят?
Разве они не готовы в полет
В битву за родину и за народ?
Сталина племя не знает преград,
Сила народная, как водопад.
Красную армию нашу не счесть,
Кони стальные у армии есть,
Птицы стальные у армии есть,
Танки стальные у армии есть,
Люди стальные у армии есть,
Красную армию нашу не счесть!
Знают ее помещик и пан
И самураи, что шли на Хасан.
Если же снова ударит набат,
Если враги на страну налетят,

Балтика встанет и гордый Кронштадт,
И от Алтая до самых Карпат
Грозный, могучий советский народ
С именем Сталина в битву пойдет.
Он за отчизну, за землю свою
Будет, как Киров, бесстрашен в бою!

1939 г.

КЕКЛИК

 от кеклик шумно вспорхнул...
Гали испугался, вздохнул.
Сороку одну он убил,
Патроны ей все подарил.
По голосу слышу вдали —
Смущем и растерян Гали...

1939 г.

БАТЫР В СТАЛЬНОЙ ШУБЕ

солнечной юрте слагал я не раз
Смелым батырам свой песенный сказ.
Славил я вас, молодые сыны,
Пламенной силой горячей струны.
Соколом сердце пускал я в полет.
Родина — мать вам, отец ваш — народ!
Пусть же в походах, в победных боях
С вами проносится песня моя.
Пусть эта песня седого певца
В лютые выюги согреет бойца.
Пусть моя песня в атаку летит.
Колет, как штык, и, как пуля, разит.

Смелым народом герои-сыны
В сталинский век для побед рождены.
Разве им будут в походах страшны
Грозы, морозы и вихри войны?
Вижу я гордый орлиный полет,
Вижу я сын оседлал самолет...
Родину он золотую хранит,
Насмерть налетчиков сокол разит,
Бомбами норы звериные рвет,
Танками горы крутые берет.
Птицы стальные под небом гудят,
Крылья, как склоны Алтая, блестят.
Мира просторы — сыновья постель,
Мужество смелых — сынам колыбель,
Грозный мотор — им игрушка в руках,
И изголовье сынов — облака.
Он восхищает отвагою мир,

В шубу стальную одетый батыр.
Он не боится разбоя пурги,
В страхе бегут от героя враги.
Саблей батыр валуны рассечет,
Пикой до самой луны достает.

Любит героев родная земля.
И на любимцев своих из Кремля
Сам полководец любимый глядит;
Он, одевая шинель, говорит:
— Слышишь ли, родила, радость моя,
Стали орлами твои сыновья!

С именем Сталина в светлом бою
Славу батыры находят свою.
Всюду над ними, как солнечный свет,
Гордое красное знамя побед!

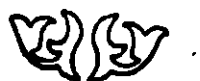
Знаю я бурю в боях за Хасан.
Ливнем свинцовым легли небеса,
Тучи — не тучи по небу ползли,
Это летели сынов корабли.
Дождь шел — не дождь. Из густых облаков
Пули сынов поливали врагов.

Там, где Балтийское море шумит,
Ленина город могучий стоит.
Он — украшение отчизны моей,
Радостный город моих сыновей.
Выйди за город и дальше взгляни —
Там не сияют в тумане огни.
Дремлют в молчанье медвежий леса,
Стынут озера, темны небеса.
Враг, пробираясь тайной тропой,
Выполз оттуда студеной порою.
Солнечный город поджечь он хотел,
Руку с огнем протянуть он посмел.

Море хлестнуло волной в берега,
Сын мой — батыр опрокинул врага.

Сын мой отправился в гневный поход
За Ленинград и за финский народ.
Знаю, собаки за морем скулят,
Знаю, сороки за морем трещат,
Им не помогут ни лай, ни обман,
Лают собаки — идет караван,
Наш караван, и победа за ним,
Наш караван, он народом любим,
Наш караван и его корабли —
Сила и слава советской земли!
Счастье палач у народа украл,
Кровью народа палач торговал.
Лапой когтистой землю прижал,
Тьмой и морозом ее заковал.
Гнёвом наполнена песня моя,
Гневом, но рад я: мои сыновья
С именем Сталина вышли в поход
За Ленинград и за финский народ.
И восхищает отвагою мир
В шубу стальную одетый батыр.
Красные звезды на шлемах горят
У сыновей моих — красных орлят.
Им не страшны ни мороз, ни война;
Все мы спокойны, спокойна страна,
Город спокоен, спокоен аул,
Песню спокойно слагает Джамбул,
Славя отважных аскеров-сынов
И полководцев их — большевиков,
Сталина славя — он знамя побед,
С ним никогда отступления нет.
С именем Сталина бьется за мир
В шубу стальную одетый батыр!

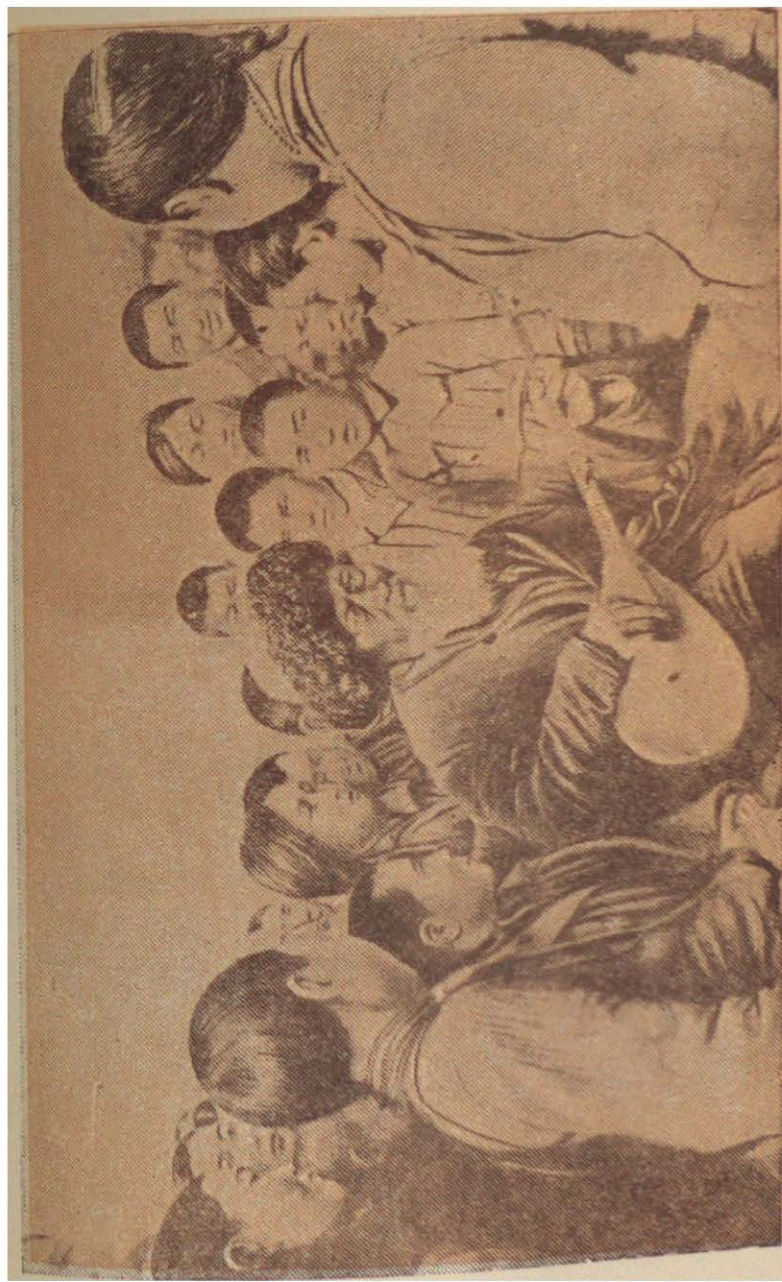
1940 г.

ЗАКОН СЧАСТЬЯ

у, как не запеть, если сердце поет,
Ну, как не запеть, мой любимый народ!
Встает над землею ликующий день,
Страна моя, яркое платье надень,
Домбра моя, золотом струн прозвени,
Пылайте, слова, как степные огни,
Взлетайте, слова, как крылатые кони,
Я песню пою о великом законе.
В Москву дорогую, в батырский аул,
Привез эту песню столетний Джамбул...
Сыны мои, дочери, пойте со мной
О светлом законе отчизны родной.
Нам жизнь, как сказка, как счастье, дана,
А вспомнил другие Джамбул времена.
Сыны мои, прожил я много на свете,
Смотрите, замана счастливого дети, —
Украсила голову мне седина,
Смотрите, согнулась Джамбула спина.
На этой спине и в грозу и в метели
Султаны, манапы и ханы сидели,
С законом позора, с законом обмана,
С законом, написанным палкою хана,
С законом, написанным ложью корана,
С законом, написанным плетью султана,
С законом шакалов, с законом волков,
С законом, омытым слезами рабов.
В ту пору, сыны мои, байским копытом
Была моя песня родная прибита.
И черных законов тупое копые
Поранило крылья и сердце мое.

Джамбул поет песню пионерам

УЧИСЬ, МАЛЫШ!

ой, домбра, тепло и нежно!
Ты учись, малыш, прилежно,
В школе радостной учись!
Жили мы в иную пору,
Не смотрели в нашу нору
Солица теплые лучи!

Мы росли, малыш, в неволе,
Нас, как перекасти-поле,
По степям нужда гнала.
Наше детство было мукой,
Нашей школой и наукой
Палка байская была.

Ласки мы, малыш, не знали,
Мы голодными скитались
По горам и по долам.
Нам пески постелью были,
Мы с волчатами делили
Наше детство пополам.

Ты, малыш, как месяц светел,
Ты счастливей всех на свете,
Для тебя мой сад цветет.
Ты мой шустрый, мой веселый,
Для тебя открыты школы,
Для тебя Джамбул поет.

Ты учись, малыш, без лени,
Ты учись, малыш, как Ленин,

Всем примером будь всегда,
Быть бесстрашным, быть правдивым —
Это значит — жить счастливо,
Не старея никогда.

В мире все тебе открыто:
Будешь ты, малыш, жигитом
В золотом сидеть седле,
Будешь умным, будешь смелым,
Будешь самым загорелым,
Самым крепким на земле,

Чтобы все свои старанья,
Силу, молодость и знанья
Светлой родине отдать,
Чтоб тобой гордился Сталин,
Чтоб тебя, малыш мой, стали
И любить, и уважать.

ТЕЗЕКБАЙ

Жигиты! Что скажете про Тезекбая?
Не он ли виной, что каурый, лягая,
Рыжего жеребенка убил?
Ни в поле, ни дома заботы не зная,
Какое он прозвище заслужил?

СЪЕЗДУ БОЛЬШЕВИКОВ

воном, чище серебра,
Ты полна, моя домбра.
Каждый лад молвой несется,
Ливнем свежим слово льется,
В сердце песня отдается,
Если я беру тебя.
Песню счастья я пою
В пору светлую мою.
Как талгарский острый пик,
Как из горных скал родник,
Как поток горячих дней,
Песня родины моей.
Как же струнам не звенеть,
Как же сердцу не кипеть,
Если ваш победный той
Я приветствую домброй?!
Я на праздник не один
Прихожу в венце седин,
А с большой семьей певцов —
Молодых и стариков.
Песней радости сердечной
Славлю съезд большевиков.

В съезде вашем, сыновья,
Силу жизни вижу я,
Славу, дружбу вижу я,
Думы новые свои
И могущество земли,
С вами мой родной народ
Сталин к подвигам ведет.

Вы в труде — пример для всех,
Там, где вы, всегда успех,
Молот славы — это вы,
Счастье наше — это вы,
И победами крепка
Всюду жизнь большевика.
Счастье мой народ искал,
Воду он искал в песках,
Он мечтал тулик иметь,
Уголь, золото и медь.
Вольным он мечтал пойти
По великому пути...
И о чем народ мечтал,
Все, что он в веках искал,
Как заветный дар реки,
Дали вы — большевики!
Смотрят с радостью отцы:
Вылетают их птенцы,
Блещут перьями стальными
Под лучами золотыми,
Опуская с облаков
Дождь свинцовый на врагов.
Незнаком героям страх
На морях, в лесах, в горах,
Поразрыты вражьи норы,
А железные заборы
Черных спутников войны
Гневной силой сметены.
Расскажи, домбра, пропой,
Как птенцы летели в бой
Тучей шумной, грозовой
За свою родную землю,
И за свой народ родной!
В съезде смелых, сыновья,
Силу жизни вижу я.
Для народа вы всегда
Путеводная звезда,
Что дорогу озаряет
Нам на долгие года.

Силу, бодрость нам дает,
К коммунизму нас ведет.
Как же мне не молодеть,
Как же песне не звенеть,
Если вся земля цветет,
Если вся земля поет,
Если Сталин вдохновляет
На победы мой народ.
Чувств и дум своих ларец
Открывает вам певец.
О родные сыновья!
Вы столетнего меня
Не считайте стариком,
Я иду большевиком,
Не склоняя головы,
Вместе с вами, как и вы.

ЛУЧЕЗАРНАЯ СТРАНА

В туманном прошлом слышал я,
Что есть далекая земля,
Где в черных тучах небосвод,
Где солнце знало лишь заход,
Где, как и мой безвестный род,
В ярме владык, в цепях господ
Стонал измученный народ.
Джамбул изведал рабства зло,
Но солнце радости взошло,
Поднялся мой народ родной
И небо он достал рукой.
Восток и Север, Запад, Юг —
Запели гимны Октябрю.
Он умиравших воскресил,
Он жажду жизни утолил,
Как беркут, крыльями взмахнул
И я — певец седой, Джамбул.

В страну, где был в цепях народ,
Где солнце знало лишь заход,
Пришли на зов мои сыны,
Как наступление весны.
И стал восходом солнца он —
Великий Сталинский Закон.
А ты, далекая земля,
Ты стала близкой для меня
И стала ты мне дорога,
Как мой родной Узун-агач,
Которому дала права
Моя великая Москва.

О Украина, праздник твой
Я славлю сердцем и домброй!
Еще шипит отродье змей,
Но счастье родины моей
Оберегает сам народ.
Пусть он в советы изберет
Героев фабрик и полей,
Любимых, смелых сыновей!

Кто нам свободу, счастье дал?
Кто даже солнцу приказал,
Чтоб, вперекор седым векам,
Оно взошло, сияя там,
Где был туманный звездопад,
Где вечно царствовал закат?
Он — наш отец и вождь и брат,
Он — всенародный депутат,
Он золотой рожден судьбой,
Он впереди, коль грозен бой,
Он с нами в счастье и в беде,
Он с нами в песнях и в труде,
Великий, мудрый и родной
Учитель жизни, Сталин мой.

1940 г.

ПАРНЯМ, ОБУЧАЮЩИМ НЕОБУЗДАННЫХ КОНЕЙ

На необъезженных коней,
На диких молодых коней
Садились мы, как удалцы,
Мы мчались в разные концы.
Нас называли — сорванцы! —
Вот наша слава и беда;
Бездельничали едоволь мы,
Мы были без вина пьяны,
Впустую наши шли года,
Ворчали сумрачно отцы:
«Мол, не за девками ль в аул
Мой «бозбала» опять свернул».
Подумайте о том, друзья.
Пример с нас в этом брать нельзя,
Да сгинет лодырь навсегда.

1940 г.

ТАЖИБАЮ

Джамбул... Несу я имя от отца.
Я не спотыкался в песнях до конца,
Ночью пел я, — ночь была мне коротка.
Потревожу ль нынче молодость в сердцах?

Летела песня громкая моя,
Праздником веселья возгорался я,
А сегодня голос выполз из рта,
Что же с ним случилось — сам не знаю я.

По душе ль придется это, Тажибай?
Спрашиваю втайне. Сам пойми, узнай.
Голову и песню, — все мое возьми.
Может это старость? Сам ты отгадай!

1940 г.

В ГОРАХ

Ровесник столетью, — на белые горы гляжу...
По склонам крутым, как в былые лета не хожу.
Для странствий своих не седлаю, как прежде,
кони.

Промчались годы! Я стар и спокойно лежу...

Глаза потускнели. Остыл соколиный порыв.
Не вынесут ноги меня на вершину горы.
И, кажется, наглухо уши забиты мои,
Слова исчезают, лишь говор шумит, как арык.

1940 г.

К ПОРТРЕТУ АБАЯ

Что это? Абая ли это портрет?
Могущества слова и песни расцвет!
Умом и отвагою равно велик, —
Какой же с Абаем сравнится поэт?

Величье акына он гордо вознес,
Грядущему славным примером возрос.
Аргын и Найман удивлялись ему,
Словам, уподобленным яркости звезд.

Течением мысли, как море, глубок...
А сердце мне шепчет: — Он был одиноч...,
Без радости, но с душой непреклонной,
С досадою гений из мира ушел.

1940 г.

ШКОЛЬНОЙ ДЕТВОРЕ

Ты — молодая поросль, детвора.
Ты — яркокрасных галстуков игра.
Ты — знак нарядной чистой красоты,
Веселая цветущая пора.

Смотрю, друзья, с волнением на вас,
Стремленьем к знанию детвора зажг.
Смотрю я: школа — в будущее путь.
Смотрю, и не нарадуется глаз.

Смотрю, цветы весною — это вы.
Знак пира на степной кошке травы.
Я тополем над вами вырастал.
Оберегая зеленью листья.

Когда я славлю вас моей строкой,
То чист и ясен тихий голос мой.
Легко перебирает две струны
Джамбул своею старою рукой.

Пока вы в школе, -- не молчит домб.
Я погружаюсь в новый стих с утра.
Вернулись вы, и я его спою,
Чтоб не была в обиде детвора.

1940 г.

НАД МИРОМ СВЕТИТ ОДНА ЗВЕЗДА

Годы из вечных туманов идут.
Годы большим караваном идут.
Стар я, немало видали глаза.
Их обжигала в дорогах гроза;
Были тернистыми жизни пути.
Но повелело мне сердце итти.
Знал я: под черной пучиною туч
Счастья прорежется солнечный луч...
И заблестит золотая звезда.
Шел я, седела моя борода.
Разве один я надежду искал?
Разве один, изнуренный в песках,
Я о луче золотом тосковал?
Взор утомленный бросая вперед.
В поисках счастья скитался народ.
Посох горячий сжимала рука,
Жизнь коротка, а мечта далека.
Сердце изранено, взор угасал.
Ветер следы на песке замесал.
Веку ровесник, внуки, для вас
С глаза на глаз начинаю рассказ.
В длинном пути помогла мне доброта
Много я песен заветных собрал,
Песен печалей народных и бед:
У обездоленных радости нет!
Было не легким мое ремесло,
Вьюгой меня в бездорожных песлях.
Брови густые мне горе свело,
Ветер последний чапан изорвал...
Вместе с народом я счастье искал.

Горы окутала грозная мгла,
Степи горячая буря сожгла,
Птицы в пустыне глухой не летят,
Ворот народа ветрами измят...
Степи стонали, и люди рыдали.
Баи змеинной тропой подползали.
Кровью горячей они напивались,
Вороны сердце народа клевали..
Ханы кровавые им помогали.
Стаей голодной султаны слетались.
Лапой костлявою горло сжимали. —
Степи стонали, и люди рыдали.
В битву герои народа бросались.
Копья сосновые в битве ломали...
Грудью джигиты удар принимали.
Смертью героев сыны умирали.
Черного рабства сжималось кольцо..
Силы слабели, желтело лицо.
Полный печали, сарай мой стоял.
В сторону взгляд я усталый бросаю.
Небо туманно. Беззвучна земля.
Песен птенцы не поют в ковылях.
Месяц в густые ушел облака,
Лета унылого глина вязка.
Шелест осоки не слышен вдали,
В берег волною не плещет Или.
Горы, как витьязь убитый, легли.
В небе не слышен гусей разговор.
Вечен покой лебединых озер...
Силы последние я собирал
Перевалить за крутой перевал.
Гнев мое пылкое сердце сковал.
Песню к себе я на помощь позвал.
Слезы жемчужным потоком текли,
Горькую песню Джамбула несли.
Грозная буря ударила вдруг,
С темного мира срывая тундук.
Ночь раскололась тогда пополам.

Степь встрепенулась, мечта ожила,
И просветлело народа чело.
Тучи рассеялись, солнце взошло.
Высохли слезы в усталых глазах,
Вольно вздохнул умиравший казах.
К солнцу взметнулись отроги хребтов
В ярком наряде весенних цветов.
Хлынули волны воскреснувших вод,
Выпрямив спину, запел мой народ:
«Солнце вселенной для всех поколений —
Ленин... Ленин... Ленин!»
Новые силы кипели в груди,
Рабства осталась тропа позади.
Я до заветных желаний дошел,
Радость воскресшей надежды нашел.
Сбросил народ мой чапан темноты,
Мир ему стал воплощением мечты,
Светлой мечты, затаенной в неках.
Был он у рабства в холодных тисках...
Ленин его в Октябре окрылил,
Ленин народу свой меч подарил;
Гневный поднялся народ из могил
В битву за волю, за счастье, за мир.
Вел его Сталин — любимый батыр!
В бурях он вырос, мой радостный стан —
Двадцатилетний жигит — Казахстан;
Освобожденный от рабских оков,
Перешагнул через двадцать хребтов.
Слово мое устремляется в даль,
Мысль — дерзанье, а сердце — как сталь.
Силой бушуя, продолжу я сказ:
Солнце над миром сияет для нас.
В новом наряде мой край засверкал,
Он неприступною крепостью стал.
Люди желанное счастье нашли.
Бьются сокровища из-под земли, —
Золото льется в Алтайских горах.
Реки проносят поток серебра,
Нефть в поднебесье фонтанами бьет.

Крылья у птицы она достает,
Нивы колхозные хлебом полны,
Неисчислимы в степях табуны,
Клонят к земле молодые сады
Солнцем весны налитые плоды.
Силой красуется радостный стан —
Счастья джайляу — родной Казахстан.
Светит одна над вселенной звезда...
Там, где она, не страшны холода;
Жизни весна молодая — она,
Счастья хрустальный источник — она,
Славит ее человек на земле.
Это звезда моя — Сталин в Кремле!

1946 г.

БАРЛЫБАЕВУ

казахов я — курица, много прожившая лет.
Милый мой, исцелишь ли меня ты лечя?
Разве старому сердцу не смотрит опасность
 вослед.
Если крепко руками сожмешь ты лопатки в
 плечах?
От недуга спасенья, как вижу, на старости
 нет.
Если буду, мужаясь, ходить без совета врача.
1940 г.

ВИДЕЛ Я РОДНОЙ
КАЗАХСТАН
В ГРОБУ.

Видел я родной Казахстан
В ненавистный злой заман.
Буйно травы в лугах цвели,
Вились золотом ковыли,
До крутых заснеженных гор
Пышно лег богатый ковер.
Степь моя, как напев певца,
Без конца цвела, без конца,
Но цвела она не для нас —
Ханы крали счастье у нас,
Травы кланялися не нам...
Я ходил по сухим пескам
Необъятной моей страны.
Заметали след катуны,
Обжигал мою спину зной.
И барханы ползли за мной..
Видел я безлюдную степь
В ожерелье белых костей.
А под мертвой корой земли
В скалах каменных берегли,
В тайниках века берегли,
Как домбру бережет певец.
Уголь, золото, медь, свинец.
Не могли их достать рука
Бесприютного бедняка..
По степи струится река,
Были мертвыми берега,
Не скользил баркас рыбака
В серебристых ее волнах.

И терялась река в песках.
Видел я родной Казахстан
В ненавистный черный заман.
Шел усталый мой караван,
По горячим его следам,
Как собака, брела нужда.
И стонал любимый народ
Под ярмом царей и господ,
Под ярмом султанов и мулл
Задыхался в степях Джамбул,

1940 г.

РОЖДЕНИЕ ЖИЗНИ

Из светлых окон самого большого дома Москвы я вижу Кремль. Красные звезды, как знамя, высоко поднимаются к небу. Мне кажется, что я стою на самой недоступной вершине Ала-Тау.

Я снова в родной Москве. Я вижу ее чистые, как степное озеро, улицы, крышами до луны достающие дома. Вечером она мне кажется небом, усеянным огоньками звезд.

Может ли она не окрылить старика, если окрыляет целый мир умом моего Сталина!

Стройно ли побежит моя мысль, будут ли слова мои подобны ручью, впадающему в океан? От радости и волнения я подобен сабе, наполненной кумысом, и если в золотистый валиток слов попадет пылинка, вы, не сердясь, сдуйте ее, сыновья!

Молоко матери стремится к ребенку, сердце ребенка стремится в степь. Могу ли я говорить о песне, не назвав имени певца? Могу ли я говорить о радостях новой жизни, не вспомнив горьких, как слезы, дней прошлого? Могу ли я говорить об эпохе, рождающей батыров, не назвав имени батыра, родившего эпоху? Потревожив свою память, промчась на ее скакуне за семьдесят лет в прошлое, я расскажу вам о своей юности.

Тогда я был джигитом. Мне кланялись травы и улыбались красавицы Кастека и Каскелена. Я был строен и силен. Руки мои могли обхватить столетний ствол дуба, а пальцы — распрямить стальную подкову.

Но сила моя была не в руках. Сила моя была в домбре. Сила домбры была в песне. А сила песни была в правдивом слове, которое любит народ.

Я проходил по степям скитальцем, нищим, без юрты и семьи, без табуна и халата, без невесты и родины. Солипе

пустынь обжигало мои брови, от соленых ветров трещины
ложились на губах, а щеки горели черным румянцем.

И голыми ступнями касался раскаленной земли, и каждый шаг, как потревоженный лад домбры, говорил моему сердцу:

— Ты идешь по родной земле, но она не твоя. Ты идешь по чужой земле.

Сердце мое сжималось от злобы и обиды. Я утолял жажду из родных рек, но реки эти принадлежали не мне. Я, почуя в душистых травах, подслушивал разговор степных цветов. Цветы говорили:

— Иди, иди дальше, родной Джамбул, не то тебя прогонит, а нас растопчет султан.

Отравил колодцы враг.
Стал глухим узун-кулак,
Ханов, беков и султанов
Стало больше, чем собак.
Стонет степь от их грызни,
А народу в эти дни
И от дерева гнилого
Пользы больше, чем от них.
Нашу кровь, как воду, пьют,
Нашу землю продают.
На большом народном горе
Вырос войлок ханских юрт.

На холодной, как лед, заре я пришел в аул волостного управителя. Управитель выиграл в споре табун баранов у соседнего бая и устроил той. Обращаясь к народу, он сказал:

— Всех угощаю. Ешьте бесбармак, пейте кумыс, садитесь на кошмы, завидуйте моему уму и радуйтесь моему добросердечью.

Я тогда, опьяненный кумысом и вниманием бесчисленных глаз, взял домбру. Возле самого уха управителя я спел песню о том, как богатый воробей собрал всех птиц и зверей, кроме барана. Баран был заколот на угощенье. Угощая гостей бесбармаком и кумысом, воробей хвалился, что

может проглотить даже медведя. А медведь сидел рядом. Он рычал и зло поглядывал на воробья, но соглашался с ним и даже разрешил воробью садиться на свое ухо. Медведь был голоден, а свежая баранина так вкусна, что до поры воробью безнаказанно проходило его хвастовство.

Не успел я закончить песню. Управитель выпил меня своими пустыми глазами и прервал на полуслове:

— Раб вечно будет рабом. Не бывать ему медведем так же, как не видать своими глазами собственного сердца!

Много лет прошло с тех пор... Кости хвастливого управителя давно рассеял ветер. Я своими глазами видел, как медведь проглотил воробья, как народ поднял на колья и истребил вековых врагов: султанов, баев, мулл, царских генералов и управителей.

Я вспомнил хвастливого управителя еще и потому, что недавно в чудесной кремлевской комнате врачи посмотрели мое сердце и сказали, что оно еще крепкое, и показали сердце мне. И я увидел свое сердце и сказал, чувствуя, как оно бьется:

— Жаксы! В такое время, когда о каждом человеческом сердце заботится сам Сталин, а жизнь счастлива и прекрасна, как лучи солнца, можно ли стареть!

Когда я проезжаю на своем коне по колхозам Узун-Агача, я встречаю веселые и радостные лица людей, не знающих рабства и горя. Я вижу свою колхозную родную землю, отданную навеки народу. Я вижу молодые яблоневые сады, табачные поля, многочисленные табуны, светлые школы моих сыновей.

И все это принадлежит народу. И все это дали ему вожди большевиков Ленин и Сталин.

Батыры народа Исатай и Махамбет, Саурык и Суранши поднимались на вековых воров, укравших у народа ключи счастья. Из своих сердец народ ковал батырам мечи, а из песен ткал знамена. Можно ли победить врага, если руки скованы цепью? Можно ли достичь вершины, если к ногам привязан камень? Не достигнув вершины, умирали батыры.

Умирая, они знали:

Кто к врагу идет с прошеньем

О пощаде, тот бессилен
И не стоит уваженья.
Кто, о чести забывая,
Просит милости у баев, —
Жалок тот и безнадёжен
И о нем молва худая.
Тот батыр, кто за народ
В битве жизнь отдаёт.
Трус пощады не добьётся,
Богатырь найдёт почет.

Победу народу принесли бессмертные батыры Ленин и Сталин. В степях давно, давно жила поговорка: «Урус бьет кокаша, кокаш бьет киргиза, киргиз бьет уйгура, все плачут, а правды не найдут».

Цари и султаны натравливали нас друг на друга, и земля была завалена мертвецами. Там, где сочная трава, — жиреет бык, там, где много мертвецов, — жиреет мулла.

Пришли Ленин и Сталин. Умерла старая поговорка. Русский, казах, узбек и уйгур, украинец и белорусс нашли великую сталинскую правду. В богатстве и дружбе, согретые навски лучами сталинского закона, живут они на родной земле.

В Москве я встретил много батыров с золотыми звездами на груди. Я смотрел на них и думал:

— С такими может меряться силой только тот, кто ищет смерти. В этих сыновьях я вижу весь мой советский народ, непобедимую сталинскую землю. Герои с золотыми звездами освободили наших братьев — западных белоруссов и украинцев и выбили зубы белым собакам, оскалявшимся на город Ленина.

Ураганом грозным шли,
Грудь врага свинцом прожгли,
Огненной рукой достали
Белых змей из-под земли.
Сыновьям преграды нет.
Сталин — знамя их побед,
Сталин — песня боевая,
Сталин — дружба и совет...

Мне девятисто четыре года, но счет своей настоящей жизни я веду со дня, когда подняли народ из пропасти и вывели в долину счастья Ленин и Сталин.

Я молодым иду по родной земле. Там, где умирали мечты и песни скитальцев Коркыта и Асана-Кайгы, отдают народу свои дары моя Эмба и Караганда, Балхаш и Алтай, Арал и Каспий.

В степях Акмолы, где верблюды теряли тропы, мои сыновья-комсомольцы построили железную дорогу.

В безводных пустынях, где залетевший беркут умирал от жажды, народ прорыл арыки и пустил воду.

На солончаках, где прятались каракурты, народ посадил яблоневые сады.

В пустырях, где стояли дырявые юрты и холодные саманные зимовки, народ выстроил светлые города и заводы.

Где стояли гнилые мечети и тюрьмы, народ выстроил храморные дворцы и театры.

В иссохших долинах, где росла одна горькая полынь, как волны Балхаша, шумит колхозная пшеница, раскрывает золотые коробки хлопок, и зреет рис.

В необъятных степях моего Казахстана множатся колхозные табуны. Кто сосчитает верблюдов в них, кто сосчитает баранов в них, кто сосчитает табуны крутошеих аргамаков, выращенных народом для своих жигитов?!

Кто в мире сильнее и богаче моего народа?!

Где в мире страна могучей и свободней, радостней моей родины?!

Я в родной Москве пою

Песню светлому Кремлю.

Пусть ее услышит Сталин.

Песню радости мою...

Он заботится о нас,

Он живет в моих аулах.

Он ведет к победе нас

Каждый день и каждый час.

Я иду, и солнце бессмертной дружбы народов освещает мне путь, и сердце мое поет о рождении жизни. Я говорю по-казахски, но пусть на всех языках сыновья мои повторят:
— Рождение жизни — это Сталин! Слава Сталину!

1940 г.

Я—ТОПОЛЬ СТОЛЕТНИЙ....

 сравню себя со столетним тополем. Корни мои—родной народ, ветви мои—песни, листья мои—молодые сыновья и дочери. Я рос в голодных степях. Пески были безводны. Ханы, бан, муллы и алаши рубили мои корни. Тучи скрывали от меня солнце. Мои молодые листья срывали злые выюги.

Я стремился вершиной к солнцу. Но не было солнца. Я тянулся корнями к воде. Но не было воды. Я ветви протягивал к счастью. Но не было счастья. Я гнулся под бурей, оберегая листья. Но силы слабели, а буря срывала и жгла обнаженные листья.

Грозой прошел по земле Октябрь. Ленин и Сталин открыли родники жизни. Вдоволь насытили корни мои. Ленин и Сталин разогнали тучи и открыли мне солнце. Ветви мои распрямились. Листья мои зацвели в золотистых лучах. Стали крепкими мои листья. Я — тополь столетний пою о найденном солнце, о счастье народа, о своих молодых сыновьях и дочерях.

Юрта моя в Узун-Агаче украшена коврами. Я жду дорогих гостей на радостный народный той. Семья моя прибавилась. Шестнадцать юрт стоит в моем сталинском богатом ауле.

Золотой джайляу народа — счастливая родина моя. Через двадцать хребтов перешагнул мой Казахстан. Через двадцать хребтов Сталин провел мой народ к счастью и славе.

Я жду дорогих гостей в свою юрту. Пусть наполнится она песнями всех народов, и моя казахская песня сольется с их песнями о тебе, мой родной Сталин. К тебе протягивает ветви уподобивший себя столетнему тополю седой Джамбул.

1940 г.

С НОВОЙ СЛАВОЙ, ДРУЗЬЯ!

Когда я вступаю в новый год, мне кажется, что пред мною открываются страницы новой книги, каждый день — лист, насыщенный новыми песнями. Ведь каждый день нашей жизни полон поэзии.

Из своего аула я вижу, как с орлиным размахом растут новые люди новой жизни. Они переделывают даже самую землю. Я вижу, как они поднимают ту целину, которая веками оставалась нетронутой. Как легендарные батыры, сидят они на стальных конях — тракторах, комбайнах — и своей энергией наполняют весь мой аул, и я себя чувствую в 95 лет молодым и сильным.

Если позволит мне здоровье мое и старость, я прежде всего сложу поэму об этих прекрасных батырах нового советского аула.

Батыры были в ауле и в прошлом. Одним из таких людей, боровшихся за счастье своего народа, человек, имя которого часто повторяется и доныне, является Саурык. Мне хочется рассказать и о нем.

У меня есть поэма «Суранши-батыр». Мечтаю по возможности ее создать и пьесу. Если наши молодые казахские драматурги возьмутся за это дело, то с удовольствием помогут им в создании такой пьесы. Еще хочу восстановить в памяти мой айтыс с придворным акыном киргизского мапана Шабдена — Балыком.

Вот мой творческий план на 1941 год.

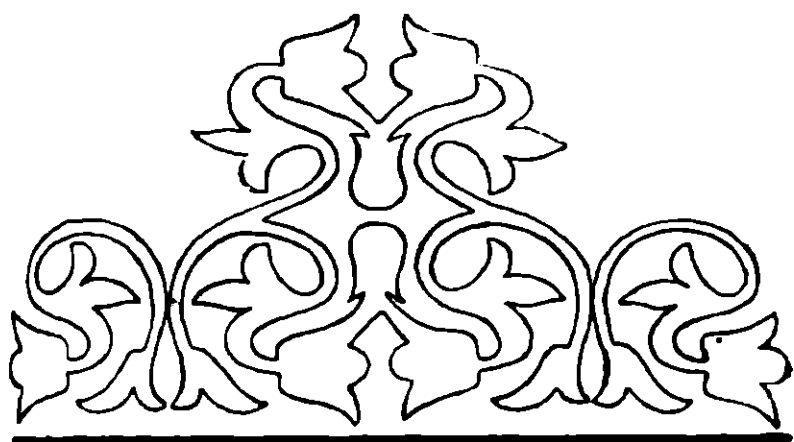
В заключение мне хотелось бы сказать читателям «Правды»:

Новый год
В потоке лет —
Недописанная книга
Нашей жизни и побед.

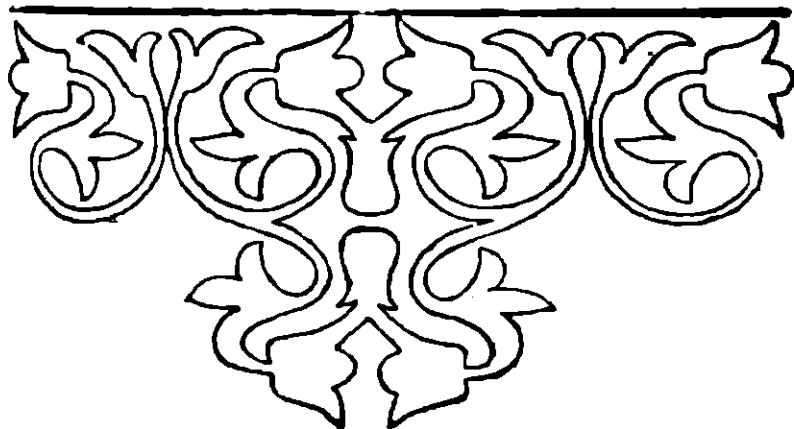
У певца душа юна,
У домбры нежна струна,
Я пою от сердца песню
Для тебя, моя страна.
Вышел месяц молодой,
Новогодний, золотой,
С новым счастьем поздравляет
Он аул колхозный мой.
С новым годом, сыновья!
С новой славою, друзья!
С новой силой, с новой песней
Сталинский заман чудесный!
Здравствуй, родина моя!

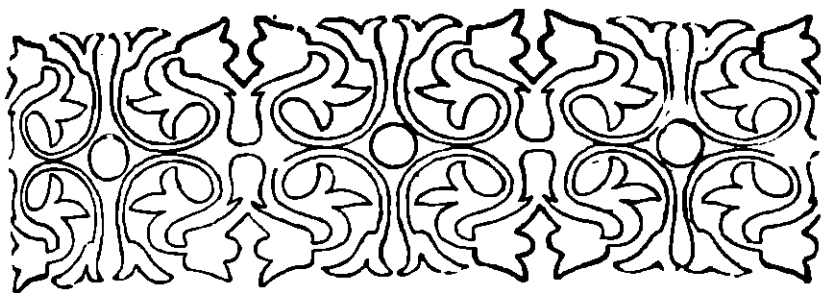
1940 г.

ЧЕТВЕРТЫЙ РАЗДЕЛ

ПЕСНИ ВОЕННЫХ ЛЕТ (1941-1945)

СТАРОСТЬ

Из пуха сталь не выйдет, сколько ни точи,
Из клячи конь не выйдет, сколько ни скачи;
Хоть трижды вы обмажьте салом ворот
мой, —

Джамбул жигитом прежним не выедет на той.

Железная лопата в растворе меловом, —
То борода Джамбула на склоне вековом.
О старость, что ж взяла ты еще себе в позор?
Седых волос щетину открыла под виском.

Лица былую свежесть с годами унесла,
И рот мой пуст. Все зубы, проклятая, взяла.
Моих суставов гвозди присвоила себе,
О старость, злая старость все силы отняла.

Глаза мои укрыла холодной краснотой,
Все мясо съела, остались кости лишь со мной.
Склонюсь едва, а старость толкает, чтоб

упал,

С батманом, полным соли, на горб садится мой.

ДОСТИГ Я, ШАГАЯ, ВЕРШИНЫ ГОРЫ...

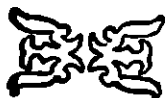

достиг я, шагая, вершины горы,
А век бесконечен, как песня домбры...
Расходятся ноги, как струны, дрожат,
Стоять не могу, мои ноги стары.

Мой доктор, ты правду Джамбулу скажи,
Не скрой ничего и меня поддержи!
Где встретил я старость — несчастье мое?
Как хочется жить! Как мне хочется жить!

Я ветхой кибитке подобен. В груди,
В глазах и в ушах моих ветер гудит.
Нет сил моих прежних управиться с ним,
А старость не вылечишь. Что ж впереди?

1941 г.

ПЕСНЯ БЛАГОДАРНОСТИ

Посетили вы меня
Задушевные друзья,
От счастливой вести сердце
Стало горячей огня.
Песню слушала страна,
Песня родине верна,
Песня старого Джамбула
Родиной награждена!

Мне достойно бы суметь
Честь высокую воспеть,
На крылах свободной песни
До Москвы бы долететь.
Океану б приказать
Золотым чернилом стать,
Нехватило б океана,
Чтобы радость описать.
Если б каждый кустик мог
В лист бумаги свой листок
Превратить, то нехватило б
И листов для светлых строк.
Каратач бы каждый взять,
В карандаш бы обстругать,
Их бы тоже нехватило,
Чтобы радость описать.
Кюи, что хранит домбра,
И алмазы слов собрать,
Их бы тоже нехватило,

Чтобы радость передать.
От души в степях пою,
Песней я благодарю
Сталина — отца родного
Родину — звезду мою!

1941 г.

ГИМН ВЕСНЕ и ПЕРВОМАЮ

Гы пришла, моя весна,
Солнцем степь озарена,
Юрта старого Джамбула
Песнями окружена.
В нежном бархате поля,
Открывается земля,
Степь засеяли пшеницей
Молодые сыновья.
Дождь серебряный прошел,
В тучах вымылся орел,
У подножья Ала-Тау,
Поклонясь медовым травам,
На заре тюльпан расцвел.
Тополя листвой шумят,
Буйно воды Чу кипят,
На зеркальные озера
С криком лебеди летят,
На колхозные джайляу
Табуны мои спешат;
Не окинешь взором стад
Пышногривых жеребят,
Ярким солнцем удивленных
Милых, строгих верблюжат.
Край мой счастьем обновлен,
Ала-Тау шлет поклон,
И зовет певца седого
К кулан-сазу в гости он.
Сердце, соколом взлетай,
Мой народ встречает май,
Знамя красное над юртой,

Теплый ветер, развевай.
Песню старого Джамбула
Пронеси из края в край.
Славлю я колхозный труд,
Сыновья мои растут;
Сквозь туманы в самолетах
Сыновья мои плывут;
В океанах пароходы
Сыновья мои ведут;
На куланах-вездеходах
Сыновья подъем берут;
На полях и на заводах
Славу родины куют;
На заставах и в походах
Нашу землю берегут.
Сыновья мои герои
Знамя Сталина несут.
И встречаю я с домброй
Первомай светлый той,
С сыновьями я пирую,
Радостный и молодой.
Я, как беркут, окрылен,
Я весною опьянен,
Славлю я светило жизни —
Счастья Сталинский закон!

Май, 1941 г.

В ЧАС, КОГДА ЗОВЕТ СТАЛИН

одну Сталин ведет на врага,
Родина светлая всем дорога,
Кровью батыров добыта она,
Дружбой народов она скреплена, —
Непобедимая наша страна.
В юрте спокойной останусь ли я,
Грудью за землю не встану ли я,
Звонких стремян не достану ли я,
Вместе с народом устану ли я
Петь свои песни в труде и в боях?
Эй, сыновья, оседлайте коня!
Вместе со Сталиным песня моя!

Мир молодой нашей радостью стал,
Солнцем народов из бездны он встал.
Ночью на нас через старый дувал
Черный шакал ненавистный напал.
В песне народ неспроста говорит:
«Зверь перед смертью от страха дрожит
И на открытое место бежит».
Место закрыто. Шакалу клыки
Выбьют советские наши штыки.

Эй, сыновья, оседлайте коня!
Вместе со Сталиным песня моя!
Вышли два мира неравных на бой —
Мир одряхлелый и мир молодой, —
Выползок гнусный фашистской змеи
И молодые орлята мои.
В песне народ неспроста говорит:

«Гада раздавим — орел воспарит».
Сталин — орел наш, а стан орлят
Всюду с победой за ним полетят.
Слушайте, степи родные, меня:
Армии Красной ведите коня,
Лейся, горячий чимкентский свинец.
Смертью для черных фашистских свиней. —
Лейся рекою, балхашская медь,
Чтобы снарядам советским греметь.
Каспий широкий, побольше улов
Родина ждет от твоих рыбаков.
Хлопок и хлеб и свои табуны
В час грозовой отдадим для страны.
Сталин зовет нас в труде и в бою
Биться с врагом за отчизну свою.
Край мой любимый, родной Казахстан,
Весь поднимайся на вражеский стан!

11 июля, 1941

ПУЛЯ ВРАГУ

Джамбул — это имя простое мое.
Народ — настоящее имя мое.
Я родины сын, плоть от плоти е
И с народом мое бытие.
Страна моя, советский край,
Твоих сокровищ не сочту,
В тебе народ мой воплотил
Тысячелетнюю мечту.
Я клятву родине даю:
По капле кровь отдам свою.
Сто миллионов сыновей
С могучими сердцами львов
Оставят материнский кров
В защиту родины своей,
Но никогда нога врага
Не переступит через ров
Гранитной крепости моей.
Пускай не рыщет враг вокруг,
Пускай не тянет жадных рук, —
Я сам в ночи подстерегу
Подосланного им слугу,
Я горло вырву у него,
Но на советском берегу
Ни щепки не отдам врагу.
Моя родина — это мир,
Моя родина — это свет,
Не нарадуется на нее человек.
Все глядел бы в родную даль,
На зеленый простор степей

Врага ты с воздуха бомби
И на морях, и на земле.
Врагам у нас пощады нет
И в песне пуля говорит.
Швырни обратно голову, —
Пусть вражий дом дотла сгорит.

ПЕСНЯ О СТАЛЬНОМ НАРКОМЕ

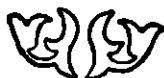
околиное войско Сталин повел,
Зорким оком весь мир объемлет орел,
Клич его боевой, как молния, жгуч,
Для врага, как свинцовый ливень, тяжел.

Мы на фронт снарядили богатырей,
Пусть лавиной обрушатся на зверей.
Перед Сталиным дрогнет гнусный фашист,
Будем яростней бить, чтоб добить скорей!

Мощен в сердце казаха священный гнев,
Им наполнен и мой призывный напев.
Всей страной истребим людоедов мы,
Ничего для отчизны не пожалев.

Кровожадный свой клюв к нам ворон сует,
Но врага остановит орлиный взлет.
Нас на грозную битву стальной нарком,
Солнце нашей победы, Сталин ведет!

Июль, 1941 г.

ПОЭМА ЛЮБВИ и ГНЕВА

1

Сын мой, радость отцовских глаз!
Барымтач налетел на нас,
Злой басмач налетел на нас,
Он, палач, захотел у нас
Солнце сталинское украсть.
Он шакалью разинул пасть,
Обнажил он свои клыки.
Сталин в битву повел полки.
Сталин в битву народ позвал.
Я коня тебе оседлал.
Богатырский меч наточил.
Ты садись в седло и скачи,
Немцам головы ты коси,
Мою ненависть проноси,
Прноси ты Джамбулов гнев,
Прноси ты аулов гнев
В пепелящем врага огне!

2

Если встретится смерть тебе,
Перед нею, сын, не робей,
Спину ты перед ней не гни,
Ты узду назад не тяни,
Думы черные отгони.
Ты в глаза ей смелей взгляни,
Ты мечом посылней взмахни,
Ты скажи: — Сторонись, карга!
И увидишь — твоя нога

Через пропасть перешагнет,
Смерть с дороги твоей свернет,
Смерть бесстрашного не берет.
И тебя полюбит народ,
И воздаст он тебе почет,
И Джамбул о тебе споет,
И молва о тебе пойдет.
Сталин соколом назовет.

3

Ты во имя родной страны
Про свои забудь табуны,
Про аульные казаны,
Про расшитые чапаны.
Ни любимой своей жены,
Ни веселых своих детей,
Ни себя, мой сын, не жалеи!
Ты и юрту свою забудь,
Под грозой расправляя грудь.
Вражьей кровью залей ты путь,
Настоящим воином будь!
Моих песен не осрами.
Змея Гитлера ты прижми
Богатырским своим плечом,
Отруби ему хвост мечом,
Жало гадины оторви,
Сапогом банку раздави.
А змеинное сердце вынь
И вояющим шакалам кинь.

4

Не давайся врагу живьем,
Бей копьем его и ружьем.
Будь отважен, как Суранши,
На фашиста огнем дыши
И мечом летучим кроши.
Кулаком покруче круши,
Пятерней могучей души.

Охнуть ты ему не давай.
В землю ты его забивай.
Чтоб дошла голова до ног,
Чтоб вовеки он встать не мог.

5

Если и будет неравен бой,
Если славит аркан тугой,
Если вороны над тобой
Соберутся на чёрный той.
Будь бесстрашен, как Махамбет,
Ты ни слова врагу в ответ
И на пытке не говори.
Плюнь в глаза ему и умри.
И тебя полюбит народ.
И воздаст он тебе почет,
И бессмертье к тебе придет,
Песню славы седой Джамбул
О тебе, мой сын, запоет!
Ты, мой сын, в грозные дни
Дружбу сталинскую храни,
В сече смелой будь вожаком,
Как бесстрашный Амангельды,
Будь батыром-большевиком!

У отчизны светлой моей
Много соколов-сыновей,
Сыновья летят в облаках
На крылатых аргамаках
И в стальном, боевом седле
Мчатся, грозные, по земле...
Дал им силу отец-народ,
Сталин в битву сынов ведет,
Смелых к подвигам он зовет.
Час расплаты с врагом настал. —
Кто добычи у нас искал,
Тот могилу свою найдет.

Июль, 1941 г.

ЛЕНИНГРАДЦЫ. ДЕТИ МОИ!

Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя! /
Мне в струе степного ручья
Виден отблеск невской струи.
Если вдоль снеговых хребтов
Взором старческим я скользну, —
Вижу своды ваших мостов,
Зорь балтийских голубизну,
Фонарей вечерних рон,
Золоченых крыш острья...
Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя! /

Не затем я на свете жил,
Чтоб разбойничий чують смрад;
Не затем вам, братья, служил,
Чтоб забрался ползучий гад
В город сказочный, в город-сад.
Не затем к себе Ленинград
Взор Джамбула приворожил!
А затем я на свете жил,
Чтобы сброд фашистских
громил,

Не успев отпрянуть назад,
Волчьи кости свои сложил
У священных ваших оград.
Вот зачем на север бегут
Казахстанских рельс колёна,
Вот зачем Неву берегут
Ваших набережных края...

Ленинградцы, дети мои,
Ленинградцы, гордость моя!

Ваших дедов помнит Джамбул,
Ваших прадедов помнит он:
Их ссылали в его аул,
И кандалный он слышал звон.
Пережив четырех царей.
Испытал я свирепость их;
И хотел, чтоб пала скорей
Петербургская крепость их;
Я под рокот моей струны
Воспевал, уже поседев,
Грозный ход балтийской волны,
Где бурлил всенародный гнев.
Это в ваших стройных домах
Проблеск Ленинских слов-лучей
Заиграл впервые впотьмах!
Это ваш, и больше ничей,
Первый натиск его речей
И руки его первый взмах!
Ваших лучших станков дарь
Киров к нам привез неспроста:
Мы родня вам с давней поры,
Ближе брата, ближе сестры
Ленинграду Алма-Ата.
Не случайно Балтийский флот,
Славный мужеством двух веков,
Делегации моряков
В Казахстан ежегодно шлет.
И недаром своих сынов
С юных лет на выучку мы
Шлем к Неве, к основе основ,
Где, мужая, зреют умы.
Что же слышит Джамбул теперь?
К вам в стальную ломится дверь,
Словно вечность проголодав,
Обезумевший от потерь
Многоглавый жадный удав...

Сдохнет он у ваших застав!
Без зубов и без чешуи
Будет в корчах шипеть змея,
Будут снова петь соловьи,
Будет вольной наша семья,
Ленинградцы, дети мои,
Ленинградцы, гордость моя!

Как владычицу меж владык,
Почитать я землю привык.
Нише страшный в ней выжжен след
Причинен ей огромный вред,
Беспощадно ее грызет
Окровавленный людоед, —
Но последний близок расчет,
И земля в преддверье побед.
Вся страна идет на врага,
Поднимается весь народ,
И не сломит наших свобод
Гнет фашистского сапога,
Не коснется вражья нога
Вас, наследственный наш оплот,
Ленинградские берега! /
Вы громили врага и встарь:
Не одна враждебная тварь
Свой могильный нашла покров
У прославленных островов.
К вам в разгар гражданской войны
Подбирался царский холоп, —
Вы его увидели в лоб,
Увидели и со спины.

Ленинград сильнее и грозней,
Чем в любой из прежних годов,
Он отпор отразить готов!
Не расколют его камни,
Не растопчут его садов, —
К Ленинграду со всех концов
Направляются поезда,

Провожают своих бойцов
Наши села и города.
Взор страны грозиво-свинцов,
И готова уже узда
На зарвавшихся подтецов.
Из глубин казахской земли
Реки нефти к вам потекли,
Черный уголь, красная медь
И свинец, что в срок и впопад
Песню смерти готов пропеть
Бандам, рвущимся в Ленинград.
Хлеб в тяжелом, как дробь, зерне
Со свинцом идет наравне,
Наших лучших коней приплод,
Груды яблок, сладких как мед, —
Это, все должно вам помочь,
Душегубов откинуть прочь.
Не бывать им в нашем жилье!
Не жиреть на нашем сырье!

/Ленинградцы, дети мои,
Ленинградцы, гордость моя! /
Слышат пастбища Сыр-Дарьи
Вой взбесившегося зверья.
Если б ныне к земле приник,
Только ухом приник Джамбул, —
Обрела бы земля язык,
И дошел бы сквозь недра гул,
Гул отечественной войны
На просторах родной страны.
Всех к отпору Жданов призвал.
От подъемных крапов призвал,
От огромных станков призвал,
От учебных столов призвал.
В бой полки Ворошилов ведет,
Вдоль холмов и долины ведет,
Невских он новоселов ведет,
Невских он старожилов ведет.
Беспечален будь, Ленинград:

Скажет Сталин: — В путь! В Ленинград! —
Все пойдут на выручку к вам,
Полководческим вняв словам.
Предстоят большие бои,
Но не будет врагам житья!
Спать не в силах сегодня я...
Пусть подмогой будут, друзья,
Песни вам на рассвете мои,
Ленинградцы, дети мои,
Ленинградцы, гордость моя!

(сентябрь, 1941 г.

МОСКВЕ

Бессмертное сердце страны!
Владычица мыслей, Москва!
Не раз у кремлевской стены
Склонялась моя голова.
Не раз на пороге весны.
Когда зеленела трава.
По праву певца-старшины
К тебе обращал я, Москва,
И голос хвалебной струны,
И полные ласки слова!

Шуршит, опадая, листва,
Снежинки снуют над Кремлем,
Природа ясна и трезва.
А ты, трудовая Москва.
Сражаешься с пьяным зверьем...
Врагу не видать торжества!
Набьешь ты свинцовым огнем
Живот ему тощий, Москва!
О полная мощи Москва!
Будь с немцами жестче, Москва!
Дави их и ночью и днем,
Руби их, как рожи, Москва!
Твой враг беспощаден, Москва!
Он злобен и жаден, Москва,
Но сломишь ты гадин, Москва,
Твой каждый овраг и подъем
Фашистов схоронит живьем!
Мне птицы стрекодут — «Москва...»
Мне горы грохочут — «Москва...»

Твой подвиг под Млечным путем
Мне звезды пророчат, Москва!
Ты кладезь сокровищ, Москва!...
Ты краше, чем все божества.
Я замер в горячей мольбе...
Подобно кинжалной резьбе
Да будут чеканны слова.
Всю суть своего существа
Джамбул обращает к тебе,
К тебе, вековая Москва!
Когда извергает злодей,
Теряя шакалов своих,
В тревожную тьму площадей
Железо из пушек своих, —
Я знаю — ты прячешь детей
На дне подземелий своих,
Где тянутся рельсы путей
Сквозь мрамор ущелий своих.
Когда на бомбежку с лихвой
Твоя откликается тишь.
Я знаю, что даже глухой
Подвластен призыву «услышь!»
Метнет ли разведка лучи,
Их в небе скрестив над Москвой.
Я знаю, что даже слепой
Стервятника видит в ночи.
И тот, кто под славой знамен
Кремлевской стеной осенен,
Кто вечен в прозрачном гробу,
Я знаю — он слышит стрельбу,
Он слышит призывы племен,
Он в нашу вникает судьбу.
Он гневом безмолвным объят,
Он пушечный слышит раскат,
Что с дальнего плечу рубежа.
И тайные вздохи томят
Ту грудь, над которой, дрожа,
Священные стекла звенят.
Я знаю, что дети Москвы

Дерутся, как гордые львы.
И метят за кровавый разбой.
Мы внемлем стоустой молве,
Мы знаем, что Сталин в Москве,
Что он неразлучен с Москвой.

Три дюжины лет протекло
С тех пор, как, воюя с царем,
Рабочее воинство шло,
С винтовками шло и с дубьем
И царских орлов на бегу
Топтало в московском снегу.
Прошла еще дюжина лет.
Послышался ленинский клич, —
И свой большевистский Совет
Отстаивать вышел москвич.
И год он сражался, и два,
Голодный, продрогший москвич,
Но вырвал у недруга бич,
И верх одержала Москва.
Здесь Ленин народу служил,
Здесь после бессонных ночей
Он сном непробудным почил.
В дни праздников здесь москвичей
Приветствует Сталин родной.
Здесь он пятилеткой тройной
Упрочил порядок земной.
Отсюда с огромной страной
Сопряг он величье речей.
Мы знаем, что значит Москва.
Над миром маячит Москва,
А век твой лишь пачат, Москва!
В дни грозных осенних боев
Неужто заплачет Москва?
Неужто разбойничий рев
Тебя озадачит, Москва?
Всем может простой человек
Тебя обеспечить, Москва!
Тебе ни ненастье, ни снег,

Ни гладь замерзающих рек
Не станут перечить, Москва!
Не даст, не позволит навек
Себя онемечить Москва!
Друзья! Не во сне — наяву
Разбойники рвутся в Москву.
В опасности наша Москва!
Помочь ей, немедля помочь!
Дай брата, дай сына и дочь,
Родимого дома глава!
Врагов измолоть, истолочь,
Откинуть их скопища прочь,
Пожертвовать всем для Москвы,
Народы, обязаны вы!
В Сибири, в Крыму, на Неве
Страна помогает Москве.
Наш Риддер, Чимкент и Балхаш,
Арал и его острова,
Бурильщик и угольщик наш
Тебе помогают, Москва.
Полки казахстанских сынов
Участвуют в смертном бою
За тысячи светлых домов,
За душу, столица, твою.
Мне ветер, мне поле — родня.
С пленок в седле я живу, —
Чуть свет, я сажусь на коня,
Поводья, как юноша, рву
И мчусь, стремянами звеня,
И всех, узнающих меня,
Москве на подмогу зову.
В Москве еще рано, светло,
Несметно проезжих число,
А здесь уже шепчет мне ночь:
«Покинь, престарелый, седло!
Ты должен ей песней помочь».
И вот, заодно с темнотой
На запад я взором плыву,
Где теплится день золотой...

Колени к сырому жнитву
Джамбул преклоняет седой;
Мигает звезда в синеве,
Сверкает в речном рукаве;
Я струнную рву тетиву,
Я звоном пугаю сову
И песню творю о Москве —
Москве. Для Москвы. За Москву.

Октябрь, 1941 г.

СОВЕТСКИМ ГВАРДЕЙЦАМ

Есть в языке такие слова,
Чье назначение пламенем жечь:
Если услышишь, — вздрогнешь сперва,
Выше поднимется голова.
Станет певучей скромная речь...
Эти слова, как молнии, жгут,
Сердце пьянят, на подвиг влекут,
Старцев пленяют, тешат ребят,
Недруга вяжут сотнями пут,
Трубами смерти над ними гремят.

Сколько прекрасных воинских слов
Ни озаряло Джамбулов кров,
Сколько он сам их ни находил —
Громче, чем «гвардия», не слышал,
Ярче, чем «гвардия», не встречал,
Слаще, чем «гвардия», не твердил,
Тверже, чем «гвардия», не чертил,
Чище, чем «гвардия», не вдыхал.
Если такое слово из слов
Стало наградой целых полков,
Если в трудах и в муках оно
Красным знаменам присуждено,
Если победный дедовский чин
Стал достояньем наших дружин, —
Значит, врагов постигнет скорей
Кара земель, небес и морей;
Значит, достигла новых вершин
Доблесть советских богатырей;

Джамбул и Павел Кузнецов

Значит, злодеям приходит срок,
Сражает их метко гвардейский стрелок,

Праздник сегодня удвоен мой:
Почести край удостоен мой!
В части гвардейцев частью восьмой
Входит и собственный воин мой,
Входит мой родич, входит мой внук,
Входит, на шлеме своем храня
Прикосновенье старческих рук,
Им унесиное от меня.
Сын Казахстана мечом сверкнул,
Ветер гвардейский стяг натянул, —
Поступь победы слышит Джамбул.
Ярость бойца, священная страсть!
Денно и ночью в битвах владей
Теми, кто жизни дарует власть,
Теми, кто выше тысяч смертей!
Слава жигитам лучших частей!
Множься и крепни, гвардейская часть,
Нечисть фашистскую сокрушай,
В бегство разбойников обращай,
Мрази немецкой ужас внушай!
Сталинской гвардии путь открыт,
Путь, что тяжелым плугом изрыт,
Путь, что горячей кровью омыт.

Октябрь, 1941 г.

ВЫСТОИТ ПЛЕМЯ БОГАТЫРЕЙ

ли и прошли две дюжины лет,
Годы, которым дивится свет,
Годы, которым подобных нет.
Землю свободой животворя,
Мир всенародный щедро даря,
В день, что не раз был нами воспет.
Грянул желанный гром Октября.

К двадцать четвертой светлой черге
Мы с небывалым чувством идем.
В мае еще мы были не те,
Люди стремились к другой мечте,
Солнце скользило другим путем,
Хлеб увлажнялся другим дождем.
Птицы в дубравах пели не так,
Волны в реке шумели не так,
Ранняя стужа длилась не так,
Сердце Джамбула билось не так.
Многое ныне стало иным:
Мрачно клубится пушечный дым.
Враг беспощадно чинит грабеж,
Враг угрожает нивам родным,
Рвется на север и в теплый Крым,
В тело отчизны вонзает нож.

Пусть, не в пример торжествам былым,
Дымом ты застлан пороховым,
Пусть ты на прежние не похож, —
День Октября, ты праздничен все ж!
Будь же отмечен, день Октября,
В нашей отечественной войне!

Пусть на врага вдвойне и втройне
Рушатся небо, твердь и моря!
Помню я много мудрых примет,
Помню я старый порядок лет:
Зима по дюжинам велся счет,
Прозвища зимам давали встарь,
С живностью связан был каждый год, —
Звался, как зверь, как домашний скот,
Звался, как ползающая тварь.
Стань для фашистов, нынешний год,
Годом улиток и годом змей!
Стань для страны, где правит народ,
Годом орлов и годом коней!

Песню послал к ленинградцам я,
Песню послал я и к москвичам,
Струнам велел не смиряться я
И разучился спать по ночам.
Я для народов, слитых в семью,
Выносил новую песню мою.
С нами народы заморских стран
Те, что проникли в черный обман,
Те, чьи тяжелые корабли
К нашим причалам путь обрели.
Выстудят, выморозят зверей
Наши сугробы и наши льды,
Выстоит племя богатырей,
Выручит родину из беды.
В прошлом немало суровых зим
Сделал оружием предок мой;
Холод нам друг, и этой зимой
Натиск фашиста мы отразим;
Нашу изведает зиму он,
Сил не найдет для разбоя он,
Гнев наш разрушит вражью тюрьму,
Детище тьмы отпрянет во тьму.

Знаю, о Сталин, не я один:
К светлому облику твоему

Эта лютейшая из годин,
Этот кровавый смертный понос
Много прибавят седых волос,
Много прибавят новых морщин...
Да! Но победа в твоих глазах!
Ты у судьбы стоишь на часах,
Светлый твой облик и голос твой
Нас вдохновляют на смертный бой.
Лезет наш недруг, но лезет зря!
В этом порукой — кровь Октября,
Сталинский путь советских людей,
Доблесть отцов и доблесть детей!

Ноябрь, 1941 г.

В НОВОГОДНИИ ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ЧАС

Снег ложится могучим пластом.
Реки тихо текут подо льдом.
Нависает сосульками лед,
Холодна предрассветная тьма,
Посетившая землю зима,
Продолжает привычный обход,
И стучится в родные дома
Молодой наступающий год.
На полях снеговых, ледяных,
В тишине новогодних часов
Слышу я перекличку бойцов,
Наших славных, советских, родных.
Слышу тысячи их голосов,
Их ответы на сталинский зов.
Звон оружия у их поясов
И походку суровую их.
В эти дни наступил перелом,
В эти ночи не спится врагу,
Он почуял свой близкий разгром. —
Оставляя село за селом,
Он теряет на каждом шагу
Все, что занял коварством и злом.
Он за слезы невинных детей
Платит кровью погибшей собой.
Ленинград и Москва, и Ростов,
И десятки других городов
Дали грозный злодеям отпор
И заставили в землю залечь,
И выкуривать стали из нор:
Партизаны их гонят на двор,

И не греет их русская печь.
Надо их до конца истребить,
До единого всех перебить!
К вам, мои дорогие сыны,
К вам, защитники нашей страны,
Обращается старый Джамбул:
Меч победы над миром сверкнул!
Сталин бережно вырастил вас,
Он отчизну от гибели спас.
На победу страну вдохновил,
Наших сил он умножил запас,
Поле битвы он славой покрыл,
Он упрочил наш доблестный тыл
И фашистскую крепость потряс!
Пусть немолод я, пусть седовлас, —
Я за ним по-орлиному взмыл,
Чтоб помог вам мой песенный пыл
В новогодний торжественный час.

Декабрь, 1941 г.

СОВЕТСКОМУ ВОИНУ

Морозный ветер родной страны!
Наполнись пеньем моей струны!
Сквозь гул орудий мой сын и внук
Пускай услышат певучий звук!
К могучим силам под гром войны
Слова Джамбула обращены.
Красноармеец! Привет тебе,
Тебе, кто страха не знал в борьбе,
Тебе, чей зорек и грозен взгляд,
Тебе, кто немцев теснит назад,
Тебе, чье сердце — огонь и лед,
Тебе, чья слава летит вперед,
Чей шаг уверен, чей путь суров,
Кто защищает родимый кров!
Вы миру дали расцвет зари,
Отчины нашей богатыри!
Вы плоть от плоти своих отцов,
Стяжавших славу лихих бойцов,
Вы утешенье для матерей,
Таких вскормивших богатырей.
Вскормить героя сумела мать,
Его сумела и в бой послать;
В пеленках ею он был согрет,
В ее он пряжу теперь одет;
Оружье наше народ ковал,
Народ свободу завоевал;
Страну, где Ленин в сердцах живет,
Никто на части не разорвет!
Нас враг вовеки не разобщит! —
Нам Сталин — солнце, и меч, и щит.

Враг подбирался с ночных небес,
Но рухнул камнем на черный лес;
Шел под волной он и по волне,
Но, захлебнувшись, гниет на дне;
Пришлось под снегом и на снегу.
Околевая, лежать врагу.
Все это сделал рукой своей
Наш воин, мстящий за кровь детей,
За нас, скорбящих как никогда,
За наши села и города.
Все, чем захватчик еще силен,
Все, чем сломить нас мечтает он,
Что он надергал, что он наскреб,
Все, чем кичится, крича взахлеб, —
Все это должен сравнять с трухой
Советский воин своей рукой!
Советский воин! На запад, вдалы!
Разящей пулей врага ужаль,
Сверкни очами из-под бровей,
Сломи фашистов и в прах развей!
Им передышки мы не дадим, —
Красноармейцы, мы победим!

Февраль, 1942 г.

СЫНАМ ЛЮБИМОЙ РОДИНЫ

азах Сеитов Дюсекей,
И русский Сахаров Борис!
Ваш клич достиг моих ушей,
Он тучей над врагом навис.

Залегши в снежной целине,
Готовя извергам разгром,
Вы обращаетесь ко мне
С коротким пламенным письмом.

Вы заявляете: «Сведем
С фашизмом счета мы сполна»;
Вы пишете: «Мы песни ждем.
Джамбул, поможет нам она!»

Я бремя лет откину прочь,
Чтоб спеть о празднике весны.
Есть, песню дать! Есть, вам помочь.
Народов доблестных сыны!

ПЕСНЯ ВЕСНЫ

Беспокойным тяжелым сном.
В эту зиму спали поля...
Пел свинец во мраке ночном,
Вражью рвань в сугробы валя.
Наши мирные очаги
Разрушали злобно враги,
Но разгневавшийся народ
Гнал на запад фашистский сброд.

Вот зиме наступил конец,
Вешним солнцем пригрет боец,
Оживает трактор в тылу,
В землю падают семена,
Дети радуются теплу,
Вновь ручей течет по руслу,
Вновь береза соком полна,
Вновь курлычут в синей дали
Перелетные журавли.
Их встречая, старый Джамбул
Руки к ним свои протянул,
Протянул и громко спросил:
— В чем источник жизненных сил?
В чем развязка наших тревог?
В чем победы нашей залог?
— В нашем солнце, в нашем вожде,
В жажде мести, в дружном труде,
В неразрывности всех частей
Благородной нашей земли, —
Так пропел Джамбулу ручей,
Так шепнули соки корней,
Так ответили журавли.
Никогда ни один народ
Не признает в немцах господ!
Разве реки иной страны
Для Дуная мелеть должны?
Разве ходят липа и клен
К можжевельнику на поклон?
Разве смолкнет перед совой
Сокол горный и луговой?
Кто отважен и кто силен,
Тот не будет порабощен!
В блеске чистой голубизны
Встретим светлый праздник весны.
С новой мощью ринемся в бой!
С нами Сталин, мои сыны,
Знамя чести над головой.

Апрель, 1942 г.

ГОРОДУ ЛЕНИНСКИХ ЗОРЬ

Город красных Ленинских зорь,
Город русских богатырей!
Вновь Джамбулово сердце грей,
Вновь акыну старому вторы!
Ты вовеки непобедим, —
Это знал я, скорбью тожим,
Слыша весть про вражий нажим
И вверяя в суровый час
Всех созвучий моих запас
Ленинградцам, детям моим.
Ты — хозяин судьбы своей,
Ты в годину тяжких невзгод
Принял так незванных гостей.
Что рedeющий этот сброд
Не прошел ни шагу вперед.
С каждым днем фашисты слабей,
Ждать недолго. Пуль не жалеи!
У железных своих дверей
Все опасности переспорь,
Город красных Ленинских зорь,
Город русских богатырей!
Много подвигов ты свершил,
Много извергов искрошил.
Город-зарeво, город-лев!
Слушай издали мой напев
И стреми свой царственный гнев
Вдоль израненных неvских жил.
Вешний гром над миром гремит:
Сталин с армией говорит,
Он с грядущего рвет покров

Острием пророческих слов,
Где алмазный опыт боев
С золотым предвиденьем слит.
Наши войны стали элей,
Наши люди стали взрослей.
Вот средь выжженных пустырей
Душит немцев смертная хворь!
Вот канун победы твоей,
Город красных Ленинских зорь,
Город русских богатырей!

За движеньем солнца следя,
Счет бесценным часам ведя,
Выполняя приказ вождя,
Казахстан отдался труду,
Чтоб сразить тупую орду,
Если рук, от страха пьяна,
Не поднимет раньше она.
За составом идет состав...
Славный город, наш дар прими!
Пусть обвинивший тебя удав,
Гад, глумящийся над детьми,
Подыхает, кольца разжав.
Славный город, наш дар прими.
Будь им сыт, а врагов громи
И свинцом их нашим корми!
Пред тобой, от годов сутул,
В этот год склонился Джамбул.
Я, чей волос снега белей,
Говорю: победу ускори!
Прорубись в просторы морей,
Город красных Ленинских зорь,
Город русских богатырей!

Май, 1942

ДРУЖБА НАРОДОВ

Там, где Джамбул родился и рос,
Где до седых он дожил волос,
Там, где он песни свои слагал,
Там, где он раны помогал,
Там по раздолью древних степей
Бродят несметные табуны,
Там в бичеве озерных сетей
Рыба выходит из глубины,
Там поглощают влагу дождей
Всрозды вспаханной целины:
Там для расчета с лютым врагом
Уголь пылает, плавя руду,
Там управляет и стариком
Воля к борьбе и воля к труду;
Там научились владеть штыком
Наглому Гитлеру на беду,
Там — кладовая силы земной,
Там — колыбель бесстрашных людей, —
Там — Казахстан неоглядный мой
Во всеоружье славы своей!
Сталинской дружбой со всей страной
Спаян мой доблестный Казахстан,
Стал он любимцем в семье родной.
Стал образцом для дружеских стран.
Внуки мои! Мои земляки!
Я не однажды за этот год
Мощные ваши воспел полки
И проводил в священный поход.
Каждый из вас меня вдохновлял,
Вас я на битвы благословлял.

Под Ленинградом и под Москвой
Стали вы сказкой вечно живой.
Многих из вас на горе врагу
Славный Панфилов вел за собой.
Горд я и счастлив — скрыть не могу! —
Тем, что казах на русском снегу
Знамя гвардейцев, дар боевой,
Поднял средь первых над головой.
Горд я и счастлив тем, что казах,
Берег заветный вернув стране,
Пал на колени, целуя прах,
Степь Украины, как пишут мне...
Берег реки под ливнем свинца
Он целовал, как руку отца.
«Жарко он, — пишут, — к земле прилянул...»
Что же скрывать? — ты сладко всплакнул,
Слыша об этом, старый Джамбул!

Время идет и недолго ждать —
Мы людоедор начали жать.
Но, чтобы скорей погибли враги,
Силы свои вдвойне напруги,
Слитый с отчизной, мой Казахстан!
Слышат народы наши шаги,
Видят грядущих битв ураган.

Июль, 1942 г.

ДЕВУШКИ НА СТАЛЬНОМ ТУЛПАРЕ

Я помню: когда в старину
Казах уходил на войну,
Когда на войну уходил
И сына с собой уводил,
Тогда поручал он жене
Заботу о доме своем, —
О мирном своем табуне,
О тучной родной целине,
Покрытой густым ковылем.
Покуда мечем и копьем
Отечество он защищал,
Он матери скот поручал,
К охоте сестру приучал,
И еле подросшую дочь
Обязывал зерна толочь.
Об этом старинном труде,
О твердости женской руки
Поныне всегда и везде
Седые поют старики,
Об этом над вешней водой
Джамбул вспоминает седой.
Чтоб лопнула вражья броня,
Как черный болотный пузырь.
Чтоб схлынуло море огня,
Что лижет советскую ширь —
Взнуздав вороного коня
Народный лихой богатырь,
Он скачет и песню поет,
Он в синий небесный пустырь
Уводит стальной самолет.

Он грозные танки ведет,
Он танками давит врагов,
Немецкие топчет полки,
Как топчут гадючьи клубки
Копыта могучих быков.
Он силой карающей стал.
А кем он вчера еще был?
Он зерно урожая считал,
Он силою мирною был.
И вот он от дома далек...
Кому же теперь невдомек,
Что сеятель, пахарь и жнец
Средь недругов сеет свинец,
В дугу их, как дерево, гнет,
Их косит, и давит, и жнет?
Он в смертном кровавом бою
Семью защищает свою,
За правое дело стоит,
За родину смело стоит,
Стоит за свободу и честь.
И всюду на быстрых крылах
За вестью разносится весть
О им совершенных делах.

Где землю пахал он вчера,
Его заменила сестра;
Сражается пахарь и жнец,
Но мать его, дочь и жена
Постигли всей глубиной сердец,
Что помощь их фронту нужна.
Родимая! Трактор веди,
С машиной хозяйственно ладь,
За винтиком каждым следи.
Работай танкисту подстать
И, с ним соревнуясь, гляди —
Горючего даром не трать...
Подруги, трудитесь в тылу!
Все думы теперь об одном:
Чтоб землю готовить к теплу,

Чтоб колос был полон зерном!
На помощь в заветном труде
И школьник спешит и старик.
И пусть мальчуган невелик,
А дед с сединой в бороде,
Но будут в порядке хлеба!
Ведь нынче повсюду борьба,
Ведь с трактором дружит ружье,
И Сталин, чье слово — судьба,
На запад теснит воронье.
Вот выйдешь ты, дочь, на жнивьё
И, пот утирая со лба,
Воскликнешь: «Уж я ли слаба?
Уж нам ли зимой не житье?
А вот они — наши хлеба!
А вот оно — дело мое!»

Июль, 1942 г.

ПРОВОДЫ

лагословенье отца над тобою,

Мой сын.

Садись на коня, подготовившись к бою,

Мой сын.

Полыхая седой бородою,

Вослед я тебе погляжу,

И песни, рожденные вместе с домброю,

Я в уши твои вложу.

Мой сын Алгадай, ты честным, почтительным был.

Ты слову отца не перечил и труд ты любил,

И черным поступком, позорящим имя семьи,

Ни разу седин моих не осквернил.

На фронт я тебя провожаю,

Мой сын.

Тебе я здоровья и силы желаю,

Мой сын.

Умножь нашу гордую славу,

Не сбивайся с прямого пути.

Окрылившую песню акына державу

От врагов защити!

Единству и братству народов пришел

испытания срок,

И доблести мужа пришел испытания срок...

Слова мои слушайте воины-юноши все,

Поймите сердцами преподанный сыну урок.

ЛЕНИНГРАД ПОБЕДИТ

О тебе, о родном, я снова пою,
Ленинград, устоявший в смертном бою!
Ты врага задержал, ты славу стяжал,
Ты согрел и украсил старость мою.

Песне сказано было: «Близок злодей,
Растопыривший крючья своих когтей, —
Птицей, песня, вспорхни и в грозные дни
Над балтийской твердыней небом владей!»

Песне сказано было: Крылья раскинь!
Борозди, прорезай осеннюю синь!
Ленин, вечно живой, скорбит над Невой, —
Бурей гнева на немцев, песня, нахлынь!»

Песне сказано было: «Ленин зовет!
Пусть не знает преград твой долгий полет
И, завидев твой след, пусть враг-людоед
На тебя направляет свой пулемет!»

И послушалась песня, и помогла:
Сил своих не жалея, грудь напрягла.
И, подобно серпу, пробили тропу
Сквозь фашистскую мразь два острых крыла.

Ленинградцы! Мой дух над вами витал.
Вражьи трупы он тысячами считал.
Дух мой — в песне, и с ней он множество
дней

Ненавидел, держался и побеждал.

Наших предков я славил в песне моей,
Мне казалось — не может уж быть храбрей,
Но таких, как сыны балтийской волны,
В первый раз я встречаю богатырей...

Этот город сравнил бы Джамбул седой
С незакатной вовек Железной звездой,
Что прочнее гвоздя, однажды, взойдя,
Дни и ночи блюдет заветное «стой!».

Быль чудесную знают здесь не одну,
Перед прошлым Невы я колени гну,
Но со дня, как возник, так не был велик,
Так могуч наш оплот, как в эту войну.

Четверть века прошло с той славной поры,
Как свои он пред нами раскрыл дары...
Победит Ленинград! И об этом в лад
Сложат песни акыны, гусяры.

Август, 1942 г

ПРИКАЗ РОДИНЫ

Грозный день, о сын, наступил!
Горе! К горлу враг подступил!
Нам дыханье хочет пресечь,
Все с землею сравнять и сжечь,
Осквернить святыни отцов!...
Враг вступить посмел на Кавказ.
Хочет лучшее взять у нас!
Хочет пить Кубань, Волгу, Дон —
Кровь и плоть веков, радость глаз!
Каждый город и каждый дом
Создавались нашим трудом,
Это — наше с древних времен!
Все отнять у нас хочет он!
Все, чем жизнь была дорога,
Разве ты берег для врага?
Если над головою гроза,
Разве смерти не взглянем в глаза?
И важней разве что-нибудь есть,
Чем народа и родины честь?
Разве честная медлит рука
Вырвать жизнь из груди врага?
Каждый, каждый земли вершок, —
Это тело твое, кровь и пот!
Здесь по жилам железных дорог
Протекает жизни поток.
Там, где слышишь, как дышит завод, —
Сердце родины бьется, живет;
Там, где руды в земле залегли,
Видишь светлую душу земли!
Где зелёный раскинулся луг —

Это — сила трудящихся рук,
Это — радости мирной жилы,
Это — верное счастье твое!
На тебя с надеждой глядел
Каждый памятник дедовских дел!
Если враг это рушит сейчас,
Если это он топчет, кичась, —
Чья душа не вспыхнет огнем?!
Разве в пропасть врага не столкнем?!
Где берет он хоть малую пядь, —
Он спешит в себя силу впитать!
Там, где верх он над нами берет, —
Сил лишить он стремится народ!
О, скажите! Кто это поймет, —
Разве можно еще отступать?
Разве есть у нас лишний вершок,
Полвершка, самый малый лишок,
Что не жалко врагам уступать?
Нам разбойники рабством грозят!
Помни, воин: ни шагу назад!
Чем позорного рабства печать, —
Смерть не легче ли нам
во сто крат?

О великое племя! Вы,
Наши юноши, наши львы,
Никогда еще о себе
Не слышали дурной молвы,
Не терпели еще обид,
Вас не жег униженья стыд!
Гордой матери молоком
Вскормлен родины сын — жигит!
О, свободной земли сыны,
Гляньте в дымную даль войны:
Там прекрасные города
Топчет вражеская орда!
Там казненные без вины
Дети раненые видны,
Пощадить дитя молит мать,
Стопнут женщины — плач кругом!...

Сын мой, тверже будь, чем гранит,
Будет вдребезги враг разбит!
Бей врага, мой сын, бей врага! —
Это Сталин тебе велит!
Будет счастье и будет свет!
А для воина смерти нет!

Сентябрь, 1942 г.

НЕСОКРУШИМАЯ КРЕПОСТЬ

Про дела счастливой страны
Пел я в мирные времена,
Но, друзья мои, в дни войны
Песня гнева больше нужна.
Мне покоя гнев не дает!
Ночи целые напролет
Я тревожный мысленный взгляд
Устремляю на Сталинград.
Хочет враг занять берега
Нашей славной Волги-реки...
Руки коротки у врага! —
Обломаем ему клыки,
Поскользнется его нога!
Сталинград... не каждый ли дом
Повествует здесь о простом
Славном воине-смельчаке,
Что с ружьем, сжатым в руке,
Защищает волжский простор
И свободу казахских гор?!
Ты не дрогнешь, воин-смельчак!
Вспомни в дни тягчайших невзгод,
Как когда-то русский народ
Защищал свой каждый очаг.
У могучей нашей реки
Сталин братьев твоих сплотил.
И отец, что тебя взрастил
Всем лишениям вопреки,
Под Царицыным победил.
Твердо знают и стар и млад:
Враг наш скоро будет разбит.

Совесьть мира на Сталинград,
Затаив дыханье, глядит.
Защищай же волжскую ширь,
Безупречный мой богатырь!
Высоко над краем родным
Сталин знамя борьбы вознес.
В Сталинграде — пламя и дым,
Но стоит он прочней, чем утес.
Там сражается и казах.
Мой сородич неустрашим,
Знаю — выстоит он в боях,
Будет Сталин доволен им.
Я не белый клочок оторвал
От седой моей бороды, —
Я родного сына послал,
Сталинградцы, в ваши ряды!
Провожая его в поход,
«Алгадай! — сказал я ему, —
Бей как следует вражий сброд,
Докажи, что ты не урод,
Что в Джамбуловом вырос дому!»
Я сказал ему: «Алгадай!
Будь подобен живому письму —
Мой привет бойцам передай!»
Сталинградцы! Песни мои
Алгадай мой вам пропоет,
Пусть в бурленье волжской струи
И Джамбул свой голос вольтет.

Октябрь. 1942 г.

СКАЗАНИЕ О БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПРАВДЕ

Помню — в тот день Майтюбе-гора
Празднично выглядела с утра:
Снег, залегая в морщинах скал,
На Ала-Тау седом сверкал;
С желтой ромашкой наперебой
Мак по зеленым склонам алел,
Конь обрывал их влажной губой,
В них утопал, от них веселел:
Шумно раскачивалась листва —
Легкая ноша свежих ветвей;
В песнях, исполненных торжества,
Хвастали птицы жизнью своей;
Счет потерявший прожитым дням
(Я и тогда уже был старик),
Взор обратив к нагорным снегам,
Вдруг услышал я радостный крик:
«Фурманов Дмитрий приехал к нам!»
Дмитрий... Слышал я раньше о нем,
Знал, что не рядом мы с ним живем...
Кто приезжал из Алма-Ата,
Тот говорил, что пышут огнем
Дмитрия Фурманова уста;
Речь его, мол, ясна и чиста;
Если, мол, все мы за ним пойдем,
Явью любая станет мечта.
Беден тогда был старый Джамбул,
Часто на голой спал земле. —
Как на облезлом своем осле
Он бы до города дотянул?
Льнула беда к седым волосам,

Немощен был я и рван и бос...
Если же Дмитрий приехал сам,
Если предстал он старым глазам, —
Здесь он ответит на мой вопрос!

- «В мире, наполненном суетой,
Долог мой путь, — ему я сказал, —
В поисках правды Джамбул седой
Обувь последнюю истоптал.
Ищет он семьдесят с лишним лет,
Кажется, видит правду порой,
Кажется, вот уж напал на след.
● Но, покрываясь враждебной мглой
След исчезает, и правды нет...
Голубем правда вьется вдали, —
Кони доскачут ли до нее?
Правду догонят ли корабли?
Можно ль проникнуть к правде в жилище?
Стал мой осел и щиплет кусты...
Стать ли и мне, затылок скребя?
Где же, я спрашиваю тебя,
Где она, правда, знаешь ли ты?»

Вдумчивый взгляд под высоким лбом.
Сердце мое овеял теплом.
Сияясь волненье скрыть от меня,
Голосом юношеским звеня,
Он на слова ответил мой:
«Правда, отец, в людском бытии,
В жизни она и, значит, везде,
Но достается только в труде.
Если ж свободным не станет он,
Правды не будет, — это закон.
Даром свободы в жизни не жди. —
Путь пролагай труду своему!
Светлую правду вносят во тьму
Ленин и Сталин, наши вожди.
В правде — победа большевиков.
Путь предстоящий будет суров,

Да, но другого нет впереди.
Данный мне Фурмановым ответ
Снял с меня сразу полсотни лет,
Силу былую обрел я вновь,
В жилах моих обновилась кровь.
Стала из высохшего ручья
Бурным потоком песня моя.
Ленинско-сталинский светлый путь
Стал неизменным путем моим,
Слов большевистских познал я суть,
Лживого бреда липкую муть
Стал обходить с подолом сухим.
Мирный приют моих земляков,
Сочную зелень свежих лугов,
Где разогнали всю мошкару,
Истину жизни, жизнью согрет, —
Два с половиной десятка лет
Я воспевал на общем пиру.

Время пришло: в негаданный час
Всех к испытанью призывали нас.
Время пришло: орудийный гул
Степи бескрайние всколыхнул
И снеговые горы потряс.
Так оборвал наш мирный покой,
Так замахнулся грязной рукой
Враг, потерявший облик людской.
Вторгся на наши равнины он,
Вторгся, чтоб сесть нам на спины, он,
Вторгся, ища мертвечины, он.
Стал земляков скликать я моих:
«Ну-ка, затянемте пояса!
Ну-ка, прогонимте немца-пса
Так, чтоб не лаял, так, чтоб затих!
Правда отчизны — наша краса,
Чище и глубже, чем небеса».

Время проходит. Вот уж погас
День пятисотый в черном дыму.

Пламя войны в пятисотый раз
Смыло с полей вечернюю тьму, —
Мы же по-прежнему немца бьем,
Мы, как и прежде, духом сильны,
Фронту все больше сил придаем,
И разрастается с каждым днем
Гнев непреклонной нашей страны.
Все мы воюем — и стар и млад,
Бомбой и пулей разим впопад.
Дело большое нашлось и мне:
Песней правдивой служить стране.
Не остается песня в долгу, —
Песня хребет ломает врагу.
Целься же, песня, в глаз, а не в брови,
Мсти за народную нашу кровь!
Время придет, и мы отомстим
За омраченный великий день,
День, что, как солнце, неугасим,
Но, облеченный в скорбную тень,
В память со стоном входит глухим.
Четверть столетия, годы трудов
Нашим богатством будут всегда,
Не превратят нас немцы в рабов!
Знайте же, села и города:
Нам без победы спасенья нет!
Разве помилует людоед?
Разве насытится кровью он?
Кровью союз народов скреплен,
Кровью мы купим счастье и честь,
В нас большевистская правда есть,
Ленинско-сталинская в сердцах
Светит нам правда зверю на страх.

Ноябрь, 1942 г.

ОТВЕТ СЫНУ

Как последним письмом, сынок,
Ты порадовал сердце мне!
Ты с гвардейцами наравне,
Ты в отлучке не одинок.
Будь подобен предкам своим,
Саурыку и Суранши,
Во вторую из грозных зим
Без пощады немца глуши!

Боевые твои друзья
Написали вместе с тобой;
В каждом слове их слышу я
Свист меча над вражьей толпой.
Это — братья твои, сынок!
Это — дети нашей страны!
От волнующих теплых строк
Веет мужеством старины,
Вы мне пишете: «Злобный враг
Скоро канет в подземный мрак,
Дни разбойников сочтены!»

Помни, сын мой, слово отца
О приказе родной земли!
Был приказ: стоять до конца!
Стой и немца свинцом сверли!
Верен будь присяге своей,
В битве, сын мой, сил не жалея.
Вижу я из твоих простых
И по-воински скромных строк,
Что немало дел золотых

Совершил ты в короткий срок.
Ваши части гонят врага,
Остановлен вражий набег,
Очищаются берега
Замутившихся русских рек.

«Мертвой нечистью путь устлав,
Перед родиной воин прав», —
Так ты пишешь, и вот ответ:
Мертвой нечистью путь покрыт,
Но не сыт я, мой сын, не сыт,
Я не сыт, и покоя нет...
Пусть отец твой годами стар, —
Жажда мести мне сердце жжет,
За ударом нужен удар,
Новой славы отчизна ждет,
Не окончен победам счет,
Полной мести близок разгар,
Грозных молний виден полет!
Помни, сын, что истый жигит
Не боится своих врагов.
Если будешь и ты таков, —
Станешь славен и знаменит.
Только помни: сил не жалея,
Не щади себя, Алгадай,
С оскверненных наших полей
По-гвардейски нечисть сметай!
Будь бесстрашен, мой Алгадай,
Немцам отдыха не давай!
Если струсишь, — не пошажу.
Если выступишь, — награжу
Тем, что внукам в песнях моих
О твоих друзьях боевых,
О делах твоих расскажу.

Декабрь. 1942 г.

ГЕРОЯМ ВОРОНЕЖА

Полон древних могучих сил
Черноземный русский простор!
Сотни лет здесь кровью платил
Враг отчизны за свой задор.

Здесь крепчайших богатырей
Наш народ поставил в дозор,
Здесь фашистам грудью своей
В эти дни вы дали отпор.

От Воронежа отвратив
Ненасытный вражеский взор,
В глубь священных родимых нив
Мы не пустим пьяных обжор!

Дети милые! На века
Вы прославлены с этих пор:
Там, где льется кровь смельчака
Не грозит отчизне позор.

Разве дрогнете, смельчаки.
Если все вы здесь наподбор?
Там, где надо, и кулаки
Заменяют штыки и затвор.

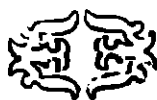
Будьте, дети, тверже камней! —
Это вражьи силы измор,
С каждым днем смелей и верней
Выбивать их надо из нор.

Твердо знают и фронт и тыл:
Враг не страшен, страшен укор.
Кто Воронеж грудью прикрыл, --
Спас он братьев, спас он сестер.

Я уверен: злая вода
Не разрушит каменных гор,
Мы отпразднуем день суда,
Справедлив он будет и скор!

Декабрь, 1942 г.

НОВОГОДНИЙ ПРИВЕТ

С мной молодежь дружна,
На Новый мне год она
Цветы приносила в дом,
Я песни слагал о ней,
О жизни, ставшей длинней,
О празднике молодом.

Как ветви, что рвутся ввысь
И соками налились
Весною в лесу густом,
Так, солнечно-весела,
Меня молодежь влекла
На пиришестве круговом.

Но свет войной затемнен,
И радости тех времен
Нам кажутся смутным сном...
Где дочери и сыны
Великой нашей страны,
Там думы их об одном:
С оружием врага встречать
И молодость защищать,
Сражаясь ночью и днем.

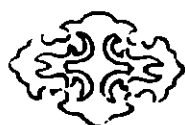
Отважная молодежь
Злодеев повергла в дрожь,
Разя их смертным огнем.
Оружье сжато в руках,
И тает снег на щеках,
Покрытых первым пушком.

Жигиту-богатырю
Я с гордостью вслед смотрю, —
Он сказочным стал щитом.

Победы в Новом году
От вас я, родные, жду,
Своим вам служа трудом.

Декабрь, 1942 г.

НОВОГОДНЕЕ ПИСЬМО СТАЛИНГРАДЦАМ

Сталинграда герои, вы —
Из металла литые львы,
С сердцем крепче горных пород!
Защищая каждую пядь,
Вы сумели насмерть стоять,
Вас прославит в веках народ,
Вам, кто предков честь вознес..и,
Он поклонится до земли.

Вгрызся в горло вам душегуб,
Но из сомкнутых гневом губ
Ни один не вырвался стои,
Вы делами дали ответ:
Душегубий дробя хребет,
Осень долгую напролет
Вы злодея теснили вон...
Подавившись добычей, он
Черной кровью теперь блюет...

Все пожрать возмечтавший впрок,
Мир он в жертву себе обрек.
Да советской земли кусок
Живоглоту встал поперек.
Но с твердыни и посейчас.
Даже знатно и крепко бит.
Он насытых не сводит глаз.
Он подкрасться к ней норовит.

Заклинаю, родные, вас:
Да свершится святая месть!

Сокрушительнее напор!
Бейте изверга до тех пор,
Пока кровь его, вся как есть,
Из драконьих не хлынет пор!

Новогодний разлив зари,
Полыхая в шелку знамен,
Вам вещает, богатыри:
Будет мерзостный посрамлен!
Как от солнца пятится мрак,
Сколь бы плотно не залегал, —
Так от вас откатился враг,
Чуя гневных сердец накал.
Солнцу свет на запад нести...
Нынче с солнцем вам по пути!

. Декабрь, 1942 г.

ТЕБЕ, КОМСОМОЛЕЦ ЛЕНИНГРАДА!

рибыл гость дорогой ко мне, —
Ленинграда отважный сын.

Речи пламенные его
Я, седой и дряхлый акын,
Молча слушал и видел того,
О котором он вел рассказ.

...Ты мне ярко предстал сейчас,
Ленинграда боец молодой,
Сквозь просторы страны родной,
Сквозь немолкнущий вой ветров.
Бледен ты, но взор твой суров.
Неустанен он в днях и в ночах.
Мысль одна в нем: не сдать в борьбе!
...Ватник стеганный на тебе,
Валенки на твоих ногах...
Это ты Ленинград родной
Оградил стальной стеной,
Чтобы злобных врагов орда
Не проникла в него никогда.
В эту стену уперся враг
И не двинулся ни на шаг.

Рвутся бомбы на площадях,
Дико злобны разрывы их,
Но тобой не владеет страх:
Ты в холодных цехах больших
За снарядом готовишь снаряд
И, врагу давая ответ,
Наши пушки ревут, гремят...
Где тебя, непреклонного, нет?!

Для бойцов в пекарне ночной
Выпекаешь ты хлеб ржаной;
В лазарете сестра твоя,
Бесконечных забот полна,
День и ночь хлопочет она,
От себя усталость тая.

Да, мой сын, мой любимый сын,
Как, пройдя, поглядишь кругом, —
Осквернен проспект не один
Вражьей стаей, вражьем свинцом.
Но врагу не торжествовать:
Убираешь каменья ты,
Сор сметаешь, и вот опять
Тротуары улиц чисты.
Жизнь идет, ее не прервать!
Это — доблесть твоя! Это — ты!

Вижу я: ты сходишь в подвал,
И в ночи, как бы ни завывал
Черный вражеский самолет. —
Комсомольцев собрание идет.
Пусть сирены тревожной вой
Раздается в тиши ночной, —
Ты сидишь и пишешь статью.
Вижу: бегают твой карандаш:
«Крепче стойте, друзья, в бою,
Ленинград защищая наш!»
Ты стоишь у наборных касс,
И, как четверть века назад,
Буквы «Смены» в урочный час
Свежей краской во мгле блестят.

«Смена»... Выращено тобой
Племя комсомольцев-отцов,
Петрограда славных бойцов.
Передай же теперь их сынам,
Рвушим вражье кольцо, о том,
Что Джамбул поет их делам
Славу звонким степным стихом.

С отпечатанных утром листов
Славной «Смены» твоей боевой
Я, седой и дряхлый акын,
Обращаюсь к тебе, мой сын.
Ленинградец, друг молодой,
Вот по Невскому я иду:
С пьедестала, с гранитных плит
На меня Кутузов глядит;
Вот на Выборгской, там, вдалеке,
Ленин, стоя на броневике,
Простирает руку свою;
Вот за Нарвской заставой я, —
Здесь увенчанный славой зовет
Ленинградец Киров вперед!
Ты у этих богатырей,
У великих России сынов,
Жить учись! Как они, сумей
Быть в опасности тверже камней
И незыблемей горных хребтов.

Помни, юноша, вся страна
О тебе заботы полна!
Знаю: скоро отступит враг
От Невы так же, как побежал
Он от волжских бурливых вод
И от Дона, что перестал
Тихим быть и яростным стал,
Так же, как от Кавказских гор.
Побежал он, побитый вор.

Стой же, сын, на посту, крепко стой!
Вся страна, ленинградец, с тобой.
И с тобой, мой любимый сын.
Я, Джембул, ее седой акын.

Февраль, 1943 г.

БОГАТЫРЯМ, ЛОМАЮЩИМ ПРЕГРАДЫ

Больше всех народом любим
Тот, кто в битве непоколебим,
Тот, кто с жизнью расстаться готов,
Мстя за слезы сирот и вдов.
Но тому наивысший почет,
Кто бойцов за собой влечет,
Кто для них излучает свет,
В ком спасенье от лютых бед.

Судьбы нашей великой страны
Красной Армии вручены.
Все, что лучшего в мире есть, —
Дружный труд, свободу и честь, —
Все, что создано на века
Человеческим светлым умом,
Все, что враг обрекал на слом,
Защищают наши войска,
Защищают ночью и днем.
Всех решительней, всех смелей,
Всех заботливей и мудрей —
Вождь отважных наших полков.
Вождь, как солнце рассеявший
тьму.

Совесьть мира, светоч веков,
Сталин, Сталин, слава ему!
Наших воинов всюду чтят,
Чтят, кто мал, кто молод, кто сед,
Славят сталинский путь побед
И с восторгом за ним следят.

Люди чтили и в старину
Смельчаков, что шли на войну
За свободу милой земли;
Помогали им чем могли
И венки полководцам плели.
Если в люльке, здоровьем дыша,
Русский мальчик мать утешал,
Если этого крепыша
Старый дед на колено сажал,
Говорили и дед и мать:
Новорожденный мальчик-казах
Отражал впервые в глазах, —
«Ты Чапаевым должен стать!»
Если свет вечерней звезды
«Будь подобьем Амангельды!
Будь отважен, как Махамбет!» —
Вот какой давали совет.
И в преддверье тревожных лет
Слово матери слышал грузин:
«Будь прославлен, как тот исполни,
Кто был в тигрову шкуру одет!»
И не раз, где Каспий седой
Гонит пенные валы,
Смуглый первенец слышал: —
«Стой,

Стой за правду, как Кер-оглы!»
Так младенцам каждый народ
Образ предка вливал в сердца,
Чтобы чтили их в свой черед,
Чтобы в каждом видеть бойца.
Было время — враг оттеснял
Нашу армию на восток,
Нашу землю он осквернял,
В малодушных робость вселял.
Трупы детские оставлял
За собой немецкий сапог.
Но сомненья не было, нет
В том, что силы наши растут,
В том, что скоро немцу ответ

Все народы наши дадут.
Если в жилах наших бойцов
Кровь их славных предков текла —
Эта кровь, наследство отцов,
Поруганья стерпеть не могла.
Знал ли немец, как может кипеть
Эта кровь, что чище росы?
Знал ли он, что нам не сробеть
Даже в горестные часы?
Знали мы, что расплата близка,
Что захватчик будет разбит,
Что великий Сталин крепит
И по-новому строит войска.
Твердо знал и старый Джамбул,
Что недолог вражий разгул:
От Невы до Кавказских гор,
За приказом ступая услед,
Ради ваших, жигиты, побед
Голос мой выходил в дозор.
Не прошел ли я с вами сам
По дорогам и по лесам?
Помнит каждая колея,
Помнят старых стволов слои
Зов Джамбула — «дети мои!»
И признание — «гордость моя!»

Устояли вы в смертной борьбе,
Я горжусь моими детьми!
Вот, забыв о своей похвальбе,
Людоед ложится костью!
Вот он корчится, раненый змей,
Задержать нас хочет в пути...
Нет, себя ему не спасти!
Кто сумел удар нанести, —
Будет дальше разить сильнее!
Бей врагов, мой доблестный вилук,
В мертвецов превращай иль
в калек!
Знай: разливом весенних рек

Сносит в море зубастых шук.
В ваших жилах взбурлила кровь,
Враг под натиском вашим смят,
Ваши предки ожили вновь,
Их знамена в небе шумят.
Пусть же гибнет в бегстве своем
Враг, ворвавшийся к нам с огнем
И с разбойничьим кистенем!
Миру видно, — делом своим,
Ей привычным, ей не чужим,
Наша Армия занята,
Грозным делом чести своей,
Что под силу одной лишь ей,
Ей завещанным неспроста.
Четверть века тому назад
Ленин, кинув пророческий
взгляд.

Это дело ей поручил
И со Сталиным делу учил.
И со Сталиным во главе,
Обращая мысли к Москве,
Ныне Армия наша идет,
Бьет врага и погоды
не ждет.
Развернулись наши войска,
Для которых туча близка,
Хлябь морская неглубока
И граница недалеко!
Разъярился такой кулак,
Пред которым только бег,
Пред которым сохнут мозги
У слуревших вражьи вояк!
Размахнулся такой народ,
Что проходит и вплавь и вброд.
Что не может пойти ко дну
И дорогу знает одну:
На врага! Вперед и вперед!
Продолжай же, армия, бой,
Исторгая из фашистов вой.

Зимний вспарывай их постой,
Режь их фронт, кромсай и крои!
С вами Ленин, дети мои!
Войско дивнсе, Сталин с тобой!

Февраль, 1943 г.

СВЕТЛЫЙ ПРАЗДНИК НАШ НЕДАЛЕК

В лютых вьюгах зимних ночей
Броненосный ринулся вал;
Крепче льда и тучи мрачней,
Вражью цепь он властно порвал,
Это, в грозной славе своей,
Сила наших богатырей, —
Красной Армии день настал!
Мир к ней взоры свои приковал!

Всенародный внукам привет
В песне шлет ликующий дед.
Снова молод я и силен,
Вами, внуки, я вдохновлен.
Сердца жар ничуть не остыл,
Свет очей моих не погас,
Наш, на жертвы готовый, ты!
Этой песней приветствует вас!
Ваш удар неслыханным был —
Он врага жестоко потряс,
Путь на запад он нам открыл.
Нам известно, как бить врагов,
Бить и вдоль их и поперек!
Мудрый Сталин на смерть их обрек:
Он — водитель наших полков,
Он спасает нас от оков,
Светлый праздник наш недалек!

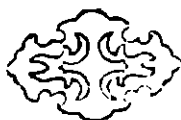
Февраль, 1943 г.

БОЕВЫМ СТРАНИЦАМ — СПУТНИЦАМ КРАСНОЙ АРМИИ

Знаю я: со штыком паравне,
Верно служит нашей стране
Боевая наша печать,
Ей, подобно грому, звучать!
Наша слава, наши труды.
Наши села и города, —
Все, что Сталин спас от беды,
Словно небо в каплях воды,
Отражаются навсегда
На страницах «Красной звезды».
Я всю жизнь о мужестве пел,
И струна моя мне твердит:
«Тот, кто грамотен, тот, кто смел,
Тот, кто труса взял на прицел,
Тот, кто сердцем с народом слит,
Неминуемо победит!»

Февраль, 1943 г.

Джамбул бесѣдуетъ съ писателемъ Вс. Ивановымъ

КЛЯТВА ПОД ЗНАМЕНЕМ

Казах-скотовод! Мы вместе росли,
Мне с детства знаком твой мудрый нрав,
Мне песни о славе родной земли
Нашептывал ты под шорох трав.
Итти, отвлекая порчу и вред
От блеющих и от мычащих стад,
Все время за ними итти вослед, —
Вот жизни твоей вековой уклад.
Грозили им бури и холода,
И волки, и воры, и тьма невзгод,
Но, сил не щадя, ты холил стада
И ночью и днем, казах-скотовод!
Прикрывшись полкой, щекой
к рукаву.
Промокнув от темени и до ног,
Под ливнем, ты все же держал бичеву,
В полглаза дремля, добро ты стерег.

Я видел, колхозник, твои стада,
Но счесть их мне было невагоду...
Колышется степь, как в море вода,
И в этой степи раздолье скоту,
Здесь выпаски всех четырех родов.
Средь шерсти, рогов, горбов и грив
Я гикать, как в молодости, готов,
И грудь мне вздымает мощи прилив!
Меж всадников статных, домброй звеня,
Сквозь эти богатства, сквозь их нагул
Направил шаги гнедого коня,
Качаемый иноходью, Джамбул.

Вдоль гор продвигаются табуны,
И лоснится волос, как мех бобра;
Пылят годовалые шалуны,
Во-всю жеребячья идет игра.
У каждой буренки, гордой на вид,
Запас молока и свеж и тяжел;
Вот вымя ее сосун теребит,
И радует взоры знатный отел.
На пастбищах звуки щедрой весны:
О песнях горбатеньких верблюжат
Ягнята младенческой белизны
По-своему высказаться спешат...
Табунщик, телятница, овцепас!
Кто лучше, чем вы, их речи поймет?
В труде напряженном я видел вас,
И в старческой песне ваш труд живет.

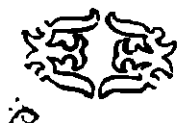
Когда ненасытный и лютый враг
Вломился на наш священный простор,
Казах-скотовод все силы напряг,
Он жаждой отмщенья зажег свой взор!
Табунщик на фронт коня сдвинул,
Ему расчесав и гриву и хвост.
Он в мирное время табун растил,
Но знал, что и в бурях будет прирост.
Я вижу, телятница, что и ты
Для кухонь походных растишь приплод—
А если в бою пересохла рты, —
Вот сливки для них, густые как мед!
Проживши без малого сотню лет,
Я хрупок, но силы все же припас.
Друзья-скотоводы, пусть мой совет
Приказом и клятвой звучит для вас!

Давайте же силы соединим,
Чтоб доблестный воин досыта ел!
Пусть вашим трудом он будет храним!
Пусть немцев гуртом берет на прицел!
Давайте на части рубить змею,

Что в наше отечество заползла!
Вернемте всех тех в родную семью,
Чьим мукам нет меры и нет числа!
Клянись, казахстанец, помочь в бою
Советской отчизны славным сынам.
И Сталин услышит клятву твою
Под знаменем чести, врученном нам!
Будь верен присяге! Где стал, там стой!
Всегда мы такие, из рода в род.
Тебя поздравляет акын седой,
Он знает твой нрав, простой скотовод!

Апрель, 1943 г.

НА СМЕРТЬ СЫНА

сыны мои, о сыны!
Свирепые бури кому не страшны?
Тополь до корня качается в горе,
До самого дна волнуется море.
Седая скала лишь встречает в упор
Неистовой бури свирепый напор.

Крепок чресседельник, силен верблюд,
Не сломят его ни груз, ни труд, —
Так старый Джамбул духом силен.
Под вестью тяжелой не сломится он,
Что сын его милый, сын-герой
Отнят безвременно злой судьбой.

О сыны мои, о сыны!
Герои отвагою рождены,
Коль голову сложат, грома врага, —
Их память народу навек дорога.
А крепости вражьи сумеют взять, —
Их славе в народе вечно сиять.

За родину смерть — продолжение жизни.
Пример молодым, как стоять за отчизну.
И клятву свою Алгадай оправдал,
Без страха за родину смерть он принял,
Он сыном народа отважного был,
Который извечно отважным слыл.

О сыны мои, о сыны!
Как бьетесь с врагом вы за счастье страны,
Так старый Джамбул, ваш отец, запоет
И песнями к мести народ поведет.

1943 г.

МЫСЛИ ОБ АЛГАДАЕ

1

Ты с поездки на фронт возвратился, Гали,
Обласкать тебя дай...
Посетил ли ты холмик печальной земли,
Где лежит Алгадай?

Ты сказал ли устами ему старика:
«Спи спокойно, мой сын»,
Чтоб земля ему стала легка и мягка
В темной глуби теснин.

Словно прессом зажатое сердце болит,
Тупо ноет спина...
Ненаглядный мой сокол врагами убит.
Весть, как бездна, темна.

2

Если я обойду Ала-Тау в тоске, —
Алгадай найду ль?
Если травы обшарю в Сары-Арке
Соколенка испугну ль?

Дряхлость старости ядом щекочет глаза, —
Столько лет за спиной!
И непрошенной гостьей туманит слеза
Свет дневной.

Я лишь видимость, прежней веселости нет,
Мочи нет, чтоб ходить.
Я на внука гляжу, сиротинкой мой свет
Без отца будет жить.

Но твержу я ребенку, печальной вдове:
— Песни любит домбра,
Если светлые думы в твоей голове, —
Ты создатель добра.

4

Человека с железными нервами нет,
Человека бессмертного нет...
«Твоя смерть неуместна», — не скажет поэт,
Ты — преддверье побед!

Срок приходит — редет грива коня.
Как мне юности и не жаль,
Но Джамбул дошагал до предельного дня,
За пределом — печаль.

Сердце слабое бьется, о горе твердит,
Льются слезы из глаз.
Только чувствую, где-то глубоко в груди
Жизни свет не погас!

ОБРАЩЕНИЕ К АКЫНАМ

вам, пришедшим издалека,
Пусть примчится моя строка,
Вас прислал Ала-Тау к нам,
Вас прислала Сары-Арка.

Сыр-Дарья, Иртыш и Или
Повстречаться сюда пришли,
Много песен у вас с собой —
Украшение моей земли.

У акына, как мед, уста,
Песня ласкова и проста,
Пусть узнает ее народ,
Пусть ей внемлет Алма-Ата

Я, услыша призывный гул,
К вам домбру свою повернул,
В славный день торжества для вас
Эту песню сложил Джамбул.

И на песенный бой спеша,
Стала юной моя душа,
Горячей заструилась кровь,
Вдохновенным огнем дыша.

Пусть выходят на честный спор
Наши песни степей и гор,
Пусть, как птицы, летят они
На родимой страны простор.

И как принято с давних пор,
Пусть обсудит народный сбор
Ваших мыслей бесценный клад,
Ваших слов золотой узор.

Если конь быстроногий мчит, —
Путь широкий за ним лежит,
Если кляча бредет в степи, —
Степь следов ее не хранит.

Разве может заснуть река,
Разве могут не цвести луга,
Разве может казах-батыр
Не разить на войне врага?

Разве может не петь акын
С юных лет до моих седины,
И не слышать его народ,
Если это народа сын?

Сердце песней у вас полно,
Как тугая струна оно,
Наш старинный степной напев
Над страной летит давно.

На пути, что прошел наш край
Пел нам песнь свою Суюмбай
И хранил Канадан в груди
Миллионы крылатых стай.

На дорогах земли родной
Лился голос певца живой:
Коншимбай нас пленил стихом,
Прозвенел Орымбай струной.

Этих слов дорогой коралл
Нас к далекому счастью звал,
И проложенный ими путь
Караванной дорогой стал.

Куандык, Сарбас, Майкот,
Ваши песни сегодня тут,

Кулмамбет, Кулуншак и Кул
С нами вместе сейчас поют.

Кемпирбай и Шоже хранят
Драгоценных напевов клад,
Вы — их племя и вам начать
Торжествующей песни лад.

Есть земля, и на ней живет
Славных воинов гордый род,
По зеленым ее полям
Бродит тучный и сытый скот.

Есть страна, где велик простор
Океанов, полей и гор.
И прозрачных, как лунный свет,
И безбрежных, как даль озер.

Там лесов недоступных тень,
Там зеленых джайляу сень,
Там в широкой степи, акын,
Ты встречаешь и ночь и день.

Есть земля, что в себе хранит
Медь, железо, свинец, гранит,
И об этой земле твоя
Молодая домбра звенит.

Есть страна, что, из года в год
Побеждает, гремит, растет,
И такие в ней люди есть,
Что ведут за собой народ.

Что, услыша военный зов,
Покидают очаг и кров.
И идут молодые львы,
Побеждая своих врагов.

От казахской степи большой
Наши дети помчались в бой.

Как отважный батыр Малик,
Этой гордой земли герой.

Вы разъедетесь. В добрый час,
Пусть встречают колхозы вас,
Пусть опять прозвучит для них
Вашей песни живой рассказ.

Сталин! Нашей страны хребет,
Полководец больших побед.
Пусть поет для него акын,
Пусть слагает стихи поэт.

Орымбай, твой напев высок,
Начинай же с веселых строк,
Шашубай за тобой, вдвоем
Вы, как горной реки исток.

Кенен, Нурлыбек, Нартай,
Маясар, Куат, Жаксыбай,
Пусть, как молния, ваш напев
Озарит наш веселый край.

Пусть ту песню поют поля,
Пусть насытится ею земля.
Пусть подхватит ее народ,
Жажду речную утоля.

1913 г

ПИСЬМО ПАВЛУ КУЗНЕЦОВУ

Родной Павел.

Я был осведомлен о тебе из письма, адресованного Галию. Ты для меня был человеком, ставшим мне как родной сын. Я немного волновался, вспоминая о наших бывших шутках о «кудра бикеш Чернайшов».

В час испытаний герой переходит вброд буйный поток в сапогах, — говорит пословица, сын мой. Мне известны те трудности, которые преодолеваете вы. Но может ли герой достигнуть цели, не изведав трудностей? Он вынужден спать на снегу, на льду, проводить дни и ночи в бессоннице и впроголодь. Для него рукава служат подушкой, полы шинели — постелью, он вступает в смертный бой с врагом, шагает по колено в поганой немецкой крови. Я, когда подумую об этом, вспоминаю вас, славные мои.

Родной Павел! Ты пишешь о своих друзьях. Конечно, не всех я знаю, возможно, многих и не видал, но они близки мне так же, как ты. Я пристально слежу за их подвигами. Пусть слава сопутствует им. Грозные времена пережили наши предки. Батыры в доспехах проводили месяцы и годы в трудных походах. Жигит с непреклонным духом и здоровьем легко переносит все тяжести военной жизни.

Передай славным нашим батырам-жигитам привет от седовласого Джамбула. Слава вам, дети мои, вы верно служите Родине, Сталину, я доволен вами. Настоящий герой покажет себя в эти дни. Душа рвется к вам, но удерживает старость. Эх, годы, годы! А то мне ли сидеть дома? Подобно батырам, с пикой наперевес, со щитом и кольчугой и я совершал бы ратные подвиги. Вот о чем я хотел сказать. Я с вами. Желаю от души скорой победы и счастливой встречи в родном ауле.

Твой отец ДЖАМБУЛ.

Инварь, 1913 г.

ЗНАМЯ БАТЫРА

Если светлое знамя борца
Поднимают тысячи рук, —
Значит, помнят наши сердца
Его имени славный звук!...
О батыр мой Амангельды,
Не забудет тебя народ, —
Ведь живешь, как и прежде, ты,
Как и прежде, зовешь вперед.
Опоясан острым мечом,
Сердце мужеством напоив,
Ты проходишь перед бойцом,
Весь — единый клич и порыв.
И герой-боец узнает —
Вместе с ним и ты на войне.
Вижу: гордое знамя твое
Развевается в вышине!
Вижу, знаю: из рода в род
Переходит доблесть твоя
И проносит ее народ
В небывалых вовек боях.
Как орел молодых орлят,
Ты выводишь батыров в бой.
Твою зоркость глаза хранят,
Наша сила полна тобой!...
Эту силу я берегу,
Эту мощь в бойце узнаю.
Разве внук мой отдаст врагу
Наше счастье, страну мою?!
Все батыры как наподбор,
Каждый — Родины смелый сын.

Нет для них неприступных гор,
Нет для них недоступных вершин..
Знамя над головой плывет,
Впереди их победа ждет,
Имя Ленина их ведет,
Воля Сталина их ведет!

1944 г.

ЛАСКА ДЕДА

шел Алгадай от нас,
Не осушить мне глаз.
В тебе, мой внук Куаныш,
Для деда утеха нашлась.

«Дедусь мой», — шепнет внучок.
Я с лаской трону плечо,
Заплаты на сердце кладу,
Целую тебя горячо.

Ты тише сиди, малыш,
Ты песенку деда услышь.
Порадуешь старика —
Спокойней ему, Куаныш.

1911 г.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

Кто мой костер потушил?
Кто мои уши закрыл?
Слабый румянец горит,
В постели лежу без сил.
Я не владею собой,
Слаб я, пора на покой.
Выслушайте отца:
Будьте со мной до конца,
Живу я, — будьте со мной
Опорой моей родной.

1944 г.

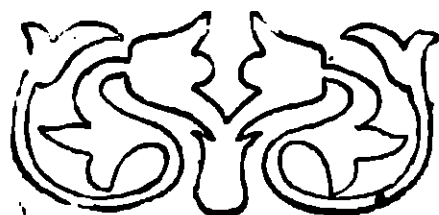
СВЯТЫНЯ НАРОДА

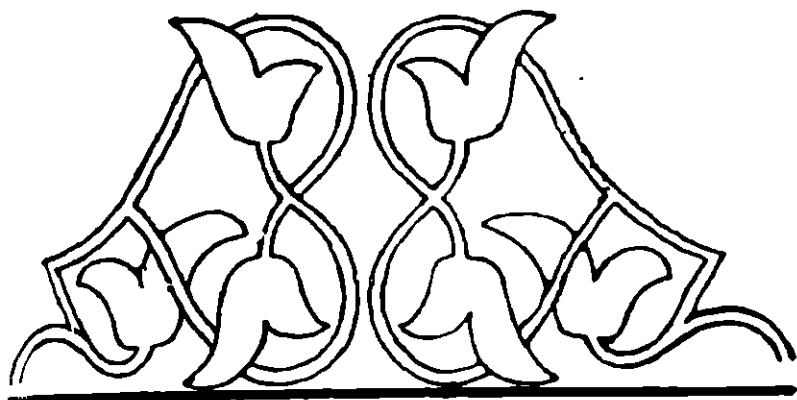
Сегодня в тиши моего дома я слышу, как звенит великая песнь. Ею напоен воздух моей отчизны. Белоплечим орлом взмыла она ввысь и гремящим горным потоком разлилась по всей родной земле. Это гимн Советского Союза, мощная песнь братских народов, сплоченных в единую дружную семью.

Ее поют на севере, где земля дремлет под пышным покровом снега, ее поют на юге, где растут хлопок, что белее снега. На землях, очищенных от поганных следов трижды проклятого врага, гимн звучит с особой силой, ярко воплощая в себе символ победы и свободы.

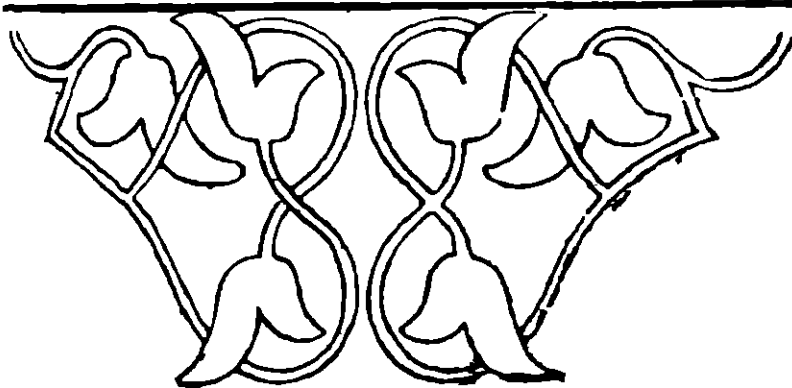
Много народов населяют Советский Союз. Каждый из них говорит на своем родном языке, каждый из них поет гимн на своем родном языке. Когда гимн запекает великий русский брат мой, его от всего сердца подхватывает грузин и казах, и украинец, и узбек, и белорусс, и таджик. Всем он одинаково понятен, дорог и священен. Ведь в нем воплощены мысли и чаяния всех советских людей, в нем звучит несокрушимая мощь Советской страны. В нем отражены верность делу партии и любовь к великому вождю, светочу нашей жизни, дорогому Сталину. Будем же славить несокрушимую силу страны-батыра и ее верных сынов, кующих победу, несущих счастье всем народам.

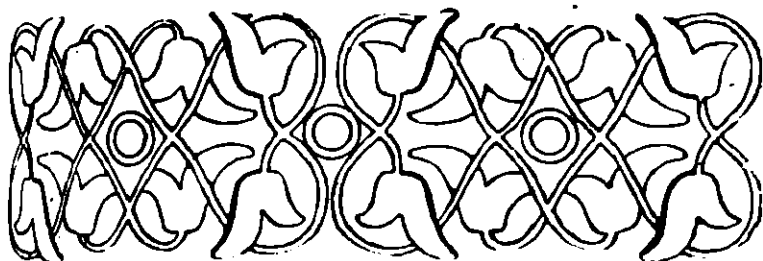
1944 г.

ПЯТЫЙ РАЗДЕЛ

П О Э М Ы

УТЕГЕН-БАТЫР

Вольно, просторно, вдохновенно,
Как арык играет пеной.
Я, Джамбул, пою поэму
Про батыра Утегена.

Я не сам ее слагаю.
Где я взял ее — не знаю.
Мне ее пропели ветры,
Что степями пролетают.

В криках дикого оленя,
В соловьином пезном пенье,
В гордом клекоте орлином
Я слышал об Утегене.

В плеске волн и в шумной пене,
В тихих шелестах растений,
У зари, у звезд падучих
Я узнал об Утегене.

По горам и по долинам
Я бродил, аул покинув,
И слышал об Утегене
От жирши и от акынов.

Вск за веком шли бессменно,
Но хранила Утегена
Память нашего народа,
Что бессмертна и нетленна.

Я домбру звенеть заставлю,
Утегена я прославлю,
Но к народному преданью
Я ни слова не добавлю.

Не лукавя, буду петь я,
Чтобы встал в правдивом свете
Этот образ величавый,
Пронесенный сквозь столетья.

Утеген родился летом,
Теплой ночью, пред рассветом,
В Джетысу, в роду Дулата
И в семействе Сырымбета.

Ветры теплыми ночами
Колыбель его качали.
Два крутых, упрямых рога
Ясный лоб его венчали.

С детства счастье с ним дружило.
Говорили старожилы,
Что рога его крутые
Верный знак батырской силы.

Светлый ум и жар стремлений
Покоряли в Утегене.
Статный, гордый и красивый
Был похож он на оленя.

Развились в батыре рано
Ловкость барса, слух джейрана,
Зренье беркута и сила
Непокорного арстана.

Был он первым среди сотен
На байге и на охоте,
А в кругу друзей на тое
Весел, прост и беззаботен.

Так, как любят мать родную,
Он любил страну степную,
Горечь трав, цветов дыханье,
Жизнь казахов кочевую.

Джетысу, земля казахов,
Знала много бед и страхов
И была залита кровью
Человеческой, как плаха.

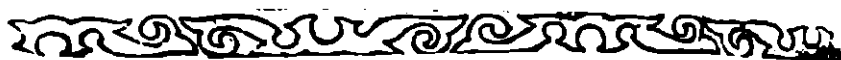
Споры в тех краях решались
Силой мускулов и стали.
И киргизы, и калмыки,
И казахи враждовали.

Сабли острые свистели,
Кони ржали, стрелы пели.
К свежим трупам после сечи
С криком коршуны летели.

В восемнадцатом столетье
Степь постигло лихолетье:
Белый царь грозил походом,
Кандалы суля и плети.

Над кочевьями, как птицы,
Вились крыльями зарницы.
И в зловещих предсказаниях
Быль сплеталась с небылицей.

Стоны плыли над степями,
Над джайляу, над горами:
— Джетысу к царю отходит.
Горе нам! Что будет с нами?

В Утегене зазвучали
Струны гнева и печали,
Но в огне беды народной
Воля стала тверже стали.

То, о чем не знали люди,
Утеген, бывало, судит, —
Он имел в себе чудесный
Дар предвидеть то, что будет.

Он предвидел: царь с ордою
Кровь в степях прольет рекою,
И народ родной застонет
Под тяжелою пятою.

Ханы, хитростью богаты,
Предадут народ за плату —
За кокарды, за медали,
За парчевые халаты.

Страху он не предавался,
Только силы набирался
И в далекие походы
Терпеливо собирался.

И когда закончил сборы,
Засверкал орлиным взором,
Как батыр, повел с народом
Он такие разговоры:

«Мой объятый тревогой народ,
Белый царь собирает поход,
В Джетысу его войско придет
И казахов в бою разобьет.

Кровь жигитов он хищно прольет,
Жен и девушек в плен уведет,
Скот угонит и землю возьмет,
Оттеснит тебя, бедный народ,

В глубь страны, где трава не растет,
Где лишь солнце с бескрайних высот
Беспощадно и гневно печет,
Где вода и весной не течет,

Где лишь огненный ветер плывет
И песок по барханам ползет,
Где мираж над песками цветет,
Обещая журчание вод.

Кто же к призрачным водам пойдет,
Тот могилу в пустыне найдет.
Мое сердце тревога берет —
Неизбежен царя к нам приход.

Кто из вас в себе силы найдет
Разорвать в себе паутину дремот?
Кто коней в табуне отберет
И пойдет с Утегеном в поход?

Утегена не слава влечет
И не кровью добытый почет.
Утеген целый свет обойдет,
Но удобные земли найдет,

Где вода ключевая течет,
Где трава, зацветая, растет,
Где невиданный даст приплод
Потучневший на пастбищах скот.

Где вздохнет от беды и невзгод,
Где забудет насилие и гнет
И заветное счастье найдет
Мой любимый казахский народ.

Смолк батыр, зовущий к славе
На коне седло поправил.
Речью жаркою он многих
Призадуматься заставил.

Речь держал он не напрасно,
Призывая в путь опасный.
Вышли пятьдесят жигитов
И сказали: — Мы согласны.

Сразу смолкли разговоры,
Сникли ссоры, стихли споры,
Зазвучали причитанья,
Начались в кибитках сборы.

Утеген для нужд похода
Взял с собою много меда,
Чая, риса, белой соли,
Чтоб хватило на два года.

Взял табун коней ретивых,
Тонконогих, длинноногих,
Как жигиты, огнеглазых,
И, как девушки, красивых.

Звонко цокнули копыта, —
Начал путь батыр со свитой:
Воздух подвигов вдохнули
Утеген и с ним жигиты.

Пылью путников встречая,
Шла дорога в царство чая,
На восток, где солнце всходит,
В земли желтого Китая.

Ехали, как едут в Мекку,
Через горы, через реки.
Наконец предстал их взорам
Золотой от солнца Пекин.

Там, как пышные павлины,
Восседали мандарины.
На полях под жарким солнцем
Земледельцы гиули спины.

И земли там мало было,
А людей так много было,
Что в глазах у Утегена
С непривычки зарябило.

Там народ, терпя невзгоды,
Вел борьбу за рис и воду.
Места не было в Китае
Для казахского народа.

Хоть жигиты утомились,
Пылью серою покрылись,
Не найдя земли заветной,
Все ж в обратный путь пустились.

Степи, горы, перевалы,
Свет от звезд да тень от тала.
В Утегене и жигитах
Сила воли не упала.

Путь они держали долго...
Наконец, в долине волглой
Запылал большим пожаром
Широко закат над Волгой.

Вот отсюда в путь разбоя
Белый царь пойдет с ордою,
Чтоб казахские кочевья
Сделать вечною тюрьмою.

Жаден царь, свиреп и страшен,
Табуны угонит наши,
Уведет с собой в неволю
Стройных девушек-казашек.

«Дальше, дальше!» — крикнул страстно
Утеген, и окрик властный
Послужил для всех сигналом
Продолжать поход опасный.

Снова горы-перевалы,
Ветер горький, одичалый.
Где кибитка Утегена
В эти дни не побывала!

Утеген бродил по свету
В стужу зим и знойным летом,
Как Коркыт, домбрист чудесный,
В песнях Родины воспетый.

Розовой, росной ранью
Гасло в небе звезд сиянье.
В земли бедные казаров
Привело его скитанье.

Увидал вожак похода:
Тощи травы, ржавы воды...
Нет и здесь земель привольных
Для казахского народа.

Накормив коней досыта,
Наварив побольше жита,
Утеген неутомимый
К Актюбе повел жигитов.

Кони тронулись, гарцуя.
Словно жар, горела сбруя,
И отточенные сабли
Засияли, словно струи.

Степи, балки, перевалы.
Дальний крик гусей усталых...
Как серебряные слитки,
Актюба им засверкала.

И тогда косем упорный,
От дорожной пыли черный,
Приказал разбить кибитки
У реки в степи просторной.

Сел косем. Река бежала,
Степь прохладой дышала.
И кумыс струей душистой
Лился, горло освежая.

Утеген молчал. Как птицы,
Мысли легкой вереницей
Отгоняли сон и дрему,
Трепетали, как зарницы.

«Я жену оставил дома,
И, пространствами влекомый,
Как КORKYT, в степях скитаюсь
В блеске молний, в гулах грома.

Но народ родной люблю я.
Землю для него найду я.
И земля удобной будет,
Как коню седло и сбруя».

Так он думал, и молчали
Степи, полные печали.
Под шатром ночного неба,
Утомясь, жигиты спали.

Месяц строен был и тонок,
Как красивый жеребенок.
Он по звездному джайляу
Набирался сил для гонок.

Тишина весь мир обвила.
И, казалось, слышно было.
Как звезда с другой звездой
Тихо в небе говорила.

Вдруг все травы зашумели.
Кони жарко захрапели.
И жигиты, просыпаясь,
Поднялись с своих постелей.

И почувствовали сразу,
Как тлетворную заразу,
Душный, чадный запах гнили,
Не дающий видеть глазу.

Запах едкий и смердящий,
Словно дым кошмы горящей,
Слезы вызвал у жигитов,
В темном ужасе дрожащих.

Тяжело дышать им стало,
Сердце каждого шептало:
«Ой-бай-яй! На чужбине
Смерть меня подстерегала».

Все жигиты вокруг косема
Собрались, от страха немые,
И один жигит промолвил:
«В эту ночь погибнем все мы».

Утеген, стрелок отличный,
К бедам с юности привычный,
Не дрожал, не волновался,
Вид имел совсем обычный.

Как батыр, прошедший войны,
Уважения достойный,
Утеген сказал жигитам
Тоном ровным и спокойным:

— «Клубы гнилостного пара —
Это запах айдахара,
Но чудовище, должно быть,
Не затеет с нами свары.

Айдахар пришел к нам сытым,
Где-нибудь поодаль спит он.
Подождем. А страх впустую
Не пристоем для жигита!

Будь он зол, — давно напал бы,
Растерзал и всех сожрал бы,
Как пылинка пред горою,
Пред чудовищем мы слабы.

Если ж нас он не тревожит,
Значит, можем мы спокойно
Отдыхать под синим небом,
Положив на землю войлок.

Задымит восток пожаром,
Мы увидим айдахара.
Я его повадки знаю,
Он пришел сюда недаром.

Безотчетный, темный ужас
Поселил в жигитах стужу,
Утро ясное им стало
Черной, страшной ночи хуже.

Тряс коней смертельный ужас,
Круг сжимался уже, уже,
И моча коней дымилась
Кровяной багровой лужей.

Утеген, батыр казахов,
Без сомнения и страха,
Даже брови не нахмутив,
Сел в седло свое сразмаху.

С видом гордого батыра,
Кто хранит желанья мира,
Он подъехал к айдахару,
Как таксыр в аул к таксыру.

Осадил батыр тулпара,
Грозен вид у айдахара.
Он дышал, и жаркий ветер
Из ноздрей клубился паром.

Вид горы большой имело,
Было влажно и блестело,
Вздыбленной сто раз волною
Громоздилось его тело.

Он пестрел, лучом пригретый,
Шерстью всех цветов одетый,
Два стеклянных мертвых глаза
Зеленели тусклым светом.

Приготовившись к удару,
Глаз рукой закрыв тулпару,
Утеген сказал спокойно,
Обращаясь к айдахару:

«Эй, чудовище, мощен твой рот!
Ты лежишь, подперев небосвод.
В твой разъятый дымящийся рот
Весь табун лошадиный уйдет.

Твой тяжелый медлительный ход
Степь от края до края трясет.
Почему ты закрыл нам проход?
Не пускаешь жигитов вперед?

Я — батыр Утеген. Мой народ
В Джетысу изумрудном живет.
Я пустился в далекий поход,
Как орел в поднебесный полет.

Меня знойное солнце печет,
Меня дождь беспощадно сечет,
Суходей меня пламенем жжет
И песком набивает мне рот.

Я брожу не один уже год
Средь степей, диких гор и болот,
И где желтого солнца восход,
И где красного солнца заход.

Я ищу не один уже год
Край, где жизнь без насилья цветет,
Где родной мой казахский народ
Землю, воду и счастье найдет.

Ведь печаль в твоём сердце живет,
Как во мне. Дай свободный проход.
Новый путь меня властно влечет,
И народ моих подвигов ждёт»...

Приоткрыв глаза и уши,
Айдахар батыра слушал,
Развалясь цветисто-пестрый,
Как гора, огромной тушей.

Он одобрил в Утегене
Смелость, ум и жар стремлений
И, собрав все тело в складки,
Дал дорогу в две сажени.

Солнцем радости облиты,
Поскакали в путь жигиты,
Страх и горе темной ночи
Были сразу позабыты.

Но шесть верст не проскакали,
Словно вкопанные, встали —
Снова прямо пред собою
Айдахара увидали.

Утеген, грозы суровой,
Меч для битвы приготовил
И к чудовищу подъехал.
Смоляные хмурия брови.

А чудовище лежало,
Воздух свистом оглашало,
По земле хвостищем было
Так, что степь под ним дрожала.

Брызжась яростно и гневно
Ядовитой теплой пеной,
Айдахар стремился в горы,
Увлекая Утегена.

Утеген с надежной свитой
Из пяти своих жигитов
В горы синие поехал
За чудовищем сердитым.

Перед их спокойным взглядом
Встали дикие громады.
С гор спадали в блеске радуг
Два кипящих водопада.

А в седых горах открылся
Вход в пещеру. Пар клубился.
Айдахар перед пещерой,
Задрожав, остановился.

Утеген подъехал ближе
К валунам, что пена лижет,
И, блеснув ружьем на солнце,
Подав знак: «Входи! Входи же!»

Айдахар вошел и воем
Известил начало боя.
Шум и свист, и хруст, и скрежет
Стали слышны под землею.

Утеген был наготове: —
Смел, могуч и хладнокровен.
Бой затих. На воздух вышел
Айдахар, залитый кровью.

После этой страшной сечи
Айдахар боялся встречи,
Но батыр тут обратился
К айдахару с тихой речью:

«Смой водою крови пятна
И скорей ступай обратно.
Выгоняй врага смелее, —
Я готов на подвиг ратный».

Айдахар ушел. И снова
Вой и скрежет с силой новой
Раздались, и из пещеры
Кровь пошла рекой багровой.

Появились в клубах пара
Два свирепых айдахара,
Нанося друг другу в гнев
Беспощадные удары.

Был один из них моложе, —
Белоклыкий, пестрокожий,
Он хотел отбить пещеру
Ту, где старый юность прожил.

Бил он старого клыками,
Злобно рвал его когтями,
Старый, кровью истекая,
Утегена звал глазами...

Утеген, следя, как старый
Получает в грудь удары,
Выстрелил, пуская пулю
В молодого айдахара.

Пуля лоб ему пробила.
Сразу наземь повалила.
Эта ловкость Утегена
Всех жигитов восхитила.

Айдахар, что жив остался,
В водопаде поплескался
И, водой омывши раны,
Провожать гостей собрался.

По отрогам и камням
Он повел их с уважением,
Воздавая Утегену
Славу, честь и восхищенье.

Шли они дорогой ровной,
Степью знойной и огромной,
И увидели под вечер
Хвойный лес густой и темный.

Айдахар тут встрепенулся,
В горы синие вернулся,
На батыра и жигитов
Не взглянул, не обернулся.

Лесом шла тихонько осень.
Тих был вечер, хмур и росен.
Утеген-батыр заметил
Белый дом средь стройных сосен.

С темным страхом незнакомым
Утеген подъехал к дому
И услышал тихий голос,
Словно дальний рокот грома.

«Ты ли это, герой Утеген,
В хвойной чаще, у каменных стен?
Ты ли это, кто тысячный день
В мире странствуешь, словно олень?»

Отчего потерял ты покой?
Почему ты не едешь домой?
И везде, кроме сизой воды,
Ты свои оставляешь следы?

Пусть жигиты тебя подождут
Под сосновый размеренный гуд,
Если смелое сердце в груди, —
Слезь с копя ты и в дом заходи».

Слез с коня батыр бесстрашный,
В белый дом вошел отважно,
Там его радушно встретил
Кайберен, седой и важный.

Были в этом доме стены
Белоснежной пышной пены.
Утеген с поклоном низким
Обратился в Кайберену:

«Слушай исповедь сердца, отец,
Сединой убеленный мудрец.

Предо мною дорог миллион,
Я в дороге, — и я утомлен.

Да, ты прав — потерял я покой,
Нет пути мне обратно домой.

Нет мне в мире иного пути:
Иль погибнуть, иль землю найти.

Я в родные края — в Джетысу —
На коне своем весть привнесу. —

Весть о новых цветущих краях,
Где найдет свое счастье казах.

Муравей, жук, кузнечик — я те
О своем помышляют гнезде.

Даже серенький воробей
Ищет лучшего места себе.

Цапля ищет зеленых болот,
Рыба в синие глубы плывет,

Как же лучшего мне не желать.
Для народа земли не искать?

Я, как странник, по свету брожу,
Ни здоровья, ни сил не щажу,

Горе, боль, даже смерти приход —
Все приму за родной мой народ...»

И ответил ему Кайберен:
«Честь и слава тебе, Утеген!

Ты, как беркут, могуч и удал,
Быстроног, как алтайский марал.

Тебя ждут по дороге бои,
Ты послушай советы мои:

По ночам не являйся ты в дом,
Приезжай обязательно днем.

Будь в работе, в боях и в беде
Хладнокровным всегда и везде.

Удержи, если гневен собой,
Руку правую левой рукой».

Утеген пред ним склонился,
По-сыновнему простился,
Старику сказал спасибо
И в обратный путь пустился.

Снова степи, перевалы,
Ветер горький, теплый, шалый,
Чернобурое предгорье
Перед ними поднималось.

И по ветру, над предгорьем
Лился, плакал на просторе —
Не людской и не звериной —
Дикий голос, полный горя.

Утеген сказал жигитам:
«Слышен голос страшных пыток.
Я один во тьму поеду
И узнаю, что там скрыто.

Если враг, — убью на месте,
Если друг, — вернемся вместе,
В темноте на крик ответить —
Это долг батырской чести».

Взяв ружье и саблю в руки,
Утеген пошел на звуки
И увидел айдахара,
Что стонал от страшной муки.

Он изранен был поганым
Белым змеем — абжиланом.
Что стрелой в него вонзился,
Углубляя к сердцу рану.

Если сердце змеей достанет, —
Сердце биться перестанет.
Айдахара, чудо-зверя,
На земле тогда не станет.

Утеген подумал быстро:
«Если зверя сгубит выстрел, —
Белый зверь тогда метнется
На меня, подобно искре.

Если ж выстрел сгубит змея,
Белошкурого злодея, —
Айдахар освобожденный
Благородным быть сумеет».

Грянул выстрел. С дикой силой
Эхо грохот повторило.
У злодея-абжилана
Пуля голову пробила.

Утеген-батыр вернулся
И жигитам улыбнулся.
Стали спрашивать жигиты:
«С кем же ты, батыр, столкнулся?».

Отвечал батыр им с жаром:
«Я во мрак ходил не даром,
Погубил я абжилана,
Спас от смерти айдахара.

Спите мирно. Ночь в разгаре.
Я уверен в айдахаре.
Чудо-зверь до смерти будет
За спасенье благодарен.

Если ж воздух будет жарок
От дыханья айдахара, —
Не тревожьтесь. Это значит —
Он принёс нам свой подарок.

Благородно сердце в звере.
Впрочем, мы его проверим.
Эта хитрая уловка
Не доставит нам потери.

В степь мы дерево положим,
Что с жигитом спящим схоже,
Дав седло под изголовье
И покрыв халатом ложе».

Так и сделали. И скрылись,
Тихо в травах притаились
И, огня не зажигая,
Ожиданием томились.

Ночь. Возня мышей летучих.
Тихий шорох змей ползучих.
Ни одной звезды не видно,
И луна в косматых тучах.

Показались клубы пара —
Верный признак айдахара.
Затревожились жигиты:
Смерть несет он? Иль подарок?

Утеген могучий, стройный,
Как батыр, прошедший войны,
Не дрожал, не волновался,
Ожидал зари спокойно.

Птицы, встав с зарею вместе.
Спели утренние вести.
Человек-бревно был виден
Все на том же самом месте.

Подошли к нему жигиты.
В изголовье были скрыты
Голова змеи и с нею
Золотой тяжелый слиток.

Светлый слиток подняв золотой.
По размерам, как чайник большой,

Утеген им сказал: «Этот дар
Благодарный принес айдахар.

Если мы совершаем добро. —
Шлют нам золото и серебро.

Если ж зло совершаем, тогда
Ожидает нас зло и беда.

Надо быть справедливым всегда. —
Не страшна тогда будет беда.

Будем биться везде за народ,
За обиженных вдов и сирот.

Всем, кто трудится, жизнь принесет
Честь и славу, добро и почет.

Им везде уважение всех,
А лентяям — презрение и смех».

Перевалы, перевалы,
Горный кряж гнедой и чалый...
Утеген повел жигитов
По дороге к Кент-Аралу.

В Кент-Арале пастбищ мало.
Через камни Тас-Арала
Утеген повел жигитов
По пустыням Кум-Арала.

Сквозь пески и волны зноя
Он дорогою прямой
Вел их к водам в царство цапли,
В синий край Бирказантоя.

В глубине большой долины
Встали сосны-исполины.
Лес густой, нахмутив брови,
Пел старинные былины.

Быстро сумерки сгустились,
Травы росами умылись.
Утеген и с ним жигиты
На ночлег остановились.

Лес в дремоту погрузился,
Над костром дымок струился,
Казаны дышали жаром,
В них баран в сурпе варился.

Вдруг, из тьмы лесной и черной
Подошли к костру проворно
Две красавицы, чудесней,
Чем рассвет степной и горный.

Щеки их зарей пылали,
Звездами глаза сияли.

Их прекрасные одежды,
Как жемчужины, мерцали.

Было много нежной лени
В обольстительных движениях,
И журчали голоса их,
Как ручьи среди камней.

У костра они сидели,
На жигитов не глядели,
А жигиты от красавиц
Отвести глаза не смели.

Хлебосолен и радушен,
Предложил батыр им ужин,
Но красавицы сказали:
«Жирный ваш баран не нужен!»

Золотилось мясо в сале,
Все жигиты мяса взяли,
А красавицы с насмешкой
За едою наблюдали.

Вот жигиту кость попалась,
А красotka засмеялась:
«Почему живою костью
Неживая кость ломалась?»

О траву он вытер сало,
А красавица напала:
«Почему жигит неумный
Вытирает сало салом?»

Посмеялись и в мгновение
Скрылись, словно сновиденье,
Лишь манили, удаляясь
Звоном струн телодвиженья.

И когда затихли в мраке
Шелест, шопот, шорох всякий.

Утеген сказал жигитам:
«Эти были жез-тырнаки.

Племя их порой ночью
Манит светлой красотой
И алмазными когтями
Жадно губит все живое.

Жизнь идет у них ночами,
Рвут сердца они когтями.
Когти их острей булата,
Тронут — прахом станет камень.

Мы беседуем. Однако
Их глаза горят из мрака:
Будьте бдительны. Настала
Ночь охоты жез-тырнаков.

Жез-тырнаки злее зверя,
Мы коварность их проверим,
Эта хитрая уловка
Не доставит нам потери.

В лес мы дерево положим,
Что с жигитом спящим схоже
Дав седло под изголовье
И покрыв халатом ложе».

Так и сделали. И скрылись,
На деревьях притаились...
В темноте, держась за ветки,
Ожиданием томились.

Ночь. В дупле пищат совы,
Серый волк бредет куда-то,
Звезд не видно. Бледный месяц
В тучах рваных и косматых.

Утеген, укрытый тьмою,
Дожидался под сосною,

Он ружье свое проверил,
Был готов к ночному бою.

Вот в густом зловещем мраке
Свет взметнулся, словно факел.
Выстрел грохнул. Снова выстрел, —
Так погибли жез-тырнаки.

Птицы, встав с зарею вместе,
Спели утренние вести.
Ни седла и ни халата
Больше не было на месте.

И бревно, и ткань халата,
И седла наряд богатый
Под когтями жез-тырнаков
Стали пылью сероватой.

Утеген собрал жигитов,
Снова вспомнив про Коркыта,
В путь пустился. Жез-тырнаки
Скоро были позабыты.

Степи, реки, перевалы,
Лес и горные увалы...
Море темной синевою
Перед ними засверкало.

Ветер мчался на просторе,
Волны бились, с ветром споря,
Пена хлопьями взбивалась.
Бушевало гневом море.

Сорок суток, ветра полных,
Бились яростные волны,
Утеген, смотря на море,
Ехал строгий и безмолвный.

А за морем сквозь туманы
Встали желтые барханы,

Синий зной висел прсклятьем
Над пустыней бездыханной.

В этом мертвом царстве каждый
Был не больше, чем однажды.
В тишине, в песках горячих
Находил он смерть и жажду.

Там стоял, как нар горбатый,
Город, вымерший когда-то,
Серый, выветренный, страшный
Как скелет, песками сжатый.

Там пески ползли и пели
Чуть заметно, еле-еле,
На песках верблюжьи кости
Ослепительно белели.

От колодца до колодца
Сгубишь десять иноходцев.
Месяц мчись там и не встретишь
Ни реки и ни болотца.

Утеген, песком овитый,
Сорок суток вел жигитов
Сквозь безводные пустыни
И поил их всех досыта.

За песками в сизых тучах
Встал пред ними лес дремучий,
Мрачный и непроходимый,
Многошумный и певучий.

Сосны, ясени и клены,
Черный дуб, чинар зеленый
Пред жигитами стояли,
Словно войско, непреклонно.

Сорок суток через чащи,
Через лес, листвою шумящий,

Утеген с отрядом ехал
В край заветный и манящий.

Наконец, в начале лета
Начались в лесах просветы.
За лесами степь лежала,
Вся цветами разодета.

Все вокруг благоухало,
В тишине вода журчала.
Пред батыром Утегеном
Жиделы байсын предстала.

... Утеген! Вот мечтаний венец!
Ты нашел край чудес, наконец!
Посмотри, как лазурь высока,
Как привольно плывут облака!

Посмотри на разливы зари,
На степные цветы, посмотри!

Посмотри, как тенисты сады,
В них душистые спеют плоды,

Они слаще, чем липовый мед,
Они, падая, просятся в рот.

Без поливки и без кетмения
Колосятся поля ячменя.

Белый хлопок блестит серебром,
Земляника алеет ковром.

Ты глаза хорошенько протри
И на дичь, Утеген, посмотри!

Здесь кояны крупнее козлов,
Воробьи здесь размером с орлов.

Посмотри на джейраньи стада, —
Их никто не сочтет никогда.

Посмотри на опушке леска
Козы черные — кара-каска.

Они ростом крупнее коней,
А их мясо ягненка нежней.

Выбрал домом себе этот край
Легендарный чудесный домбай.

Посмотри, многоводна, сильна,
Разливается речка Мана,

В камышах и на светлой воде
Стаи уток, гусей, лебедей.

А в степях, среди трав и цветов,
Много пестрых фазанов и дроф.

Ты смотри и любуйся, батыр,
Пред тобою нетронутый мир,

Где родной твой казахский народ
Земли, всды и счастье найдет.

Запах трав, Утеген, ты вдохни,
От скитаний своих отдохни...

Утеген не хотел отдыхать,
Слез с коня он и начал искать.

Он искал сорок дней и ночей
Трав, пригодных для корма коней.

Степь от края до края прошел, —
Только трав этих он не нашел.

Что за ценность стране, если в ней
Нет травы для казахских коней?

Ведь казах без степного коня,
Как осенний костер без огня.

И заплакал в степи Утеген,
Как герой, заарканенный в плен,

Как в лесках раскаленных седок,
Конь которого рухнул, издох.

Обступила его темнота,
Умирала в батыре мечта.

И пошел Утеген в темноту
Хоронить золотую мечту.

...Утеген, Утеген! Где же ты?
Отзовись из немой темноты!

Я, Джамбул, из степей Джетысу
Тебе новые вести несу.

Если б мог из могилы ты встать
И сейчас Джетысу увидеть, —

Не узнал бы родной страны,
Перед явью померкли сны.

Посмотри — озарен, осиян,
Встал одетый в лучи Казахстан.

От Тянь-Шаня его простор
До Уральских яшмовых гор.

У казахов своя страна,
Свои земли на все времена.

У казахов цветет свой флаг,
Как горячий пурпурный мак.

У казахов сняет свой герб —
В солнце слитые молот и серп.

У казахов, как сбывшийся сон,
Свой счастливый и мудрый закон.

У казахов журчит, как арык,
Свой живой и свободный язык.

Урожай у казахов богат,
Молодые заводы дымят.

И своя в водоемах вода,
И свои по степям города.

Посмотри, мой джолдас, посмотри —
В чистом пламени ясной зари

Пред хозяевами сполна
Все богатства раскрыла страна!

Кара-тау дает свинец,
Кокче-тау гонит овец.

Тянет с золотом руки Алтай,
Медь обильно дает Карсакпай.

Белый хлопок дарит Чимкент,
Предлагает руно Джаркент.

Золотые, как в сказке, хлеба
Для народа растит Актюба.

Скачет так, что трясется земля
По степям, где лишь ветер гулял.

Меж озер и меж каменных глыб
Вороной, с дымной гривой, Турксиб.

Дни и ночи грузит поезда
Черным золотом Караганда.

В Эмбе гордые вышки стоят,
И кипит нефтяной водопад.

В Кармакчинской степи зреет рис,
В Ала-Тау сады поднялись,

А в садах, слаще сна и мечты,
Спеют яблоки Алма-Аты.

А в степях, где душисты цветы,
Вольно бродят овечьи гурты

С белой шерстью нежней облаков.
Табуны вороных скакунов,

Табуны золотых скакунов,
Чалых, сивых, гнедых скакунов

Под железное пенье подков
Скачут степью быстрее ветров.

На закате, что сиз и багров,
Пад стадами молочных коров

Пыль клубится и пахнет кругом
Теплым, сладким парным молоком.

А когда отпыляет закат,
И начнется во тьме звездопад,

Чабаны, как детишек, хранят
Теплых, мягких, безрогих телят.

Тонкорунных, кудрявых ягнят,
Тонконогих степных жеребят,

Неуклюжих смешных верблюжат,
Черноглазых мохнатых козлят.

И они от росы не дрожат,
Потому что теплыню богат

Край народной заветной мечты,
Край обилия и красоты.

Ты глаза хорошенько протри,
Посмотри, мой джолдас, посмотри

На фазанов, на дроф, на гусей,
На трубящих весной лебедей.

На Алтае плодится марал,
Рыбой плещется синий Арал.

По степям, где трава и вода,
Вольно бродят джейраньи стада.

Все, что щедро цветет и поет,
Это наше — твое и мое!

Вся страна, что мужала в боях,
Она наша — твоя и моя!

Разогнул свою спину казах
И почувствовал солнце в глазах.

За спиной не стало горба,
Человеком он стал из раба.

Эту правду и солнечный свет,
Эту звонкую радость побед.

Эту жизнь без насилья и слез
Сталин мудрый и добрый принес.

Он — батыр из батыров. О нем
Песни грянули ветры и гром,

И кипящий горный поток,
И звенящий в барханах песок,

И на ветках весенних листы,
И ручьи, что звонки и чисты,

И серебряный грозный буран,
И жирши и акыны всех стран.

Сталин — солнце! Гори и свети!
Богатырским здоровьем цвети!

И неси — всемогущ и силен —
Счастье людям всех стран и времен
1937 г.

СУРАНШИ-БАТЫР

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

руки белую домбру
Вдохновенно я беру,
Льются чистые потоки
В море песен звоном струи.
Море свежести полно,
Как булат, блестит оно,
Солнце в нем отражено,
Как тростник в озерной глади,
Ветерком возмущено.
Никогда оно не спит,
А на дне морском лежит,
Камень редкий, драгоценный,
И волшебный свет струит.
Море песен звонким гулом
Омывает этот камень —
Камень, прозванный Джамбулом,
Не стареющим веками...

2

Песни сердца я слагал,
Ветром песен я летал,
Был, как лед, рекой гонимый,
Как руда не иссякал.
Десять дней словесный бой
Вел, приехав я на той.
Как зерно на поле птица, —
Собирал народ родной

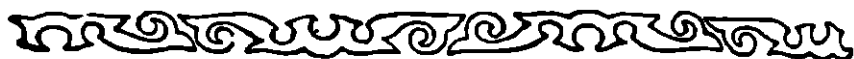
Этих песен дар степной
Алатауские хребты,
Травы, пчелы и цветы
Эхо песен поднимали
До орлиной высоты.
Песне призванной — престор!
Шире степи, выше гор
Песня смелая, и вечен
Золотой ее узор.

3

Званья стоит ли река,
Если в ней вода мелка,
Если в ней мутна вода,
Если в ней журга горячий
Не напьется никогда?
Званья стоит ли ученый,
Если слово не точено,
Если сам он не остер,
Если сказанное людям
Не пылает, как костер?
Званья стоит ли певец,
Если в песнях он скупец,
Если песни не тревожат
Миллион других сердец?

4

Званья стоит ли поэт,
Если в нем таланта нет.
Если он не может петь.
•Если жажду он в пустыне
Не поможет одолеть?
Если сам он языком
Не сравнится с родником.
Если песня в перепутье
Не прольется чище ртути.
Если песня с сердцем в лад

Грохоча, как водопад,
Заглушая рокот рек,
Не пробудит мысли, чувства
В миллионах человек?

5

Званья стоит ли поэт,
Если в песне силы нет,
Если песня лед не плавит
И смеяться не заставит
В час, когда бушует вьюга,
Обездоленного друга,
Если песня, как жигит,
В смелой схватке не разит?
Званья стоит ли поэт,
Если страсти в песне нет,
Если песня черепахой
Одинокою ползет,
А певец ее со страхом
В угождение поет
Полушопотом навзрыд
Под бречание домбры?
Сердца нет, — и голос тонок
И величья в песне нет, —
Он, как блеющий козленок,
Он козленок, не поэт!

6

Лук — домбра, а песни — стрелы,
Ими пользуйся умело!
В кочевых моих долинах
Суюмбай — акын акынов,
Так говаривать любил,
Если песнею поэта
Для народа, плохо спетой.
Недоволен старец был.

7

Эта песня о былом
О далеком, но родном,
Это памятник батыру
С златогривым скакуном.
Перегнувшись на боку,
Брал он скалы на скаку.
Он прокладывал дороги
По сыпучему песку.
Он в степях врага разил
Кровью недруга поил...
Степь родная, со вниманьем
Слушай ты мое сказанье.

8

С той поры, как я Джамбулом
Стал на свете, а в аулах
Ураган поднялся песен,
Сердце сокола проснулось.
У киргизов, у казахов
Был напев мой одинаков.
Суюмбай в неволе горькой
Научил меня не плакать.
Знаменосец дум не петьх
Суюмбай пришел с советом,
Он сказал: воспой батыра,
Вдохновением согретый.

9

Четверть века бушевала
Силой страсти небывалой:
Ой, рука моя, — железо
Закаленное сгибала.
Без пера и без чернил
Песня звонкая рождалась,
Мне домбра, моя певунья,

Лист бумаги заменяла.
Жил я долго в лихолетьях..
Были дни — хотел не петь я.
Но желание народа
Не исполнить мог ли смель я?

10

Если, сын, направишь взоры
Ты на небо и на горы,
Если голову подымешь
Над бессмертием просторов, —
Ты увидишь Ала-Тау,
Гор крутых небесных славу.
Лед, как шлем, а снег — кольчуга
На вершинах Ала-Тау.
А внизу, в степной долине,
Запах мускуса — полыни,
И смородина густая
По лесам в предгорьях стынет.
Ала-Тау в мирозданье
Стар. Народ хранит в преданьях
Много дум и много споров
О его былых названиях.

11

Распорол живот небес
Острый пик Суук-тюбе.
Каргалы до звезд восходят,
Держит тучи Кок-тюбе,
Уш-копыр и Куртыш-бас,
Кзыл-Кунгей, летовка Ас,
И Хан-Тенгри — пик всех пиков,
И угрюмый Кызыл-тас.
И во всех живут наречьях
Семь хребтов крутых, как плечи,
Называют их в народе
Полной грудью — Семиречье.

Делегация киргизских акынов в гостях у Джамбула

Если тучи соберутся, —
 У подножья реки льются,
 На вершинах снег холодный,
 А в долинах травы выютя.
 На вершинах льдина висит, —
 Молоко в долинах киснет...
 Разве это не прообраз
 Многолетней нашей жизни?
 Если радость день гостила, —
 Смерть по месяцу ходила...
 Сколько здесь прошло столетий,
 Сколько здесь батыров было?
 Сколько ханов и народов
 Совершили здесь походов.
 Сколько здесь событий было
 Под холодным небосводом.
 Об одном из них спою я...
 Не горюя, не тоскуя,
 Пой, домбра, поэму эту
 О батыре звонко лью я.

Говорили так со вздохом:
 — О эпоха, ты эпоха,
 Ну, а кто ж хозяин ей?
 Человек, который охал!
 Ты вини его. Не тесен
 Мир. Эпоха — ветер песен!
 Но тогда хребет труднее,
 Коль и грозен и отвесен.
 На хребты народ глядел.
 На народе хан сидел...
 Мраком выткана эпоха,
 Шел народ, терпел и пел.
 Караваном тихим годы,
 Кочевым потоком воды

Протекали, пролетали
Со страдающим народом.

14

Белый царь эпохе рад,
Он собрал своих солдат,
Царь надел на них шинели
И погнал на Шубарат.
На чужой земле скорее
Он зажить хотел добрее,
Торопился сесть покрепче
На простой народной шее.
Старый лук тянул казах, —
Царь пошел на Семиречье
В стопудовых сапогах.

15

В юртах страх гулял убогих,
А хозяева и боги,
На отборных сев коней,
Поскакали по дороге.
На привалах отдыхали,
Безворотки одевали,
Пили крепкий чай, как воду,
Самопалы заряжали.
У холодных стен Копала
Пушка их свинцом стреляла
И волосья на знаменах
Разрывала, разметала...
Царь в степях прошел не просто,
Постелил он смерти простыню,
Дети, матери и жены
Пели песню над погостом.
Свора царская гуляла,
Свора ханская гуляла,
Юрты старые кромсала,

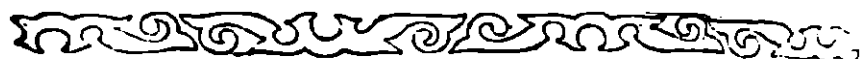
Табуны брала с собою
И аулы поджигала.

16

Не просил народ пощады,
Он смотрел усталым взглядом
На Ормана с Худояром,
Наливалось сердце ядом.
Знал народ свое реченье:
— Кто к врагу идет с прошением
О пощаде, тот бессилен
И не стоит уваженья...
Кто, о чести забывая,
Просит милости у бая, —
Жалок тот и безнадёжен
И о нем молва худая.

17

Шли 'одни и за горами,
Окруженные врагами,
Протоптали к Ай-Карыну
Путь худыми сапогами.
Шли другие, скарб бросая,
Шли, костров не зажигая,
Шли измученные дети
Шапрашты и Карасая...
Тень врага была сокрыта,
Степь не знала, что жигиты
Из родных степей Дулата
Принимали с ханом битвы.
Третьи шли, их непогода
Привела к илийским водам --
Там аулы Майамыра
В лес несли мечты народа.
Но в лесу их ждали ханы,
Звон мечей и свист арканов.
Непокорные жигиты
Умирали, как арстаны.

Семь отважных сыновей,
Семь красавиц дочерей
На верблюдах одногорбых
Убегали от зверей.
На пути у них река —
Буйный враг без языка —
В пене бешеной гудела,
Разбивала берега.
Нары гордые легли,
Нары слышат рев реки...
Сорок воинов взметнули
Обнаженные клинки.
Сорок ханских удалцов
Настигали беглецов.
Слышит берег грозный клич:
— Вот добыча из добыч,
Нар жену привез жигиту,
Со счастливица могарыч!
Травы берега близки,
Но завидев вдруг клинки,
Нары головы склонили
И легли на дно реки.
Семь отважных сыновей,
Семь красавиц дочерей
Шли на дно и смерть встречали.
Честь свою оберегали.
Волны буйные сходились,
Птицы вещие кружились
Над султанским черным станом,
Бурей тучи разразились.
Семь отважных сыновей,
Семь красавиц дочерей
Так погибли, оберегая
Честь поруганных степей.
Шла молва от уха к уху,
Нарастала злоба глухо.
С горьким плачем у реки
Шла безвестная старуха.

Шумный спор вели метели,
 Вихри буйные свистели.
 Хан кромсал, колол и резал,
 Степи жег, они горели.
 Хан стадами гнал народ.
 Думал хан, что рабский род
 Кроме плача, кроме стога
 Ничего не пронесет.
 Раздувал пожары ветер,
 Шли измученные дети
 Жангараса и Жантая,
 Проклиная все на свете.

Горько девушки рыдали...
 Молча слезы утирали
 Старики в своих кибитках
 И батыра-сына ждали.
 И рыдали даже горы
 В ожидании опоры...
 Из Коканда заходила
 Тучей черной ханов свора,
 На земле не умещалась,
 И земля под ней трепала.
 Табуны, детей, кибитки
 Свора ханская сжигала.
 Правил пир кровавый хан
 На долинах Тас-Токап.
 Он шатры свои раскинул,
 Он разбил кровавый стан,
 Правил пир владыка новый,
 Он цветы давил подковой.
 Муллы с беками кокапа
 Угощали льстивым словом.
 Пьяны были без вина,
 Кровью степь напоена,

Вились пестрые знамена,
И звенели стремена.
Между тем видали люди:
Мать-старуха на верблюде
Степь звала на месть святую,
Разрывая в клочья груди,
Кровь горячая вскипала,
Рядом девушка дрожала.
— Замолчи, слепая ведьма! —
Свора ханская кричала.
Волновалась степь, шумела,
Волчья стая песни пела,
Мать-старуха, степь родная,
О сынах своих скорбела.

21

У народа в час беды
Вспоминается батыр,
Он развязывает узел,
Опоясывает мир.
Опустив глаза понуро,
В обездоленных конурах
На земле чертили люди
Завещание Даура.
И смотрели люди косо
На угрюмые утесы.
Вот он спустится, вернется
Богатырь черноволосый...

22

Суранши в утесах жил,
Он с орлятами дружил.
Сердце барса в львином теле
Суранши родной носил.
Отчего там жить ему
На утесах одному?
Аль красавица степная
Не понравилась ему?
Рассказал в аулах ветер —

Все он видел, все заметил —
Не проста в утесах место
Суранши себе приметил.
Ветер в песне рассказал,
Отчего в гнездовьях скал
Суранши, батыр народа,
Одинокий стан избрал.
Пастбищ он своих не знал,
Табуны султан забрал.
Коротки батыра руки,
Царь султану помогал.
В Уш-Коныре жил, как рысь,
Кочевал зимой в Арысь,
Но дорог таких не видел,
Чтоб у радости сошлись.
Был отцом его Каске,
Жил он вечно на песке,
Он во сне лишь видел травы
И мечтал о них в тоске.
Прадед — старый Карасай,
Прячась в норах, как лиса,
Проклинал судьбу кедея,
Ненавидел небеса.
К рабству черному привык
Он в ярме чужих владык...
И один был сильный в роде, —
Был бесстрашный Саурык.
Люд степной его любил,
В сердце сокола носил.
Сын народа, сын батыров,
Саурык бесстрашен был.
Он, как русло горной речки,
Он, как выстрел без осечки,
Для казахов Улы-жуза
Он зимой теплее печки.
Если ветер загудит, —
Он от ветра защитит.
Если буря налетает, —
Он от бури — верный щит.

Стынут слезы на песке,
И лежит рука в руке.
Поздно ночью ускакали
Карибоз и Мауке.
По неезженным узалам,
По безвестным перевалам
За посланцами седыми
Пыль густая подымалась.
— Если ехать напрямик,
Не столкнуться бы с врагом,
Неравна борьба жигита
С поседлым стариком.
Орды хана здесь прошли.
Повернем коней к Или! —
Карибоз свернул, в кони
К голубой реке пошли!

25

В гнездах скал садилось солнце,
Будет ночь. И вот предстали,
Как суровые виденья,
Мироздания каменья,
Скалы грозные, как крепость
Тамерланова сиденья...
Справа виден Кара-Бас,
Слева — хмурый Жаланаш.
Мауке сказал: «Здесь дверь,
Выйдет сокол, встретит нас!»
Иноходцев расседлали,
Ночью след в горах искали.
Но ни шороха, ни звука
На пути не услышали.
И вели совет у скал
Два седые старика.
— Это пик Калмык-Ойгана?
Да! Дорога нелегка!
— Вот ущелье черных сайг!
— Здесь джайляу — Карасай...

— Там хребет с отсветом солнца
Подымает небеса!
— Мауке, родной, смелей,
Это виден Қзыл-Кунгей,
Это стойбище батыра.
Мауке, седлай коней!...
И долинами скакали,
И хребты крутые брали,
Чтобы стан найти батырский,
Где мечты степей летали.
Путь тяжелый позади,
Сердце гулко бьет в груди,
Вот он виден — стан батыра,
Счастье видно впереди.

26

Распрямив крутые плечи,
Суранши идет навстречу.
И попадали с коней
Два посланца Семиречья.
Мокры бороды от слез.
Суранши ковер принес,
Львиный стан согнул. Дрожали
Мауке и Қарибоз...
А батыр рукой могучей,
Достающей в небе тучи,
Обнимает стариков.
На крутой орлиной круче
С ними он в молчанье скал
О степях затосковал.
Видел он посланцев горе,
В их глазах укор читал,
Представлял свои долины
Без кровавых властелинов
И мечтал о том, чтоб лился,
Как река, напев акынов.
Знал он, степь батыра ждет
С окольцованных высот...

Был любимцем он в аулах,
Он, как жизнь, любил народ...
И рукой своей могучей,
Достающей в небе тучи,
Приласкал батыр отцов
На крутой орлиной круче.

27

Сел и снова загрустил,
Молча руки опустил.
Брови черные нахмурил
И седых гонцов спросил:
— Кто народ обидел мой?
Кто послал, отцы, за мной?
Кто осмелился нарушить
В горе найденный покой?
Осушив глаза от слез,
Тихо молвил Карибоз:
— Нас народ послал, а горе
Худояр с огнем принес.
Слышишь, степь тебя зовет!
Твой народ тобой живет.
Он родил тебя и холил —
Твой страдающий народ.
Он, голодный и раздетый,
Песней волчьей отпетый,
Ждет тебя в тревожный час,
Слышишь зов его, мой светоч?
Слышишь, сын мой дорогой,
Как одна страшной другой
За эпохою эпоха
Правят смерти черны тои?
Видишь ханские законы?
Вместо песен, слышишь, стоны?
Съел медведя воробей,
Обратился волк в дракона!
Отравил колодцы враг,
Стал глухим узун-кулак.

Ханов, беков и султанов
Стало больше, чем собак.
Стонет степь от их грызни,
А народу в эти дни
И от дерева гнилого
Тени больше, чем от них.
Нашу кровь, как воду, льют,
Нашу землю продают,
На большом народном горе
Вырос войлок ханских юрт.
С ними вместе царь идет
Пушки с грохотом везет.
Смотрят жерла этих пушек
На испуганный народ.
Стал народ царю игрушкой,
Стала хану степь подушкой,
Царь и хан друзья по крови.
Степь застыла перед пушкой,
Смотрит черная в лицо,
А вокруг врагов кольцо.
Кто сегодня непокорен, —
Завтра будет мертвецом!
Царь дорогу нам дает —
Собирать в степи помет.
Посмотри: ошейник царский
На себе несет народ!

28

Худояр в халатах ханских
Кровью пьян рабов кокандских.
Превратил в кокпар таджиков
На пирах Азрет-султанских.
Он хотел, как царь российский,
Быть владыкой орд каспийских
И владеть с Орманом вместе
Даром выпасов илийских.
Знал блудливый этот хан:
Не изменит друг Орман;
Утопив в крови киргизов,

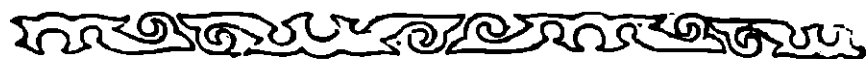
Золотой он сшил чапан.
Лютым бешенством объять
Худояровы солдаты,
Кровью налиты глаза
У разбойников богатых.
Степь слыхала этот вой:
Шли шакалы на разбой,
Как собаки, чуя мясо,
Жгли аулы за собой.
Меж Алтаем и Арысью
Кони их горячей рысью
Загоняли люд степной,
Загоняли в нору лисью.
Разве думать о коне?
В небе дым. Земля в огне,
Как трава, легли казахи
На своей же стороне.

29

В день тяжелый тяжек мир.
Сапытай, степной батыр,
Бросил степь и скрылся где-то
На отрогах Сар-Кемир.
Степью шел голодный волк,
Сапытай-батыр умолк.
Испугался он пришельцев,
Променял кошму на шелк.
Низко, густо шли туманы...
Племя длинного аркана
Узкой тропкой побрело,
Опасаясь мести хана,
Суранши народ зовет:
— Ты готовь коня в поход.
Ты избавь, батыр, от ханов
Свой ограбленный народ!

30

В гневе грозном Суранши.
Он поднялся с алаши,

Он, как беркут в пору злости,
С волком встретиться спешил.
Острый взор горел огнем,
Бушевала сила в нем.
И земля дрожала глухо
Под оседланным конем..
На крутой вещун-горе
В нетерпении горел,
Сотрясая Ала-Тау,
Звал своих богатырей.
Звал Андаса, Туматая,
Звал батыра Шымырбая,
Звал жигита Нар-Боту —
Сына снежного Алтая.
Он друзей отважных звал
И кольчугу одевал.
Он в ружье подарки смерти
Торопливо забивал.

31

Кони потные храпят,
Пики острые блестят.
Триста воинов к батыру
На могучий зов летят.
И сигнал к походу дан,
Мчит батыр на Чемолган.
— Выходи на посидинок
Из шатра, трусливый хан!

Виден стан врага вдали.
Баи столько привели
Волчьих орд, что на Кемете
Нехватило им земли.
— Суранши, не в добрый час
Ты повел на битву нас.
Нашей силы здесь нехватит, —
Робко вымолвил Андас.
— Не управиться с врагом...

Если бросить пыль в него,
То нехватит даже пыли —
Тысяча — на одного.
Зуб у нас еще тупой,
Мы как мышь перед горой.
Разве выкопать колодец
На крутой горе вглой?

32

Суранши побагровел.
Малахай лежит в траве,
Поднялася тюбетейка
На батырской голове.
Меч блеснул, как волчий клык:
— Придержи, Андас, язык,
Не тебе ли знать, как с трусом
Я беседовать привык.
Нет преград для бегунца,
Страх нет для молодца.
Если ты рожден батыром, —
Будь батыром до конца.
Разве войско хан ведет?
Разве сила с ним идет?
Сила там, где за жигитом
Подымается народ.
Я на ханскую орду
Против тысячи пойду,
Я клинком своим горячим
Счет батырский поведу.
Станет хан тогда кояном.
Я ворвусь к нему сыртаном,
И, как тысяча ворон,
Разлетится войско хана.
Кровью он залил страну
И слезами захлестнул.
Стали куклами у беков
Наши девушки в плену.

Тот жигит, кто за народ
В битве сердце отдает.
Трус пощады не дождется,
Богатырь найдет почет.
Мой отец — народ родной,
Мать родная — степь со мной,
И за них я кровь по капле,
Вздох отдам последний свой!

33

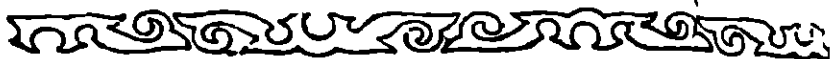
В этот день с Сибирь-земли
Девять беглых в стан пришли,
Восемь русских и татарин
Девять ружей принесли.
Их привел с Уральских гор
Рудокоп седой Егор.
Суранши гостям неожиданным
Расстелил в шатре ковер
И спросил: — Не от беды ль
Забрели в степной ковыль?
Вы не сбились ли с дороги,
Вы не спутали ль следы?
— Нет, батыр, не сбились мы.
Мы бежали из тюрьмы.
Из тюрьмы Уральской царской,
Из глухой таежной тьмы,
А в далеком Актюбе
Мы узнали о тебе
И пришли помочь, как братья,
Мы твоей ссятой борьбе.

34

Обнимал батыр друзей,
Он седлал для них коней.
— На лихом ахал-текинце
На врага итти верней!
Ночью мы в поход пойдем.

Ночью хитростью возьмем
Войско ханов ненавистных,
Победим или умрем.
План, друзья мои, таков:
— На горах немало дров, —
Пятьдесят моих жигитов
Разведут пятьсот костров.
Пусть Ормана бросит в жар,
Пусть трусливый Худояр,
По кострам считая силы,
Будет ждать со скал удар.
Но... не все еще в кострах, —
Ночью вдвое больше страх.
Мы обтянем свежей кожей
Двадцать два пустых ведра.
Двадцать два моих сыртана
Пусть ударят в барабаны,
Чтобы дрожь пошла по шкурам
Худояра и Ормана.
Вы ж, друзья, из-за бугра
Гряньте русское ура!
Гряньте, чтобы долетело
До султанского шатра.
Ночь в степи не подведет,
Хан халаты подберет,
Хан подумает, что это
Войско русское идет.
И тогда на Ак-Туяк
Хану в тыл ударю я.
Чтоб летели малахан
С худояровых вояк!
Суранши не досказал,
Закипела в нем гроза,
Как разбросанные угли,
Гневом искрились глаза.

Выплыл месяц молодой
С путеводною звездой.

Солнце мутное садилось
В раскаленное гнездо.
На закат батыр взглянул
И подпруги подтянул.
Взял клинок тяжелый в руки,
На друзей своих взглянул,
Выпил чашку кумыса,
И, как беркут в небеса,
Был готов взлететь, чтоб видеть
Горы, степи и леса.
А когда сгустился мрак,
Он сказал: — Друзья, пора!
Дал сигнал, и запылали
Скалы черные в кострах.
С гиком бросился батыр
На врага из темноты.
Разбегались часовые,
Сберегая животы.

36

Потерял рассудок хан,
Бьет тревожно барабан.
Бросил друга Худояра
Перепуганный Орман.
Ала-Тау весь в кострах,
Худояра давит страх:
— Это войско, тысяч двести
Там раскинулось в горах!
Видит хан в глаза беду,
Будит он свою орду.

Ни коня, чтоб в бой лететь,
Ни одежды, чтоб одеть,
Ни ружья, ни острей пики
Он не может разглядеть.
Верных слуг не видит он,
Шум ночной со всех сторон
Оглушает Худояра,

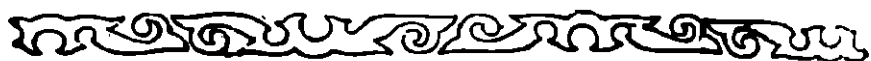

И бежит в испуге он.
Как бараны на песках,
Стонут ханские войска...
Суранши ведет жигитов
На лихих аргамаках.
Он, как первый гром, гудит,
Он, как молния, разит,
Вихрем грозным он летит,
Все сметая на пути.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Скакуном в степях резвясь,
Солнцем в зной воспламенясь,
Я. Джамбул, продолжу песню,
Светлой думой вдохновясь.
Мчусь весенним ветром я,
Снег в мгновение плавлю я,
Как веслом, что режет волны,
Так домброю правлю я.
Борода моя, как шелк,
Девяносто дней я шел
Иноходцем к состязанью,
Славу я в байге нашел!
Слово мудрое народ
На весы ума берет,
Пустота наверх уходит,
Слово в глубь сердец идет!
В песнях я не иссякал.
Ураганом пролетал,
Я алтайским самородком
На дождях весны сверкал.
Песни я свои несу
О батырах Джетысу.
Этих песен нет милее,
С нем сравною я их красу?
В битвы мой батыр ходил,
В битвах славу находил.
Он клинок точил о камень,

Он с плечом Сункара был,
Со стальным копытом был
И на кручах не скользил.
Три подъема без отдышки
Он, упрямый, проходил.
Он бесстрашен и велик,
Он поэм моих родник.
Богатырь мой в спорах смелых
Покоряться не привык.
Он — начало дум моих,
От него веду я стих.
Май-тюбе, батыр мой краше
Светлых родников твоих!

2

Был налет батыра яр,
Хан Орман и Худояр
Лето целое лежали, —
Был о них плохой хабар.
Дни в молчанье пролетали,
Беки глухо зароптали.
Хану молвили они:
— Ты бы, хан, с постели
встат.

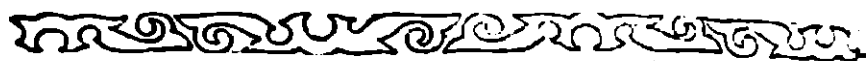
Ты коня бы оседлал,
Ты б своим манапам верным
Собираться приказал.
Вмиг мечи отточим мы,
• На тулпаров вскочим мы,
Разве лежа на лопатках
Власть твою упрочим мы?
Слух плохой до нас дошел —
И Кебек и Нарынкол
За казаха встать готовы.
Свата там казах нашел.
Ты манапов собери,
С ними ты поговори,
Чапанами, скакунами
Гы манапов одари,

Пусть, довольные тобой,
Возвращаются домой,
В Нарынколе и Кебеке
Пусть народ подымут свой.
«На казахов налетим,
Мы казахов победим!» —
Так в степях манапы скажут,
Не жалей подарков им.
Ты бозы им не жалей,
Чтобы было веселей.
Созови ходжей, ишанов,
Керсени полней налей.
Ты святым отцам вели,
Чтоб манапов развлекли
Сказами о предках наших,
Повелителях земли.
Сам же время не теряй,
Войско быстро собирай,
Осквернить себя при жизни
Ты врагу не позволяй!
Ты батыру Суранши
В степь посланье напиши.
Пусть он смелую загадку,
Не задумаясь, решит,
Ты батыра вызывай:
«Коль мужчина, — приезжай,
Если ж бабе ты подобен,
Живота не утруждай!»

3

Ставка ханская ждала —
Гости едут с Миргала,
Из степей Жалалабада...
По дорогам пыль пошла.
Дар манапы хану шлют,
Еле движется верблюд,
От поклажи горб согнулся.
Великан от злобы лют.
Едут бай из Арки

Толстые, как турсуки.
Принимает хан подарки —
Кошмы, деньги, сундуки,
Беки гонят табуны,
Хан готовит казаны.
Э-э, на тое ханском гости
Будут сыты и пьяны!
Синий дым ползет кругом
И трепещут под ножом
Шелкогривые двухлетки,
Вскормленные молоком.
Мясо варится в котлах,
С кумысом хмельным пошла
По рукам гостей дородных
Круговая пиала.
Кумыса один глоток
Даже бая валит с ног.
Свеж кумыс, густые сливки
Сладки, как урючный сок.
Быть на тое ханском честь.
И охотников прость
Столько съехалось, что места
Нехватало, чтобы сесть.
Льются реки кумыса,
Льется крепкая боза,
У гостей от угощенья
Затуманились глаза.
От веселья далеки,
Пели песню старики.
Соловьи-акыны пели
Песню горя и тоски.
Подымаясь, как волна,
До сердец дошла она,
И кончалась эта песня
Словом горестным — война!
Э-э, киргизы любят мир,
Э-э, жигит, взгляни на мир:
Не к добру у всех манапов
С бород их стекает жир.

Выжидали муллы час
Совершить святой намаз,
Тасбихи в жемчужных корках
Заблестели, как алмаз.
Хану честь они продав,
Ноги под себя поджав,
На резню народ толкали,
К небу бороды задрав:
— Кто от пуль врага умрет,
Тот в раю удел нйдет.
Кто живым из битвы выйдет, —
На земле тому почет.
Э-э, жигит, узнай обман,
Хитрый пир задумал хав...
На резню тебя толкает
Вместе с ханом и коран.
Порешил манапский той
Собирать полки на бой.
К Суранши с гонцом отправил
Хан коварный вызов свой.

4

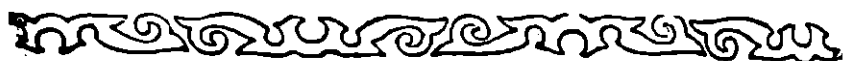
«Не батыр, а баба ты,
Как теленок, слабый ты,
Ты кафир, не мусульмания,
Осквернил аллаха ты!
Ты разбойников собрал,
Ты слугой урусов стал.
Укрепился в Ала-Тау
И последним трусом стал.
Докажи нам делом ты,
Что отроду смелый ты,
Что батыр ты, а не баба, —
Честь найдешь уделом ты!
Чтоб не мучить нам коней,
Приезжай ты сам скорей.
В стане ты у нас увидишь
Настоящих батырей.
По-батырски смерть встречай,

Голову свою склоняя,
Отруби ее дурную,
И на месте нам отдай...»
Так писал седой Орман,
Оскорбил батыра хан.
Приказал батыр жигитам
Собираться на котан,
Он советоваться стал,
Он друзьям своим сказал:
— Никогда народ любимый
Я беде не подвергал.
Хан позор задумал смыть,
Старый вор пришел травить
Нас, казахов и киргизов,
Никогда тому не быть!
Сборы долги ли в поход?
Я пойду — народ пойдет,
Только буду ль я батыром,
Утопив в крови народ!
Больно мне и тяжело,
Но готовлю я седло.
Я один поеду к хану
Без жигитов и послов.
Не поеду — он пойдет,
Степи кровью он зальет.
Он детей налетом волчьим
Под копытами сомнет.
Скажет мой народ тогда:
«Суранши, идет беда.
Ты Ормана испугался,
Ты родной народ предал,
Стал беде виною ты,
Нам не стал стеною ты,
Трусом был, а не батыром,
Выходя войною ты».
Я возьму свою камчу,
К хану я один помчу.
Слышать стон родных аулов
Я в долинах не хочу.

Если мне итти войной, —
Для народа груз двойной,
Степь отдаст коней любимых
Потеряет свой покой.
Собираясь в поход,
Я возьму в аулах скот.
Разве скажет мне спасибо
Обездоленный народ?
Я один к врагу пойду,
Я народ не поведу.
В поединке с Орман-ханом
Правду я свою найду.
Степь поднимет честь мою,
Будет хан в бессилье лют,
А мечом с манапской сворой
Я один поговорю.
Несговорчив Суранши,
Будет так, как он решил.
К встрече с ханом за Курдаем
Суранши родной спешил.
Бозкаску батыр поймал,
Нож блеснул, баран упал...
Головой его батыр мой
Аксакалов угощал.
Ак-туяка он седлал,
Он в карманы малта брал,
Брал мешок овса в дорогу
И кольчугу одевал,
Молча пику брал свою,
Корамсал вязал к ремню,
Боевыми стремями
Он бока сжимал коню.

5

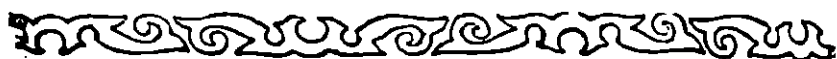
Ак-туяк стрелой летел,
Суранши в седле сидел,
Как голодный волк, согнулся,
Ветер сзади лишь свистел.
Пика режет синий дым,

Спорит с яркостью звезды,
С расстояньем, что по счету
Равно дню лихой езды.
Эхо грозное гудит,
В страхе враг в горах лежит,
Суранши родной, как беркут,
По степи стрелой летит.
Ала-Тау позади,
Мчится Суранши один...
На вершину Каражола
Вышли ханские кади.
С войском хан батыра ждет,
Весть ему гонец везет:
«Свой народ батыр жалея,
На тебя один идет.
Он киргизам — друг и брат,
Ты киргизам — первый враг.
Кто клеветает на батыра,
От того не жди добра».
Слово правды хана жгло,
Вынул меч он тяжело,
И у ног его холодных
Сердце пылкое легло.
За правдивые слова,
Как под молнией трава,
С плеч бесстрашного жигита
Покатилась голова.
Призадумались полки,
На могучего батыра
Не поднял народ руки.
Восемь тысяч хан собрал,
Обманул и запугал,
А за час до ратной встречи
Восемь сотен посчитал.
Душат хана гнев и страх,
Не горит огонь в кострах,
В степь разъехались жигиты
На своих аргамаках...
Лишь одни манапы ждут,

Малахаи лисьи мнут.
Солнце скрылось за холмом,
Заклубилась пыль столбом,
Мчится витязь одинокий,
Конь храпит под седоком.
Блещет пика, как огонь,
Под рукою у него.
Стыдно стало и манапам:
Восемьсот на одного!
Меч у хана обнажен,
Хан войсками окружен,
Миргалинские владыки
У своих стоят знамен...
Стременами он звеня,
Осадил вдали коня.
— Я — батыр степей казахских...
Хан, ты звал к себе меня? —
Молвил смелый Суранши, —
Я на вызов твой спешил,
Я, рожденный для народа,
Встретиться с тобой решил.
Я слугой твоим не стал,
Голову я не склонял,
Я тебя, кровавый ворон,
Никогда не уважал.
Чтобы свой турсук набить,
Ты задумал степь спалить,
Ты казахов и киргизов
Вздумал не к добру травить.
Кровь народную ты пил,
Степь в крови ты утопил,
Сколько ты голов невинных,
Ненавистный, отрубил.
От тебя, вершины бед,
Как от волка, ползлы ист...
Ханскою поганой крезью
Будешь ты держать степь.
Не кумыс я ехал пить,
Ехал меч я обнажить.
Отточил его, чтоб лучше

Спорит с яркостью звезды,
С расстояньем, что по счету
Равно дню лихой езды.
Эхо грозное гудит,
В страхе враг в горах лежит,
Суранши родной, как беркут,
По степи стрелой летит.
Ала-Тау позади,
Мчится Суранши один...
На вершину Каражола
Вышли ханские кади.
С войском хан батыра ждет,
Весть ему гонец везет:
«Свой народ батыр жалея,
На тебя один идет.
Он киргизам — друг и брат,
Ты киргизам — первый враг.
Кто клеветает на батыра,
От того не жди добра».
Слово правды хана жгло,
Вынул меч он тяжело,
И у ног его холодных
Сердце пылкое легло.
За правдивые слова,
Как под молнией трава,
С плеч бесстрашного жигита
Покатилась голова.
Призадумались полки,
На могучего батыра
Не поднял народ руки.
Восемь тысяч хан собрал,
Обманул и запугал,
А за час до ратной встречи
Восемь сотен насчитал.
Душат хана гнев и страх,
Не горит огонь в кострах,
В степь разъехались жигиты
На своих аргамаках...
Лишь одни манапы ждут,

Малахаи лисьи мнут.
Солнце скрылось за холмом,
Заклубилась пыль столбом,
Мчится витязь одинокий,
Конь храпит под седоком.
Блещет пика, как огонь,
Под рукою у него.
Стыдно стало и манапам:
Восемьсот на одного!
Меч у хана обнажен,
Хан войсками окружен,
Миргалинские владыки
У своих стоят знамен...
Стременами он звеня,
Осадил вдали коня.
— Я — батыр степей казахских...
Хан, ты звал к себе меня? —
Молвил смелый Суранши, —
Я на вызов твой спешил,
Я, рожденный для народа,
Встретиться с тобой решил.
Я слугой твоим не стал,
Голову я не склонял,
Я тебя, кровавый ворон,
Никогда не уважал.
Чтобы свой турсук набить,
Ты задумал степь спалить,
Ты казахов и киргизов
Вздумал не к добру травить.
Кровь народную ты пил,
Степь в крови ты утопил,
Сколько ты голов незвинных,
Ненавистный, отрубил.
От тебя, вершины бед,
Как от волка, пользы нет...
Ханскою поганой кровью
Будешь ты держать...
Не кумыс я ехал пить,
Ехал меч я обнажить.
Отточил его, чтоб лучше

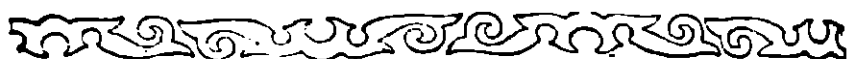
Голову твою срубить.
Ты не хан, а трус и вор,
На тебя смотрю в упор,
За народ свой рассчитаться
Я мечтаю с давних пор.
Я — родных степей батыр,
Поднимай же лапу ты,
Выходи на поединок
Без своих манапов ты!

6

Хан испуган, как щенок,
Слова он сказать не мог.
Призадумались беки:
Час расплаты недалек,
И, как тучи на ветрах,
Разъезжались от шатра.
Хан, встревоженный, остался
У потухшего костра.
Он движеньем бороды
Подав знак, и от орды
На коне горячем, черном
Отделился богатырь.
Это был Бокан-герой,
Он чапан откинул свой,
Рукава заткнул за пояс,
Поднял знамя над собой,
Спину он согнул дугой,
Был в седле, как дуб кривой,
Он в руках своих могучих
Сжал тяжелый щит стальной.
Пикой в сердце целил он,
И в победу верил он,
Суранши презренным взглядом,
Подъезжая, смерил он:
«Бойся, Суранши, меня,
Я собою тебя с коня.
Ты, проклятый, свою душу
Будешь долго догонять.

Мало жить тебе дано,
Мне б убить тебя давно,
Ты, как перекасти-поле,
Как в крутой волне бревно!
Силу ты узнай мою.
Как нечистую змею,
Острой пикой богатырской
Я тебя к земле пришью.
С давних пор я часа ждал,
Чтобы ты меня узнал!»
Так сказав, Бокан к батыру
В черной пене подскакал.
Как вершина Куртыбас,
Не спуская с пики глаз,
Смелым, статным и могучим
Был батыр в последний час.
Как мороз, он был суров,
Грудью львиною здоров.
Он Бокана даже мухой
Не считал в орде врагов.
Пику он не наклонял,
Палец он большой поднял
И Бокан, как от удара,
Круто осадил коня,
Конь поднял копыта ввысь.
«Э-э, Бокан, себя стыдись,
Если ты остановился,
То скорей домой вернись.
Ты поправься животом,
Стал ты мышью, я — котом.
Ты силен лишь языком.
Бойко ты меня ругал,
Ты меня не испугал.
Нехватало, чтобы пику
Я в крови твоей марал.
Знайте вы, худой Бокан,
Байтекей и Байтуган,
Снова я бросаю вызов,
Мне нужны не вы, а хан!»

Мчался первым Байтуган,
Он кричал: «Ты трус, Бокан!
Зуб у мертвого острее.
Ты боишься одного,
Дай, разделаю его,
Я возьму его на пику,
Раздавлю его ногой!
Суранши, послушай, эй!
Разве ты меня сильнее?
Не один я еду, рядом
Едет смелый Байтекей.
Знает ханская орда:
Первый я у ней всегда.
Ты батыр, я в битвах тоже
Хуже не был никогда.
Как и ты, я всюду смел,
Щит от крови не темнел,
Только я иду за хана,
Ты ж на хана налетел!
Но сбылись мои мечты,
Ненавистный, рядом ты,
Помнишь, бороду отрезал
Ты манапу Торгельды...
И тебя ли мне жалеть,
Ты за бороду ответь,
Смерть сама тебя пригнала —
Здесь тебе и умереть.
Нет горы, к которой я
Не прошел в седле коня.
Нет врага, который в битве
Уходил бы от меня.
Вырву душу я твою,
Не с такими я в бою
Силой грозною тягался.
Сердце я твоё пробью!
Кенесары я убил,
И его в земле сгноил,
Не клинком ли Темирбая

Горло я ему пронзил.
Хану верно я служил,
Уважение получил.
Кенесары — вор, он смуту
В наши степи приносил:
Был он зверем из зверей,
Убивал моих детей,
Он с землей равнял могилы
Управителей степей...
Сыпатай тогда непрочь
Кенесары был помочь,
Байузак — батыр с позором
Убежал, как вечер в ночь.
И аргынец Агибай
И табынец Бухарбай, —
Все бежали. Жал на пятки
И истынец Бугибай.
Хан кыту подобен был,
Нос о камень он разбил,
А шатер его сожженный
Кизяку подобен был...
Кто же равен в силе мне?
Кто в бою бывает злей?
Славное мое деянье
Бог одобрил на земле!»
Хан не терпит, — в гневе он,
И раздался звон стремян;
На батыра налетели
Три манапа с трех сторон.
Не укрылся за щитом
Байтуган в бою крутом,
Как хорек, упал на землю
С переломленным хребтом.
Пика в грудь ему вошла,
Кровь густая потекла.
Два манапа нноходцам
Опустили удила.
Побелевший, видит хан:
Поражен батыр Бокан,

Он упал коню на гриву,
Обессилевший от ран.
Хан на помощь поспешил,
Ветер знамя распустил,
Сто манапов окружили
Волчьей стаей Суранши.
Разразилась гроза,
Раскалилась найза,
Раны острые горели,
Заливала кровь глаза.
Суранши неодолим,
Счет ведет с врагом своим.
В спину ханскую вонзилась
Пика, брошенная им.
Свежих сил запас иссяк,
Чует верный Ак-туяк,
Как сайга он закружился.
Не дает пробиться враг.

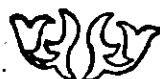
8

Вдруг ударил гром в горах.
Охватил манапов страх.
Мчат жигиты Ала-Тау
На своих аргамаках.
Бьет походный барабан,
Задрожал от страха хан.
Бурей русский — друг батыра —
Налетел на ханский стан.
Он врагов батыра смял,
Он голов немало снял.
Из кремневых грозных ружей
Он манапов поливал.
Здесь немногие спаслись,
Еле ноги унесли,
Еле раненого хана
С поля битвы унесли.
Хану не помог и бог,

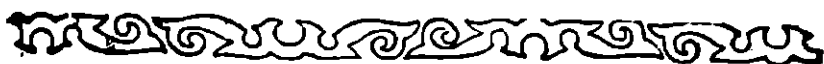

Рану залечить не мог.
Дни бесславно он закончил,
Кровью черною истек.

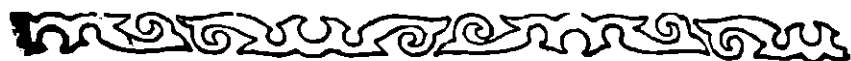
Так закончилась война
В те глухие времена.
Суранши вернулся в горы,
Отзвенели стремена.
Он, как беркут, смелый был,
Он народу послужил...
И народ его с почетом
В Ала-Тау схоронил.

Когда я в девятый десяток вступил, —
 Страх старое тело мое охватил.
 Торопят года мои в царство могил,
 Но к жизни послушное слово вернул
 В канун своей смерти старец Джамбул.
 Все то, что он видел, — он в песни вдохнул.
 Пусть многое помнит акын о былом, —
 Всего не поведать в слове одном.
 Рассказ мой неполон, — согласен я в том,
 Но плохо ли это, хорошо, —
 Вы слушайте сказ мой с открытой душой,
 Завещанный вам в назиданье мой сказ.
 Время торопит к пределу нас,
 Силы уходят из тела у нас,
 И оставляет народу завет
 В девятый десяток вступивший поэт.
 Свидетелем многих лет я был,
 Я в песнях их горький след хранил.
 Есть сотни песен, что я сложил,
 Пропеть их снова пришла пора.
 Живые! Слушайте их до утра, ✓
 Прикиньте сами своим умом,
 В чем смысл сказания о былом,
 И не считайте пустыми слов,
 Что вам поведать Джамбул готов.
 Джамбул, запевая, взмахнет крылом,
 Джамбул, запевая, парит в былом.
 Сколько путей быльем поросло,

Сколько людей перед ним прошло,
В прошлое кануло навсегда,
Как в легкий пар уходит вода.
Хан, языком суливший мед,
Хан, притеснявший бедный народ,
Ушел из мира с большим табуном,
С горячим и быстрым степным скакуном.
Кто не дождался волос в бороде,
И девушка с черной косой до земли, —
Такой же приняли горький удел
И навсегда из мира ушли.
Воин, храбрый защитник сынов,
В бегство своих обращавший врагов,
Мужественный, непобедимый батыр
Навеки покинул сей бренный мир.
И тот, чьи мысли подстать жемчугам,
Чьи песни бурным подобны ручьям,
Кто горе народа сердцем постиг,
Кто в душу времени зорко проник,
Кто был правдив до глубоких седин,
Кто правду Аблаю с усмешкой сказал,
Кто даром предвиденья обладал, —
Бухар-жирау, светлый акын, —
Ушел навсегда, покинул нас.
Ушел Шортамбай и Шернияз,
Ушел Насынбай и Суюмбай, —
Ушли навсегда в запредельный край.
Ушел Доскожа, ушел Дулат,
Но ветер несет их слова назад.
Их стон в часы расставанья с землей...
Так мир покидают и добрый, и злой.
И тот, кто покинул земной простор,
Песен моих знавал узор.
За восемь десятков пройденных лет
Я многих встречал на своем пути,
Я вновь оглянулся сегодня им вслед.
Чтоб старые песни свои найти.
Народу я эти песни дарю,
Народу песней я говорю:

— Бессмертны ли вы, я вам говорю,
Юношам и старикам говорю,
Я, умирая, с собой не беру
Ни песню свою, ни свою домбру.
Придет пора мне глаза закрыть, —
Не остановится песен река,
И вы придете благодарить
От всей души своего старика.
Тайна времени скрыта в сердцах,
В песне времени нет конца.
Смотрю на прошедших годов череду, —
Вижу горе, вижу нужду,
Вижу, как вырастал человек,
Не встретив месяца светлый бег,
Не встретив солнца дневного лик.
Мыкал он горе, к нужде привык,
Был его спутником ханский гнев,
Бил его бек наотмашь с плеча,
Бай у него отбирал посев,
Бия над ним висела камча.
Черной горой давил народ
Времени тяжкого гнет,
Лишал он тебя ума,
Воли лишал навсегда,
А на спине сидела сама
Грузным горбом нужда.
К счастью тропинки скрыты песком,
И нету кровинки в лице твоём...
А ты сегодня вокруг посмотри:
Над всею страною лучи зари,
Не солнца, взглянувшего из-за туч, —
Надежд исполненных яркий луч,
Жизни свободной прозрачный ключ,
Счастье души озаривший луч.
Руки достали до облаков,
И просияло слово Совет,
Слово светлее всех прежних слов,
Слово, народу давшее свет.
Баев и биев прочь изгоня,

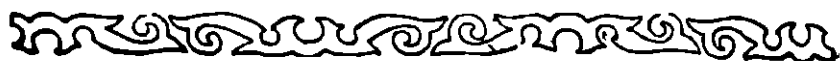

Росли мы сильнее день ото дня.
Мы закаляли себя трудом,
Мы поднялись могучим хребтом.
Красное знамя горит в вышине,
Повсюду видное в нашей стране.
Большой народ свободно вздохнул,
У самых печальных пропала грусть.
И тут распрявился старик Джамбул,
Читай его слова наизусть,
Запомни акына простые слова:

Старых законов нет,
Новый закон един —
Женщинам даны права,
Что и тебе, мой сын.
Исчезла вражда племен,
И дружба пришла в страну,
И старый Джамбул в домбре
Переменил струну.
Пусть слушают внуки мои
Волшебные звуки домбры,
В беседах моих круговых
Акына взволнованный стих.

2

Нам был тяжелый жребий дан,
Стонал в неволе Казахстан.
В те сумрачные времена
Народом правил гордый хан.
К его аулу знатный льнул,
Разбой, грабеж, гульба, разгул
Запугивали бедный люд,
И страх внушал его аул.
И вести, полные тревог,
Во все концы степных дорог
О гордом хане разнеслись.
Никто бороться с ним не мог,
Все низко кланялись ему.
Но тьма сразить решила тьму,
И новый появился хан:

«Вся степь подвластна одному», —
Он так сказал, но вслед за ним
Нашелся третий, одержим
Желаньем гордым ханом стать.
Над степью встал пожаров дым,
Междуусобицы костер
В степях огни свои простер,
Набегом в полночь на аул
За первенство решался спор!
А кто был притеснен и бит?
Не хан, что гневом знаменит,
Не гордый хан, не хитрый бек, —
Народ был под ярмом обид, —
Простой кочевник-скотовод,
Что пас овец у чистых вод,
Что песни мирные хранил
Из века в век, из рода в род.
Так стал народ мой к знанью

глух,

И в юртах песен свет потух.
Гнет наступил, тяжелый гнет,
И рабства цепь надел пастух.
Он пас, он водопой искал,
Его хвалили свысока,
А если он терял овцу, —
На кол сажали батрака.
Он рвал свой нищенский халат,
Он крикнуть был от боли рад,
Но крикнуть нехватало сил.
Вот так в степи, бывало, брат!
Что делать, если семена
Богатый бай забрал сполна?
Страдал батрак, лишения нес,
Терпела все его спина.
Ощипанной он птицей был,
Без перьев птицей и без крыл,
Обглоданною костью был,
Взамен сурпы сарсу он пил.
Жена и дети в батраках,

Рабами быть велел им страх.
Им волосы хозяин рвет,
Их тело вечно в синяках.

3

В гневe царь Николай опять.
Где ты, казахских аулов знать?
Царь приказывает созвать
Самых богатых баев степи.
Дарит им царь халат из парчи,
Дарит им царь офицерский чин,
Словно вручает к богатству ключи,
Но снова бедный народ в нужде.
Баев опора — царский трон,
Для бая приятен лукавый закон,
Но батраку непонятен он, —
Батрак стоит в стороне.
Ему забытым и нищим быть,
Ему соленые слезы лить,
Горе с горем ему сложить, —
Вот судьба батрака.
Батрак порой не в своем уме,
Лепешки нет у него в суме,
Глаза его не видят во тьме
Кого ему выбирать?
Он стал теперь терпеливым рабом,
Рабом с молчаливым закрытым ртом,
За байским он стал ходить скотом,
Месть в груди схоронив.
Платы за труд он совсем не знал,
Просьбам его не внимал аксакал,
Он псом батрака недостойным звал,
Знай свое место, батрак!
«Слово твое — продырявленный грош,
Ты и облищем с людьми не схож,
Жалобой нас, батрак, не тревожь.
Знай свое место, батрак».
Тот, кто богат, кто именит, —

К выборам щедрый принял вид.
Деньги сулит, одежду сулит, —
Люби меня, дескать, батрак.
Его охаживал волостной,
Его прикармливал бай сурпой,
Его, как коня, вели за собой,
Чтоб голос его добыть.
Лишенный воли, лишенный сил,
Батрак свой голос тому дарил,
Кто тяжестью гнета его давил,
Кого ненавидел батрак.
Бороться он с баем уже не мог,
И в разуме отказал ему бог, —
Вот доля твоя, батрак.
Нету коня, чтобы ехать верхом,
Радость оставила бедный дом,
Лохмотья вместо одежды на нем,
Печаль лежит на лице.
Пуст в его юрте ржавый казан,
Как перед казнью, в глазах туман,
Удел неудачника ему дан,
Счастье минует его.
Снова над бедным глумится бай,
А если поспорит бедняк невзначай, —
Осудит его волостной.
Небрежно он бросит пару слов
С колючей насмешкой в концы усов.
Он бая всегда поддержать готов,
Голодному он не слуга:
«Ты оскорбил того, кто богат,
Того, кто в почете от юрт до палат,
Ты в штраф отдавай коня и халат,
Помни, кого оскорбил.
Как ты решиться на это мог?»
И бедняку его пару ног
Вдевают в один дырявый сапог
Мол, попляши, бедняк!
«Веди скорей коня за собой,
Только халатом его прикрой, —

Иначе расплатишься головой
За дерзостные слова». —
Не рассчитал бедняк своих сил:
Он бая злым языком оскорбил.
Мудро весьма волостной рассудил:
«За оскорбление — штраф».
Безропотен в горе казах-кедей.
Нет у кедея больше коней,
Он лошадь последнюю свел, а с ней
Надежды лишился вконец.
Рассудок кедея покинет тут,
Домой, подгибаясь, ноги ведут,
Несчастья в горьком тумане плывут, —
Не вспомнит их всех певец.

4

Не счесть богатства бая в степи, —
Он грабил всюду, куда ни ступи.
Поборами нажил бай-хитрец
Большие отары курдючных овец.

Жирные мысли устремлены
Теперь на покупку новой жены.
Первую сладость вкусив от одной,
Жадный бай потерял покой.
Нет проку от бая, но сила за ним.
Народ заплатит за бая калым.
Сам волостной, угрожая камчей,
Будет жесток и неумолим.
Бай не отступит, бай упрям.
Внимают в ауле байским словам:
«Сами отдайте, — я вам говорю, —
Скупитесь, — плохо придется вам.»
Бай хищно зевает широким ртом.
Достиг он блаженства — пять жен есть
при нем.
Он видит в довольстве владенья свои.
Он видит, как полнится до верху дом,

Но воле его не подчинена,
Из дома бежит молодая жена.
Бай в гневе, — он не дозволит ей
Порочить знатные имена.
Жены он родичей созовет:
«Мне за обиду отдайте скот».
Уездный начальник беглянку-жену
В самом далеком ауле найдет.
Вольность ее не сохранит,
Связанную, в слезах, возвратит.
Ей некуда больше теперь уйти,
Поведать некому горьких обид.
Рыдает она, распустив волоса:
«Жизнь моя горше участи пса, —
Не я ли на топку кизяк припасла,
Не я ли телят и ягнят пасла?»
Босой ногой ступает на лед,
Не охраняет от непогод
Рваное платье ее.
Душа ее тело покинет вот-вот,
И одинешенька-одна
Песенку злую поет жена,
Она нелюбимому песню поет
Горькую ночь напролет.

ПЕСНЯ ЖЕНЫ

Со мною провести ты ночь
Уже два месяца не мог,
Твои издевки мне невмочь,
Пускай тебя накажет бог.
Я дом оставила родной,
И стала жертвой для утех,
А после — жалкою рабой,
Пусть на тебя падет мой грех.
За что — никак я не пойму —
Таскаю воду и дрова.
Твоя жена в твоём дому
Утратила жены права.

Другим я женам не ровня,
Ты глух к словам обид моих,
И кроме крика для меня
Ты не находишь слов других.
Покорная, без сил и сна,
Я вижу в радости обман,
Теперь судьба моя одна —
Колючий собирать джусан.
Мой старший брат, глаза закрой,
Как ты, как родичи могли
Так поступить с своей сестрой,
Швырнуть на жаркие угли,
На рабский труд, в ярмо забот,
Где солнца нет, где вечно мгла.
Меня вы продали за скот,
Чтоб я слезами истекла.
И ваша жирная еда
Не пахнет ли моей тоской?
А я — голодная всегда
И с непокрытой головой —
Не вынесу я свой удел,
Пусть на тебя мой грех падет.
Ты от баранов опьянел,
Как я пьянею от невзгод.
Не вынести мне всех обид.
И если муж, хваленый бай,
Глумления не прекратит, —
Уйду я в безвозвратный край.
Нет горестней моей судьбы,
На мне лохмотьев рваных след.
От слез нет слова у рабы
И смелости для жалоб нет.
Я вижу горький свой конец,
Никто от бед меня не спас.
Вы, братья, ты, родной отец.
Пускай мой грех падет на вас.
...И я в отчаянье стою.
Я вспоминаю, — волостной,
Не принял жалобу мою.

Ушла в слезах, ушла с тоской.
Я вспоминаю, как потом
Настигла новая беда.
Меня, связав тугим узлом,
Опять отправили сюда.
Мулла приходит в байский дом,
Не здешний, из приволжских стран.
«Жена—твоя раба»,—о том
Рассказывает нам коран.
Он куропаткой семенит,
Медоточивый байский льстец,
Он шариатом мне грозит
И предвещает мой конец.
Меня одолевает страх,
Я вся в слезах, я вся в слезах.

5

Они приехали с двух сторон
В степь нести правоверных закон,
И, сотворив священный намаз,
Учат детей для отвода глаз.
Байскому сыну — почтение муллы,
Достоин он всяческой похвалы.
Мечеть посещает и строен собой;
А сын байгуша недостоин хулы.
Он в старую рваную шубу одет,
На нем ни сапог, ни шапки нет,
Дрожит вислоухим лошонком он,
Ему недоступен белый свет,
Шерсти клочья на нем висят, —
С весны не линявший лошонок космат.
Ты посмотри, сын байгуша,
Как байского сына приятен наряд.
К нему приезжают отец и мать
Подарки мулле с уважением отдать.
А в стороне стоит байгуша
Тяжкою думою полна душа:
«Эх, был бы мой сын на него похож,
Меня б, не бросало в горькую дрожь».

Вот сын бедняка приходит, и строг
Мулла, говорит: «Ты садись на порк
И ближе не смей, ты пачкаешь тор
Следами своих немытых ног».
Сын бая и в драке будет прав,
Когда подерутся в пылу забав,
И разве только перед молды
Он ниже травы, тише воды.
Но справедливый учитель — молда —
Бедняцкого сына обидит всегда.

...Издаലെка, из-за черных гор,
Голову плотно закутав чалмой,
По шарияту потупив взор,
К народу идет ходжа-святой.
Разум теряет народ перед ним.
Ходжа приступает к реченьям своим.

СЛОВО ХОДЖИ

Вы послушанья дали обет,
Платите аллаху за скот зекет.
Благословляет святой отец:
Из отары в сорок овец
Одну отдавай, о темный люд,
И овцы тебя от греха спасут,
Кобылой усопшего помянай —
И отпущенье получишь в рай.
Ты знай — загробный мир тебя ждет,
И там тебя не насытит скот,
Добро твое будет тебе не впрок,
Не я говорю, — так глаголет бог,
Зекет со скота нам свыше дан.
Внемли. Я читаю тебе коран.
Если ты хочешь ныне и впредь
Благословенье сыну иметь, —
Трижды девять жертвуй в мечеть,
Сын твой будет умом наделен.
Помни всегда аллаха закон:

Не принесешь кобылицу в дар, —
В загробном мире не сдобровать,
В загробном мире есть адский жар,
Которым будут тебя пытать.
Казахи, слушайте слово ходжи,
Слушайте все: и стар, и млад,
Храните, и вас минует ад,
Божий закон — святой шарнат.
Скот нечистый из стада прочь,
Своим бесчестьем коран не порочь.
Пища тебе пойдет во вред,
Пока не уплатишь сполна зекет.
Думай о царстве загробном, казах,
Да будет твоим провожатым страх,
Сотню коней пересчитай,
Сто первого в жертву аллаху отдай.
Думай о страхе адских тревог,
Сколько ни дашь ты — избыток далек.
Как аллах сказал, так и знай
С урожая кушур отдай.
Прочитаю тебе, казах,
Из корана священный стих:
«Там за гробом богатства — прах,
Вера там — богатство живых».

Вот так мулла и много мулл
Со всех сторон в любой аул
Пришли обманывать народ,
Чтоб он на ложный путь свернул.
Бий и манап — опора их,
Есть наговоры для больных,
Но никогда не воскрешал
Покойников священный стих.
Вот так покойника спасти,
Овец суягных увести
Могли священные отцы.
Но правда не у них в чести.
Их правда — взятки и обман,
Их книга — «праведный» коран,

Но с ними не пошел народ,
У бедного в глазах туман.
Где новый путь ему обрести,
Где правда, совесть где и честь?

6

Царь Николай глубокий канал
Вырыть в Кыл-кумской степи приказал,
Но кроме канала добрых дел
Казахский народ от царя не знал.
Была у царя рука длинна,
Повсюду в степи доставала она,
И восемь сенаторов восемь рук
Тянули к народу, как цепкий паук.
Зло испытала степная страна,
Лучшие земли забрала казна,
И безземельная беднота
Как будто огнем подпалена.
Спасенья искала в степи беднота,
Везде настигала их горя пята.
Соленые слезы труженик лил,
Мечту о земле он свято хранил.
Вам правду сейчас говорит поэт, —
В бумагах есть запись этих бед.
Но мало земли лишит народ,
В уплату налога уходят скот.
Лишенный земли, лишенный отар,
Куда же теперь бедняк пойдет?
Когда его землю взял закон.
Смиранный, не прекословил он,
Застыл, рыдая, на полуслове он.
Неотвратимым несчастьем сражен,
Несчастьем, посланным белым царем
В казахскую степь из столичных хором.
Казахи имели много земли,
Но пользу извлекать из земли не могли:
В аулах ученых людей не найти,
И были богатства земли взаперти.

И скрыты были недра ее,
Плоды, что украсили щедро ее.
Лежали золото и серебро,
Свинца изобилие и медных руд,
Не доставалось нам это добро,
Казалось, его без нас разберут.
Повязку невежества на глазах
С обидой носил кочевник-казах.
Он видел, как шарит чужая рука
В родных степях и в родных горах,
Как нюхают золото господа,
Как ищут к земным богатствам ключи,
Как, наконец, добрались сюда
Из дальней Англии богачи.
Возникли заводы там и тут
В широких просторах нашей земли,
Найдут запасы железных руд,
Откроют каменные угли,
Свинец откопают, добудут медь,
Запасы золота и серебра,
И, крадучись жадно, будут смотреть,
Что же еще утаила гора?
А ты здесь года бродил, бишара,
Эта гора — твоя гора.
А ты не знал, казах-бишара,
Что здесь у тебя так много добра.
Ты смолоду грамоты не разумел,
Хозяйство кочевника — вот твой удел,
Лучшие земли твои забрал
Ага-волостной, бай-аксакал.
Взял твои земли пузатый бай,
Мирза разжиревший разграбил твой край.
А на заветные клады земли
Иноземные жадные руки легли.
Просторна наша земля, широка,
В ней от Урала к Алтайским горам
Простерлись степи Сары-арка,
Открытые всем кочевым ветрам.
В ней от Джунгар до Алтайских гор

Легло оазисом Джетысу,
В ней Балхаша озерный простор
Красит волной степную красу.
И слыли раем земным на славу
Гора Кокчетау, гора Баянтау.
В лесах зеленеют ель и сосна,
Травы нагорных лугов шелестят,
Вода в быстротечных реках ясна, —
Так изобилен наш край и богат.
Но был разграблен родной наш край,
Отмерена за верстою верста,
Лучшее отнял сам царь Николай,
И мы покидали родные места.
В голодную степь, в Бетпак-дала,
Нужда нас жестокой камчей гнала.
И снова лучшие земли забрал
Мирза разжиревший, бай-аксакал.
Прохладой вновь упивается бай:
— Мое кстау — вот сущий рай, —
Кичится бай, ухмыляется бай:
— Мое джайляу — вот сущий рай.
Кстау мое, джайляу мое,
Раздолье покосных лугов мое.
Я вас прогоняю из этих краев,
Ты клевер, бедняк, от меня не тая,
Покосы и клевер тоже мои,
Ты землю немедля мою покидай, —
Волю свою объявляет бай.
Съежившись тихо в жалкий комок,
Уходит бедняк по одной из дорог.
Не мог он бороться и возражать,
Земли и правды добиться не мог.
Идет он, съежившись в жалкий комок,
Тяжелое бремя послал ему бог
Идет он без сил, вспоминая долги,
Страшится несчастный новых тревог.
Из дома выгонят бедняка.
Съест его, горемыку, тоска.
Опустошенный, он изможден,

В дырявых лохмотьях повисла рука:
«Вес потеряли мои слова,
Я только обжился едва-едва,
Меня изгоняют, мне помощи нет,
В несчастьях хмелеет моя голова.
Клочок земли я хочу вспахать,
Но где мне вола для распашки взять?»
Есть путь один, — это знает он —
Снова к баю итти на поклон.
Может, расщедрится жадный бай,
Может, он даст своего вола,
Может, на счастье взращу урожай,
Может, поправлю свои дела.
Принимая смиренный вид,
Низко кланяясь, он говорит:
«Будьте милостивы, ага,
Видно гибель ко мне пришла,
Мои дети без молока,
Во дворе моем нет вола.
Одолжите корову мне,
Помогите своим волом,
Я посею хлеб по весне,
А к зиме расплачусь с долгом».
Соглашается сразу бай:
«Вот волы, байгуша, впрягай».
Он обрадован, он бегом
Возвращается к детям в дом.
Он сгибается от забот,
Может кончатся дни невзгод?
Пашет сеет, боронит он
И надеждой на хлеб живет.
С ним хлопочет его детвора.
С ним на пашне жена с утра,
Дружно трудится вся семья,
Чтоб иная пришла пора.
Он отсеялся, но позвал
Бай его прокопать канал
И пустить на посевы свои

Освежающие струи.
«Я тебя не оставляю в беде,
Помогу, несчастный, везде», —
Обещает ласково бай,
Изнывает батрак в труде.
Колосятся в долинах хлеба,
С гор идет за арбою арба,
То с летовки вернулся аул,
А бедняк не расправил горба,
Он трудился на бая, как раб,
Он совсем от работы ослаб,
Поседел он, лишился сил,
Он в лохмотья чапан износил.
Наливается колос пшениц,
Радость светит от детских лиц.
Хлеб созрел, хорош урожай,
Но на жатву приехал бай.
Видя золото спелых нив,
Необычно бай тороплив.
Он доволен, свои мешки
Полновесным зерном набив.
Из отары байской баран
Самый старый идет в казан:
Лицемер угостил батрака,
Бес-бармаком, скрывая обман.
К баю хлеб пошел в закрома.
А бедняк? Он сошел с ума,
Он весной и летом был слеп,
Если думал взять себе хлеб.
Разве он человек, бедняк?
Треть ему не выйдет никак.
«Я по праву старшего взял.
Я тебе быков отдавал.
Что останется, — то твое», —
Бай последний мешок завязал.
«Я, ага, вас теперь молю —
Жеребенка поездить дать,
Я его сенцом откормлю,
А иначе мне погибать».

«Эта просьба твоя смешна,
Ты заездишь мне стригуна.
Жеребенка я не отдам,
О судьбе своей думай сам».
Бай идет отдыхать на курпе,
А бедняк, покорный судьбе,
Без запаса пищи опять
Будет с голода умирать.
Многих баев я повидал,
Беззаботных хозяев встречал.
Что им скот? Что зимовка им?
На них трудится стар и мал.
Их забота — сон и еда.
Сгинет пара отар — не беда.
На зимовках без сена скот,
Без кормов у бая стада.
В день морозный узнает бай,
Что добычею волчьих стай
Стало много худых овец,
Что кормам наступил конец.
«Ты — виновник всех наших бед» —
Бай кричит пастуху в ответ.
«Ты ограбил меня, лентяй,
И тебе прощения нет.
Ты несчастье приносишь мне,
Конь погиб по твоей вине.
Что тебе лентяю платить,
Если ночь ты проводишь в сне?
Не насытить тебя никак,
Ты прожорливей злых собак,
Ты собрался меня извести,
Чтоб ты сдох, голодранец-бедняк.
Нет, тебе не прожить свой век,
Разве ты, батрак, человек?
Разве я тебя не жалел,
Когда твой отец околел?
Волчьей злобой глаза полны,
Желчью дышат мысли твои.
Ты, добра не помнящий пес,

Отгони мои табуны!»
Так уходит в стужу пастух,
Замыкая несчастий круг.
Бай ему не поставил юрты,
Ждать от бая ль ему доброты?
Он сквозь стужу в лохмотьях своих
Гонит степью чужие гурты.
Прокоптил ему дым костров
Платье старое из лоскутов,
Нет на жалкой шубе полы,
Нет на сбуви каблуков.
Дождь октябрьский сменяют снега,
Застревает в сугробах нога,
Бедняка пронизали насквозь
Стужа льдистая, ветер, пурга.
Обессилил голод его,
Обездолит холод его,
В день морозный в степи батрака
Настигает смерти рука.
«Пастуха одолел мороз», —
Кто-то баю известье принес,
И кому-то бросает бай
Слово краткое: — «Закопай».
Кун не для бедных. Отец зарыт,
Жена и ребята рыдают навзрыд.
Сменит раздумье слезы жены:
Кто нам поможет, кому мы нужны?
Скот продать? Только где он, скот?
К баю идти? Он жесток и упрям.
Но все же приводит жену и сирот
Дорога надежды к байским дверям:
«Наш хозяин покинул дом,
Мы безутешны в горе своем.
Нашу просьбу, радатель, прими,
Я по миру скитаюсь с детьми.
Помоги, ага, чем-нибудь,
Укажи нам к спасению путь,
Ты сирот его пожалей,
Одари нас лаской своей».

Неприступен бай и суров,
Нет у бая ласковых слов:
«Ничего я не брал у вас,
Взял аллах, аллах и отдаст;
Я прошу вас мне дать покой,
А на мой порог ни ногой».

7

К нам в степи купцы налетают, как дождь,
Овечье руно забирают за грош,
Глаза завидующие смотрят вокруг —
Мерлушки им мало, и шерсти, и кож.
Купец по-дешевке закупит товар,
Резвится он, глядя на сотни отар,
Он их в Андижан перегонит, а там
Перепродаст богатеям-купцам.
Добытчик миллионов не будет в раю,
Но твердо он знает дорогу свою.
Спокоец и весел заезжий богач,
Охочий до легких нажив и удач.
С ним тоже в аулы приходит беда,
Он тоже обманщик и опытный плут;
И если он с баем поладит всегда,
То батраку заготовил он кнут.
И где бы он ни был, бедняга-батрак,
Его не заря ожидает, а мрак,
И он покоряется горькой судьбе,
Сил не имея к неравной борьбе.
И если бы срезал мяса кус
С тела живого хозяйский нож,
Привыкший к обидам, покорный трус,
Он был бы с тихой овцою схож.
Тяжелое время! Я слышу стои,
Идущий к нам из глуби времен,
В душу народа страх проникал,
И даже храбрый трусливым стал.
Батрацкое слово — ломаный грош,
Правда его сходит за ложь.

Он голос возвысит, — беднягу ведут
На скорый суд, на неправый суд.
Глаза ему выколят, снимут чапан,
Коня-скакуна отберут за обман.
Бай возвратился счастливый домой:
«Правилен суд справедливый мой,
Свое получил по заслугам кедей,
Как будто нет без него людей».
А бедняка единственный путь —
Ноги свои протянуть.
Отчаянья страх, и горя страх,
На шее ярмо и путы в ногах.
Что делать тебе, несчастный казах?
Твои надежды развеяны в прах,
Рассудка, видно, лишился ты,
Горем своим упился ты,
Правда твоя сошла за ложь,
Чем же ты душу свою спасешь?
Как молот, вбивающий в войлок кол,
К нему волостной с наставленьем пришел:
«Добра не расходуи, будь бережлива...»
Нахмурятся люди, бедняк молчалив,
Он губы сжимает, не зная вины,
Не понимая слов старшины.
А волостной, как змея, шипит,
«Ой-бой, ты хвост подожди», — говорит,
«Кто правит мудро людьми», — говорит, —
«Тому богатство принадлежит...»
И про себя бедняк
Думает так:
«Если я с баем борьбу поведу. —
Впаду в нескончаемую беду».
Бедняк запомнил слова угроз,
Что бай однажды ему произнес:
«От жизни твоей у меня ключи,
Твой скот по праву сильного — мой.
Все отберу для казны, молчи!
Слаб ты, бедняк, и труслив душой.
Смирись перед нами, несчастный, смирись».

Нашей силе, бедняк, покорись.
Сопротивляться? В своем ли уме?
Путь на земле окончишь в тюрьме.
Шутки с нами шутить — беда!
Такое покажем, что взвоешь тогда.
В неравной борьбе получив удар,
Падает бедный в глубокий яр,
Никто не поможет теперь ему,
Его заточат теперь в тюрьму,
Либо вконец разоренный он,
Воды и овец лишенный он,
Обложенный непосильно он, —
Уйдет из тьмы предмогильной он,
Бродяжить долгой дорогой уйдет
• И песню такую тогда споет:
«Меня нужда к борьбе звала,
Я право бедных защищал,
Меня сразила та стрела,
Которую я сам послал».
Царь бедняка не защитит,
Царь байские права хранит.
Бедняк — добыча для орла,
Что кровью насыщаться мог,
Его несчастьям нет числа,
Как нет конца его дорог.

8

Народную честь народу вернуть,
Правде новую силу вдохнуть,
Народ возвратить на верный путь
Маркс и Ленин смогли.
И встал с коленей народ-исполни,
На правое дело встал, как один,
На битву призванный властелин,
Хозяин своей земли.
Вожди нашли дорогу ему,
Добавили силы много ему
И снарядили в бой.

Тот, кто судьбой обездолен был,
Кто молчаливым в неволе был, —
Встали одной стеной.
Батрак и бедняк заодно с пастухом
Не захотели быть под ярмом,
Горе терпеть под байским кнутом,
Вышли на смертный бой.
Ленин великий! Это ты —
Свершение вечной народной мечты.
Ты победил навсегда волостных,
Баев и хитрых прислужников их.
Ты победил царя.
Встала над степью счастья заря,
Ярко лучами ее освещен
Новый закон — Советский закон.
Заводов труженики и земли
Заговорить свободно смогли,
И женщина, что молчала года,
Стала свободною навсегда.
Наше богатство, что бай накопил,
Наше право отдано нам.
Нынче хозяин народных сил
Тот, кто овец выпасал богачам,
Кто при царе Николае жил
У самого края глубоких могил,
Кто был угнетен, как несчастный раб,
От жажды и голода кто ослаб.
Бай — бедноты извечный враг —
Сброшен отныне в бездонный овраг.
Я видел — освобожденный народ
Дорогой труда к изобилию идет.
Я видел улыбки на тысячах лиц
В просторе освобожденной земли:
Я видел косяк степных кобылиц.
Что нам своих жеребят принесли:
Я видел — коровы дают приплод.
Верблюдицы — верблюжат,
Я видел, как шел в отарах окот.
Я слышал, как песни звучат.

В Совет пришла заседать беднота,
Она былой бедноте не чета,
Всем известны её права
И полновесны ее слова.
Хозяин в отары пришел теперь,
Хозяин богатство свое вернул.
Советам отныне судьбу свою вверь,
Степной, пробужденный к жизни аул.
Батрак и бедняк заодно с пастухом
Хозяева жизни в краю степном.
Советы нас пробудили от сна,
Советами нам справедливость дана.
Ясный путь, правильный путь,
Путь, который правдой зовут,
К светлой вершине по имени Труд.
Путь к свободе и счастью в века
Нам Ильича указала рука.
Кончился жирного бая гнет,
Мулла не сочит ядовитый мед.
Великая партия большевиков
Сомкнула нас в грозный, могучий ряд.
Народы объединились на зов
Светлого месяца Октября.
Голос народа — голос мой,
Мы сами правим своей судьбой.
Возмездье народа принял бай,
Свободно дышит мой вольный край.
И только воспоминанья порой
Глаза затуманят невольной слезой.
Но прошлого сразу исчезнет туман,
Свет разума нам Советами дан.
Он распахнулся, степной простор,
Он с морем счастья и правды схож.
У наших вождей орлиный взор.
Они из речей изгнали ложь.
Для внуков моих просветлели дни.
Я вижу, в школах горят огни,
Огни справедливости и наук,
И деду в труде помогает внук,

Струится знания волшебный родник,
К нему молодой и старый приник...

И, размышляя, я увидал
За перевалами перевал.
Окинул грядущее, и зажглась
Вершина хребта, как костер вдали,
С этой вершины открыты для нас
Дороги во все концы земли.
Нас вывели Маркс и Ленин из тьмы,
И славит их мой песенный стих,
Рожденные смертными, как и мы,
Они бессмертны в делах своих.
Я возвращаюсь к нынешним дням.
Пройдя по прошлым трудным путям.
Так я в девятый десяток вступил.
Все то, что я видел, я в слово вложил.
Из дальних путей, из трудных дорог
Я горькие песни для вас сберег,
Чтобы свободный познал человек
Думы народа, времени бег.
Песен собрание, сказы мои,
Вам в назиданье, друзья мои!
Пусть ваша память их сохранит.
Счастья над вами заря горит.
Увидите сами грядущий путь,
Ленина знамя вовек не свернуть.
Друзья мои милые, мой народ,
Несметною силою стремитесь вперед.
Ясное солнце сияет для нас.
Закон окрыляет мудростью нас.
Мысли великий рождает для нас:
Покорным, как прежде, народ не будь.
Стремленье вперед — твой надежный путь.

1927 г.

МОЯ РОДИНА

Джамбулу сейчас девяносто лет,
Но крепко Джамбул сидит в седле.
Приехал он в радостный, новый стан,
Встречает певца родной Казахстан!
С почетом певца встречает аул.
Песни пой во весь голос, Джамбул!
Пришли и мои немере-шубере:
«Спой нам, отец, и сыграй на домбре!»
Народ мне настроил душу мою,
И я для народа песню пою:

...Девяносто лет табуны паслись,
Девяносто лет ковыли цвели,
Девяносто лет в облаках несли
Песни свои журавли.
Девяносто лет стремена звенят.
Девяносто лет согнули меня,
Девяносто лет я берег коня,
Чтоб подъехать к новым дням...

Смотрите — моя голова седа,
Смотрите — бела моя борода.
Смотрите — в глазах кровь и вода.
Много я в жизни видал.
Мой род не седлал степных бегунцов,
Тавро украшало мое лицо,
Но я в состязаньях песней отцов
Побеждал степных певцов.

Эй, скажи мне, судьба-великан,
Чем же вспомню я сум-замап?

Семьдесят лет в старом седле
По чужой я проехал земле,
По чужой я проехал стране
На усталом и бедном коне.
Пропасть путь преграждала мой,
Тучи сходились над головой,
На сердце оставили черный след
Семьдесят горьких лет.

Много ханов ты знала, степь моя;
Море слез пролила ты, степь моя.
На плечах своих пронес мой народ
Суровых законов гнет.
Врывалась коканов волчья орда,
С пастбищ наши сгоняли стада,
Бешеный хан Худояр налетал,
Кровь его ядом была налита,
В глазах его вечно стояла ночь.
Хан у народа любимую дочь
В жены насильно к себе уводил.
Сердце он вырвал из нашей груди.
Тогда с джайляу пыль поднималась.
Тогда в озерах вода волновалась.
Тогда над степями с клекотом злым
Тревожно летали орлы...

Эй, скажи мне, судьба-великан,
Чем же вспомню я сум-заман?
На сердце оставили черный след
Семьдесят горьких лет.
Был хан Аблай. Как голодный шакал
Он по аулам добычу искал.
Юрту хана датки окружали.
Нукеры хана оберегали...
Баям с Аблаем привольно жилось.
Баям он дал золотое седло,
А тем, чьи плечи сдавила сума.
Был он как злая степная зима.
Память открыла мне повесть одну...

Любимому сыну без хан жеиу.
Красавица ехала на коне,
Рабыни усталые шли за ней,
Судьба им хомут тяжелый дала —
Дешевле овцы их жизнь была.
Слушала степь их беспомощный стон
И проклинала ханский закон.

Эй, скажи мне, судьба-великан,
Чем же я вспомню сум-заман?
На сердце оставили черный след
Семьдесят горьких лет.
Джангера какой забудет аул?
В степях проносился далекий гул,
И змеи ползли из разных концов,
Край мой сжимало тугое кольцо.
С русским царем принес Джангер-хан
В подарок народу плетъ и аркан.
Как волки, зубами арка рвали,
Раны горячие оставляли,
Лучшие выпасы наши брали,
Лучшие реки у нас украли,
Лучший табун из степей увели,
Наши родные кибитки сожгли.
Оставили нам лески да пустырь,
Душу народа они на пласты
Резали. Ханское было кадэ,
Защиты народ не нашел нигде...

Эй, скажи мне, судьба-великан,
Чем же я вспомню сум-заман?
На сердце оставили черный след
Семьдесят горьких лет.

Царских приказов хитрый вершитель,
В степь пришел волостной управитель,
Коварный и злой, как сам сатана.
С ним появились мирза, старшина.
В байскую юрту сам бий приезжал,

На мягких подушках бий ночевал,
На бийской груди блестела медаль...
Кипели котлы. Бурлила вода...
В юрте, белее чем вымытый мел,
Бай на коврах сыр-дарьинских сидел.
Керсень дорогой, с узорами лис,
Пенился в нем золотистый кумыс.

Кедей-бишара был похож на тень,
На голом теле — колючий чекмень.
Малай-бишара с домброй да кнутом
В долинах ходил за байским скотом...
Сжигал его летом солнечный зной,
Бураны его заматали зимой.
Родная жена и две сестры
Для байбише разводили костры.
Сынишка любимый ласки не знал, —
Отцовская доля и сыну верна, —
Пас он в отарах байских ягнят.
С детства на сердце обиду храня.

Эй, скажи мне, судьба-великан.
Чем же я вспомню сум-заман?
На сердце оставили черный след
Семьдесят горьких лет.

Когда перешло мне за семьдесят лет,
Ленин, Сталин открыли мне свет.
Труб золотых разносился зов, —
Армия вечных рабынь и рабов.
Сильная, грозная армия шла,
Дворцы захватила и троны снесла.
Волчьих законов разрушила строй...
В грязь покатился венец золотой.
Тогда над степями, ярко горя,
Взошла моего народа заря!
Верных коней казахи седлали,
На гребнях гор костры зажигали.
Чтоб родная Москва увидала.

Как по горам, долинам, увалам
Степь выходила к бунтарским гонцам.
С именем Ленина бились сердца!
С именем Сталина радость пришла!
С именем Сталина степь зацвела!
Их имена кеден несли,
Байскую свору, как падалъ, жгли.
С байских халатов кеден сорвали
Царские золотые медали!
Я в песнях прославил тот смелый год.
С ним вместе родился и мой народ,
Источники жизни забили в нем,
Смел и велик он в движение своем!
С тем годом воскресла моя душа,
Я счастье нашел, и бодр мой шаг.
Проклятый заман отошел, как буран.
Спасибо, Сталин, тебе, данишпан!
Расстался Джамбул с своей горькой судьбой.
Спасибо тебе, Сталин родной!

Едет Джамбул в богатом седле,
Едет Джамбул по родной земле,
Едет Джамбул по родной стране
На сытом степном скакуне.
С почетом певца встречает аул:
«Пой свои песни громче, Джамбул!
В них молодость, сила и слава побед
За двадцать советских лет!»
В колхозном ауле радость живет,
В колхозном ауле сердце мое,
В богатом ауле звонко поет
Старик, проклинавший недавно судьбу.
Счастливый певец, Джамбул!

Сталин! Ты крепость врагов сокрушил!
Любимый! Ты житель моей души!
Сравнений тебе не найдут жирши,
И у акынов, степных мастеров,
Таких не найдется жемчужин-слов.

С пророком хотел я тебя сравнить, —
С пророком не мог я тебя сравнить:
Правду пророк не умел говорить!
В словах твоих, Сталин, правда и свет,
Меркнут пред ними фарыз-сундет.
Хотел с океаном тебя сравнить, —
Не мог с океаном тебя сравнить:
И в океане порой корабли
С распоротым дном сидят на мели...
С полярной звездой хотел сравнить, —
С полярной звездой не мог сравнить:
Она, как приколотая гвоздем,
Вечно стоит на месте своем...
С горами хотел я тебя сравнить, —
Из гор тебе не равна ни одна:
У каждой горы вершина видна...
Хотел тебя с полной луной сравнить, —
Не мог тебя с полной луной сравнить:
В небе она холодна и бледна,
Свет свой струит лишь ночью луна.
И с солнцем хотел я тебя сравнить, —
Не мог тебя я и с солнцем сравнить:
Может и солнце порой изменить.
Светит оно лишь в ясные дни.
Сталин! Сравнений не знает старик...
Сталин, как вечный огонь, горит.
С родной домброй по степям я пройду.
Сокровище слов в народе найду.
Я песни посею в пылких сердцах,
И вырастут песни степного певца.
В песнях этих найдут поколения
Достойное Сталина сравненье!

Спасибо тебе, Сталин мой!
Расстался Джамбул с горькой судьбой.
Едет Джамбул в богатом седле.
Едет Джамбул по родной земле.
Едет Джамбул по родной стране
На сытом степном скакуне.

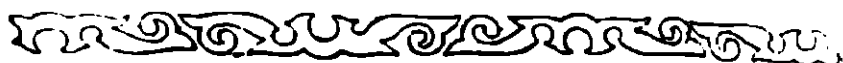
С почетом певца встречает аул:
«Пою свои звонкие песни, Джамбул!
В них молодость, сила и слава побед
За двадцать советских лет!»

· 1938 г

Если бесплодна земля и бедна.
 Золотом разве заблещет она?
 Если с народом герой не живет,
 Разве полюбит героя народ?
 Если не плещется море волной,
 Если у моря виднеется дно.
 Разве ты морем его назовешь.
 Разве на дне его жемчуг найдешь?
 Если горячее солнце умрет,
 Если над миром оно не взойдет,
 Разве увидит вселенная свет.
 Разве найдет человечество след?
 Если рождения слышного нет,
 Если цветения пышного нет,
 Может ли яблоня плод принести.
 Может ли сильное племя расти?
 Если, как солнце, батыр не рожден,
 С солнцем найдет ли сравнение он?
 Разве прольет он, как солнце, лучи.
 Разве найдет он от счастья ключи?
 Если батыр от рожденья велик.
 Если могучий батыр солнцелик.
 Может ли он на земле умереть
 Раньше, чем солнце устанет гореть?
 Он солнцеликим явился на свет,
 Месяца ярче, луны и планет.
 Замер в тревоге дряхлеющий мир.
 Пела земля: — Он родился, батыр.
 Счастье родилось, родился герой.
 Крылья народной мечты вековой!

Травы в долинах вели разговор,
Шумно орлята спускалися с гор.
Нежен, как бубен, реки перезвон;
Светлой улыбкой сиял небосклон,
Стал, отряхнувшись от вечного зла,
Гордый Кавказ колыбелью орла.
Шел из берлог и ущелий народ
Встретить рожденного солнца восход.
Встретить грядущего счастья зарю,
Сына увидеть — опору свою.
Шел и Джамбул. Это было давно.
Будто в байге шестьдесят скакунов,
Годы промчались. От горя устал,
Шел я, и вдруг мне дыхание трав.
Птиц косяки, переливы струны
И золотые степей катуны,
Горы, ручьи, камыши, ковыли
Песню о вечной мечте принесли.
Пела земля. — Он родился, герой,
Крылья народной мечты вековой,
Ростом он выше заснеженных гор.
Ум его, как океана простор,
Речь его пламенем ярким полна,
Слово его, как в прибое волна,
Светлой улыбкою взор озарен.
Сталин на счастье народов рожден!
Грудью орлиной в грозу и пургу
Смелый и грозный, он страшен врагу...
Нас он в счастливое время взрастил.
Нас он бесстрашью в борьбе научил,
Нас он в богатое платье одел.
Душу Джамбула любимый согрел
Он теплотой жизнедарных лучей;
Кровь моя стала еще горячей.
Память верна мне. То было давно.
Будто в байге шестьдесят скакунов,
Годы прошли. Это годы борьбы...
Тридцатилетним скитальцем я был.
Ветер холодный меня подгонял,

Степью голодной от бурь я бежал.
На хромоногом своем ишаке
Воду искал я в горячем песке.
Кто же считал человеком меня?
Камни я грыз, чтобы жажду унять.
Разве напьешься, коль камень сожмешь?
Разве тропинку в пустыне найдешь?
Сталин родился, — с восходом зари
Зазеленели в степях пустыри.
Сталин и Ленин родные пришли,
Силу народа с собой принесли.
Освободили рабов от оков
И вековых победили врагов.
Солнце видало с орлиных высот:
Выпрямив спину, поднялся народ.
Ленин и Сталин его в Октябре
В бой повели на владык и царей.
Золото хлынуло реками с гор,
Жемчугом блещут просторы озер,
Садом весенним пустыня цветет,
Дар свой народу земля отдает...
Все, что у нас воровала в ночах
Ханская свора, орда палача, —
Все мы вернули в суровой борьбе,
Все мы вернули и взяли себе...
Стали мы молоды, стали сильны,
Стали, как беркут в полете, вольны,
Дышим свободно, свободно живем,
Песни о счастье народном поем.
У Ала-Тау, под крепостью скал,
Город насилья и рабства стоял —
Верный. Он верным служакою был
Черным хозяевам нашей судьбы.
Город без света, поросший травой
Был в нем хозяинном городской.
И поднимались из мрака и тьмы
Церковь, мечеть и дувалы тюрьмы...
Жил я от города невдалеке,
Ездил я в город на ишаке.

Страшен был город, был глух он и нем,
Ехал я молча и кланялся всем
Так, что касалась седла борода.
— Будьте вы прокляты, господа! —
С каждым поклоном я тихо шептал,
Я ненавистных господ проклинал.
У Ала-Тау, в тенистых садах,
У Ала-Тау, в душистых цветах. —
Новая, радостная, как мечта,
Наша любимица Алма-Ата.
Там, где слепая вздыхала сова,
Мчится веселый и шумный трамвай;
Там, где вороны кормили птенцов,
Вижу колонны народных дворцов;
Там, где верблюды отдыхал за бугром,
Вижу я солнечный аэродром.
Сколько в ней радости, песен, огней —
В светлой столице моих сыновей.
У Ала-Тау под крепостью скал,
Нет распаленного зноем песка.
Там, где в безводье верблюды умирал,
Плещет Урало-Кушумский канал.
Я у домбры и у сердца спросил:
— Кто вековую мечту воскресил?
Кто неустанно и ночью и днем
Думой живет о народе своем?
Разве в бескрайних, как море, степях
Грамоту знали мои сыновья?
Разве голодный и нищий пастух
Был на высоком, почетном посту?
Кто же из вечных степных батраков
Вырастил летчиков, профессоров,
Вольных жигитов, отважных бойцов,
Славой народной овитых певцов,
Учителей, агрономов, врачей,
Знатных и смелых советских людей?
Кто неустанно и ночи и дни
Полом отцовской заботы о них?
Кто в пятилетках борьбы и труда

Служит народу, с народом всегда?
Кто свою Ленину клятву давал?
Кто ее выполнил, свято сдержал?
Кто для народа Закон написал —
Счастья и дружбы великих племен —
Вечный и мудрый Советский Закон?
Кто наш в столетиях отысканный клад?
Кто всенародный родной депутат?
Струны и сердце ответили мне:
Сталин, которому равного нет!
Родина! Сталинский солнечный сад!
Славой и силой красуясь, стоят.
В этом саду, где акыны поют,
Гордых, богатых одиннадцать юрт.
Ты среди них, мой ликующий стан,
Солнечный мой золотой Казахстан.
Снежные горы блестят серебром,
Степи покрыты цветистым ковром,
Каспий привольные воды несет.
Скалами небо Алтай достает.
Необозрима родная земля, ,
Неисчислимы мои сыновья.
Вижу — он множится, вижу — растет
В братстве и дружбе великий народ.
Я направляю свой радостный взгляд
К светлой столице, к созвездью Кремля..
Там мои думы, там сердце мое,
Там мой великий учитель живет —
Сталин, опора и сольде людей,
Вождь всенародной державы моей.
С именем Сталина сердце поет,
С именем Сталина панщины гнет
Сбросив, скрепили наш братский союз
И украинец и белорусс.
С именем Сталина гордый Китай
Бьется с нашествием вражеских стай;
С именем Сталина брат мой монгол
Черную свору налетчиков смел..
Сталин — он юность мою воскресил.

С ним я, столетний, про старость забыл.
Силу его не измерят века,
Нет ей преграды, она велика.
Сталин, как вечный хрустальный родник,
Он, как отточенный солнечный пик,
Выше хребтов и утесов стоит.
Он — величавый, могучий жигит!
С ним ни седин, ни усталости нет,
Сталин — бессмертное знамя побед!
Сталин любимый, в весенние дни
Ты в Казахстан приезжай, отдохни
В солнечной радостной юрте моей,
В дружной счастливой колхозной семье.
Мы б угостили тебя кумысом,
Свежим колхозным густым кумысом,
Трубку б набили твою табаком,
Свежим колхозным своим табаком.
Мы бы тебе оседлали коня,
Ветра быстрее, горячее огня,
Чтоб в золотом каскеленском седле
Ты по любимой проехал земле
Да посмотрел, как богато живет
Твой возрожденный казахский народ.
Сталин любимый, с народом Джамбул
Ждет тебя в гости в счастливый аул!

1937 г.

ПОЭМА О ВОРОШИЛОВЕ

1

селенная снова в крови и пожаре,
Повеяло запахом стали и гари.

В горах Абиссинии стоны ветров,
В Испании льется горячая кровь

Гремит канонада в китайских краях,
Манчжурские реки поют о боях.

И ночью дивятся в степях чабаны
Рубиновым Марсом — звездой войны.

Тревогой шумит созревающий колос,
И я поднимаю взволнованный голос

Над степью, зовущей в синий простор,
Над цепью мерцающих жемчугом гор.

Над звонко кипящим в горах водопадом,
Над тронутым розами яблонным садом,

Над плеском арыков, пугающих тишь,
Над желтой рекой, где куга и камыш.

Над тополем стройным, как наши казашки,
Над морем тюльпанов и белой ромашки,

Над прудом, который я розов и сиз,
Над полем, где спеет серебряный рис.

Кочуй, моя песня!
Будь гостьей желанной
В просторных, ковыльных степях Казахстана,

В садах и на пастбищах Узбекистана,
В кибитках коврового Туркменистана,

В предгорьях орлиного Таджикистана,
В полях нефтеносного Азербайджана!

Лети, моя песня, как сокол быстра,
В одиннадцать сказочных сталинских стран!

Я стар и сижу, словно беркут, сутуло,
Но сердцем желаю, чтоб голос Дjamбула

Под гул водопада, под пенье струны,
Вплелся в голоса самой юной страны.

В поэме о битвах и трудной дороге
Да будут слова мои скупы и строги.

Герой мой — любимец великой страны,
Ему ордена и отличья даны.

Его воспитали нам Ленин и Сталин
Наркомом огня, героизма и стали.

О жизни, идущей в трудах и боях,
О Кляме-батыре поэма моя.

2

Под царским орлом, под червонной короной
Стонали от черной нужды миллионы.

Стонал от обид и горя казах,
Стонал украинец с тоскою в глазах.

Под байской камчей, под помещицьею плетью
Расправы кончались увечьем и смертью.

Звенел в украинских краях бандурист
О том же, о чем в Казахстане домбрист.

В степях Казахстана, в полях Украины
Трещали и гнулись бедняцкие спины.

Чужими руками собрав урожай,
Помещики жили, как жирные баи.

Чтоб сделать народ и глухим и слепым,
Как муллы, дурманили разум попы.

Полиция стаяй вороньей кружила.
В те годы родился там Клим Ворошилов.

Сын бедного люда, труда и пужды,
Он рос, как весенний цветок без воды.

Его не ласкала весна голубая,
Он с детства чабанил у жадного бая.

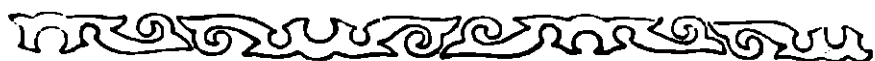
За стадом хозяйским ходил он босой,
Ел хлеб с лебедой, умывался росой.

Казахи! Под зноем высокого неба
Узнали мы горечь хозяйского хлеба.

Как Клина, дожди нас нещадно секли.
Как Клина, нас ветры горячие жгли.

Как Клим, мы под небом в степях ночевали.
И, как Ворошилов, отрады не знали.

Голодные шли мы в бураны и мрак,
В то время бай пожирал бесбармак.

Того, кто, как все мы, чабанил когда-то,
Мы ценим, как друга, и любим как брата,

Судьба Ворошилова — наша судьба.
Борьба Ворошилова — наша борьба.

Ночами в бескрайних степях Казахстана
Мигают чабаны костры из тумана.

И каждый чабан вечером у огня
Гадает, какого же выбрать коня?

Ходить за конем, как за сыном любимым,
И нежить и холить в подарок для Клима.

Пасутся в зеленых степях табуны,
Для Клима растут в табунах скакуны.

3

Хоть детство у Клима и было несатым,
Но вырос он стройным, веселым жигитом.

Глаза его лили тепло, как лучи,
А голос звенел, как весною ручьи.

Работал он много, и живо кипело
В руках его самое трудное дело.

В Донбассе, в суровом шахтерском гнезде,
Где люди и уголь, как в Караганде,

Он был на заводе, что глухо грохочет,
В кругу украинских и русских рабочих,

Таких же бездельных и бедных, как Клим,
Привычно глотавших удушливый дым.

Их жизнь протекала в нужде и печали.
Страдали они, но угрюмо молчали.

Клим песни Шевченко любил распевать,
Учился обиды врагам не прощать.

На черных заводах и в шахтах Донбасса
Свой гнев накаляла рабочая масса.

Она к забастовке готова была,
Молчала и только сигнала ждала.

И подал сигнал наступления Клим.
И двинулась грозная масса за ним,

И ветер раздул, как костровое пламя,
Горячее, красное, гневное знамя.

Пред Климом восход лучезарный блеснул
И ветер восстания в уши свистел.

Казахи! Искать ли далеко примера!
Мы помним восстание против Джангера.

Когда против хана поднял Исатай
Степной, изнуренный, истерзанный край.

Когда длинногривые кони летели,
Облитые заревом сабли блестели.

И злобные стоны бегущих врагов
Сливались с музыкой звонких подков.

У Климата отвага и воля крутая,
И львиная сила, как у Исатая,

И дум чистота, и горячая кровь,
И пламенный ум, и к природе любовь.

И в юности ранней, как в зрелые годы,
Боролся он смело с врагами народа.

Неслись над страной под плач похоронный
Железные стоны,
Кандалные звоны.

Всех лучших людей император бросал
В сибирскую стужу, в седые леса.

Туда, где бураном пути запустило,
Шагал под конвоем и Клим Ворошилов.

Но он перед царским штыком не дрожал,
Из ссылки суровой он скоро бежал.

Скрываясь тайком, с неудачами споря,
Пробрался к прибою Каспийского моря.

Где черными вышками на берегу
Стояло, пропахшее нефтью, Баку.

Мы помним могильные душные ночи,
Мы знаем заслуги бакинских рабочих,

Которых коронный злодей не сломил,
Которых сам Сталин на штурмы водил.

В Баку нефтеносном ни разу я не был.
Но встала в глазах моих вышками Эмба.

Звезда Казахстана, царица почей,
Жемчужина черная наших степей.

Там, мощно из недр извергаясь глубоких,
Поют, как в Баку, нефтяные потоки.

Мы видели много на нашем веку,
Мы смотрим на Эмбу и видим Баку.

Сквозь прошлые годы, как в проседи дыма,
Мы видим в Баку Ворошилова Клина,

И с ним человека суровой красы,
Кто умный свой смех любит прятать в усы,

Кто дал нам, казахам, руками своими
Свободу, и земли, и самое имя,

Кто в Грузии вырос, как горный орел,
В Баку прилетел и к победам повел...

Как счастлив был Клим, большевик из
Донбасса.
Работать с вождем восстающего класса.

Речам его мудрым и ясным внимать,
Его понимать и ему помогать,

С ним вместе в подполье готовиться к бою.
Чтоб стать навсегда его правой рукою

И быть с ним всегда заодно на земле —
В подполье, в окопах, в боях и в Кремле.

5

В грозовую пору народных волнений
Живил нас сияющий ленинский гений,

Глаз Ленина видел вперед на века.
Была его мудрость, как жизнь, велика.

И с Лениным вместе, как он, гениален,
Учил нас соратник и друг его Сталин.

Учили они не сдаваться судьбе,
Учили священной великой борьбе.

Вожди человечества Ленин и Сталин
На штурмы вели и к восстанию звали.

Был ключ их к народу могуч и грозов,
И Клим Ворошилов слышал их зов.

Сидел еще царь Николай на престоле,
А Клим Ворошилов — в глубоком подполье.

Пред темными тюрьмами Клим не дрожал,
Жигитов винтовками вооружал,

Чтоб биться за солнце, за воздух, за волю,
За счастье народа, за светлую долю,

Чтоб шахты у жадных хозяев отнять,
У жирных помещиков землю забрать,

Чтоб вырвать у баев стада и джайляу,
Что нами добыто, что наше по праву.

Чтоб силой оружия добиться победы,
Чтоб свергнуть позорную власть мироедов.

Чтоб, гневом и ненавистью горя,
С престола согнать кровопийцу-царя.

Не так ли Жалбыр, полководец великий,
Ковал для народа казахского пики?

Не так ли он речи к жигитам держал
И острыми саблями вооружал?

Не так ли заполнил он степи верблужьим
Мятежным, торжественным звоном оружия?

Как гневный Жалбыр в угнетенном ауле
Готовил царю не подарки, а пули.

Так Клим, ненавидящий трон и венец,
Готовил царю не поклон, а свинец.

С казахским любимым героем Жалбыром
Могу я сравнить только Клина-батыра.

У Клина с Жалбыром дорога одна,
Их чтит как героев и любит страна.

О подвигах их на горах и долинах
Сплетают легенды, слагают былины.

И в песнях прославлены их имена
Во всех поколениях, на все времена.

6

Октябрь прогремел над страной, как гром.
Парил Ворошилов могучим орлом.

В тревожные годы когтил он немало
Врагов революции — подлых шакалов.

Куда прилетал он, орел молодой,
Стнхал там шакалий озлобленный вой.

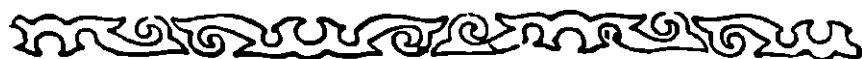
В стране создавались и крепили советы.
И Ленин писал для народа декреты.

Декреты, в которых цвели, как цветы,
Сбывались былых поколений мечты.

Декреты, в которых нашли воплощенье —
Асана Кайгы золотые виденья.

Навек беднота получила тогда
И земли, и воды, и степь, и стада.

Запела о счастье страна молодая,
Но злобных стервятников черная стая

Летала, чтоб когти расправить, напасть,
Чтоб светлое счастье народа украсть,

Чтоб в прах превратить и развеять советы,
И, в клочья порвав, уничтожить декреты.

Померкла высоких небес бирюза.
Нависла зловещим покровом гроза.

Тогда тишина над страной раскололась,
Ударил в сердца наши ленинский голос.

Как в бурю Арала грохочущий вал,
Он бился, кипел и к оружию звал.

И вышли на призыв посланцы народа
Из копей, из фабрик, из черных заводов.

И встали под знамя, что крови алей,
И начали бой на горящей земле.

И стал Ворошилов народным батыром.
Главой партизан, боевым командиром.

В борьбу без остатка себя он вложил
Все силы, весь опыт, все чувства и пыл.

Вот так же в ковыльных степях
Казахстана

Пастушьи отряды в дырявых чапанах

Пошли за батыром Амангельды,
За сыном народа и горькой нужды.

Он бился, отважный, как барс молодой,
За новый, за светлый, за солнечный строй.

О нем, кто был нашего счастья предвестник,
В кибитках слагают легенды и песни:

Там ливни хлестали, но порох был сух, —
Там Сталин,
Там правда,
Там сталинский дух.

В трудах обороны, в раскатах сражений
Сказался немеркнувший сталинский гений.

И опыт могучий, и пыл боевой,
И сила, и знанья, и воля его.

Над Волгой тревожно метались зарницы.
Стоял, как утес неприступный, Царицын.

Врагов революции Сталин крушил,
К нему Ворошилов на помощь спешил.

На волжскую ширь, с бирюзового Дона
Он к Сталину вел боевые колонны.

Так снова сошлись под огнем боевым
Батыр революции Сталин и Клим.

Умел Ворошилов с врагами бороться,
И Сталин назначил его полководцем.

И двинул войска в наступление Клим,
И вспыхнула золотом сабля над ним.

Не знала история старого мира
Такого, как Клим, полководца-батыра.

Где было опасно, туда он скакал
И, в битву кидаясь, бойцов увлекал.

За Климом, как птица, победа летела,
И Волга от вражеской крови краснела.

Враги откатились. И, мужества полн,
Царицын стоял, как утес среди волн.

Иззовьется то слово высоко-высоко,
Как ловчая птица, заоблачный сокол.

И слово Джамбула расскажет стране
О Клите-батыре на рыжем коне.

...На рыжем коне, забывая про отдых,
Рубил он врагов в знаменитых походах.

Ни ночью, ни днем не слезал он с седла,
И с ним Первая конная армия шла,

Шла конная лава, великая сила,
Чья слава дела Искандера затмила.

Деникин разбит ею, Врангель разбит,
И в Польше следы ее звонких копыт.

Как ветер неслись скакуны боевые
Гнедые, каурые и вороные.

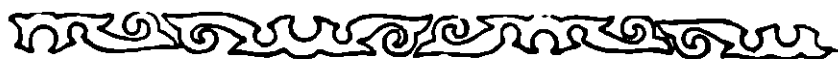
Буденный и Клим Ворошилов в боях
Летали на рыжих гривастых конях.

По славному их, по глубокому следу
Скакали полки и летала победа.

Как учит сынов уму-разуму мать,
Их Сталин в сраженьях учил побеждать.

Мы чувствуем в действиях
Клима-батыра
Дыхание Сталина, гения мира.

На площади был я в день Первого мая.
Там флаги шумят, словно маки пылая,

Там солнце горит на шелках и парче,
Там много улыбок, цветов и лучей.

Идут там под шелесты веток зеленых
В халатах и шелковых платьях колонны.

Там в братских отрядах, в сплоченных
рядах
Узбек и грузин, белорусс и казах.

С улыбкой, которая солнца теплее,
Там Сталин стоит на крыле мавзолея

И, твердую руку подняв в вышину,
Приветствует солнцу, весну и страну.

Металлом звеня и гремя водопадом,
Там войско проходит военным парадом.

Идут под ружьем за полками полки,
И сизою сталью мерцают штыки.

За ними гремят пулеметы, тачанки.
Стальные, летящие птицами танки.

Над ними, достойные всякой хвалы,
Летят самолеты — стальные орлы.

Восторг вызывая, плывет эскадрилья,
Раскинув в лазурь богатырские крылья.

И красная конница скачет, как
э бой,
Военный парад украшая собой.

Несутся по площади в гуле и звоне
Гнедые, каурые, чалые кони,

Глазами косят и грызут удила,
И падает пена нежна и бела.

По площади скачет в боях закаленный,
Прославленный маршал,
Нарком Обороны,

Добывший свой опыт в дыму и в огне,
Батыр Ворошилов на рыжем коне.

Он скачет по площади ветра смелее,
Потом появляется на мавзолее.

Оттуда звучит его звонкая речь
О том, как нам Родину нужно беречь.

Повсюду слышна его речь на параде:
В Ташкенте,
Во Фрунзе,
В Баку,
В Ашхабаде,
В зеленом и солнечном Сталинабаде,
В Тбилиси, где площадь в лучах золота,
В лазурной и яблонной Алма-Ата.

Гремит над Кремлем орудийный салют,
Бойцы молодые присягу дают,

И эту присягу страна повторяет
От тундры до степи, от края до края.

И держит страна, как учил ее Клим,
Штыки наготове и порох сухим.

Нарком Ворошилов страну молодую
В броню заковал неприступно-стальную.

Как Сталин сказал, стрелять научил,
Как Сталин сказал, летать научил.

Как Сталин сказал, побеждать научил,
Границы, как жизнь, охранять научил.

Стране Ворошилова вырастил Сталин
Наркомом огня, героизма и стали.

Любой командир и любой кзыл-аскер
В наркоме и маршале видят пример.

10

Иселенная снова в крови и пожаре,
Повеяло запахом стали и гари.

По всей Абиссинии жалобы вьеса,
В Испании льется горячая кровь,

Манчжурские сопки дымятся в боях,
Крсавые схватки в китайских
кгаях.

И ночью дивятся в степи чабаны
Рубинным Марсом — звездой войны.

На всех рубежах наших встали дозоры,
Крадутся враги, как презренные воров.

Как скользкие змеи, на брюхе ползут,
Шпионят, взрывают и яды несут.

Мы вскрыли берлогу изменников
мрзких.
Собака Гамарник, шакал Тухачевский

Задумали Армию нашу предать,
Задумали Армию нашу продать.

Но встала страна, ошетиаясь штыками,
На Красную площадь равняясь сердцами.

И грохотом бурь, водопадов и гроз
Народ над вселенною голос вознес:

«Батыр Ворошилов! Свободный народ
По первому зову оружие возьмет.

Взмахни только саблей — и мы за тобой,
Без трепета выйдем к священному бою.

Как только тобою приказ будет дан, —
Поднимется грозно степной Казахстан,

Коней оседлает и саблями брызнет
В защиту счастливой и радостной жизни.

Жигиты отважные выйдут из нас,
Каких не знавали Тимур и Манас,

Какие не мчались песками империй
При Кире Персидском и при Искандере.

Эй, кони степные! Черны и густы,
У них закружатся, как дымы, хвосты.

В ветрах зашумят — шелковисты надиво —
Волнистые, длинные, мягкие гривы.

И жаркое ржанье степных скакунов
Смешается с музыкой звонких подков.

Взмахни только саблей, вождем тебе
данной,
И станут под знамя полки Киргизстана,

Разведчики знойного Узбекистана,
Отважные всадники Туркменистана,

Танкисты орлиного Таджикистана,
Бесстрашные летчики Азербайджана —

Рванутся в поход, как смерч, как буран,
Одиннадцать страха не знающих стран,

Одиннадцать стран, полных мощи и силы
И ты поведешь их, батыр Ворошилов!

И ты их обрушишь, прекрасен и смел,
На тех, кто границы нарушить посмел.

Нам дорого счастье и честь дорога.
Клинками в куски мы изрубим врага...

Нам кровью добытая жизнь дорога.
Мы в землю горячую втопчем врага.

Любимая Родина нам дорога, —
Мы будем рубиться на землях врага.

Рубиться и в зной, и в дожди, и в снега
До полного уничтоженья врага,

Чтоб Сталин, рукою потрогав усы,
Узнав о победе, промолвил «Жаксы».

1937 г

МОЯ ЖИЗНЬ

Из автобиографической поэмы

1

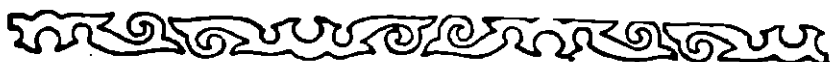
Степью метель одичалая вилась,
Снежная, вьюжная с воем кружилась.
Оползни с гулом ползли по горам,
Были шакалы у скал Байкара,
Лаяли лисы, норы покинув,
Волки от страха бежали в долины.
Небо укрылось покровом тугим,
С пиками степь обходили враги.
В черное время, в нерадостный год
Шел, кочевал мой любимый народ.

2

В ночь у подножья Джамбула горы,
Сжавшись комочком у снежной норы,
Мать моя, рабскую жизнь кляня,
В столах и муках родила меня,
Молча собрался голодный аул.
Дали казахи мне имя Джамбул,
Пели акыны под звуки домбры
Песню о мальчике, в бурю рожденном,
Песню о мальчике, нареченном
Именем гордой и древней горы.

3

Мать понесла на усталом плече
Вьюк драгоценный, и сорок ночей

Мазала мазью меня, укрывала
Нежной мерлушкой, от выюга спасала,
Мыла в соленой, как море, воде...
Ветер угрюмо в кибитках гудел,
Выюга крепчала, пурга завывала,
Войлоком снежным следы застилала
И обжигала открытую грудь...
Горький, безрадостный путь!

4

Глаза я открыл. Вместо солнца и дня
Ночь и рыдания встречали меня.
Слезы кровавые бурно текли,
Тучи лукавые хмуро ползли,
Слышал я режущий посвист кнута.
Люди бежали, как стадо скота,
Реки холодные вброд проходили.
Грудью пожары степные тушили.
Голод косил за аулом аул...
Рос и скитался с народом Джамбул.

5

Минуло время десятой луны,
Вышел на джайляу пасти табуны...
Мне звонкая песня подругой была,
И жизнь мне радостный голос дала.
Когда на холмах зацвели цветы,
И травы от рос становились густы.
Товарищи, дети степной бедноты,
Жалкого, рабского детства друзья.
В степь выбегали послушать меня.

6

Я в сердце лелеял мечту, я хотел,
Чтоб голос мой звонче Бухара звенел.
Чтоб песни любимые к солнцу неслись,

Чтоб крылья орла за плечами росли,
Чтоб взлетом беркутьим я ринулся ввысь
И чтобы аулы со мной поднялись
В просторы, где счастье находит копей,
Где нет ожиревших султанских свиней,
Где реки и сочные травы степей
Приносят дары для бедных людей.

7

Седые певцы мне за песни и труд
Дали волшебницу кюев — домбру,
Я счастья бескрайнего чашу испил,
Я душу свою с иноходцем сравнил,
Я верил, на свете счастливее нет
Такого жигита пятнадцати лет.
Кровь бушевала, как пламя огня.
Семнадцати лет оседлал я коня.
И мне показалось, что этой порой
Сравнился я с гордой Джамбул-горой.

8

С волчихами шли шестьдесят волков,
С волчатами семьдесят шли волков,
Кровь выступала из их клыков.
Бай, манапы, муллы и ханы,
Ханы кипчакские, ханы коканы,
Ханы калмыцкие и худояры
Сеяли голод, чуму и пожары,
Чортово игрище с воем вели,
Морем народные слезы текли,
Травы народною кровью цвели.

9

С неба тревожно смотрели орлы
На богатства кедеев в Каркарали.
Силы теряя, корова рябая
Тащила пожитки седого Джабая.

Арбы скрипели, верблюды кричали,
Шакалы голодные им отвечали...
Горе тому, кто бежать не успел:
Ханское рабство... Позорный удел,
Вечное рабство и замкнутый рот.
Черное время! Страдалец-народ!

10

Когда мне исполнилось двадцать лет,
Поехал я счастье искать по земле...
Сидели кази у султанских ворот,
Терзая когтями голодный народ.
Уездный начальник с манапом вели
Подсчеты награбленной ими земли.
Царь за «труды» им медали дарил,
Луга и озера для них отводил,
Чтоб у байского стада всегда
Травы цвели и струилась вода.

11

Я ехал за счастьем дорогой Асанз...
Менялись манапы, султаны и ханы,
Чиновники, приставы и атаманы,
А жизнь не менялась. В бесправных степях
Рабы и рабыни стонали в цепях,
Голод полынью они утоляли,
В шкуры вонючие одевались.
Слезами горючими умывались.
У старых курганов, на кучах костей
Матери в стогах рожали детей.

12

Шли годы, — народ умирал и редел.
Шли годы, — чиновник султанский жирел.
Шли годы, — в скитаниях я постарел,
И юность прошла верблюжоюком в песках.

Мутнели глаза, и слабела рука,
А сердце стучало, как два молотка.
Но верил и знал я: свобода близка,
Народная правда не тонет в песках,
Устали не было в песне моей,
Домброй подымал я степных сыновей.

13

Шли годы. Я ехал, не зная куда,
В скитаньях седела моя борода,
А жизнь крутая, как выступы гор,
На хмуром лице рисовала узор.
Народ изнывающий тихо просил:
— Прибавь нам горячею песнею сил!
Я пел от души, и неслась по долинам
Поэма о славных походах Таргына,
О сыне народов, вожде Утегене,
О горных батырах, о смелых сраженьях.

14

Я пел Кокше-Тау, я пел Актюбе, —
Жигиты ковали оружие к борьбе...
Я песнею гнева, зовущей в поход,
В степях поднимал угнетенный народ.
Я славил суровый и праведный суд,
Я пел о батырах, что скоро придут
И силу могучую в бой поведут
За землю, за реки, за счастье степей,
За наших в берлогах рожденных детей.

15

И грянула буря. Набат загудел.
Седой Ала-Тау побагровел,
Гневно кипучие волны бросал
Вспененный бурей Арал.
Тигры метались в сухих камышах.

Слушая грозный прибой Балхаша,
Степь бушевала, в пожарах горя,
Вышла из берегов Сыр-Дарья.
Октябрь-батыр по земле проходил,
Осиные гнезда он жег и давил.

16

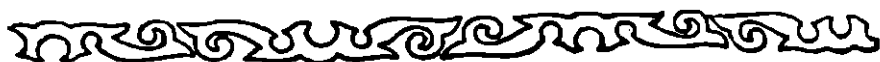
Вставали рабыни, вставали рабы,
Под знамя великой, священной борьбы,
Их Ленин и Сталин веди за собой
В последний горячий, решительный бой.
В борьбе восходила заря Казахстана,
Пылали дворцы и мечети султанов.
Бежала, как жалкая свора хорьков,
Порода манапов, султанов, князьков.
Я с песней борьбы выходил на кстан.
Я в бой отправлял молодых партизан.

17

Проходит столетье. Мне память верна,
Я проклял минувшие времена.
Я вижу, как горная серна стройна,
Идет красоты и величья полна,
Лучами жемчужными озарена,
Моя молодая страна.
Я, вечный скиталец, я стал именит.
И песнями сердце по свету звенит.
Попутчица радости, песен, добра —
Моя золотая домбра.

18

Иду я, счастливый, дорогой цветов,
Пою я о мудрости большевиков,
Я славлю богатство колхозов родных,
Я славлю героев любимой страны,
Я славлю привольный разлив Зайсана.

Я славлю большие огни Джекказгана
И медь Карсакпайской руды,
И уголь красавицы Караганды.
Я славлю чарующий солнца восход
И весь мой счастливый советский народ!

19

Иду я степями свободен, богат,
Мне ветер приносит цветов аромат.
Вернулась волшебная юность моя,
Меня окружает родная семья;
Со мною в богатстве кастекских долин
Любимые братья — узбек и грузин,
Татарин и русский, уйгур и киргиз,
Для них моя юрта, для них мой кумыс,
Для них моя песня и сердца привет,
И дружба святая на тысячи лет.
А самая лучшая песня моя
На крыльях души долетит до Кремля
И скажет чарующим голосом струн:
«Я — песня народа, что славен и юн,
Что горд и могуч, как орел молодой,
Готовый на подвиг: готовый на бой».
И Сталину скажет: «Любимый отец,
Тебе посылает столетний певец
И сердце, и думы, и песни свои
В счастливые светлые дни!»

МОЕ СЧАСТЬЕ

а пути от Тбилиси к родине Сталина, в вагоне горьковского поезда, один иностранный писатель сказал, обращаясь ко мне:

— Вы, господин Джамбул, счастливы тем, что у вас мало ровесников на земле!

Я посмотрел на этого господина и ответил ему:

— Вы ошибаетесь, мое счастье как раз в том, что у меня очень много ровесников. 172 миллиона советских граждан — это мои ровесники. Они и я, вся моя родина, считаем начало своей настоящей жизни со дня Великой Октябрьской революции.

Вспоминая этот разговор, я думаю о своем прошлом. Оно было для меня глубокой пропастью, над которой шумели тучи и ползли туманы, закрывая солнце.

В этой пропасти я родился и 70 лет тщетно пытался выйти к солнцу, вздохнуть полной грудью, запеть полным голосом. Когда я, обессиленный, добирался до цели и начинал петь песню солнцу, передо мной вырастал мулла. Он благословлял меня и... с молитвой сбрасывал обратно в пропасть.

Я набирал силы и снова достигал вершины, но передо мной появлялся волостной старшина. Он, держась руками за вековой чинар, протягивал мне руку... в руке этой был зажат отточенный нож. Я, ранив измученные руки, снова летел в пропасть.

Теряя последние силы, я поднимался еще и еще по крутым хребтам. Царский губернатор и окружавшие его баи, судьи, муллы и важные сановники, глядя сверху, хлопотали и, «спасая» мою жизнь, бросали мне веревку. На конце веревки была петля. Она так охватывала мою шею, что в жи-

лах ледснела кровь. Я цеплялся окровавленными руками за веревку и, зубами перегрызая ее, летел обратно в пропасть.

Так прошло 70 лет. На 71 году я достиг, наконец, счастливой жизни. Обессилевшему, измученному, мне протянули теплые отеческие руки два могучих великана-батыра — Ленин и Сталин. Я поднялся из пропасти и увидел чудесные цветы, душистые травы, бесчисленные табуны, волшебные юрты. Я увидел настоящее солнце, (я дышал чистым, как горный хрусталь, воздухом. И душа моя зацвела, как яблоня; глаза заблестели, как звезды, сердце забилося, как дождь о землю, песня полилась, как река Или весной, я помолодел и стал как жигит 18 лет.

В этом маленьком сравнении мое прошлое и начало счастливой, радостной жизни, о которой я от всей души вместе со всем народом пою свои песни.

Я нашел сказочную долину счастья, богатства и радости, о которой мечтал, пел и к которой вместе с народом стремился 70 лет.

Эта долина счастья — моя великая советская Родина, над которой пылают лучами, радующими и согревающими человеческое сердце, — сталинское солнце, сталинская правда, сталинский ум и забота.

62 года назад на одном из айтысов в Джетысуйской степи я высмеял и обругал в песнях домашних певцов султана Шерездана. Шерездан сказал тогда, обращаясь к мулле:

— В большой байге мои лучшие скакуны отстали, а захудалый Джамбул первым пришел к финишу. Пусть же они два года не едят мяса и будут такими же голодными, как Джамбул.

Услышав разговор, я спел Шерездану и мулле:

«Продажную душу ни жиром, ни голодом не выправить... Народную совесть ни мясом, ни золотом не купить... Только султан может заменить собой змею и шакала. Печенка никогда не заменит чистого, пламенного сердца».

Так всю свою жизнь я разговаривал с властелинами степей, не боясь говорить им правду в лицо.

За это они ненавидели меня, а народ любил и ценил каждое мое слово. Два года назад я был в Москве. Отец моего народа, родной Сталин слышал о моих песнях. Я был в

дворцах Кремля. Там из рук всесоюзного старосты Михаила Ивановича Калинина принял я великую награду — священный орден моей Родины.

В прошлом году я ездил на Кавказ, на родину Сталина. Я видел домик, в котором великий Сталин жил в проклятое прошлое время. Этот домик напомнил мне тысячи нищих зимовок, в которых ютился без радости и счастья казахский народ, голодный, ограбленный, обреченный на вымирание. Пусть же навеки будет благословенна та земля, на которой родился и сделал первые шаги творец счастья и славы народов, великий учитель и вождь всего трудового человечества.

...Мой совет всем поэтам Родины — отдать лучшие песни тому, кто является творцом нашего счастья и процветания, — товарищу Сталину. Все великое и прекрасное в нашу эпоху раскрывается через образ Сталина.

Мне сейчас 93-й год. Но я молод и счастлив. Я еще крепко сижу в седле. Меня окружают радостные, сильные, смелые сыновья, внуки и правнуки. Они стали коммунистами, комсомольцами и пионерами. Я безмерно люблю свою социалистическую Родину. У меня еще сильны голос и руки для того, чтобы в любую минуту от всех врагов защищать ее песней и винтовкой.

6293

1984

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

А

Аблай — казахский хан, живший в XVIII веке.

Ага, агай — буквально: брат, почтительное обращение к старшим.

Азрет-султан — мусульманский «святой».

Айран — простокваша, кислое молоко. Обиходные выражения — «пролить айран», «выплеснуть айран» — означают быть опозоренным.

Айтас — поэтическое состязание двух акынов.

Айт, айту — приказ собаке хватать.

Ак-Тогай — урочище по левобережью реки Или.

Ак — белый (ак-туяк — белокочытный).

Акмола — буквально: белая могила; название территории нынешней Акмолинской области Казахской ССР.

Аксакал — буквально: белая борода; старейший, почтеннейший.

Актюба (правильно — Актюбе) — буквально: белые холмы, название территории нынешней Актюбинской области Казахской ССР.

Акын — поэт, импровизирующий свои произведения устно.

Алаши — ковер с национальным орнаментом.

Алаш-Орда — буржуазно-националистическая партия, выступав-

шая против советской власти и поддерживавшая контрреволюционное движение белогвардейцев.

Аллах — бог.

Ала-Тау — буквально: пестрые горы; казахский термин, широко применяемый в наименованиях горных хребтов системы Тянь-Шаня.

Албан — род Старшего жуза.

Алдияр — почетный титул хана.

Алябек — герой народной эпической поэмы «Аймзы-Шолпан».

Али — зять Магомета, его сподвижник и командующий его войсками.

Алымкул Усенбаев — киргизский акын (родился в 1894 году), депутат Верховного Совета Киргизской ССР.

Амангельды Иманов — народный герой гражданской войны в Казахстане, первый казах-большевик.

Аиракай — массив в Чу-Илийских горах, в 160 километрах от Алма-Аты.

Аргын — род Среднего жуза.

Арка — степь, см. Сары-Арка.

Арстан — лев.

Архар — горный козел.

Арык — оросительный канал.

Арысь — река в Южном Казахстане, приток Сыр-Дарьи.

Асан — легендарный казахский певец. По преданию, жил в XV или XVI веке.

Аскер — воин, солдат.

Асыл — название местности.

Ата — отец.

Аулне-Ата — буквально: святой отец, название одного из древних городов Казахстана; переименован в 1938 г. в г. Джамбул.

Ашуг — буквально: влюбленный; народный поэт.

Б

Баба — буквально: дед; одна из ветвей рода Дулат.

Байбише — первая жена бая, почетное обращение к жевщине преклонных лет.

Бай — богатый владелец скота.

Бай-терек — легендарное дерево с жемчужными ветвями.

Байга — конские состязания, скачка.

Байгуша — (байгус) — бедняк, нищий.

Байсеитова Куляш — артистка Государственного Академического имени Абая театра оперы и балета Казахской ССР. После успешного выступления на первой декаде казахского искусства в Москве награждена орденом Ленина и получила звание народной артистки СССР.

Баксы — знахарь, заклинатель, шаман.

Балта — топор.

Барымта — набег с целью увода коней и скота; насильно захваченный скот.

Барымтач — участник барымты.

Бархан — песчаный холм; барханы — пески.

Басмач — вооруженный бандит.

Батыр — богатырь, герой, отважный человек.

Бахши — певец.

Баян-тау — название горы.

Бек — князь, знатный человек.

Бекет — руководитель восстания казахской бедноты в XIX веке.

Беркут — большой орел.

Бесбармак — буквально: пять пальцев; любимое мясное блюдо у казахов.

Бетпак-дала — голодная степь в Центральном Казахстане.

Бий — знаток обычного родового права, старшина, исполнявший обязанности судьи. Со второй половины XIX века бии избирались.

Бишара — бедняга, жалкое существо, несчастный.

Бозбала — юноша, молодой человек.

Бозахер — пьяница, любитель бозы.

Бозкаска — серая лошадь с белым пятном на лбу.

Буза (боза) — спиртной напиток, приготовленный из проса.

Булус (болыс) — волостной управитель.

В

Великая сотня — см. Улу-жуз.

Г

Гафиз — певец.
Гуль (гуль) — цветок, роза.

Гюлистан — легендарный сад.
Гяур — неверный, не мусульманин.

Д

Данышпан — мудрейший.
Дарик-трава — лекарственное растение.

Датка — ханский наместник.
Дунен — лошадь трехлетка.
Дау — великан, самый сильный человек на земле.

Даур — эпоха.
Дегерес — совхоз, крупнейший в Казахстане конезавод.

Джайляу — пастбище, на которое перекочевывали казахские аулы в летнее время.

Джан — душа, милый.
Джандет — палач.
Джангер — казахский хан, жил в XIX столетии.

Джаркент — город на границе с Китаем.

Джезказган — крупнейшее месторождение медных руд и промышленный район в Центральном Казахстане.

Джейран — антилопа.

Джетису — Семиречье, прежнее название территории в Юго-Восточном Казахстане, соответствующей территории нынешних Алма-Атинской и Талды-Курганской областей Казахской ССР. Название происходит от орошающих ее семи рек: Илы, Каратай, Биев, Аксу, Баскан, Лепсы и Саркан.

Джусан — полынь, употребляемая для топлива и для корма овец и верблюдов.

Джут — массовый падеж скота, который в зимнюю пору из-за обледенения пастбищ не может добыть необходимого подножного корма.

Джолдас — спутник, товарищ.

Домбай — сказочное животное.

Домбра — двухструнный щипковый инструмент, на котором казах-домбристы исполняют музыкальные произведения.

Дуала — глинобитный забор.

Дулат — род Старшего жуза.

Е

Едилъ — казахское название Волги.

Екей — подразделение рода

Шапрашты, из которого вышел Джамбул.

Ер — буквально: храбрый; богатырь, доблестный человек.

Ж

Жанк — река Янк, Урал.

Жаке — ласкательное, почти-тельное имя Джамбула.

Жаксы — хорошо.

Жалбыр — народный герой Казахстана, один из руководителей

восстания казахов против царского самодержавия в 1916 году.

Жамагат — вежливое обращение к группе лиц.

Жасасын — да здравствует.

Железный гвоздь, железный кол — казахское народное наименование Полярной звезды.

Желмая — сказочный верблюд.

Жент — масса (кушанье), приготавливаемая из сухого толченого казахского сыра с маслом.

Жер-уюк — сказочная страна справедливости.

Жибек — буквально: шелк; ге-

рония народной поэмы «Кыз-Жибек».

Жидели-байсын — буквально: родина ягод: сказочная обетованная страна всеобщего счастья.

Жигит — наездник, молодой человек.

Жир (жыр) — песня, стихотворная форма эпоса со строфой от семи до четырнадцати строк со свободной рифмой.

Жириши — сказители эпоса, эпических произведений, называемых по-казахски жир.

Журга — иноходец.

З

Зайсан — озеро в Восточном Казахстане.

Заман — время, эпоха, определенный исторический период времени.

Зякет — налог со скота, установленный кораном и поступающий в пользу ханов, мулл и баев, жертвоприношение.

И

Иля — одна из крупнейших рек Казахстана, впадающая в озеро Балхаш.

Исатай Тайманов — руководитель народного восстания против хана Джангера в первой поло-

вине XIX века на территории нынешней Западно-Казахстанской области.

Искандер — Александр Македонский.

Ишан — духовное лицо.

К

Кааба — священный камень в Мекке.

Кадэ — лакомство.

Казан — котел для варки пищи.

Казанат — породистый конь.

Казн (кадн) судья, действующий по мусульманским законам.

Кайберен — старик, доброжелатель, образ которого часто встре-

чается в казахских сказках.

Калым — выкупная плата за невесту.

Камча (камшы) — плеть.

Кара-тургай — черный скворец.

Кара-каска — черная лошадь с белым пятном на лбу.

Каракол — название города в Киргизии у озера Иссык-Куль.

**Настоящее собрание сочинений
великого народного акына**

ДЖАМБУЛА ДЖАБАЕВА

**издается в связи со столетием
со дня его рождения.**

4

•

Братьям по крови. Перевод П. Кузнецова	327
Старость. Перевод П. Кузнецова	330
Сталинские поезда. Перевод П. Кузнецова	331
Духи. Перевод П. Кузнецова	333
Пусть Сталин в песнях живет. Перевод П. Кузнецова	334
Наш Киров. Перевод П. Кузнецова	336
Кеклик. Перевод П. Кузнецова	339
Батыр в стальной шубе. Перевод П. Кузнецова	340
Закон счастья. Перевод П. Кузнецова	343
Учись, малыш. Перевод П. Кузнецова	345
Тезекбай. Перевод П. Кузнецова	347
Съезду большевиков. Перевод П. Кузнецова	348
Лучезарная страна. Перевод П. Кузнецова	351
Парням, обучающим необузданных коней. Перевод А. Брагина	353
Ташбаю. Перевод П. Кузнецова	354
В горах. Перевод П. Кузнецова	355
К портрету Абая. Перевод П. Кузнецова	356
Школьной детворе. Перевод А. Брагина	357
Над миром светит одна звезда. Перевод П. Кузнецова	358
Барлыбаеву. Перевод П. Кузнецова	362
Видел я родной Казахстан. Перевод П. Кузнецова	363
Рождение жизни. Перевод П. Кузнецова	365
Я тополь столетний. Перевод П. Кузнецова	370
С новой славой, друзья. Перевод П. Кузнецова	371

IV. Песни военных лет (1941-1945)

Старость. Перевод П. Кузнецова	375
Достигя, шагая, вершины горы. Перевод П. Кузнецова	376
Песня благодарности. Перевод П. Кузнецова	377
Гимн весне и первомаю. Перевод П. Кузнецова	379
В час, когда зовет Сталин. Перевод П. Кузнецова	381
Пуля врагу. Перевод Л. Шифферса	383
Песня о стальном наркомѣ. Перевод М. Тарловского	386
Поэма любви и гнева. Перевод П. Кузнецова	387
Ленинградцы, дети мои. Перевод М. Тарловского	390
Москве. Перевод М. Тарловского	395
Советским гвардейцам. Перевод М. Тарловского	400
Выстоит племя богатырей. Перевод М. Тарловского	402
В новогодний торжественный час. Перевод М. Тарловского	405
Советскому воину. Перевод М. Тарловского	407

Обращение к детям.	205
Колыбельная песня.	207
К Красной Армии.	210
Испанским братьям.	212
Прощальная песня.	214
<u>Я собираю Сталина. Перевод П. Кузнецова</u>	217
Песня о большом караване.	220
Гимн Октябрю. Перевод П. Кузнецова	225
Песня о братстве народов.	227
Сталинские батыры.	231
Песня ликования.	234 ✓
Привет Кавказу. Перевод П. Кузнецова	236
Песня о жизни. Перевод П. Кузнецова	238
Песня про батыра Чапая.	242
Сынам Тихого Дона. Перевод П. Кузнецова	246
<u>Советский Союз</u>	248
<u>Мой Сталин, тебе эту песню пою. Перевод</u> <u>П. Кузнецова</u>	252
<u>На родине Сталина. Перевод П. Кузнецова</u>	256
<u>Песня о Сталинской Москве</u>	259 ✓
Алма-Ата.	261
Песня об искусстве. Перевод П. Кузнецова	264
Светило родины. Перевод П. Кузнецова	266
Кляча и конь.	268
Песня от всей души. Перевод А. Алдана	272
Орлы нашей родины. Перевод Дм. Снегина	274
Родина радости. Перевод П. Кузнецова	276
Я народ служу. Перевод Дм. Снегина.	278
Слуга народа. Перевод П. Кузнецова	281
Песня победы. Перевод П. Кузнецова	283
Речь депутата Джамбула Джабаева при открытии первой сессии Верховного Совета Ка- захской ССР. Перевод П. Кузнецова	286
Ученому брату. Перевод П. Кузнецова	289 ✓
Дочерям моей родины. Перевод Дм. Снегина	291
Комсомолу. Перевод М. Исаковского.	293
Здоровье народа. Перевод П. Кузнецова	296
Москва моя. Перевод П. Кузнецова	298
Мастерам животноводства. Перевод П. Куз- нецова	300
Мой тулпар. Перевод П. Кузнецова	303
<u>Да здравствует Сталин. Перевод П. Кузне-</u> <u>цова</u>	305
Я песню пою в лучезарном Кремле. Пере- вод П. Кузнецова	306
Песня о выполненной клятве. Перевод П. Кузнецова	308
Батыры нашей эпохи.	311
Тарас. Перевод П. Кузнецова	314
Съезду победителей. Перевод П. Кузнецова	316
К учителям. Перевод Дм. Снегина	320
Песня победы. Перевод Дм. Снегина	322

Кара-бас — буквально: черная голова, часто встречающееся название отдельных сопков.

Кара-айгыр — черный жеребец, иносказательно — поезд.

Карагай — буквально: темный лес; ель, еловый или сосновый лес.

Каракурт — ядовитый паук, укус которого смертелен для лошадей, верблюдов и весьма опасен для жизни человека.

Каргалы — название территории в 45 километрах к западу от Алма-Аты.

Карсакай — район медеплавиной промышленности в Центральном Казахстане.

Каскелен — река, поселок, ныне районный центр Алма-Атинской области.

Кастек — небольшой аул в Джамбулском районе Алма-Атинской области.

Катуны — название многих трав, которые после созревания семян отрываются от земли ветром и перекатываются по степи.

Кафир (кяфир) — неверный, не мусульманин.

Кебек — имя героя казахской народной поэмы «Энлик-Кебек».

Кедей-бишара — аульный бедняк.

Кене — Кенесары Касымов, казахский хан, живший в первой половине XIX века.

Керсень — большая деревянная чаша.

Кетмень — мотыга.

Кзыл-аскер — красноармеец.

Кисе — кожаная сумка.

Киши-жуз — т. е. Младший жуз (сотня). Возникновение казахских жузов, нередко называвшихся в исторической литературе ордами, относится, по народным преданиям,

ко второй половине XVI века и знаменовало процесс политического распада казахского ханства. Старший (Улы-жуз), Средний (Орта-жуз) и младший (Кыш-жуз) жузы являлись своеобразными государственными образованиями. Общины Младшего жуза кочевали по территории нынешних областей Казахстана: Кызыл-Ординской, Гурьевской, Западно-Казахстанской, Актюбинской и частично Кустанайской.

Кобыз — двухструнный музыкальный инструмент типа скрипки.

Кобланды — герой казахского героического эпоса.

Кок-Сенгир — название озера и соли в Кокчетавской области.

Кокан — мокадце.

Кокпар — козлодрание, национальная спортивная игра.

Кокшетау — буквально: синяя гора. Название горной местности в Северном Казахстане.

Копал — районный центр Талды-Курганской области Казахской ССР.

Коран — священная книга мусульман.

Корамсақ — колчан.

Коркыт — легендарный родоначальник казахского народного искусства слова и музыки. Предание относит время его жизни к X веку.

Косем — руководитель, вождь.

Котан — площадь в центре аула.

Кош — кочевье, караван.

Кош-баси — руководитель каравана.

Кошма — войлок.

Коян — заяц.

Кстау — зимовка кочевых аулов.

Кулан — дикий осел, лошадь Пржевальского.

Кумыс — заквашенное кобылье молоко.

Кун — родовая плата за убитого человека, которая обычно выплачивалась живым скотом.

Кунан — лошадь двухлетка.

Кунту — название рода.

Курай — тростниковое растение, употребляемое для топлива.

Курпа (курпе) — одеяло.

Куш-бегн — наместник кокандского хана.

Кушник — кутевок.

Кушур — мусульманское заклинание, совершаемое духовным лицом

или баксы; в другом смысле — приказ о перекочевке.

Кыдыр — святой, с именем почитанием которого связывалось благодеяние.

Кыз — девушка.

Кызыл-тас — буквально: красный камень; широко распространенное название отдельных сопкок встречается в Чу-Илийских горах.

Кюй — музыкальное произведение, исполняемое на домбре или кобызе.

М

Май-тюбе — название сопки в предгорьях западной части Зап-лийского Ала-Тау, в 65 километрах от Алма-Ата.

Малай-бишара — батрак.

Малта — молочный напиток.

Малахай — мужской головной убор, меховая шапка.

Манап — представитель замкнутой, привилегированной группы родовой знати, безраздельно господствовавшей в киргизском обществе.

Мангстау — горы на полуострове Мангышлак в Гурьевской области Казахской ССР.

Манас — герой киргизского эпоса.

Марал — олень.

Махамбет **Утемисов** (1804 — 1845) — поэт-воин первой половины XIX века, один из организаторов и основных руководителей национально-освободительного движения в нынешней Западно-Казахстанской области, ближайший соратник Исатай Тайманова.

Мейрам — торжество.

Мерке — районный центр в Джамбулской области, в прошлом небольшая кокандская крепость.

Молда — искаженное слово — мулла.

Мурза — буквально: щедрый; знатный человек.

Н

Найман — род Среднего жуза.

Нар — одногорбый верблюд.

Нарынкол — название районного центра Алма-Атинской области у границы с Китаем.

Немсре-шубере — сыновья моего сына и внука.

Нукер — наемный солдат, вояка хана.

О

Ойбай-йй — казахское междометие, выражающее испуг, удивление, возмущение.

Орамал — платок, вышитое полотенце.

Орта жуз, т. е. Средний жуз

(сотня) кочевал на территории нынешних областей: Карагандинской, Акмолинской, Северо-Казахстанской и Семипалатинской.

П

П а й п а к и — войлочные чулки.
П а х т а (махта) — хлопок.

П я л а — широкая чашка.

Р

Р а х м е т — спасибо.

«Шах-Наме» Фирдоуси.

Р у с т е м — батыр, воспетый в

С

С а б а — кожаный мешок для приготовления и хранения кумыса.

С а к с а у л — единственная древесная порода (деревья, полукустарники, кустарники), образующая леса в Среднеазиатских пустынях и полупустынях.

С а л е м — привет.

С а м а н — строительный материал, изготовленный из глины и соломы.

С а р ы - Б у л а к (Сарбулак) — буквально: желтый ручей; небольшая речка в Чу-Илийских горах.

С а р б а з — повстанец, солдат.

С а р с у (Сары-су) — желтая вода.

С а р ы - а р к а — буквально: желтая спина. Степная территория арало-иртышского водораздела, воспетая в народной казахской поэзии. В переводах часто понятие — арка, сары-арка употребляются в смысле — казахстанская степь, просторы Казахстана.

С е й т б а т т а л — потомок Аля, зятя Магомета, арабский военачальник, прославившийся военными подвигами.

С е м е й, С е м ь П а л а т — город Семипалатинск.

С о г у м — откормленный для зимнего убоя скот.

С р е д н я я с о т я — см. Орта-жуз.

С у у к - т ю б е — название вершины в горах Ала-Тау.

С у л у — красавица.

С у м - з а м а н — горькое время, иррациональная эпоха.

С у н к а р — сказочная птица.

С у р п а — чистый мясной навар, бульон.

С ы б ы з ы г а — музыкальный губной инструмент.

С ы р т а я — волк большой величины.

Т

Т а й — годовалый жеребенок.

Т а к с ы р — господин, начальник.

Т а к ы р — бесплодная твердая почва.

Таргын — герой казахского эпоса.

Тастак — урочище, теперь пригородный район Алма-Ата.

Темир жол — железная дорога.

Той — праздничный пир.

Топ жаргап — никак не победимый в борьбе.

Тор — сетка.

Тубек — залив.

Тулеген — герой казахской эпической поэмы «Кыз-Жибек».

Тулик-мал — (торт тулик) —

четыре вида скота: лошади, овцы, коровы, верблюды, составлявшие основное богатство в кочевом хозяйстве:

Тулпар — легендарный крылатый конь.

Тумақ — головной зимний национальный убор.

Турсук — дорожный мешок из кожи для кумыса и других жидкостей.

Тюре (торе) — потомок ханов, аристократ.

У

Узун-Агач — буквально: длинное дерево; название районного центра Джамбулского района, Алма-Атинской области, и реки.

Узун-улак — буквально: длинное ухо; устная передача новостей.

Улу-жуз, т. е. Старший жуз (сотня), в состав которого входил и род Джамбула, кочевал в Семиречье (Джетысу), в восточной части течения реки Сыр-Дарья и к югу

от реки Чу, т. е. на территории нынешних областей Казахской ССР: Алма-Атинской, Джамбулской, Южно-Казахстанской, Талды-Курганской и частично Семипалатинской и Восточно-Казахстанской.

Урал-кушумский канал — канал, построенный в последние годы с целью орошения территории в Западно-Казахстанской области.

Урус — русский.

Ф

Фарыз-сундет — религиозные мусульманские законы.

Х

Хабар — слух, известие.

Хабарчи — передатчик новостей,

Хадиша Букеева — заслуженная артистка Казахской ССР, награжденная орденом Знак Почета.

Хан — высший представитель родовой власти.

Хан-Тенгри — буквально: царь духов, одна из высших точек Тянь-Шаня.

Ходжа (хожа) — проповедник ислама, «потомок» пророка.

Ч

Чабая — пастух.

Чапан — верхняя одежда, род халата.

Чекмень (шекмен) — грубо-тканый халат, ткань из верблюжьей шерсти.

Чемолган — название населенного пункта, реки и железнодорожной станции в Алма-Атинской области.

Чимкент — город Южного Казахстана, ныне областной центр.

Чу (шу) — возглас для поучения верховой лошади.

Ш

Шанр — поэт.

Шайтан — чорт, нечистая сила.

Шангарок — урочище в долине реки Кок-су.

Шапрашты — род Старшего жуза, из которого происходит Джамбул.

Шарнат — свод мусульманских законов.

Шымблга — название местности.

Шолпан — утренняя звезда, Венера.

Шопая — святой, покровитель овцеводов.

Шырагым — светляк мой, ласкательное обращение.

Ю

Юрта — войлочное жилище кочевого казаха.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

М. И. Ритман-Фетисов. Джамбул в истории советской литературы XI

I. Дореволюционное творчество (1862-1917)

Жалоба. Перевод П. Кузнецова	3
Сарыбаю. Перевод П. Кузнецова	5
Акыну Жанысу. Перевод П. Кузнецова	6
Пастух коней. Перевод Ал. Брагина	7
Девушка Кемшат. Перевод П. Кузнецова	8
Погоня. Перевод Ал. Брагина	10
Шабдену. Перевод П. Кузнецова	11
Доля бедника. Перевод П. Кузнецова	12
При избрании Сата. Перевод П. Кузнецова	13
Тлемису. Перевод Ал. Брагина	14
Шалтабаю. Перевод П. Кузнецова	15
К Кали. Перевод П. Кузнецова	16
Абышка. Перевод Ал. Брагина	17
Манке. Перевод П. Кузнецова	18
Завещание. Перевод П. Кузнецова	19
Старшине Мирзабекской волости. Перевод Ал. Брагина	20
Кокиму. Перевод Ал. Брагина	21
Мамбету. Перевод Дм. Снегина	22
На выставке. Перевод Ал. Брагина	23
Черный указ. Перевод А. Жовтиса	24
Песня гневного сердца. Перевод А. Жовтиса	26
Собака бая Кадырбая. Перевод П. Кузнецова	30
Хан и акын (сказка). Запись и обработка Эмман Баккера	35
Сказка о лентяе. Перевод Л. Махеева	37

II. Айтысы (1872-1909)

Айтыс с Айкумыс. Перевод П. Кузнецова	41
Встреча с акыном Бактыбаем. Перевод П. Кузнецова	44

Дочери Болека. Перевод П. Кузнецова	47
Из айтыса с акыном Сары. Перевод А. Жовтиса	49
Айтыс Джамбула с Кулмамбетом. Перевод М. Тарловского	51
Айтыс Джамбула с Сарбасом. Перевод П. Кузнецова	67
Айтыс Джамбула с Досмагамбетом. Перевод П. Кузнецова	96
Айтыс Джамбула с Шашубаем. Перевод П. Кузнецова	116

III. Песни советской эпохи (1921-1940)

Активистам. Перевод В. Копытина	129
На торжестве Казахстана. Перевод В. Копы- тина	130
Слово к молодости. Перевод Ал. Благина	131
На джайлау. Перевод А. Жовтиса	134
В мавзолее Ленина. Перевод П. Кузнецова	136
Ленин и Сталин	138
Привет народа. Перевод П. Кузнецова	142
Клим-батыр	145
Аксакалу Калинину. Перевод М. Тарловского	149
Песня о друге Сталина	151
Песня народу	154
Застольная песня	160
Песня при получении ордена	162
Гасем Лахути— Джамбулу. Перевод Бану	164
Джамбул— Гасему Лахути	165
Умер большой человек	168
Песня гнева	170
Я слышал Сталина	172
Великий Сталинский закон. Перевод П. Куз- нецова	174
Песня о Москве	177
Песня о Ленине	180
Пушкину. Перевод Ал. Благина	182
Песня о зерне	184
Песня съезду. Перевод П. Кузнецова	186
Славься в песнях, СССР	189
О змеях	190
Я возрожден. Перевод Л. Архангельского	192
Первомайская песня. Перевод П. Кузнецова	193
Судейману Стальскому	195
Песня солнцу. Перевод П. Кузнецова	197
Песня о весне народов	198
Большевистской „Правде“. Перевод П. Куз- нецова	200
Ала-Тау	201
Песня о кумысе	203

Сынам любимой родины. Перевод <i>М. Тарловского</i>	409
Городу ленинских зорь. Перевод <i>М. Тарловского</i>	411
Дружба народов. Перевод <i>М. Тарловского</i>	413
Девушки на стальном тулпаре. Перевод <i>М. Тарловского</i>	415
Проводы. Перевод <i>Дм. Снегина</i>	418
Ленинград победит. Перевод <i>М. Тарловского</i>	419
Приказ Родины. Перевод <i>А. Адалис</i>	421
Несокрушимая крепость. Перевод <i>М. Тарловского</i>	425
Сказание о большевистской правде. Перевод <i>М. Тарловского</i>	427
Ответ сыну. Перевод <i>М. Тарловского</i>	431
Героям Воронежа. Перевод <i>М. Тарловского</i>	433
Новогодний привет. Перевод <i>М. Тарловского</i>	435
Новогоднее письмо Сталинградцам. Перевод <i>Л. Руст</i>	437
Тебе, комсомолец Ленинграда. Перевод <i>Д. Бродского</i>	439
Богатырям, ломающим преграды. Перевод <i>М. Тарловского</i>	442
Светлый праздник наш недалек. Перевод <i>М. Тарловского</i>	447
Боевым страницам-спутницам Красной Армии. Перевод <i>М. Тарловского</i>	448
Клятва под знаменем. Перевод <i>М. Тарловского</i>	449
На смерть сына. Перевод <i>П. Богданова</i>	452
Мысли об Алгадае. Перевод <i>Дм. Снегина</i>	453
Обращение к акынам. Перевод <i>А. Хазина</i>	455
Письмо Павлу Кузнецову	459
Знамя батыра. Перевод <i>А. Жовтиса</i>	460
Ласка деда. Перевод <i>Ал. Брагина</i>	462
Последнее слово. Перевод <i>Ал. Брагина</i>	463
Святости народа	464

V. Поэмы

Утеген-батыр. Перевод <i>К. Алтайского</i>	467
Суранши-батыр. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	500
Бег времени. Перевод <i>Ал. Брагина</i>	538
Моя родина. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	564
Сталин. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	571
Поэма о Ворошилове. Перевод <i>К. Алтайского</i>	577
Моя жизнь. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	596
Мое счастье. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	603